

ISSN 2587-9510 (print)
ISSN 2782-4632 (online)

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

№ 4(55) 2024

- Лингвистика
- Аспекты изучения художественного текста
- Лингвокультурология
- Межкультурная коммуникация
- Концептология
- Журналистика в историко-теоретическом аспекте
- Язык СМИ
- События, обзоры, рецензии

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

№ 4(55) 2024

- Linguistics
- Literary text: aspects of study
- Language and culture studies
- Intercultural communication
- Concept studies
- Journalism in historical and theoretical aspect
- Language of mass media
- Events and reviews

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЖУРНАЛИСТИКИ

Научный журнал

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-70532 от 25.07.2017.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал выходит четыре раза в год.

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» 34121.

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии может не совпадать с точкой зрения авторов материалов.

Редакционная коллегия:

Главный редактор – С.А. Скуридина, доктор филологических наук

Заместитель главного редактора – Л.В. Ковалева, доктор филологических наук

Н.Б. Бугакова, кандидат филологических наук

Ответственный секретарь – О.В. Сулемина, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

Е.А. Акелькина – доктор филологических наук – Омск, Россия; **В.Р. Аминова** – доктор филологических наук – Казань, Россия; **С.М. Белякова** – доктор филологических наук – Тюмень, Россия; **Н.В. Борисова** – доктор филологических наук – Елец, Россия; **Л.Н. Верховых** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.А. Воронова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **В. Гладров** – доктор филологических наук – Берлин, Германия; **А.Э. Еремеев** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **О.В. Загоровская** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Т.Л. Каминская** – доктор филологических наук – Великий Новгород, Россия; **В.В. Катермина** – доктор филологических наук – Краснодар, Россия; **Л.П. Клобукова** – доктор педагогических наук – Москва, Россия; **Г.Ф. Ковалев** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Л.М. Кольцова** – доктор филологических наук – Воронеж, Россия; **Э.И. Коптева** – доктор филологических наук – Омск, Россия; **Е.В. Косинцева** – доктор филологических наук – Ханты-Мансийск, Россия; **Е.О. Кузьминых** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Д. Лесневска** – доктор кафедры иностранных языков и прикладной лингвистики – София, Болгария; **С.М. Махмудова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Р.О. Муталов** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.С. Обухова** – доктор филологии – Скопье, Северная Македония; **А.В. Полонский** – доктор филологических наук – Белгород, Россия; **Ю.С. Попова** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **С.С. Распопова** – доктор филологических наук – Москва, Россия; **Е.К. Рева** – доктор филологических наук – Пенза, Россия; **О.В. Сулемина** – кандидат филологических наук – Воронеж, Россия; **Томтогтох Гомбо** – доктор PhD – Улан-Батор, Монголия; **Р.Б. Унарокова** – доктор филологических наук – Майкоп, Россия; **Е.А. Шаронова** – доктор филологических наук – Саранск, Россия; **В.И. Шульженко** – доктор филологических наук – Пятигорск, Россия; **Г.Н. Ягафарова** – доктор филологических наук – Уфа, Россия.

Дизайн обложки – М.В. Саратова.

Учредитель и издатель: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный технический университет».

Адрес учредителя и издателя: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84

Адрес редакции: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, ауд. 5203; тел.: (473)271-50-48.

ACTUAL ISSUES OF MODERN PHILOLOGY AND JOURNALISM

Scientific journal

The journal is registered by Federal service for supervision in the sphere of connection, information technologies and mass media (Roskomnadzor)

Certificate of registration: PI № FS77-70532 from 25.07.2017.

The journal «Actual Issues of Modern Philology and Journalism» is included into the list of leading scientific publications which publishes the results of thesis for the degree of doctor of science and PhD.

The subscription index in the United catalog "Press of Russia" is 34121.

The journal is published four times a year.

The authors are responsible for the content of the articles. The opinion of the editorial committee may not coincide with the authors' point of view.

Editorial committee:

Chief editor – S.A. Skuridina, doctor of philology

Deputy chief editor – L.V. Kovaleva, doctor of philology

N.B. Bugakova, PhD in philology

Executive secretary – O.V. Sulemina, PhD in philology

Members of the editorial committee:

E.A. Akelkina – doctor of philology – Omsk, Russia; **V.R. Amineva** – doctor of philology – Kazan, Russia; **S.M. Belyakova** – doctor of philology – Tyumen, Russia; **N.V. Borisova** – doctor of philology – Elets, Russia; **L.N. Verkhovyykh** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.A. Voronova** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **V. Gladrov** – doctor of philology – Berlin, Germany; **A.E. Ereemeev** – doctor of philology – Omsk, Russia; **O.V. Zagorovskaya** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **T.L. Kaminskaya** – doctor of philology – Velikiy Novgorod, Russia; **V.V. Katermina** – doctor of philology – Krasnodar, Russia; **L.P. Klobukova** – doctor of pedagogy – Moscow, Russia; **G.F. Kovalev** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **L.M. Koltsova** – doctor of philology – Voronezh, Russia; **E.I. Kopteva** – doctor of philology – Omsk, Russia; **E.V. Kosintseva** – doctor of philology – Hanty-Mansiysk, Russia; **E.O. Kuzminykh** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **D. Lesnevska** – PhD – Sophia, Bulgaria; **S.M. Makhmudova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **R.O. Mutalov** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.S. Obukhova** – doctor of philology – Skopje, Northern Makedonia; **A.V. Polonsky** – doctor of philology – Belgorod, Russia; **Yu.S. Popova** - PhD in philology – Voronezh, Russia; **S.S. Raspopova** – doctor of philology – Moscow, Russia; **E.K. Reva** – doctor of philology – Penza, Russia; **O.V. Sulemina** – PhD in philology – Voronezh, Russia; **Tomtogtogkh Gombo** – PhD – Ulaanbaatar, Mongol; **R.B. Unarokova** – doctor of philology – Maykop, Russia; **E.A. Sharonova** – doctor of philology – Saransk, Russia; **V.I. Shulzhenko** – doctor of philology – Pyatigorsk, Russia; **G.N. Yagafarova** – doctor of philology – Ufa, Russia.

Cover design - M.V. Saratova.

Founder and publisher: Federal state budget editorial institution of higher education «Voronezh State Technical University».

Address of the founder and publisher: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84.

The address of the editorial office: 394006, Voronezh, 20-letiya Oktyabrya street, 84, room 5203; tel.: (473) 271-50-48.

© Voronezh State Technical University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Скуридина С.А.</i> Вступительное слово главного редактора.....	6
Лингвистика	
<i>Моргунова А.Н.</i> Лексикографическое портретирование слова «крепкий».....	7
<i>Жердева О.Н., Поповская В.Б., Шелкова С.В.</i> Категория временной отнесенности в английском языке: особенности становления и эволюции.....	18
<i>Чернова В.А., Чернов Д.Н.</i> Языковая личность школьника как объект идентификации в школьной среде.....	26
<i>Агафонцев М.С.</i> Особенности языковой реализации процесса наказания в педагогическом дискурсе.....	37
<i>Ермаков С.А.</i> Деривационный анализ лексики на примере повествовательных текстов.....	45
Аспекты изучения художественного текста	
<i>Чуйков П.Л.</i> Эволюция гоголевского типа «маленького человека» в рассказе Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот».....	54
<i>Бугакова Н.Б.</i> Гастрономический код ранних рассказов А. Платонова.....	60
<i>Иванова И.Н., Сазонова А.С.</i> Поэтика фантастического пространства в киноповести И. Лагутенко и В. Авченко «Владивосток-3000» и романе Э. Веркина «Остров Сахалин».....	67
<i>Васильева О.А.</i> Особенности бытования онима ХАВРОНЬЯ в художественной литературе XVIII - XIX веков.....	73
<i>Бунеева Е.В.</i> Антропонимикон поэмы С.А. Есенина «Страна негодяев».....	82
<i>Смышляев Е.А., Лукина О.Е., Корабинцева Д.А.</i> Жанровое своеобразие поэзии Александра Маниченко.....	90
<i>Олейникова О.Н.</i> Иноязычные вкрапления в лондонской корреспонденции К.И. Чуковского.....	98
<i>Тхагазитов Ю.М., Каскулова З.С., Керимова Р.А.</i> Эволюция жанра баллады в творчестве Алима Кешокова (к 110-летию со дня рождения А. Кешокова).....	104
<i>Белова А.В.</i> Личный образ Александра Чехова в воспоминаниях о брате А.П. Чехове.....	113
<i>Воронова Т.А., Белогубова Е.В.</i> Особенности вымышленного пространства в произведениях жанра фэнтэзи.....	121
<i>Ковыришина О.А.</i> Философская лирика Николая Глазкова.....	129
К юбилею И.С. Никитина	
<i>Бугакова Н.Б., Новикова М.В.</i> Устаревшая лексика как способ воссоздания исторического контекста (на примере поэмы И.С. Никитина «Кулак»).....	135
<i>Скуридина С.А., Кузьминых Е.О., Карташова Е.Н.</i> Прецедентный антропоним <i>Иван Саввич Никитин</i>	142
Лингвокультурология	
<i>Твердохлеб О.Г.</i> Функционирование одноосновных слов с корнем РЫЖ- в поэзии первой трети XX века: имя существительное, глагол, наречие.....	150
<i>Попова Е.А.</i> Л.Н. Толстой в отечественной персонифере и проблема становления русской языковой личности.....	160
Межкультурная коммуникация	
<i>Филясова Ю.А., Афанасьева А.М.</i> Атрибутивные характеристики семантического пространства автомобильного бренда (на материале английского языка).....	172
Журналистика в историко-теоретическом аспекте	
<i>Ба А.</i> Особенности и перспективы развития периодических изданий в республике Мали.....	178
<i>Эльдарион А.А., Нюхова А.Ю.</i> Специфика визуального нарратива и этические аспекты работы фотожурналиста в кризисных ситуациях.....	187
<i>Боева Я.К.</i> XXXII Летние Олимпийские игры на страницах российской и болгарской прессы: особенности репрезентации (аксиологический аспект).....	196
Язык СМИ	
<i>Вдовиченко Е.А., Каменева В.А.</i> Новостной франкоязычный текст политической тематики со структурой «Martini Glass» (бокал мартини) для детей и детей-подростков.....	206
События, обзоры, рецензии	
<i>Попов С.А.</i> Обзор осенних научных лингвистических встреч.....	216
Правила оформления статей	223

CONTENTS

<i>Skuridina S.A.</i> Opening remarks of the chief editor	6
Linguistics	
<i>Morgunova A.N.</i> Lexicographical representation of the word “Strong”	7
<i>Zherdeva O.N., Popovskaya V.B., Shelkova S.V.</i> The category of time-correlation in the English language: features of the formation and evolution	18
<i>Chernova V.A., Chernov D.N.</i> Linguistic personality of a schoolchild as an object of identification in the school environment	26
<i>Agafontsev M.S.</i> Features of the linguistic implementation of the punishment process in pedagogical discourse	37
<i>Ermakov S.A.</i> Derivational analysis of vocabulary on the example of narrative texts	45
Literary text: aspects of study	
<i>Chuykov P.L.</i> The evolution of Gogol’s type of “little man” in F.M. Dostoevsky’s short story «A nasty joke»	54
<i>Bugakova N.B.</i> The gastronomic code of A. Platonov’s early short stories	60
<i>Ivanova I.N., Sazonova A.S.</i> The poetics of fantastic space in the film news of I. Lagutenko and V. Avchenko "Vladivostok-3000" and E. Verkin’s novel "Sakhalin Island"	67
<i>Vasilieva O.A.</i> Features of the existence of the onym KHAVRONYA in the fiction of the 18th and 19th centuries	73
<i>Buneeva E.V.</i> The antroponymicon of the poem by S.A. Yesenin “The country of scoundrels”	82
<i>Smyshlyaev E.A., Lukina O.E., Korabintseva D.A.</i> Genre originality of Alexander Manichenko’s poetry	90
<i>Oleynikova O.N.</i> Foreign language inclusions in the London correspondence of K.I. Chukovsky	98
<i>Tkhagazitov Yu.M., Kaskulova Z.S., Kerimova R.A.</i> Evolution of the ballad genre in the work of Alim Keshokov (to the 110th anniversary of the birth of A. Keshokov)	104
<i>Belova A.V.</i> Personal image of Alexander Chekhov in memories about brother A.P. Chekhov	113
<i>Voronova T.A., Belogubova E.V.</i> The specificity of the fiction space in the works of fantasy genre	121
<i>Kovyrshina O.A.</i> Philosophical lyrics by Nikolai Glazkov	129
On I.S. Nikitin’s anniversary	
<i>Bugakova N.B., Novikova M.V.</i> Obsolete vocabulary as a way of recreating historical context (based on the example of I.S. Nikitin’s poem “Kulak”)	135
<i>Skuridina S.A., Kuzminykh E.O., Kartashova E.N.</i> Precedent anthroponym <i>Ivan Savvich Nikitin</i>	142
Language and culture studies	
<i>Tverdokhlebov O.G.</i> Functioning of mono-base words with the root RYZH- in the poetry of the first third of the XX century: noun, verb, adverb	150
<i>Popova E.A. L.N.</i> Tolstoy in the Russian personosphere and the problem of the formation of the Russian language personality	160
Intercultural communication	
<i>Filyasova Y.A., Afanasyeva A.M.</i> The attributive characteristics of automobile brand’s semantic field (evidence from the English language)	172
Journalism in historical and theoretical aspect	
<i>Ba A.</i> Features of the media system and prospects for the development of periodical publications in the republic of Mali	178
<i>Eldarion A.A., Nyukhova A.Y.</i> Specificity of visual narrative and ethical aspects of the work of a photojournalist in crisis situations	187
<i>Boeva Ya.K.</i> XXXII Summer Olympic games on the pages of the Russian and Bulgarian press: features of representation (axiological aspect)	196
Language of mass media	
<i>Vdovichenko E.A., Kameneva V.A.</i> French-language political news text with structure “Martini glass” for children and adolescent children	206
Events and reviews	
<i>Popov S.A.</i> Review of the autumn scientific linguistic meetings	216
Layout of the articles	223

Вступительное слово главного редактора

Представляем вниманию читателей пятьдесят пятый выпуск научного журнала «Актуальные вопросы современной филологии и журналистики» Воронежского государственного технического университета. Выпуск включает работы, посвященные актуальным проблемам различных областей научного знания – лингвистическим, литературоведческим, методическим и др.

Научный журнал состоит из следующих разделов: I – «Лингвистика», II – «Аспекты изучения художественного текста», III – «К юбилею И.С. Никитина», IV – «Лингвокультурология», V – «Межкультурная коммуникация», VI – «Журналистика в историко-теоретическом аспекте», VII – «Язык СМИ», VIII – «События, обзоры, рецензии».

Авторы научных статей – доктора и кандидаты наук российских и зарубежных вузов. Публикуются также статьи молодых ученых (магистрантов, аспирантов). В выпуске содержится 26 научных работ. Раздел «Лингвистика» включает статьи, выявляющие лексикографические особенности лексемы «крепкий» (А.Н. Моргунова), специфику временной отнесённости в английском языке (О.Н. Жердева, В.Б. Поповская, С.В. Шелкова), представляющие языковую личность школьника (В.А. Чернова, Д.Н. Чернов), рассматривающие вопросы языковой реализации процесса наказания в педагогическом дискурсе (М.С. Анафониев) и деривационного анализа лексики на примере повествовательных предложений (С.А. Ермаков). Раздел «Аспекты изучения художественного текста» содержит статьи, рассматривающие эволюцию гооголевского типа «маленького человека» в творчестве Ф.М. Достоевского (П.Л. Чуйков), гастрономический код ранних рассказов А. Платонова (Н.Б. Бугакова), представляющие поэтику фантастического пространства в киноповести И. Лагутенко и В. Авченко «Владивосток-3000» и романе Э. Веркина «Остров Сахалин» (И.Н. Иванова, А.С. Сазонова) и особенности вымышленного пространства в произведениях жанра фэнтези (Т.А. Воронова, Е.В. Белогубова), анализирующие особенности бытования онима *Хавронья* в художественной литературе XVIII - XIX веков (О.А. Васильева), описывающие антропонимикон поэмы С.А. Есенина «Страна негодяев» (Е.В. Бунеева), жанровое своеобразие поэзии Александра Маниченко (Е.А. Смышляев, О.Е. Лукина, Д.А. Корабинцева) и проблематику философской лирики Николая Глазкова (О.А. Ковыришина), выявляющие иноязычные вкрапления в лондонской корреспонденции К.И. Чуковского (О.Н. Олейникова), рассматривающие эволюцию жанра баллады в творчестве Алима Кешокова (к 110-летию со дня рождения А. Кешокова) (Ю.М. Тхагазитов, З.С. Каскулова, Р.А. Керимова), восстанавливающие личный образ Александра Чехова в воспоминаниях о брате А.П. Чехове (А.В. Белова). В разделе «К юбилею И.С. Никитина» представлены работы, анализирующие устаревшую лексику как способ воссоздания исторического контекста (на примере поэмы И.С. Никитина «Кулак») (Н.Б. Бугакова, М.В. Новикова) и именование *Иван Саввич Никитин* как прецедентный антропоним (С.А. Скуридина, Е.О. Кузьминых). Раздел «Лингвокультурология» содержит работы, описывающие функционирование одноосновных слов с корнем *рыж-* в поэзии первой трети XX века (О.Г. Твердохлеб) и рассматривающие личность Л.Н. Толстого в отечественной персонофсере (Е.А. Попова). В разделе «Межкультурная коммуникация» представлены атрибутивные характеристики семантического пространства автомобильного бренда (на материале английского языка) (Ю.А. Филясова, А.М. Афанасьева). В разделе «Журналистика в историко-теоретическом аспекте» рассматриваются особенности и перспективы развития периодических изданий в республике Мали (А. Ба), выявляется специфика визуального нарратива и этические аспекты работы фотожурналиста в кризисных ситуациях (А.А. Эльдарин, А.Ю. Нюхова) и особенности репрезентации в аксиологическом аспекте XXXII Летних Олимпийских игры на страницах российской и болгарской прессы (Я.К. Боева). В разделе «Язык СМИ» анализируется новостной франкоязычный текст политической тематики со структурой «Martini Glass» (бокал мартини) для детей и детей-подростков (Е.А. Вдовиченко, В.А. Каменева). В разделе «События, обзоры, рецензии» подводятся итоги осенних научных лингвистических встреч (С.А. Попов).

Содержащиеся в выпуске 4 (55) научные работы затрагивают проблемы современной лингвистики, журналистики, концептологии, межкультурной коммуникации, изучения языка художественных текстов и СМИ. Данное издание может быть интересно специалистам-филологам, журналистам, методистам, преподавателям русского языка как иностранного, учителям школ, гимназий и лицеев, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

Главный редактор научного журнала
доктор филологических наук

С.А. Скуридина

ЛИНГВИСТИКА LINGUISTICS

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.001

*Муниципальное автономное
общеобразовательное учреждение
"Самарский медико-технический лицей"
городского округа Самара
канд. филол. наук, учитель русского языка
и литературы
Моргунова А. Н.
Россия, г. Самара, тел. +7 92773837-72
e-mail: a595282@rambler.ru*

*Municipal autonomous educational institution
"Samara Medical and Technical Lyceum"
of Samara urban district
PhD, teacher of the Russian language
and literature
Morgunova A.N.
Russia, Samara,
tel. +7 92773837-72
e-mail: a595282@rambler.ru*

А.Н. Моргунова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ПОРТРЕТИРОВАНИЕ СЛОВА «КРЕПКИЙ»

Цель статьи – создание лексикографического портрета слова «крепкий» на основе анализа лингвистических словарей разных типов. Для максимально полного описания лексемы «крепкий» с учётом интегрального подхода проанализированы лексикографические источники, фиксирующие словарный состав русского языка XI – XXI вв. Представлена характеристика слова в этимологическом, стилистическом, грамматическом, фразеологическом и других аспектах. Автор представляет краткий обзор исследований, посвящённых лексикографическим портретированиям в отечественной лингвистике XXI в. В работе используется метод лингвистического портретирования, позволяющий объединить данные лингвистических словарей и увидеть динамику развития семантического, сочетаемостного и стилистического потенциала языковой единицы. Этот метод анализа позволяет выявить различные аспекты слова, такие как морфологические, грамматические формы, наличие синонимов, контексты употребления и т.д. Научная новизна работы заключается в комплексном описании исследуемой лексемы, что позволило проследить развитие её значений и характер функционирования в речи. В результате установлено, что слово «крепкий» происхождения имеет общеславянские корни, зафиксирована в памятниках с XI в., с течением времени количество лексико-семантических вариантов слова «крепкий» в словарях варьируется, одни значения устаревают, появляются новые, коннотативные, которые становятся общеупотребительными в русском языке XX-XXI вв. Лексема *крепкий* имеет ряд синонимов, стилистическая и коннотативная окраска которых различна. Анализ данных словарей синонимов русского языка позволил выявить наличие синонимов к разным ЛСВ слова *крепкий*. Можно утверждать, что слово *крепкий* занимает важное место в языковом сознании носителей русского языка. Попытка комплексного описания слова *крепкий* даёт возможность выявить неоднозначность его природы.

Ключевые слова: лексикографический портрет; интегральное описание слова; лексема «крепкий»; лексико-семантический вариант слова

А.Н. Morgunova

LEXICOGRAPHICAL REPRESENTATION OF THE WORD "STRONG"

The purpose of the article is to create a lexicographic portrait of the word "strong" based on the analysis of linguistic dictionaries of different types. For the most complete description of the lexeme "strong", taking into account the integral approach, lexicographic sources fixing the vocabulary of the Russian language of the XI – XXI centuries are analyzed. The characteristic of the word in etymological, stylistic, grammatical, phraseological and other aspects is presented. The author presents a brief overview of research on lexicographic portrayals in Russian linguistics of

the XXI century. The paper uses the method of linguistic portraiture, which allows combining data from linguistic dictionaries and seeing the dynamics of the development of semantic, combinability and stylistic potential of a linguistic unit. This method of analysis allows us to identify various aspects of the word, such as morphological, grammatical forms, the presence of synonyms, usage contexts, etc. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive description of the lexeme under study, which allowed us to trace the development of its meanings and the nature of its functioning in speech. As a result, it was found that the word "strong" has common Slavic roots, recorded in monuments since the XI century. Over time, the number of lexical and semantic variants of the word "strong" in dictionaries varies, some meanings become obsolete, new connotative ones appear, which become common in the Russian language of the XX-XXI centuries. The strong lexeme has a number of synonyms, the stylistic and connotative coloring of which is different. The analysis of the data from the dictionaries of synonyms of the Russian language revealed the presence of synonyms for different LSV of the word strong. It can be argued that the word strong occupies an important place in the linguistic consciousness of native Russian speakers. An attempt to comprehensively describe the word strong makes it possible to identify the ambiguity of its nature.

Key words: lexicographic portrait; integral description of the word; lexeme "strong"; lexico-semantic version of the word

Слово находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, сегодняшнее его восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые века, но и в предшествующие одно-два десятилетия [1, с. 78].

В.А. Козырев, В.Д. Черняк отмечают, что попытки систематизировать словарное описание, сделать его максимально адекватным языковой системе вызвали к жизни «главное понятие системной лексикографии» – понятие лексикографического портрета – такого описания слова, при котором все его свойства представлены во всём богатстве и многообразии [1, с. 75].

Понятие лексикографического портретирования детально рассматривался в работе «Языковая картина мира и системная лексикография» [2]. Полная характеристика всех указанных аспектов лексемы в словаре называется её интегральным лексикографическим представлением (портретом) [2, с. 55].

Составление лексикографического портрета слова может быть полезным для понимания его лингвистических и семантических характеристик. Этот метод анализа позволяет выявить различные аспекты слова, такие как его частотность использования, синонимы и антонимы, контексты употребления, морфологические формы и т. д.

Б.Л. Иомдин, рассматривая актуальные проблемы выявления и лексикографического описания лексической многозначности, указывает, что «данные толковых словарей плохо соотносятся с современным узусом <...> не успевают за появлением новых значений» [3, с. 95]. Исследователь акцентирует внимание на том, что «лексикографы должны использовать разные методы для оперативного пополнения словарей» [3, с. 95].

Проблемам описания языковых единиц в последнее время посвящены многочисленные исследования (см.: [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10] и др.). Отметим, что современные исследователи при составлении лексикографических портретов языковых единиц опираются на описания, предложенные Ю.Д. Апресяном [11]. Так, на основе системного интегрального подхода с привлечением языкового материала Национального корпуса русского языка Е.В. Косс представлен лексикографический портрет слова «дядя» [8].

А.М. Ключина, анализируя особенности употребления лексемы крайность в текстах научного дискурса, выявляет, что слово крайность является «метаоператором: иноязычные понятия либо определяются через лексему крайность, либо крайность определяется через них» [12, с. 47]. Л.Г. Канарская, Е.С. Честных, определяя дефиниции субстантива «амбиция», фиксируют развитие семантики лексемы и её закрепление в сознании носителей русского языка [7].

В.Ю. Апресян и Б.Л. Иомдиным впервые системно описаны такие свойства русских вопросительных местоимений, как полисемия, сочетаемость, конструкции с редупликацией,

с риторическими вопросами и др., с использованием лексикографических и корпусных методов [4].

Т.Н. Пермякова формулирует лексикографические параметры, отражаемые в словарной статье, для описания служебных слов: 1) заголовочная единица, или вокабула, включает такие обязательные параметры, как орфографический, орфоэпический; 2) семантическая зона – толкование, синонимический ряд, информацию о лексеме как моно- или полисеманте; 3) грамматическая зона – частеречная принадлежность базового слова, грамматическое значение; 4) формальные функции и сочетаемостные возможности [10, с. 167-168].

М.А. Бобунова на примере общеупотребительного прилагательного «мелкий» проводит сопоставительный анализ данной языковой единицы с учётом частотности, синтагматических связей и словообразовательного потенциала на материале былин и необрядовых лирических песен XIX в. Исследователь выявляет специфически жанровые черты, устанавливает факты пространственной и идиолектной дифференциации материала [5].

Е.Ю. Долгова при составлении лексикографического портрета лексемы «погрязнуть» проводит сравнение значения данной лексемы по лексикографическим источникам, фиксирующим словарный состав русского языка X – XVII вв., отмечая отличительные особенности анализируемой языковой единицы, а также указывая на существование самостоятельных стереотипных образов, существующих в сознании носителей языка в X – XVII вв. [6].

Целью настоящего исследования является лексикографическое портретирование лексемы *крепкий*, трактуемое как характеристика общего объёма лексических значений, сочетаемостных, фразеологических и стилистических качеств анализируемой лексемы.

Лексикографической базой исследования послужили толковые, этимологические и исторические словари русского языка, фиксирующие лексику XI–XXI вв.: «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (далее – СРЯ XI–XVII вв.) [13], Словарь Академии Российской (далее – САР) [14], «Толковый словарь живаго великорускаго языка» В.И. Даля (далее – ТСЖВЯ) [15], «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (далее – ТСРЯ) [16], Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – ТСРЯ С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой) [17]; «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой (далее – МАС) [18]; «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой (далее – НСРЯ) [19]; «Большой академический словарь русского языка» (далее – БАС) [20]; «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера [21]; «Краткий этимологический словарь русского языка» Н.М. Шанского [22]; «Этимологический словарь современного русского языка» А. К. Шапошникова [23]; «Словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина [24]; «Словарь синонимов русского языка» К.С. Горбачевича [25] и др.

При составлении лексикографического портрета важное место занимает этимология слова. Так, «Этимологический словарь» М. Фасмера объясняет происхождение слова *крепкий* от значения «укрепление», «укреплённое место»; указывает на родство с древнеисландским «переносить, терпеть», кимр. *craft* «сильный» [21, с. 372].

В «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского зафиксировано следующее происхождение слова *крепкий*: «Общеслав. Образовано от *кръный* с помощью вторичного суф. прилагательности *-ък-* (совр. *-к-*). *Кръный* – «крепкий», засвидетельствованное в памятниках с XI в., имеет балто-слав.-герм. характер (ср. англ. *craft*, нем. *Kraft* – «сила», др.-герм. *krapt* – тж. и др.)» [22, с. 220].

А.К. Шапошников отмечает, что слово *крепкий* происходит «из праславянского языка *крѣпкъ(ь), образованного с суф. *-къ* от *крѣпъ «оцепеневший, затвердевший, застывший, тело», родственного латинскому *corpus, corporis* «тело, туловище» [23, с. 438]. Лексикограф указывает, что данное слово относится ко второй тысяче наиболее употребительных слов современного живого языка, а также на встречаемость данного слова в памятниках письменности древнерусского (XI–XIV вв.) и старорусского (XV–XVII вв.) периодов [23, с. 438].

«Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных фиксирует следующее значение слова *крепкий*: «не поддающийся действию внешней силы», «такой, что трудно разбить, сломать и т. п.»; «сильный (по сопротивляемости)», «прочный», «твердый» [26, с. 442]. Отмечено, что лексема древнерусского происхождения (с XI в.) «крѣпый (ст.-сл. крѣпы) – «сильный», крѣпъкий – «сильный», «твёрдый», «суровый», «громкий» [26, с. 442].

Говоря об этимологии значения лексемы *крепкий*, отметим, что данная лексическая единица общеславянского происхождения, зафиксирована в памятниках с XI в., имела значение «сильный», «прочный», «твёрдый» от лексем «укрепление», «укреплённое место».

Анализ словарей русского языка XI–XXI вв. позволил проследить динамику развития лексико-семантических вариантов (ЛСВ) лексемы *крепкий*. При анализе лексикографических источников мы основывались не на времени публикации словарей, а на функционировании слова *крепкий* в периоды, которые отражают лексикографические источники, см. таблицу 1.

Таблица 1

Лексико-семантические варианты слова *крепкий* в анализируемых толковых словарях

Словари	ЛСВ слова <i>крепкий</i>
СРЯ XI–XVII вв. (1981)	1. Твёрдый, прочный, плотный. Имеющий прочный ледяной покров (о реке). Хорошо, прочно сделанный, исправный, не имеющий повреждений. 2. Физически сильный, выносливый. 3. Могущественный, непобедимый, сильный. 4. Всемогущий, несильный. 5. в знач. сущ. Всемогущий (о боге). 6. Хорошо защищённый, укреплённый, неприступный. Недоступный, труднопроходимый (о местности). 7. Надёжный, прочный, нерушимый. 8. Стойкий, непоколебимый Верный, преданный. Мужественный, отважный. 9. Строгий, суровый. 10. Настойчивый, исполненный упорства, напряжения. 11. Проявляющийся в сильной степени; очень сильный. 12. Сильнодействующий, крепкий (о напитках). 13. Громкий. [13, с. 31-32].
САР (1792)	1. Твердый, въ составѣ своемъ плотный; неудобный, трудный къ сокрушенію, къ разрушенію, къ расторженію, къ преодоленію. 2. Иногда употребляется въ противоположеніи къ ветхому, или по ветхости легко разрушающемуся. 3. Въ отношеніи къ животнымъ: сильный, крѣпость въ членахъ имѣющій. 4. Иногда тоже значить что мужественный, храбрый, непреодолимый, непобѣдимый. 5. Могущественный, имѣющій многія, великія силы. 6. Въ многихъ мѣстахъ въ Св. пис. приписуешся Богу, яко несильному правителю міра. 7. Жестокій, чрезвычайно великій. 8. Иногда тоже значить что нечивый, скупой. 9. Строгій присмотръ имѣющій. 10. Также употребляется вмѣсто неколеблющійся, постоянный. 11. Острый на вкусъ или для обонянія. 12. Зависящій отъ власти чей по праву. Въ семъ значеніи употребляется усѣченно [14, с. 1030-1032].
ТСЖВЯ (1865)	Крепкий – «сильный костью, мощный стойкостью, упорный, неуступчивый, неодолимый, несокрушимый, прочный рѣзкій, острый, ѣдкій, пряный. <i>Крепкій камень</i> , твердый, жесткій, вязкій въ частицахъ своихъ, не поддающийся ломкѣ, разрыву: <i>веревка и мярка, да крепка. Крепкая посуда, одежда</i> , прочная, спорая, либо цѣлая, не битая, не изношенная. <i>На крепкое дерево крепкая буря</i> , сильная. <...> <i>Крепокъ на-ухо, туг на-ухо</i> , глуховать. <i>Крепокъ на языкъ</i> , молчаливъ или неболтливъ. <i>Думать крепкую думу</i> , сильно задумываться о чемъ. <i>Креп-</i>

Словари	ЛСВ слова <i>крепкий</i>
	<i>кий сон</i> , глубокий, непробудный. <i>Крепкий земле</i> , о человеке, приписанный къ извѣстной землѣе, по селеню, и лишенный права свободного перехода. <i>Крепкий владельцу, помещику</i> , крѣпостной, <i>стар.</i> рабъ или холопъ. <i>Крепкіе напитки</i> , пьяные, хмельные, собственно спиртовые, горячіе, хлѣбные, не включая виноградныхъ, пива, меду и пр. <i>Крепкий чай, кофе</i> , густаго настоя, навара. <i>Крепкимъ чаемъ</i> называли также ядь, отраву. <i>Крепкая водка</i> , селитренная, азотная кислота. <i>Крепкий рассоль</i> , густой, многосольный. Ёдкій и сильно пряный. Крепкий ст. м. крѣплій церк. Богъ, Создатель [15, с. 182].
ТСРЯ (1996)	1. Твердый, прочный. Вполне исправный, неизношенный (разг.). 2. Выносливый, здоровый, сильный. 3. Неизменный, постоянный, глубокий. Стойкий, сильный. Надѣжный, верный. 4. Очень большой, сильный (разг.). 5. Насыщенный, сгущенный. Сильнодействующий, высокоградусный (о наркотиках) [16, с. 1508].
ТСРЯ С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (1999)	1. Прочный, такой, что трудно разбить, сломать, порвать. 2. Сильный физически, здоровый. 3. Твёрдый, стойкий (во 2 знач.). 4. Очень сильный, значительный по степени проявления. 5. Мало разбавленный, насыщенный [17, с. 305].
МАС (1985–1988)	1. Такой, который трудно сломать, разбить, порвать и т. п. Целый, не рванный, не изношенный (об обуви, одежде). Не мягкий, не дряблый, твердый. 2. Здоровый, сильный, выносливый. Производимый с силой. Сильный, звучный (о голосе) 3. Сильный духовно, стойкий, непоколебимый 4. Надѣжный, верный Неизменный, глубокий (о чувствах, мыслях) 5. Достигающий очень сильной степени (о ветре, морозе). 6. Насыщенный, малоразбавленный Резкий, терпкий (о запахе, а также о чём-либо с таким запахом). 7. Разг. С большими средствами, достатком, зажиточный [18, с. 125-126].
НСРЯ (2000)	1. Такой, который трудно разбить, сломать, порвать; прочный. Плотный, твёрдый, не дряблый. Находящийся в хорошем состоянии, не изношенный. 2. перен. Здоровый, физически сильный, выносливый (о человеке). Свидетельствующий о здоровье, физической силе. 3. перен. разг. Вполне отвечающий своему назначению; надѣжный. 4. перен. разг. Непоколебимый, стойкий. Свойственный такому человеку. Сплоченный, дружный (о коллективе). 5. перен. разг. Очень сильный, значительный по степени проявления. Отличающийся большой силой. 6. перен. Насыщенный, концентрированный. Содержащий большое количество алкоголя. 7. перен. разг. Зажиточный [19].
БАС (2007)	1. Такой, который трудно разбить, сломать, порвать и т. п.; прочный. Плотный, твердый, не дряблый. Не изношенный, находящийся в хорошем состоянии. 2. Здоровый, физически сильный, выносливый (о человеке). Свойственный такому человеку, свидетельствующий о здоровье, физической силе. 3. Вполне отвечающий своему назначению; надѣжный. 4. Непоколебимый, стойкий (о человеке). Свойственный такому человеку. Постоянный, неизменный, глубокий (о чувствах, отношениях между людьми и т. п.). Сплоченный, дружный (о коллективе). 5. Очень сильный, значительный по степени проявления. Производимый с силой. Сильный, звучный (о голосе). 6. Насыщенный, концентрированный. Содержащий большое количество алкоголя. Острый, терпкий (о запахе). 7. Разг. Обладающий денеж-

Словари	ЛСВ слова <i>крепкий</i>
	ными средствами, достатком; зажиточный. 8. Устар. Состоящий в крепостной зависимости [20, с. 612-614].

Как показал языковой анализ, с течением времени количество ЛСВ слова *крепкий* в словарях варьируется: двенадцать-тринадцать ЛСВ (в толковых словарях XIX в.), пять ЛСВ (в толковых словарях XX в.), восемь ЛСВ (в толковом словаре XXI в.).

Отметим, что ЛСВ 'Зависящий от власти чей по праву', 'крѣпостной, стар. рабъ или холопъ', зафиксированные в СРЯ XI-XVII вв. и САР, в словарях XX в. не представлены; в БАС ЛСВ 'состоящий в крепостной зависимости' отмечен как устаревший [20; с. 612-614]. Утрачен ЛСВ 'громкий' [13, с. 31-32], а также ЛСВ в значении существительного 'Всемогущий (о боге)' [13, с. 31-32].

ЛСВ 'Насыщенный' ('сгущенный, мало разбавленный, концентрированный') появляется в лексикографических словарях к середине XX в. (зафиксирован в ТСРЯ, ТСРЯ С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, МАС, НСРЯ и БАС; ЛСВ надёжный – в ТСРЯ, МАС, НСРЯ и БАС).

В третьей четверти XX в. появляется ЛСВ 'зажиточный' с пометой «перен. разг.» в МАС, НСРЯ и БАС.

В анализируемых лексикографических источниках встречаются ЛСВ, указывающие на один и тот же признак, но сформулированные по-разному, например: 'сильнодействующий, крепкий (о напитках)' [13, с. 31-32], 'острый на вкус или для обоняния' [14, с. 1030-1032], 'насыщенный, малоразбавленный || резкий, терпкий (о запахе, а также о чём-либо с таким запахом)' [18, с. 125-126], 'насыщенный, концентрированный. || содержащий большое количество алкоголя' [19].

Отметим, что СРЯ XI-XVII вв., ТСЖВЯ, ТСРЯ, МАС, НСРЯ и БАС, кроме ЛСВ, фиксируют и оттенок значения. В НСРЯ из семи ЛСВ, шесть представлены с пометой «перен.» или «перен. разг.».

Однако, несмотря на вышеперечисленные различия в толкованиях слова *крепкий*, следует обратить внимание на ЛСВ, зафиксированные всеми рассмотренными нами выше толковыми словарями: 'твёрдый, прочный, плотный'; 'физически сильный, выносливый'; 'Проявляющийся в сильной степени; очень сильный'.

Итак, как показал анализ, слово *крепкий* многозначно, в разные исторические периоды имеет различное количество ЛСВ.

Во всех исследованных словарях отражены грамматические признаки, но в разной степени детализации. Так, в ТСРЯ С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой указано '-ая, -ое; п-ок, -пка, -пко, -пки и -пки; крепче; крепчайший' [17, с. 305]. В САР: кая, кое. *Крѣпокъ*, ка, ко. прил. Имѣющее въ Сл. уравни: степень *Крѣпкій или Крѣпльшій*, а въ обыкновенномъ языкѣ *Крѣпче*; въ превосходительномъ же *Крѣпчайшій* [14, с. 1030]. В БАС в начале словарной статьи лексемы *крепкий* представлена грамматическая зона: 'ая, ое; пок, пка, пко; *мн.* Крѣпки и крѣпкі; *сравн. ст.* крѣпче, *превосх. ст.* крѣпчайшій, ая, ея' [20, с. 612]. В СРЯ XI-XVII вв., ТСЖВЯ грамматическая зона слова не представлена.

В «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка определены следующие грамматические признаки слова *крепкий*: 3 *a/c', что означает прилагательное, имеющее определённые чередования в основе, краткую форму слова, постоянное ударение на основе и ударение кратких форм с колебаниями [27; с. 293].

Как отмечают В.А. Козырев и В.Д. Черняк, «слово раскрывает разные свои стороны в зависимости от того, в окружении каких лексических единиц оно оказывается, какими от-

ношениями с ними связано» [1, с. 75]. Анализ сочетаемости показал, что слово *крепкий* представлено как в составе свободных, так и в составе устойчивых сочетаний.

В «Словаре сочетаемости слов русского языка» под редакцией П.Н. Денисова и В.В. Морковкина представлена сочетаемость лексемы *крепкий* в зависимости от ЛСВ. Так, сочетаемость со словами *стены, дверь, орех, лёд, верёвка, нитка, ткань, узел, зубы* в значении «Прочный, такой, который трудно сломать, разбить, повредить и т. п.»; *человек, мальчик, парень (разг.), женщина, старик, тело, организм, сложение, нервы* в значении «Здоровый, сильный, физически выносливый»; *дружба, сон, мороз, ветер, удар, рукопожатие* – «Очень сильный, значительный по степени проявления»; чай, кофе, вино, бульон, раствор [чего-л.], уксус, табак, сигара, сигарета, запах – «Такой, который содержит много растворённого вещества, насыщенный; сильнодействующий» [24, с. 243].

В «Словаре эпитетов русского литературного языка» К.С. Горбачевича зафиксированы следующие лексемы, сочетающиеся со словом *крепкий*: аромат, бас, ветер, голос, дождь, дуб, дым, запах, затылок, конь, кулак, лоб, мороз, подбородок, поцелуй, румянец, стан, удар, ум, характер, холод, хохот, шаг, юмор, яд, язык [25].

Выявлено, что слово *крепкий* входит в состав таких устойчивых сочетаний, как крепкое сложение, крепкая дума, крепкий сон, крепкий табак, крепкая папироса, сигара, крепок на ногах, крепкая водка, крепкие напитки, крепкое слово, словцо [30, с. 517]; крепкий орешек, крепок на ухо, задним умом крепок, крепкого закала, крепкой заправки [20, с. 614].

Лексема *крепкий* имеет ряд синонимов, стилистическая и коннотативная окраска которых различна. Так, например, в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой представлены следующие синонимичные ряды: '1. / о растворе: насыщенный, концентрированный / об алкогольном напитке: высокоградусный / о табаке, горчице, приправе: злой, сердитый (разг.); забористый (прост.) 2. см. прочный. 3. см. здоровый. 4. см. нерушимый. 5. см. непристойный' [28, с. 185-186].

В «Словаре синонимов русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой указаны синонимы 'крепкий, глубокий, мертвый, мертвецкий, богатырский, непробудный, беспробудный, беспросыпный (разг.)' [29, с. 492]. Представлены опорные слова тех синонимических групп, в которые входит лексема *крепкий*: 'богатый, выносливый, здоровый, прочный, стойкий, твердый' [29; с. 492]. Анализ данных словарей синонимов русского языка позволил выявить наличие синонимов к разным ЛСВ слова *крепкий*.

В Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru>) представлен список коллокаций слова *крепкий* со словами разных частей речи. В таблице 2 отражены наиболее частотные коллокации с именами существительными в основном и газетном подкорпусе.

Таблица 2

Сочетаемость слова *крепкий* с именами существительными в Национальном корпусе русского языка

Основной подкорпус		Газетный подкорпус	
1. сон	9,71	1. алкоголь	11,36
2. напиток	9,6	2. напиток	10,57
3. чай	9,52	3.здоровье	10,4
4. здоровье	8,93	4. орешек	10,2
5. кофе	8,56	5.хозяйственник	9,17
6. зуб	8,22	6. чай	8,95
7. сложение	8,12	7. парень	8,54
8. ветер	7,99	8.средняк	8,44
9. ветр	7,9	9. телосложение	8,33
10. парень	7,66	10. кофе	8,28

Представленные в таблице 2 имена существительные, для которых слово *крепкий* является определением, подтверждают активное употребление анализируемой лексемы в речи носителей русского языка.

В результате проведенного анализа словарных статей лексикографических источников было установлено следующее: слово *крепкий* имеет общеславянское происхождение; данные о количестве ЛСВ и их формулировок в толковых словарях варьируются: лексикографы разных исторических периодов выделяют от пяти до тринадцати ЛСВ; лексема обладает широким синонимическим рядом. Можно утверждать, что слово *крепкий* занимает, несомненно, значимое место в языковом сознании носителей русского языка. Попытка комплексного описания слова *крепкий* даёт возможность выявить неоднозначность его природы.

Библиографический список

1. Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2015. 631 с.
2. Языковая картина мира и системная лексикография / В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресян, Е.Э. Бабаева, О.Ю. Богуславская, и др.; отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
3. Иомдин Б.Л. Многозначные слова в контексте и вне контекста // Вопросы языкознания. 2014. № 4. С. 87-103.
4. Апресян В.Ю., Иомдин Б.Л. Русские вопросительные местоимения как лексикографический тип. Russian Journal of Linguistics. 2022. Т. 26. № 4. С. 1078-1113.
5. Бобунова М.А. Лексикографический портрет фольклорного слова (жанровый и территориальный аспект) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2022. № 2(45). С. 24-32.
6. Долгова Е.Ю. Лексикографическое портретирование лексемы «погрязнуть» (X–XVII вв.) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 4 (39). С. 23-30.
7. Канарская Л.Г., Честных Е.С. Лексикографический портрет слова «амбиция» // Наука и Образование. 2023. Т. 6. № 3. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/6015/6061> (дата обращения: 17.05.2024)
8. Косс Е.В. Лексикографический портрет слова «дядя» во вторичной номинации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 3. С. 789-795.
9. Немич Н.Н. Лексикографическое портретирование синонимичных конститuentов поля семантики невыразимого // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2022. Т. 26. № 2. С. 34-46.
10. Пермякова Т.Н. Лексикографическое портретирование отыменных релятивов // Лексикография цифровой эпохи: Сборник материалов Международного симпозиума, Томск, 24-25 сентября 2021 года / Отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. С. 166-169.
11. Апресян Ю.Д. Избранные труды в 2-х т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. 767 с.
12. Ключина А.М. Особенности употребления лексемы крайность в современном научном гуманитарном дискурсе // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 3(46). С. 44-50.
13. Словарь русского языка. XI–XVII вв. Выпуск 8. КРАДА-ЛЯЩИНА. Москва. «Наука», 1981. 346 с.
14. Словарь Академии Российской. В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук. 6 тт. Часть III. 1792. 761 с.

15. В.И. Даль. Толковый словарь живаго великорускаго языка. Москва: О-во любителей Российской словесности при Императорском Московском ун-те. Часть вторая. И-О. Вып. 1. 1865. 725 с.
16. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1. М.: ТЕРРА, 1996. 824 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
18. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2. К – О. 1986. 736 с.
19. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения: 15.05.2024)
20. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [ред.: Л. И. Балахонова]. Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004-. Т. 26: Скорее – Сом. Т. 26 / ред. Е.А. Беляева [и др.]. 2019. 695 с.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4т. Т. 2 (Е – Муж) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
22. Шанский Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителя / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. Изд. 2-е, испр. и доп. Под ред. чл.-корр. АН СССР С.Г. Бархударова. М.: «Просвещение», 1971. 403 с.
23. Этимологический словарь современного русского языка / Сост. А.К. Шапошников: в 2 т. Т. 1. М.: Флинта : Наука, 2010. 584 с.
24. Словарь сочетаемости слов русского языка: Ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1983. 688 с.
25. Горбачевич К.С. Словарь эпитетов русского литературного языка. СПб.: «Норинт», 2002. 224 с.
26. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1999. Т.1: А – Пантомима. 624 с.
27. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1980. 880 с.
28. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 2001. 568 с.
29. Словарь синонимов русского языка: В 2 т. Т. 1: А–Н. ИЛИ РАН / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2003. 680 с.
30. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А.Н. Тихонова / Сост.: А.Н. Тихонов, А.Г. Ломов, А.В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. I. М.: Флинта: Наука, 2004. 832 с.

References

1. Kozyrev V.A., Chernyak V D. Lexicography of the Russian language: the present century and the past century: monograph. St.-Petersburg, 2015. 631 p.
2. The linguistic picture of the world and systemic lexicography / V.Y. Apresyan, Y.D. Apresyan, E.E. Babaeva, O.Y. Boguslavskaya and others. Moscow, 2006. 912 p.
3. Iomdin B.L. Polysemous words in context and out of context // Issues of linguistics. 2014. Vol. 4. P. 87-103.
4. Apresyan V.Y., Iomdin B.L. Russian interrogative pronouns as a lexicographic type. Russian Journal of Linguistics. 2022. Vol. 26. Iss. 4. P. 1078-1113.

5. Bobunova M.A. Lexicographic portrait of a folklore word (genre and territorial aspect) // Theory of language and intercultural communication. 2022. Vol. 2(45). P. 24-32.
6. Dolgova E.Y. Lexicographic portraiture of the lexeme "wallow" (X–XVII centuries) // Topical issues of modern philology and journalism. 2020. Vol. 4 (39). P. 23-30.
7. Kanarskaya L.G., Chestnykh E.S. Lexicographic portrait of the word "ambition" // Science and Education. 2023. Vol. 6. Iss. 3. URL: <https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/6015/6061> (дата обращения: 17.05.2024)
8. Koss E.V. Lexicographic portrait of the word "uncle" in the secondary nomination // Philological sciences. Questions of theory and practice. 2023. Vol. 16. Iss. 3. P. 789-795.
9. Nemich N.N. Lexicographic portraiture of synonymous constituents of the field of semantics of the inexpressible // Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences. 2022. Vol. 26. Iss. 2. P. 34-46
10. Permyakova T.N. Lexicographic portraiture of nameless relatives // Lexicography of the digital age: Collection of materials of the International Symposium, Tomsk, September 24-25, 2021 / Ed. by E.A. Yurina, S.S. Zemicheva. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2021. P. 166-169.
11. Apresyan Y.D. Selected works in 2 volumes. 2. Integral description of language and systemic lexicography. Moscow, 1995. 767 p.
12. Klyushina A.M. Features of the use of the lexeme extreme in modern scientific humanitarian discourse // Actual issues of modern philology and journalism. 2022. Vol. 3(46). P. 44-50.
13. Dictionary of the Russian language. XI-XVII centuries. Iss. 8. STOLEN GOODS. Moscow, 1981. 346 p.
14. Dictionary of the Russian Academy of Sciences. In St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences. 6 vol. Part III. 1792. 761 p.
15. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the live Great Russian language. Moscow : The society of Russian literature lovers at the Imperial Moscow University. Part two. I-O. Iss. 1. 1865. 725 p.
16. Explanatory dictionary of the Russian language: In 4 volumes. Vol. 1 / Edited by prof. D.N. Ushakov. Moscow, 1996. 824 p.
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., supplemented. Moscow, 1999. 944 p.
18. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / USSR Academy of Sciences. Ed. by A.P. Evgenieva. 3rd ed., stereotype. Moscow, 1985-1988. Vol. 2. K– O. 1986. 736 p.
19. Efremova T.F. A new dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation. Moscow, 2000. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (date of application: 15.05.2024).
20. The Great Academic Dictionary of the Russian language / Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics research; [ed.: L. I. Balakhonova]. Moscow; St. Petersburg, 2004. Vol. 26 / ed. by: E.. Belyaeva [and others]. 2019. 695 p.
21. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4t. Vol. 2. 2nd ed., ster. Moscow, 1986. 672 p.
22. Shansky N.M. Short etymological dictionary of the Russian language. A manual for a teacher / N.M. Shansky, V.V., Ivanov, T.V. Shanskaya. 2nd ed., corr. and add. Ed. by S.G. Barkhudarov. Moscow, 1971. 403 p.
23. Etymological dictionary of the modern Russian language / Comp. by A.K. Shaposhnikov: in 2 vols. Vol. 1. Moscow, 2010. 584 p.
24. Dictionary of the compatibility of words of the Russian language / ed. by P.N. Denisov, V.V. Morkovkin. 2nd ed., corr. Moscow, 1983. 688 p.
25. Gorbachevich K.S. Dictionary of epithets of the Russian standard language. St.-Petersburg, 2002. 224 p.

26. Chernykh P.Y. Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: In 2 vols. 3rd ed., stereotype. Moscow, 1999. Vol.1. 624 p .

27. Zaliznyak A.A. Grammatical dictionary of the Russian language: Word modification. 2nd ed., stereotype. Moscow, 1980. 880 p.

28. Alexandrova Z.E. Dictionary of synonyms of the Russian language: A practical reference book. 11th ed., reprint. and completed. Moscow, 2001. 568 p.

29. Dictionary of synonyms of the Russian language: In 2 vols. Vol. 1. Ed. by A.P. Evgenieva. Moscow, 2003. 680 p.

30. Phraseological dictionary of the modern Russian literary language / Ed. by prof. A. Tikhonov / Comp. by A.N. Tikhonov, A.G. Lomov, A.V. Korolkova. Reference edition: In 2 vol. Vol. I. Moscow, 2004. 832 p.

УДК 811.111

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.002

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова
канд. филол. наук, доцент,
доцент кафедры «Иностранные языки»
Жердева О.Н.
Россия, г. Барнаул,
тел. +7 906 940 67 64
e-mail: vigrijanova@mail.ru

*Altai State Technical University
named after I.I. Polzunov*
The chair of foreign languages
PhD, associate professor
Zherdeva O.N.
Russia, Barnaul,
+7 906 940 67 64
e-mail: vigrijanova@mail.ru

Кубанский государственный технологический университет
канд. филол. наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков № 2
Поповская В.Б.
Россия, г. Краснодар,
тел. + 7 918 936 18 71
e-mail: vbpopovskay@mail.ru

Kuban State Technological University
The chair of foreign languages No. 2
PhD, associate professor,
the head of the chair
Popovskaya V.B.
Russia, Krasnodar, tel. + 7 918 936 18 71
e-mail: vbpopovskay@mail.ru

Филиал Майкопского государственного технологического университета в поселке Яблоновском
канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры
управления и таможенного дела
Шелкова С.В.
Россия, РА, пгт. Яблоновский.
тел. + 7 989 141 81 62
e-mail: shelkovasvetlana@mail.ru

Branch of Maikop State Technological University in the village of Yablonovsky
The chair of management and customs
PhD, associate professor,
Shelkova S.V.
Russia, RA, village of Yablonovsky
+ 7 989 141 81 62
e-mail: shelkovasvetlana@mail.ru

О.Н. Жердева, В.Б. Поповская, С.В. Шелкова

КАТЕГОРИЯ ВРЕМЕННОЙ ОТНЕСЕННОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ

В статье рассматривается появление и эволюция перфектных форм в английском языке. Перфект выступает в качестве одного из средств понятийной категории таксиса в германских языках. Таксис определяется как понятийная категория, которая описывает временные отношения между действиями или событиями, включает видовую характеристику действий, соотносимых во времени. Временная оотнесенность, как особая грамматическая категория, отличается от вида и времени. В работе является значимым рассмотрение темпоральности в древнегерманских языках, древнеанглийском языке, развитие и становление временной соотнесенности в среднеанглийский период как составного элемента темпоральности, наряду с категориями вида и времени. Предметом исследования данной работы являются временные отношения. Соответственно, объектом исследования является эволюция выражения темпоральных отношений. Цель работы – описание эволюции временной соотнесенности в английском языке. Названная цель актуализируется посредством выполнения конкретных задач, а именно: 1) определение категории временной оотнесенности; 2) описание древнегерманских категорий глагола; 3) рассмотрение глагольных категорий в древнеанглийском периоде; 4) анализ специфики появления категории временной оотнесенности в поздний среднеанглийский период. Основными методами научного исследования являются анализ, синтез, сравнение, контекстуальный метод. Выводы заключаются в следующем. 1.

Перфект определяется как видо-временная форма глагола, выражающая состояние в настоящем как результат действия в прошлом. 2. Таксис – понятийная категория, но способы выражения могут быть различны в разных языках. 3. Временная отнесенность пересекается с темпоральностью и аспектуальностью, выделяясь в самостоятельную грамматическую категорию в английском языке в конце среднеанглийского периода.

Ключевые слова: диахрония, становление, временная отнесенность, формы перфекта.

O.N. Zherdeva, V.B. Popovskaya, S.V. Shelkova

THE CATEGORY OF TIME-CORRELATION IN THE ENGLISH LANGUAGE: FEATURES OF THE FORMATION AND EVOLUTION

The article examines the specifics of the formation of perfect forms as one of the means of the conceptual category of taxis in Germanic languages, in particular in English. Taxis is defined as a conceptual category that describes the temporal relationship between actions or events, includes a specific characteristic of actions correlated in time. Temporal correlation as a special grammatical category differs from the categories of aspect and tense. In the work, it is significant to consider temporality in ancient Germanic languages, Old English, the development and formation of temporal correlation in the Middle English period as an integral element of temporality, along with the categories of aspect and tense. The subject of the study is temporary relationships. The object of the study is the formation of temporal relations in the aspect of time correlation. The purpose of the study is to describe the specifics of the formation of time correlation in the English language. The named goal is actualized by performing specific tasks, namely: 1) definition of the category of time correlation; 2) description of the Old Germanic categories of the verb; 3) consideration of verbal categories in the Old English period; 4) analysis of the specifics of the appearance of the category of time correlation in the late Middle English period. The main methods of scientific research are the contextual method, the method of systematization of linguistic phenomena, comparison, analysis, synthesis. In conclusion we should say: 1. Perfect is defined as the type-temporal form of a verb expressing a state in the present as a result of an action in the past. 2. Taxis is a notional category, but the ways of expression may be different. 3. Time correlation intersects with tense and aspect, becoming an independent grammatical category in the English language at the end of the Middle English period.

Keywords: diachrony, formation, time correlation, forms of perfection.

Система времен в современных германских языках, особенно английском, представляет определенную сложность в изучении: большое количество аналитических форм, иные грамматические категории, отличные от русского языка. Например, английская категория вида (длительность – недлительность) является отличительной особенностью английского языка и представляет сложность в освоении для тех учащихся, у кого родным языком является русский язык, например, поскольку в русском языке категория вида представлена оппозицией «совершенство – несовершенство» и значимость процессуальности действия не концептуализируется. Наибольшую трудность в изучении английского языка представляет понимание и освоение категории временной отнесенности, перфектных форм, прежде всего потому, что рассматриваемой грамматической категории нет в русском языке. Понятийная категория таксиса не представлена в виде категории временной отнесенности в русском языке, но грамматические способы передачи результата предшествующего действия, связанного с настоящим, в языке актуализируются.

Настоящее исследование представляет описание развития категории временной отнесенности, представленной перфектными формами в некоторых германских языках, в частности в английском языке. Перфект рассматривается как видовременная форма глагола, передающая состояние в настоящем как результат события в прошлом [1, с. 372]. Предшествование, одновременность, следование, соответственно, являются смысловыми компонентами понятийной категории таксиса, и в языках могут выражаться разнообразными средствами.

Возникновение перфекта в германских языках трактуется неоднозначно. Существуют две точки зрения. Первая из них – т.н. «латинская гипотеза», согласно которой перфектные формы были заимствованы из латинского языка [2, 3]. Действительно, перфектные формы присутствовали в некоторых древних индоевропейских языках (древнегреческом, индоиранском). Первоначально перфект (старый перфект) обозначал состояние и выражался неглагольной синтетической формой, затем переходил в разряд глагольных форм и уже обозначал действие. Старый перфект эволюционно сближался с неперфектными формами в употребле-

нии. Согласно противоположной точке зрения, перфект появился в результате эволюции от посессивного глагола в сочетании с причастием вторым, повторяя становление от статальности к акциональности [4, 5, 6].

Формирование и появление категории временной отнесенности в английском языке также определяется по-разному. Всеми признается появление перфектных форм в древнеанглийском периоде в форме сочетания глаголов *beon* (для непереходных глаголов), *habban* (для переходных глаголов) с причастием первым [7, с. 147]. Процесс грамматизации перфектной конструкции продолжался до XV-XVI веков. Более четкая разница между претеритом и перфектными формами произошла тогда, когда глагол *habban* стал употребляться не только с переходными, но и с непереходными глаголами [8, с. 122; 9, с. 147; 10, с. 97; 11, с. 89].

Кроме того, языковой статус категории временной отнесенности в английском языке определяется различно. Перфект относится к категории вида [12], к категории временной отнесенности [13, с. 150; 14, с. 117], к виду-временной категории [15, с. 62; 16, с. 137]. Основные значения перфекта – результативность [17, с. 149] или предшествование [18, с. 11].

Теоретической базой исследования послужили труды И.И. Мещанинова [19], С.Д. Кацнельсона о понятийных категориях [20], А.И. Смирницкого о теории становления категории временной отнесенности [21], Р.О. Якобсона о понятии таксиса [22].

Костяк морфологической системы древнегерманских глаголов составляли сильные, слабые, претерито-презентные, аномальные глаголы. Глагольная система древнегерманских языков имела свои особенности, сохраняя, с одной стороны, общеиндоевропейские черты: трех-элементную систему чередования гласных (аблаут) и флективный строй с развитой системой склонений и спряжений; с другой стороны, привнося германские элементы. Формы сильных глаголов (прошедшее время, причастие второе) строились по системе аблаута – германское чередование [i // a] в противопоставление индоевропейскому чередованию e // o (везу, воз, взвоз). Например, в формах готского глагола ‘вставать’ *geisan, gais, risum, risans* система чередования i // a. Формы слабых глаголов актуализировались посредством дентального суффикса -d(-t-) (германский способ формообразования). Например, формы готского глагола ‘слышать’ *hausjan, hausida, hausidedum, hausips* имеют дентальный суффикс -d-.

Грамматические категории глагола в германских языках были заимствованы из индоевропейского языка, а именно: лицо, число, наклонение, время и залог. Категория залога была представлена только в готском языке. В данном исследовании интерес представляет развитие категории времени.

В древнегерманских языках существовала система из двух времен: настоящего и прошедшего. Первоначально в общегерманском языке, как и в индоевропейском языке, различались не времена, а глагольные виды, т.е. формы, отличающиеся друг от друга характеристикой протекания действия во времени.

В протогерманских языках существовало три аспекта (вида): непрерывный (длящийся), моментальный и результативный. Непрерывный вид представлял действие развивающимся во времени, без привязки к какому-либо завершению, из него образовалось настоящее. Моментальный вид представлял действие как приближающееся к завершению, из моментального вида произошло прошедшее время. Результативный вид представлял действие как завершенное в прошлом и приведшее к новому положению вещей. В результате из результативного вида образовались формы прошедшего времени сильных глаголов и настоящие формы претерито-презентных. В системе претерито-презентных глаголов сохраняется сема прошедшего.

Как и в древнегерманских языках, морфологическая система древнеанглийского глагола включала сильные, слабые, претерито-презентные, аномальные глаголы. У сильных глаголов формообразование было по германской системе аблаута (*writan, wrat, written* ‘писать’), у слабых, соответственно, добавлялся дентальный суффикс (*lāfan lāfde lāfd* ‘покидать’). Па-

радигмы глагольных категорий достаточно сложны в силу сложившегося синтетического формообразования; аналитизм же в это период только зарождался. Четыре древнеанглийские глагольные категории заимствованы из протогерманского языка: наклонение, лицо, число, время. Дополнительные три глагольные категории появляются позже: вид (длительный – недлительный), временная отнесенность (перфектные формы), залог (активный – пассивный).

В древнеанглийском концептосфера темпоральности актуализировала синкретизм времени (настоящее, прошедшее и будущее), аспектуальности (длительность – недлительность), таксиса (предшествование – одновременность). Причем время концептуализировалось в грамматическую категорию, а таксис, аспектуальность, завершенность выражались лишь лексическими средствами.

Например, в древнеанглийском языке были пары слов: с суффиксом *Ze-*, имеющем сему завершенности действия и без него, но подобная градация глаголов не была регулярной, некоторые глаголы не образовывали форму с суффиксом *Ze-*. Приведем пример:

(1) *ƿyder he cwæð þæt man mihte ZeseZlian on ānum mōnðe* [23, с. 7]. 'Затем он сказал, что можно переплыть за один месяц'.

В приведенном примере употребляется глагол *ZeseZlian*, выражающим результативность действия в форме инфинитива в составе составного именного сказуемого.

(2) *He cwæð þæt nān man ne būde benorðan him* [24, с. 7]. 'Он говорил, что никто не жил к северу'.

В рассматриваемом предложении глагол *cwæð* 'говорить, сказать' может переводиться двояко: как говорил или как сказал. Соответственно, одна словоформа в прошедшем времени может быть использована в разных значениях, включая значение результативности.

(3) *Wulfstan sǣde Þæt hē Zefōre of Hǣðum, Þæt hē wære on Truso on syfan daZum and nihtum, Þæt Þæt scip wæs ealne weZ urnende under seZle* [25, с. 7]. 'Вульфстан сказал, что он путешествовал из Хэзум, что он был в Трузо через семь дней и ночей, что его корабль всю дорогу плыл под парусами'

В части предложения актуализируется синкретизм времени и аспектуальности (длительности) – *Þæt scip wæs ealne weZ urnende under seZle* 'что его корабль всю дорогу шел под парусами'

Темпоральность была представлена категорией времени, которое включало отношения длительности и результата деятельности, выраженные лексически. Кроме того, в языке регулярно употреблялись лексико-грамматические конструкции, выражающие результат: формы глаголов *habban, wesan, bēon weorþan* в сочетании с причастием вторым.

Изначально структура *habban* 'иметь' в сочетании с причастием вторым имела значение обладания, однако в процессе грамматикализации структура приобрела значение результата действия ближе к позднему древнеанглийскому периоду.

(4) *Hie hæfdon hiera cuninZ āworþenne* [26]. 'они имели короля свергнутым'

В рассматриваемом предложении причастие *āworþenne* согласуется в роде числе и падеже с существительным *cuninZ*. Значение исходного предложение имплицитно подразумевает результат действия свержения.

Возможны конструкции, когда причастие не согласуется с существительным. Например,

(5) *Hæfde cuninZ-wuldor Zrendle toZeanes, swā Zuman ZefrunZon, sele-weard āseted.* [27] 'Король славы имел, как выяснили люди, против Грендель начальника стражи зала установленным'.

Форма *āseted* не согласуется по форме с предыдущим существительным. Значение фразы актуализирует результат установления должности начальника зала.

Формы *wesan, bēon* 'быть' в сочетании с причастием вторым переходных глаголов выражали состояние как результат действия.

(6) *Is his eafora nū heard hēr cumen* [28]. 'Его смелый сын сейчас пришел сюда'

В рассматриваемом предложении причастие *cumen* употребляется вместе с глаголом *is*. Семантически конструкция *wesan*, *bēon* в сочетании с причастием вторым синонимична конструкции *habban* в сочетании с причастием вторым. Употребление конструкций в древнеанглийском языке имело нерегулярный характер, что не дает основания говорить о сформированных формах перфекта [29]. Кроме того, древнеанглийские приставки *Ze-* или *be-* не всегда образовывали глагол совершенного вида, а образовывалось слово с новым значением. Например, *besittan* переводится как ‘осаждать’, а *sittan*, как ‘сидеть’. Приставки в качестве словообразовательного элемента представлены и в современных английских глаголах, например, *come* – ‘приходить’, *become* – ‘становиться’.

В конце древнеанглийского и начале среднеанглийского периодов постепенно формировалась грамматикализация конструкций на основе систематизация обобщенного значения, обозначающего настоящее состояние как результат прошедшего действия, что породило образование перфектных форм и начальное формирование категории временной отнесенности в английском языке. Видовые значения совершенности – несовершенности, представленные преимущественно лексически, утрачивали свою значимость, в связи с чем развивалась категория времени в среднеанглийский период.

(7) *Whan that Aprille with his shoures sote*

The droghte of Marche hath perced to the rote [30] ‘Когда апрель со своими дождями пронизывал засуху марта до корней’

(8) *Whan Zephirus eek with his swete breeth*

Inspired hath in every holt and heath [31] ‘Когда Зефир нежным дыханием вдохновлял (вдыхал) каждую роуцу и вереск’

В приведенных отрывках из текстов среднеанглийского периода употребляются перфектные формы *hath perced*, *Inspired hath*. Вспомогательный глагол *hath* может употребляться перед причастием вторым или после причастия, актуализируя инверсию. Глагол *beon/wesan* в качестве вспомогательного в среднеанглийском периоде замещался глаголом *have/had*, сама конструкция грамматикализовалась в среднеанглийский период. Однако в современном английском языке используются устаревшие формы типа *He is gone* ‘Он ушел’ в значении перфекта.

Однако в современном немецком языке употребление глагола *sein* сохраняется для образования перфекта [32].

Так, некоторые глаголы (интранзитивные), в частности *sein*, *werden*, *bleiben*, *begegnen*, *passieren*, *geschehen*, *gelingen*, *misslingen* спрягаются с *sein*.

(9) *Er ist heute zu Hause geblieben.*

Интранзитивные глаголы и интранзитивные фразеологические единицы с наречиями и наречными частицами, выражающие передвижение в пространстве, если речь идет о достижении какой-то цели в пространстве или если имеется в виду отправной пункт (*abreisen*, *ausfliegen*).

(10) *Ich bin bis zur Stadt geritten.*

(11) *Sie ist ueber den Bach gesprungen.*

(12) *Er ist ueber den Fluss geschwommen.*

(13) *Das Flugzeug ist schon ausgeflogen.*

Дальнейшая систематизация форм выражения таксиса привела к формированию самостоятельной категории временной отнесенности в английском языке, при этом актуализируется синкретизм вида, времени, временной отнесенности.

Подведем итог.

1. В современном английском языке перфект определяется как грамматическая категория глагола, выражающая предшествование или состояние в настоящем, прошедшем или будущем, как результат предшествующего действия.

2. Отношения предшествования или одновременности выражаются разными способами в языках.

3. Категория временной отнесенности является способом выражения темпоральности в аспекте выражения таксиса.

4. Сформированность категории временной отнесенности произошла в период грамматикализации конструкции *habban* в сочетании с причастием вторым в английском языке.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 688 с.

2. Мейе А. Основные особенности германской группы языков. М.: Удиторил УРСС, 2003. 168 с.

3. Гурова Ю.И. Глагольные виды английского языка // Материалы I международной научно-практической конференции «Языкознание: современные тенденции, актуальные проблемы и перспективы развития. Нижний Новгород, 2017. С. 18-22.

4. Бенвенист Э. Глаголы «быть» и «иметь» и их функции в языке // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 203-224.

5. Маслов Ю.С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. / Сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.

6. Бондарь В.А. К вопросу о возникновении перфекта в германских языках // Филология: научные исследования, 2019. № 1. С. 223-236.

7. Кошечая И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. М., 2008. 323 с.

8. Смирницкий А.И. Лекции по истории английского языка. М., 2011. 235 с.

9. Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. М., 1960. 194 с.

10. Расторгуева Т.А. Очерки по исторической грамматике английского языка. М., 2009. 166 с.

11. Бруннер К. История английского языка: в двух томах. М., 2010.

12. Ильиш Б.А. История английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 368 с.

13. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. 428 с.

14. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 2009. 160 с.

15. Иванова И.П., Бурлакова В.В. Теоретическая грамматика современного английского языка. М., 1981. 287 с.

16. Кошечая И.Г. Принцип формирования видо-временного значения в языке. Теоретический курс. М., 2012. 133 с.

17. Кошечая И.Г. Курс сравнительной типологии английского и русского языков. М., 2008. 323 с.

18. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. М., 2009. 190 с.

19. Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978. 387 с.

20. Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: из научного наследия: сборник научных трудов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 865 с.

21. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959. 428 с.

22. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М., 1972. С. 98-105.

23. Иванова И.П., Беляева Т.М. Хрестоматия по истории английского языка. Л.: Просвещение, 1980. 191 с.

24. Иванова И.П., Беляева Т.М. Хрестоматия по истории английского языка. Л.: Просвещение, 1980. 191 с.
25. Иванова И.П., Беляева Т.М. Хрестоматия по истории английского языка. Л.: Просвещение, 1980. 191 с.
26. Англосаксонская хроника [Электронный ресурс] URL: <https://www.bsswebsite.me.uk/History/ASChronicle/ASChronicle2.html> (дата обращения: 01.02.2024).
27. Беовульф [Электронный ресурс] URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/beowulf/texts.htm> (дата обращения: 04.02.2024).
28. Беовульф [Электронный ресурс] URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/beowulf/texts.htm> (дата обращения: 04.02.2024).
29. Бондарь В.А. Перфект в древнеанглийском языке: критерии выделения // Волжский филологический вестник, 2019. № 1 (16). С. 1-8.
30. Чосер Дж. Кентерберийские рассказы [Электронный ресурс] URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/chaucer/chaucer.htm> (дата обращения: 02.02.2024).
31. Дж. Чосер Кентерберийские рассказы [Электронный ресурс] URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/chaucer/chaucer.htm> (дата обращения: 02.02.2024).
32. Gerhard Helbig, Joachim Buscha. Deutsche Grammatik. VEB Verlag. ENZYKLOPÄDIE LEIPZIG, 1974.

References

1. Linguistic encyclopedic dictionary / Chief editor V.N.Yartseva. 2nd ed., add. Moscow, 2002. 688 p.
2. Meye A. The main features of the Germanic group of languages. Moscow, 2003, 168 p.
3. Gurova Yu.I. Verbal types of the English language // Materials of the I International scientific and practical conference "Linguistics: modern trends, current problems and development prospects. Nizhny Novgorod, 2017. P. 18-22.
4. Benveniste E. Verbs "to be" and "to have" and their functions in language // Benveniste E. General Linguistics. Moscow, 1974. P. 203-224.
5. Maslov Y.S. Selected works: Aspectology. General linguistics. Moscow, 2004. 840 p.
6. Bondar V.A. On the question of the emergence of perfection in Germanic languages // Philology: scientific research, 2019. Vol. 1. P. 223-236.
7. Koshevaya I.G. Course of comparative typology of English and Russian languages. Moscow, 2008. 323 p.
8. Smirnitsky A.I. Lectures on the history of the English language. Moscow, 2011. 235 p.
9. Yartseva V.N. The history of morphology of the English language. Moscow, 1960. 194 p.
10. Rastorgueva T.A. Essays on the historical grammar of the English language. Moscow, 2009. 166 p.
11. Brunner K. The history of the English language: in two volumes. Moscow, 2010.
12. Ilyish B.A. The history of the English language. Moscow, 1958. 368 p.
13. Smirnitsky A.I. Morphology of the English language. Moscow, 1959. 428 p.
14. Barkhudarov L.S. Essays on the morphology of modern English. Moscow, 2009. 160 p.
15. Ivanova I.P., Burlakova V.V. Theoretical grammar of modern English. Moscow, 1981. 287 p.
16. Koshevaya I.G. The principle of formation of species-temporal meaning in language. Theoretical course. Moscow, 2012. 133 p.

17. Koshevaya I.G. Course of comparative typology of English and Russian languages. Moscow, 2008. 323 p.
18. Barkhudarov L.S. Essays on the morphology of modern English. Moscow, 2009. 190 p.
19. Meshchaninov I.I. Members of the sentence and parts of speech. Leningrad, 1978. 387 p.
20. Katsnelson S.D. Categories of language and thinking: from the scientific heritage: collection of scientific works. Moscow, 2001. 865 p.
21. Smirnitsky Morphology of the English language. Moscow, 1959. 428 p.
22. Yakobson R.O. Shifters, verbal categories and the Russian verb // Principles of typological analysis of languages of different systems. Moscow, 1972. P. 98-105.
23. Ivanova I.P., Belyaeva T.M. Textbook on the history of the English language. Leningrad, 1980. 191 p.
24. Ivanova I.P., Belyaeva T.M. Textbook on the history of the English language. Leningrad, 1980. 191 p.
25. Ivanova I.P., Belyaeva T.M. Textbook on the history of the English language. Leningrad, 1980. 191 p.
26. Anglo-Saxon Chronicle [Electronic resource] URL: <https://www.bsswebsite.me.uk/History/ASChronicle/ASChronicle2.html> (date of application: 02/01/2024).
27. Beowulf [Electronic resource] URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/beowulf/texts.htm> (date of application: 02/04/2024).
28. Beowulf [Electronic resource] URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/epos/beowulf/texts.htm> (date of application: 02/04/2024).
29. Bondar V.A Perfect in the Old English language: selection criteria // Volzhsky Philological Bulletin, 2019. Vol. 1 (16). P. 1-8.
30. J. Chaucer Canterbury Tales [Electronic resource] URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/chaucer/chaucer.htm> (date of application: 02.02.2024).
31. J. Chaucer Canterbury Tales [Electronic resource] URL: <http://www.russianplanet.ru/filolog/evropa/england/chaucer/chaucer.htm> (date of application: 02.02.2024).
32. Gerhard Helbig, Joachim Buscha. German Grammar. VEB Verlag. ENZYKLOPÄDIE LEIPZIG, 1974.

УДК 81'242

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.003

*Кубанский государственный университет
Аспирант 2 года обучения кафедры
общего и славяно-русского языкознания
Чернова В.А.
Россия, г. Краснодар, +7967-651-17-06
e-mail: vika-chernova@bk.ru*

*Kuban State University
Second-year graduate student of Department
of Slavic-Russian and General Linguistics
Chernova V.A.
Russia, Krasnodar, tel. +7967-651-17-06
e-mail: vika-chernova@bk.ru*

*Краснодарское Высшее Военное
авиационное училище летчиков
имени героя советского союза
А.К. Серова
Начальник курса майор
Чернов Д.Н.
Россия, г. Краснодар+7960-436-39-46
e-mail: dn-chernov@mail.ru*

*Krasnodar Higher Military
Aviation school of Pilots named after
Hero of the Soviet Union A.K. Serov
Head of course major
Chernov D.N.
Russia, Krasnodar, tel. +8960-436-39-46
e-mail: dn-chernov@mail.ru*

В.А. Чернова, Д.Н. Чернов

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ ШКОЛЬНИКА КАК ОБЪЕКТ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ШКОЛЬНОЙ СРЕДЕ

Статья посвящена рассмотрению речевого поведения школьника как способа его идентификации в учебной среде в рамках школьного дискурса. Актуальность и новизна исследования состоят в изучении речевого поведения учащихся с точки зрения региональной идентификации, в актуализации и детализации языковой личности школьника на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях в рамках изучения школьного дискурса. Цель исследовательской работы - анализ речевого портрета школьника как примера идентификации личности. Поставленная цель предполагает следующие задачи: дать определение понятиям «идентификация», «языковая личность», «языковой портрет»; охарактеризовать фонетические особенности устной речи школьника; проанализировать лексический состав коммуникативного поведения школьника; рассмотреть грамматические характеристики устных и письменных ответов учащихся; сформулировать ряд специфических черт языковой личности школьника с точки зрения идентификации личности в учебной среде. Материалом послужили записи устных ответов, беседы с учащимися во внеурочной обстановке, сообщения групповой переписки класса в ВК-мессенджере (564 сообщения), собранные с помощью метода включённого наблюдения и анонимного наблюдения за речью учеников «Екатерининской гимназии №36» г. Краснодар. На основе изученных фонетических, лексических и грамматических параметров речевого поведения мы пришли к следующим выводам: языковая личность школьника – это изменяющееся понятие, которое обладает совокупностью речевых способностей и характеристик, фонетическая сторона речи отличается «фонетическим эллипсисом», присутствием кубанского говора и «скачущей» интонацией, подражающей английской речи; лексические особенности проявляются в неофициальном общении в большей степени, а школьный жаргон свидетельствует о кодированной, экспрессивно окрашенной речи; присутствует упрощение синтаксиса, тенденция к экономии языковых средств, к эгоцентричности, а также наблюдается общее снижение культурного и содержательного уровня используемой лексики. Проанализированные составляющие коллективного портрета учащегося в рамках школьного дискурса свидетельствуют, что речевое поведение является своеобразным, уникальным процессом идентификации личности школьника, в частности, примером региональной идентификации, феномен которой реализуется через использование особой номинации предметов региональной идентичности.

Ключевые слова: идентификация, региональная идентификация, языковая личность, языковой портрет школьника.

V.A. Chernova, D.N. Chernov

LINGUISTIC PERSONALITY OF A SCHOOLCHILD AS AN OBJECT OF IDENTIFICATION IN THE SCHOOL ENVIRONMENT

The article is devoted to the consideration of a schoolchild's speech behavior as a way of identifying him in the educational environment within the framework of school discourse. The relevance and novelty of the study are to explore the speech behavior of students in terms of regional identification, in the actualization and detailing of the student's linguistic personality at the phonetic, lexical and grammatical levels within the framework of school discourse. The purpose of the research work is to analyze the speech portrait of a schoolchild as an example of personal identification at the sociolinguistic level. The set goal involves the implementation of the following tasks: to define the concepts of "identification", "linguistic personality", "linguistic portrait"; characterize the phonetic features of the student's oral speech; analyze the student's vocabulary; consider grammatical characteristics of students' oral and written responses; to formulate a number of specific features of a schoolchild's linguistic personality in view of view of personal identification in the educational environment. The material included recordings of oral responses, conversations with students in extracurricular settings, class group correspondence messages in VK messenger (564 messages), collected using the method of participant observation and anonymous observation of the speech of students at "Ekaterininskaya Gymnasium No. 36" in Krasnodar. Based on the studied phonetic, lexical and grammatical parameters of speech behavior, we came to the following conclusions: the linguistic personality of a schoolchild is a changing concept that has a set of speech abilities and characteristics; the phonetic side of speech differs in "phonetic ellipsis", the presence of the Kuban dialect and "jumping" intonation imitating English speech; lexical features are manifested in informal communication to a greater extent, and school jargon indicates coded, expressively colored speech; there is a simplification of syntax, a tendency to save language resources, to egocentricity and a general decrease in the cultural and content level of the vocabulary used. The analyzed components of the collective portrait of a student within the framework of school discourse indicate that speech behavior is a peculiar, unique process of identification of a student's personality, in particular an example of regional identification, the phenomenon of which is realized through the use of a special nomination of objects of regional identity.

Keywords: identification, regional identification, linguistic personality, linguistic portrait of a schoolchild.

Проблема отношений между языком и идентификацией личности остается актуальной в современной научной парадигме. Понятие «языковая личность» является основным концептуальным понятием лингвистики. Считаем интересным рассмотреть речевое поведение школьника как пример идентификации личности на социолингвистическом уровне. Актуальным будет проанализировать речевой портрет ребенка школьного возраста на фоне современного состояния культуры речи молодежи как отражения общей национальной культуры детства.

Идентичность есть «важнейший из механизмов обратной связи, благодаря которой инновационные группы возвращают свой приобретенный интеллектуальный капитал обществу и способствуют развитию той национальной среды, которая их изначально взрастила» [1; с. 1110-1111]. Это многогранное явление, которое определяется науками разных направлений. Исследователи Д.С. Докучаев, Н.С. Дягилева, М.А. Лаппо, Т.А. Нестик, М.В. Назукина, И.С. Семененко, Т.П. Тарасенко и др. указывают на важность и необходимость изучения идентификации в целом и региональной особенно. Важную роль в становлении социокультурной и гражданской позиций школьника играет процесс формирования самостоятельной речевой идентификации. Проблема исследования идентификации школьника через речь связана с установлением специфических вербальных средств языковой личности школьника и определением значения этих средств в формировании региональной идентичности.

Объектом нашего исследования является процесс формирования портрета языковой личности ребенка в рамках школьного дискурса. Среда обучения предполагает не только вербализацию элементарных мыслительных команд и установок, но и развитие языковой компетенции, ее формирование и совершенствование. Отсюда предмет нашего исследования – вербализованные речевые спецификаторы и стереотипичные выражения, характерные для языковой личности школьника г. Краснодар.

При изучении фактов языка в контексте исследования региональной идентификации краснодарских школьников продуктивны лингвокультурный, лингвокогнитивный, социолингвистический и дискурсивный подходы.

Лингвокультурный подход предполагает изучение вербального поведения школьника с точки зрения представления культурных и психологических проявлений региональной идентификации. Это ритуалы, стереотипы речи и действий, символы, прецедентные феномены, характеризующие языковой портрет школьника.

Лингвокогнитивный подход рассматривает самоопределение школьника в контексте современной картины мира, с точки зрения семантики речи и базовых функции и характеристик концептов.

Социолингвистический подход использует метод включенного наблюдения, а также анонимного наблюдения над школьником в учебном учреждении. Такие наблюдения над спонтанной разговорной речью анализируются с содержательной стороны.

При дискурсивном подходе акцент исследования направлен на изучение воспроизводимых текстов с точки зрения включенности в них ценностных установок, модальностей, целеполагания, оценки окружающей действительности.

Исследование проведено на материале ручных записей устной речи школьников в ситуациях реального речевого общения: ответы на уроке, беседы во внеурочное время, внеклассные мероприятия, переписка в ВК-мессенджере в классной группе в количестве 564 сообщений.

Языковая личность школьника – это динамическое понятие, которое отражает степень совершенствования языковой компетенции ребенка с момента поступления в школу и до ее окончания. Более того, каждый урок направлен на улучшение умений формулировать свои мысли и на расширение словарного запаса, что естественным путем регулирует становление языковой личности школьника в процессе обучения.

Антропоцентрическая парадигма сосредоточила вектор работы ученых на понятии «языковая личность», но определить суть данного термина невозможно без наблюдения за речью ребенка. В.В. Виноградов впервые употребляет этот термин в своем труде «О художественной прозе» и считает, что «в объектном плане все сказанное можно перенести и на *parole* как сферу творческого раскрытия языковой личности» [2; с. 62].

Ю.Н. Караулов уточняет и дополняет значение «языковой личности», он же дает формулировку: «совокупность способностей характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений, которые различаются степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, определенной целевой направленностью» [3; с. 3].

Дефиниции «языковая личность» и «речевой портрет» не равны в своем значении, так как изначально термин «речевой портрет» был литературоведческим и использовался для характеристики литературного персонажа наряду с описанием его чувств, поступков и отношения к другим героям этого произведения. В отечественной лингвистике данное понятие появляется в 60-ые годы, и Д.Э. Розенталь дает определение термину «речевой портрет» уже как лингвистическому, определяя его как «подбор особых для каждого действующего лица литературного произведения слов и выражений, как средство художественного изображения персонажей» [4; с. 238]. Причем учитываются и слова, и синтаксические конструкции, обращается внимание на особенности употребления, например, профессионализмов, просторечий, фразеологизмов, устойчивых выражений, книжных синтаксических конструкции и неотреботанных фраз [4].

М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова разделяют эти понятия, делая акцент на то, что «обычно в распоряжении исследователей имеется ограниченный объем записей и наблюдений над речевой деятельностью говорящего в разных коммуникативных сферах, что не дает возможности представить его как языковую личность во всем многообразии» [5; с. 3-4].

На сегодняшний день границы понятия «языковая личность» достаточно широки и четко не определяются. В научной литературе в один ряд становятся такие единицы, как: «языковой портрет», «речевой портрет», «коммуникативный портрет», «языковая личность», «речевая личность», «коммуникативная личность», «словарная личность», «языковая компетенция», «коммуникативная компетенция», «речевая компетентность», «речевой имидж», «речевое поведение», «коммуникативное поведение», «идиостиль», «идиолект», «лингвистическая идентичность», «лингвокультурный типаж», «языковой паспорт».

В нашем исследовании мы использовали модель характеристики языковой личности школьника М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой [5], включающую в себя анализ лексикона школьника, изучение стереотипичных, повторяющихся речевых формул, клише, оборотов в школьной коммуникативной среде, рассмотрение ряда коммуникативных ролей, целей, установок и мотивации, свойственные личности школьника в рамках школьного дискурса.

Языковая личность школьника воплощает свой потенциал во взаимодействии с другими участниками учебного процесса, так как они находятся в школьном коллективе. Л.П. Крысин в своих работах рассмотрел языковую личность с точки зрения взаимодействия с обществом и социальной средой. Он выделяет учебные, служебные, военные, спортивные, производственные коллективы как вторичные малые группы. Первичными будут считаться семья, круг друзей. Отсюда школьник является членом сразу нескольких групп в его коммуникативной среде [6].

Дж. Гамперц вносит уточнение, говоря о том, что школьник взаимодействует с другими как в форме личных отношений, так и в форме деловых в школьной образовательной среде. Умение варьировать формами общения и есть коммуникативная компетенция на начальном этапе ее формирования [7].

Круг социальных связей и ролей современного школьника достаточно широк: семья, одноклассники, друзья с дополнительных занятий, кружков, секций, сверстники со двора, сообщества в соцсетях. «Коммуникативное пространство школьников приобрело трехчастную культуру: школа как образовательная среда изучения русского языка; внеклассное общение со своими сверстниками и окружающими взрослыми; интернет-общение» [8; с. 33]. Есть сообщества, которые ребенок не выбирает, и ему приходится приспосабливаться к общению в них, например, семья, одноклассники, а есть такие, которые он сам формирует, например, соцсети. Таким образом, мы можем говорить о социолингвистическом коллективном портрете школьника как о коллективной языковой личности ребенка, который в школьной образовательной среде ведет себя по-разному, в зависимости от форм вербального взаимодействия.

Если речь идет о форме делового общения, реализующегося на уроке, то имеется в виду нормированная, литературная, образцовая речь в форме ответа на уроке, комментария, выполненного устного упражнения, пересказа и т.д. Такие формы при всем разнообразии содержания достаточно стереотипичны по форме.

В неофициальном общении среди друзей школьник более раскован, эмоционально раскрепощен, не ограничен рамками и нормами, свободен в выражениях и эмоциональных проявлениях. При этом наблюдается тенденция к имитации грубости: выкрикивание плохих слов, ироничные замечания, обидные прозвища, нарочитая грубость, сопровождающаяся повышением интонации, неоправданное использование жаргонной лексики и частое использование школьного жаргона.

Школьный жаргон – это определенная форма вербализации речевого поведения школьника в образовательной среде. Это своего рода проявление идентификации, которая отражает положение дел глазами школьников, их отношение к некоторым вещам и их предпочтения. Это способ самовыражения и возможность проявить уникальность, а также вербальный маркер, подтверждающий принадлежность к социальной группе.

Приведем пример одного и того же события, которое имеет разные формы вербализованного воплощения в зависимости от типа общения (личный или деловой). Ученик получил

плохую оценку, ее надо исправлять. Каким образом он вербализует свое намерение? В неофициальном, личном общении это прозвучит так: *«Пару схлопотал, придется батрачить. Хоть бы училка добро дала закрыть или исправить»*. В этом отрывке можно встретить и жаргонную лексику, и эмоционально окрашенную, и унификацию, и прозвище. То же намерение при обращении к учителю выглядит по-другому: *«Здравствуйте, Виктория Александровна! Разрешите мне, пожалуйста, исправить мою плохую оценку. Можно переписать или взять дополнительное задание?»*. В данном сообщении присутствуют формы коммуникативного этикета, вежливая форма обращения, более сложная синтаксическая конструкция. Перед нами пример дисгlossии, отражающий коммуникативную компетенцию школьника в разных формах речевого общения в школьной образовательной среде.

На языковую личность школьника как коллективный портрет участника учебного процесса влияет многое: речевые традиции семьи, социальный статус родителей, передача или отсутствие культурных и нравственных традиций, уровень эмоциональной стабильности школьного коллектива, охват внеурочной деятельности, привычки и образ жизни, здоровая цифровая среда общения, круг увлечений и интересов. Совокупность этих характеристик формирует речевой портрет современного школьника.

Идентификация ребенка через речевое поведение может быть рассмотрена на фонетическом уровне, на лексическом и на грамматическом в особенностях их проявления. Произносительный состав речи является важной составляющей любого высказывания, четкое и внятное воспроизведение всех звуков обеспечивает корректное понимание. Интонация – дополнительное средство, обеспечивающее коммуникативное взаимопонимание. А.Н. Гвоздев писал: «звучковая сторона речи является тем средством, которое позволяет каждому из участников речевого общения передавать другим содержание своих мыслей, задавать вопросы, договариваться со сверстниками о совместной игре» [9; с. 45]. К началу школы фонетическая сторона речевого портрета ребенка целиком сформирована. Количество фонем соответствует количеству фонем литературного образцового языка, но произношение имеет ряд особенностей. Это зависит от возраста учащегося. Главным нарушением является изменение и искажение артикуляции согласных и гласных звуков.

1. Деформация артикуляции, приводящая к нечеткой дикции и усечению целых слов.

Ты что сегодня делаешь после уроков?

Ты [ч'о с'он'а д'эаии пос'э урокоф]?

Для устной речи характерна частичная унификация и сокращение безударных гласных, но у школьников эти явления усугубляются возрастными данными, при которых возрастает темп речи, появляется особая интонация при напускной небрежности или имитации грубости в общении.

2. Сжатие гласных звуков, продиктованное укорачиванием фраз и уменьшением количества затраченных усилий речи.

Это вообще норм столько задавать?

[Эта ваи'э норм стоко задават']?

У меня тоже двояк!

[У мн'а тож двајак]!

3. Наоборот, растягивание гласных, протяженность произношения гласных звуков при намерении замедлить ответ или увеличить время для ответа.

Ты возьмешь дополнительные задания?

Ну-у-у даже не знаю-ю-ю

А-а-а, вот значит ка-а-ак!

Да сколько-о-о мо-о-жно!

Перечисленные фонетические деформации можно наблюдать в речи школьника как во время делового типа общения, так и во время личного. Данные процессы усугубляются при

наличии стрессовой языковой ситуации и приводят к затруднению восприятия, что может повлиять на качество и эффективность общения.

Е.А. Земская отмечает, что «ударные гласные удлиняются главным образом с целью лучшего выражения мелодики движения тона или акцентировки ударения, они служат подсобным средством для передачи значения, и в этом смысле можно считать их функциональным» [10; с. 144].

Усечение согласных и гласных звуков в речевом потоке школьника, которое наблюдается в нашем исследовании, может происходить по причине эмоциональной нестабильности подростка, а также от повышенного темпа речи, который может быть прямым отражением клипового сознания современного школьника и увеличенного темпа жизни в целом. Однако тенденция к редукции распространяется на малозначимые или не имеющие акцентной ценности слова.

Он [на'ит]говорит ему...

[Мона] я, [мона]?

4. При быстром темпе речи сокращается звучание долгих [ц:], [д:].

Мне кажется, он все время прогуливает.

Мне [кажица], он [с'ор'эм'а]...

5. Есть еще одно явление, которое не носит массового характера, но нами отмечено как региональная фонетическая особенность. Это временное и необъяснимое смягчение звуков [ш], [ц], [ж].

Это что [ш'утка]! Это [капец']!

Физ-ры не будет, [дож'ит]на улице.

Такая особенность скорее редкость, чем норма. Но все же наблюдается в речи школьников. Причин может быть несколько, например, с точки зрения лингвистики звуки [ш], [ж], [ц] были исконно мягкими, и, возможно, дети произносят их таким образом на бессознательном уровне. А с точки зрения экстралингвистических факторов, такое произношение может быть у детей, чьи родители переехали из Сибири или чья семья говорит на двух и более языках, то есть в семьях с «нерусскими корнями», в которых характерно мягкое и иногда эмфатическое произношение [ш], [ж], [ц] в русских словах.

Также наблюдается сокращение групп согласных, состоящих из 2-х звуков:

[къда] (когда), [скокь] (сколько), [пус'] (пусть);

Кубанский говор именно на фонетическом уровне оказывает влияние на речь школьников. Он складывался на основе не только русского литературного языка, но и диалекта, фольклора, городского просторечья. Например, аканье, произнесение безударного о как а, которое отличается открытостью, независимо от того, предударный слог или заударный.

[галава] [горат]

Но если в основе лежит украинский говор, то чаще можно услышать оканье, причем безударное «о» будет произноситься также сильно, как и ударная гласная.

Рассмотрим интонацию как вспомогательный индикатор идентификации школьника: с ее помощью ребенок не только эмоционально окрашивает речь, но, прежде всего, передает свое отношение к ситуации и предмету разговора. Если ответ подготовленный или относится к сфере интересов учащегося, то речь звучит четко, уверенно, громко, а интонация твердая, иногда даже восторженная. В обратном случае голос звучит тихо и робко, речь невнятная, бубнящая, сопровождается многочисленными паузами и растяжениями звучания гласных звуков. Следующей особенностью является деление высказывания на короткие синтагмы, но паузы не всегда оправданы. Такую интонацию можно назвать «скачущей», она является подражанием английской речи [8; с. 136].

Коллективный языковой портрет школьника характеризуется «фонетическим эллипсисом», причинами которого являются общая тенденция к упрощению и экономии речевых усилий, а также возрастная принадлежность ребенка и его неоправданно высокий темп речи, не позволяющий осуществить сложные артикуляционные операции. Есть мнение, что нали-

чия высокого темпа речи недостаточно для «фонетического эллипсиса». «Чтобы эллиптическое явление имело место, быстрый темп должен сочетаться с отсутствием у говорящего установки на «полный стиль» речи, с «разрешением» на осуществление тенденции к упрощению» [11].

Лексические особенности речевого поведения наиболее четко проявляются у школьника в неофициальном общении. В такой форме общения дети пользуются школьным жаргоном. Школьный жаргон – слова и выражения школьника, которые позволяют отграничить себя от сообщества учителей и родителей. Он имеет возрастные различия, региональные и гендерные, лингвокультурные. Именно в жаргоне находят отражение объекты действительности, которые считаются важными и актуальными для коллектива учеников. Через их характеристику можно понять образ жизни речевого коллектива, уровень его нравственного воспитания, культуры, сплоченности.

Для полноценного описания языковой личности необходимым считается описание его коммуникативного пространства – совокупности сфер речевого общения, «в котором определенная языковая личность может реализоваться в соответствии с принятыми в данном социуме языковыми, когнитивными, прагматическими правилами необходимыми потребностям своего бытия» [12; с. 460].

Относительное лингвокоммуникативное пространство школы, в которой происходит формирование языковой личности, может быть разделено на макросферу – школа, семья – и микросферу – класс, компания друзей, коллектив дополнительных занятий, где количество участников заметно ниже 15-30 человек. Образовательное пространство – это место, где задается множество моделей и языковых ситуаций по развитию и совершенствованию коммуникативной компетенции с проявлением особенностей лексической системы школьного общения. Полнота и содержательность ответов, как устных, так и письменных, словарный запас, интонационная окрашенность – все это дает представление о субъективном видении мира и ценностном осмыслении важных понятий.

Приведем примеры школьных жаргонизмов, которые описывают учебные заведения, предметы, названия предметов, формы контроля, оценки, прозвища одноклассников или других учеников.

1. Названия учебных учреждений: *скул, тюрьма, засада, Екатеринка, место встречи.*

Налицо калькирование с английского языка, передача своего отношения к школе, где восприятие школы для большинства не как место получения знаний, а как место, где можно пообщаться с друзьями.

2. Название школьных предметов: *Инглиш, Матеша, Русич, Русиш, Литка, Хистория, Кубашка.*

Одни предметы могут быть *изи*, а другие *отвал баики*.

3. Формы контроля: *контроша, смерть, близкие люди, затестить, аудит, проверка.*

В перечисленных примерах присутствуют заимствования из профессионализмов, по-видимому, эти названия дети слышали у родителей и по ассоциативным связям перенесли в школьную среду. Интересно выражение «близкие люди», в котором имеется в виду «давать списывать на контрольной работе», то есть «быть близкими людьми».

4. Оценки: *двойка, четверочка, би, экселент, зачет, зачетная оценка, стандарт, неуд.*

Уменьшительно-ласкательные суффиксы снижают тревожность процедуры оценивания, придавая незначительный характер, есть и заимствования из английского языка, а также университетской лексики. Интересно название двойки как «би» (это «два» на латинском языке, здесь тоже просматривается попытка быть понятыми среди своих, используя латынь как некий код).

5. Прозвища одноклассников или других учеников: *долбояшеры, однокла, срундик, ошибка природы, недоносыш, подвалыш, зоопарк, зверинец, чупакабрики, ЛП.*

Здесь мы встречаем колкие и обидные прозвища, в которых проявляется тенденция к грубости и ироничности в рамках неофициального общения. Есть сокращение «однокла», демонстрирующее общую тенденцию к унификации и экономии речевых усилий. Есть и образные выражения «ошибка природы», берущее свое начало с уроков биологии.

В речи школьника присутствует много слов, которые демонстрируют его принадлежность именно к школьной среде, то есть школьный жаргон составляет специфику речи: *арты (рисунки), баг (ошибка), ботан (заучка), дз (домашнее задание), дноклы (одноклассники), патлы (волосы), допы (дополнительные занятия), ботики (умники) и т.д.* Татьяна Петровна Тарасенко в своем диссертационном исследовании выделяет школьный жаргон как отдельную языковую подсистему, в которой школьник реализуется как языковая личность [13].

Школьный жаргон пронизывает все сферы учебной деятельности: от названия учебного заведения до оценки всего происходящего. Он является средством, которое повышает чувство сплоченности, объединяет и одновременно противопоставляет школьников другим сообществам. Используется школьный жаргон для внутригруппового общения, что позволяет говорящему свободно выражать свои мысли, свое отношение и даже дать оценку (от дружески-ироничной до презрительно-унизительной). Можно сказать, что школьный жаргон закрывает потребности школьника в словотворчестве, когда он не может найти эквивалента в литературном языке, тогда школьный жаргон становится своеобразным «творением». Таким образом, школьный жаргон – это повседневный язык общения школьников, являющийся показателем их заинтересованности, вовлеченности, единства, раскрепощенности и комфорта общения.

Для краснодарских школьников, имеющих в своей школьной программе такой предмет, как кубановедение, свойственно употребление лексики, характерной именно для этого региона. В устной речи школьников часто встречаются названия локаций города, которые могут быть оценены как вербализованные региональные номинации, что можно расценивать как региональную идентификацию.

Ты общаешься с ребятами? Какими? С Лузана?

Наша Екатеринка всегда учится, у нас нет дней здоровья.

Ты домой? Нет. Я гулять к тарелке.

Ты б свой курень закрыл!

Что вы спорите! Не лезь в нашу балачку!

В данных примерах перечислены улицы Краснодара, название гимназии, лексика, которую можно встретить в диалекте Кубани. Все это считается символикой и маркерами региональной идентичности. В школьном жаргоне ярко представлен образ жизни речевого коллектива, уровень его культуры. Понимание значимости региональной идентичности происходит в рамках школьного дискурса: в соотношении региональных, национальных, и общегражданских ценностей, воплощенных в культурных, языковых и литературных текстах.

Синтаксические особенности языкового портрета школьника содержатся в словосочетаниях и предложениях устной и письменной речи. Умение создавать связный текст с пространственными сложными предложениями, разные формы устных и письменных высказываний являются материалом для анализа синтаксических характеристик языкового портрета школьника, который был взят из сочинений учащихся.

Из проанализированных работ стало ясно, что для речи школьников младшей возрастной категории характерно наличие простых предложений, которые могут быть осложнены однородными членами предложения, вводными простыми конструкциями. В качестве грамматической связи используются повторы. В сочинениях школьников среднего звена чаще можно встретить сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснения с союзом «что». По структуре предложения двусоставные. Но сам текст не имеет композиционной стройности, в нем присутствуют грамматические и логические нарушения.

Анализ сочинений учеников старшего возраста, начиная с 8-го класса, показал, что работы отличаются композиционной и логической структурированностью, но недостатками

остаются отсутствие сложных синтаксических конструкций, осложненных деепричастными и причастными оборотами, а также бедный лексический состав высказываний.

В сочинениях младшего и среднего возраста очень часты употребления местоимений «я» и «мы», что приводит к тенденции эгоцентричности в речи.

У меня так часто бывает, когда я прихожу со школы домой, мои друзья уже ждут моего звонка. Я решаю, куда мы пойдём. Я часто беру свою собаку, и мы веселимся с ней.

Синтаксический строй языка школьника претерпевает изменения вместе с взрослением ребенка, но общей остается тенденция к экономии языковых средств выразительности, упрощению синтаксиса и снижению культурного уровня использования лексики.

В живой речи можно встретить неполные предложения разного типа, которые могут разрываться встроенными конструкциями, что ослабляет композиционное единство высказывания и затрудняет понимание.

У параллельного класса была контрола по алгебре/ они написали/сдали работу/ сложная была/

Встречаются и примеры конструкций с именительным темы, личного местоимения, где в первой части предложения стоит изолированное существительное, привлекающее внимание.

Анна Васильевна, она не в духе сегодня...

И.В. Голубева комментирует данную конструкцию: «употребление конструкций с именительным темы (представления) в устной речи позволяет сосредоточить внимание на второй части высказывания, так как тема представляется в форме именительного падежа, и на ее реализацию в речи и понимание не требуется больших усилий» [14; с. 16].

Анализ синтаксического строя речи школьника показал, что сложность синтаксических конструкций формируется постепенно, логичность и грамматическая стройность характерна для работ учащихся старших классов, частые речевые ошибки сопровождаются нарушением употребления необходимых форм слов и их сочетаемости с другими.

Наше исследование поставило вопрос о нахождении вербальных маркеров региональной идентичности в рамках школьного дискурса. Наиболее явной формой репрезентации региональной идентичности является ее лингвистическая выраженность, представляющая особую номинацию предмета региональной идентичности и дающая представление о формировании феномена региональной идентичности у школьников.

Язык тесно связан с внеязыковой действительностью, а язык подростка напрямую отражает все те негативные тенденции, которые находят свое начало в языке СМИ и интернет-коммуникации: ослабление толерантности, демонстрация жестокости, озлобленность, негативная оценка происходящих событий, доступность к деструктивной лексике. Школьник становится свидетелем размывания речевых и поведенческих норм, поэтому речевая агрессия становится одной из черт современного языкового портрета школьника. Высокая степень агрессивности – речевой индикатор низкого уровня речевой культуры.

В целом, речевая деятельность учащихся является уникальным и своеобразным способом идентификации школьника в учебной среде. Устная речь краснодарских детей возраста 7–17 лет имеет тенденцию к проявлению антинормы и подражанию интернет-коммуникации, а также характеризуется языковой унификацией, проявляющейся на всех уровнях языка и употреблением форм диалектной лексики, свойственной только этому региону.

Желание быть узнаваемым в школьном сообществе приводит к стремлению создать особый язык (речетворчеству), в котором актуализируется школьный жаргон, позволяющий проявлять раскрепощенность, грубость, простоту выражения, идиоматичность. Устная речь школьников изобилует клишированными оборотами, повторяющимися выражениями, а также для нее свойственна повторяемость, экспрессивность и юмористическая окраска. Данное явление отрицательно сказывается на общей культуре речи учащихся.

Характеристика языковой личности школьника в рамках школьного дискурса представляет собой способ идентификации, в частности, региональной, и невозможна без определения мировоззренческой и смысложизненной ориентации современного юношества, живущего в г. Краснодар.

Синтаксический строй языка школьника не соответствует уровню теоретических знаний, маленький практический опыт письменной речи не дает возможность прорыва в выразительном совершенствовании письменной и устной речи.

Школьник имеет свои специфические черты речевого поведения, которые складываются в его социолект и речевой портрет. Целью формирования особого речевого образа считается стремление к самоутверждению, оппозиция взрослому миру, идентификация себя как часть школьного сообщества. Школьный жаргон является средством реализации этого стремления, так как он, являясь частью общешкольного жаргона, имеет свои черты: тематика образовательной среды, незамкнутая лексическая система, критическое отношение к окружающему миру.

Библиографический список

1. Панарин А.С. Православная цивилизация. М.: Ин-т рус. цивилизации, 2014. 1248 с.
2. Виноградов В.В. О художественной прозе. М.; Л.: Наука, 1930. 193 с.
3. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985. 357 с.
5. Китайгородская М.В. Русский речевой портрет: фонохрестоматия. М.: Наука, 1995. 128 с.
6. Крысин Л.П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М., 1989. С.475-485.
7. Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений // Новое в лингвистике. Социолингвистика. Вып. 7. М., 1975. С.182-199.
8. Милёшина Л.В. Речевой портрет школьника в системе современной коммуникации: дис. ... филол. наук: 5.9.5. / Милёшина Лариса Валерьевна. Тамбов, 2023. 191 с.
9. Гвоздев А.Н. Значение изучения детского языка для языкознания. СПб, 1999. 63 с.
10. Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979. 144 с.
11. Кодзасов С.В. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи // Речевые технологии 3-4. 2014. С.3-24.
12. Прохоров Ю.Е. Коммуникативное пространство языковой личности в национально-культурном аспекте // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Диалог-МГУ, 1999. Вып. 8. С.52-63.
13. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций: автореф. дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
14. Голубева И.В. Опыт создания коллективного речевого портрета (на материале экспрессивного синтаксиса мемуарной прозы): дис.... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Голубева Ирина Валериевна. Краснодар, 2002. 308 с.
15. Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М.: КомКнига, 2006. 240 с.

References

1. Panarin A.S. Orthodox civilization. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2014. 1248 p.
2. Vinogradov V.V. About fiction. M.; L.: Nauka, 1930. 193 p.
3. Karaulov Yu.N. Russian language and linguistic personality. M.: Nauka, 1987. 264 p.

4. Rosenthal D.E., Telenkova M.A. Dictionary of linguistic terms. Moscow: Prosveshchenie, 1985. 357 p.
5. Kitaygorodskaya M.V. Russian speech portrait: phonohrestomy. M.: Nauka, 1995.128 p.
6. Krysin L.P. On human speech behavior in small social communities (posing a question) //Language and personality. M., 1989. pp.475-485.
7. Gamperts J. On the ethnographic aspect of language changes// New in linguistics. Sociolinguistics. Issue 7. M., 1975 pp.182-199.
8. Mileshina L.V. Speech portrait of a student in the system of modern communication: dis. ...philology: 5.9.5./ Mileshina Larisa Valeryevna. Tambov, 2023. 191 p.
9. Gvozdev A.N. The importance of learning a child's language for linguistics. St. Petersburg, 1999. 63 p.
10. Zemskaya E.A. Russian colloquial speech. Linguistic analysis and problems of learning. M., 1979. 144 p.
11. Kodzasov S.V. Phonetic ellipsis in Russian colloquial speech// Speech technologies 3-4. 2014. pp.3-24.
12. Prokhorov Yu.E. The communicative space of a linguistic personality in the national and cultural aspect// Language, consciousness, communication: Collection of articles/ Ed. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. M.: Dialog-Moscow State University, 1999. Issue 8. pp.52-63.
13. Tarasenko T.P. Linguistic personality of a high school student in the aspect of its speech implementations: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Krasnodar, 2007. 26 p.
14. Golubeva I.V. The experience of creating a collective speech portrait (based on the expressive syntax of memoir prose): dis.... Doctor of Philology: 02/10/2011 / Golubeva Irina Valerievna. Krasnodar, 2002. 308 p.
15. Naumov V.V. Linguistic identification of personality. M.: KomKniga, 2006. 240 p.

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.004

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Аспирант кафедры русского языка,
культуры речи и методики
их преподавания
Агафонцев М.С.
Россия, г. Самара,
тел. + 79170366484
e-mail: agafontsev.m@psga.ru*

*Samara State University of Social Sciences
and Education
The chair of Russian language, standards
of speech and methods of its teaching
Postgraduate student
Agafontsev M.S.
Russia, Samara
tel. + 79170366484
e-mail: agafontsev.m@psga.ru*

М.С. Агафонцев

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССА НАКАЗАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности языковой реализации процесса вербального и физического наказания в педагогическом дискурсе. В настоящее время вопросы языковой реализации педагогической деятельности человека представлены в науке о языке фрагментарно, что не дает полного представления об особенностях ее лексико-фразеологического состава. В связи с этим возникает необходимость более детального изучения языковой реализации поведения педагога в профессиональной деятельности с точки зрения ее лексической и фразеологической представленности. Цель исследования – выявление и краткая характеристика лексических и фразеологических единиц, реализующих процесс угрозы и наказания в речи педагогов с опорой на экстралингвистические факторы и историческую изменчивость образовательной системы России. С помощью анкетирования, являющегося одним из социолингвистических методов изучения языковой составляющей любого дискурса, а также благодаря методу сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка, представилось возможным проследить динамику реализации угрозы и наказания в отечественной образовательной системе. В ходе исследования выделились не только узусальные лексемы и фразеологизмы, но также и неологизмы, которые отличаются от закрепленных в языке выражений компонентным составом, однако при этом сохраняют в себе исходную семантику угрозы и/или наказания. Делается вывод о взаимосвязи методов наказания с возможностью лексического и фразеологического их выражения, поскольку широкое распространение получают языковые единицы прямой номинации. Полученные результаты лягут в основу дальнейших исследований лингвистической русистики, выполненные в русле изучения коммуникативного акта угрозы и наказания, а также фразеологического состава русского языка в целом.

Ключевые слова: лексика, фразеология, педагогический дискурс, вербальное и физическое наказание, угроза.

M.S. Agafontsev

FEATURES OF THE LINGUISTIC IMPLEMENTATION OF THE PUNISHMENT PROCESS IN PEDAGOGICAL DISCOURSE

The article sites the peculiarities of the linguistic implementation of the process of verbal and physical punishment in pedagogical discourse. Currently, the issues of linguistic realization of human pedagogical activity are presented in the science of language in fragments, which does not give a complete idea of the features of its lexical and phraseological composition. In this regard, there is a need for a more detailed study of the linguistic implementation of the teacher's behavior in professional activity from the point of view of its lexical and phraseological representation. The purpose of the study is to identify and briefly characterize the lexical and phraseological units that implement the process of threat and punishment in the speech of teachers based on extralinguistic factors and the historical variability of the Russian educational system. With the help of a questionnaire, which is one of the sociolinguistic methods of study-

ing the linguistic component of any discourse, as well as thanks to the method of continuous sampling from phraseological dictionaries of the Russian language, it became possible to trace the dynamics of the threat and punishment in the domestic educational system. In the course of the study, not only the usual lexemes and phraseological units were identified, but also neologisms that differ from expressions fixed in the language in their component composition, but at the same time retain the original semantics of threat and/or punishment. The conclusion is made about the relationship of punishment methods with the possibility of their lexical and phraseological expression, since linguistic units of direct nomination are widely used. The results obtained will form the basis for further research of linguistic Russian studies, carried out in line with the study of the communicative act of threat and punishment, as well as the phraseological composition of the Russian language as a whole.

Keywords: vocabulary, phraseology, pedagogical discourse, verbal and physical punishment, threat

В настоящее время одним из актуальных направлений познания мира является антропоцентризм – изучение сущности человека, его быта, взаимодействия с себе подобными. Лингвистическая наука не является исключением. Уже сегодня отмечается возросшее число научных исследований, относящихся к этому направлению познания. На этот факт обращает внимание целый ряд исследователей в области лингвистической русистики: Е.В. Абрамовских, Е.П. Иванян, О.И. Кальнова [1], П.И. Костомаров [2], С.В. Чеботарева [3] и др. Подобно естественнонаучной картине мира, по мнению П.И. Костомарова, в наши дни происходит формирование, становление и укрепление языковой картины мира, заключающейся в рассмотрении языка не как отдельного от человека феномена, а в тесной взаимосвязи с ним. Язык, по сути, и сам является феноменом антропологического характера [2]. Подобное суждение предопределяет дальнейшие изыскания с учетом человекоцентричности, особенностей взаимодействия людей и языковой реализации их деятельности в разных сферах.

Активная коммуникация человека с социумом может быть выражена в различных ситуациях общения в двух формах: вербальной и невербальной. К последней отнесем жесты, мимику и в целом любое физическое воздействие на объект коммуникации. Отметим, что каждая из коммуникативных ситуаций предполагает наличие как минимум двух действующих лиц: субъекта – реализатора ситуации, объекта – предмета ситуации. Каждая из ситуаций также предполагает коммуникативную интенцию, то есть, намерение говорящего, с учетом которого им же и происходит выбор необходимых языковых средств для достижения поставленных целей.

В рамках настоящего исследования рассмотрим коммуникативную ситуацию угрозы и наказания, реализуемую в рамках педагогического дискурса. К настоящему времени в лингвистической науке пока не сложилось четкое понимание о системе речевых средств, используемых педагогами в профессиональной деятельности с точки зрения лексического и фразеологического состава. На это в большей степени влияет и динамическое развитие языка, который постоянно вбирает в себя все новые средства, а также постоянно претерпевающие изменения экстралингвистические причины, выступающие в том числе как регулятор деятельности педагога.

Вопрос взаимоотношений модели *учитель – ученик* во многом опирается и на такое явление, как социальная роль, предопределяющая коммуникативное поведение говорящего и слушающего. Отечественный лингвист Л.П. Крысин, отмечая особенности социальной роли как явления, диктующего поведение адресанта и адресата речи, говорит также о выработанной системе вербальных и невербальных средств общения. Для каждой социальной роли подобная система будет содержать свои установки, приемы и инструменты. С помощью этой системы носитель языка в обществе сигнализирует о своей отнесенности к определенной социальной группе [4]. В педагогическом дискурсе наличие двух диаметрально противоположных социальных ролей (педагога и ученика) предопределяет их коммуникативное поведение с опорой на систему вербальных и невербальных, разрешенных только для одной из этих ролей, средств общения. Что дозволено учителю – непозволительно для ученика. Что предпи-

сывается ученику – не может быть выполнено учителем. И наиболее явно подобная установка прослеживается в коммуникативной ситуации угрозы и наказания.

Педагогический дискурс по своему определению предполагает наличие воспитательно-го компонента, что ставит его на одном уровне с дискурсом семейным. Однако большинство инструментов воздействия на объект воспитания, которые допустимы для использования в семье, категорически запрещены к реализации педагогом. К этому относятся как вербальные, так и некоторые невербальные средства воздействия. Вместе с тем такая установка является характерной не для каждого периода развития российского образования.

Говоря о процессе воспитания в образовательных учреждениях, отметим, что в настоящем исследовании поднимается вопрос одного из компонентов воспитания – наказания. Историческая изменчивость образовательной системы России во многом предопределяет виды, формы и способы реализации данного коммуникативного акта. Опираясь на исследование А.Е. Щегловой, отметим, что система физического воздействия на обучающихся долгое время оставалась в качестве единственного действенного метода воспитания [5]. При этом применение данного метода происходило вне зависимости от типа образовательного учреждения. Во многом не играл значимой роли даже пол обучающихся, поскольку телесным наказаниям подвергались как лица мужского, так и женского пола. Данная тенденция распространялась как на учреждения России, так и на школы, гимназии, колледжи Европы.

К XVIII в. взгляды на систему воспитания в российской педагогической мысли, постепенно распространяемой на практику образовательных учреждений, претерпели изменения в сторону более гуманных. Многие отечественные педагоги отмечали действенность не телесных наказаний, а других методов воздействия на ребенка, заключающихся в трудовом воспитании, развитии чувства сострадания, сопричастности, командного духа. Это нашло отражение во взглядах В.И. Водовозова, А.С. Макаренко, П.Г. Редкина, В.А. Сухомлинского, К.Д. Ушинского, о чем говорится в исследовании Н.Г. Крыловец [6].

Однако долгое время система наказаний в образовательных учреждениях Российской империи не менялась и была основана в том числе на регулярном использовании физических методов воздействия на обучающихся, что также регулировалось законодательными нормами. Например, «Устав гимназий и училищ уездных и приходских...» регламентирует применение учителями методов наказания, среди которых выделяется выговор, оставление ученика одного в классе, пристыжение, исключение из школы и др. Вместе с тем не запрещается и использование физического наказания [7]. Перечисленные методы воздействия на провинившегося ученика предполагают использование субъектом наказания языковых единиц прямой номинации, однако наличие телесного наказания породило и впоследствии закрепило в лексическом и фразеологическом составе русского языка единицы вторичной номинации, среди которых также фразеологические обороты.

Как отмечается в ряде источников, в качестве популярных методов физического наказания обучающихся выступали оплеуха (пощечина), сечение розгами, плетью, удар палкой [8], [9], [7]. Причем каждое образовательное учреждение до 1917 года имело право само выбирать методы воздействия, поскольку применение конкретного из них не регламентировалось. Эти факты оказали влияние на появление в русском языке фразеологизмов со значением *выпороть*, *высечь в наказание*. Обратимся к «Фразеологическому словарю русского литературного языка» под редакцией А.И. Федорова [10], а также «Фразеологическому словарю современного русского языка» под редакцией Ю.А. Ларионовой [11] как наиболее полным словарям, отражающим фразеологический состав современного русского языка. Фразеологические единицы (ФЕ) наказания в общей сложности представлены в количестве 122 единиц. Из их числа выделим фразеологизмы со значением *выпороть*, *высечь в наказание*, представленные в количестве 9 единиц: *всыпать горячих*, *спустить шкуру*, *спустить три шкуры*, *спустить семь шкур*, *дать березовой каши*, *накормить березовой кашей*, *влепить пару горячих*, *прописать пропорцию*, *спускать кожу*. Опираясь на данные словарей, отметим, что значения каждой из представленных ФЕ соотносятся с воздействием на объект наказания при

помощи плети или розги, что было характерно для образовательной системы дореволюционной России. Отметим, что при этом ФЕ *спустить шкуру*, *спустить три шкуры*, *спустить семь шкур* имеют два лексико-семантических варианта (ЛСВ): помимо основной семантики наказания фразеологизмы могут быть употреблены в качестве угрозы, что находит свое отражение в словарной статье. Например, *спустить шкуру* – «выпороть; наказать за что-либо (угроза)» [11, с. 401].

Вместе с толкованием определим период возникновения и закрепления в русской фразеологической системе подобных выражений. В ФСРЛЯ толкование ФЕ *спустить шкуру* имеет прямое указание на инструмент наказания, предмет, с помощью которого оно и реализуется, ср.: «жестоко наказать плетью, ремнем и т. п.; выпороть, высечь» [10, с. 649]. То же наблюдаем и в толковании другой ФЕ *дать березовой каши* «выпороть, наказать розгами» [10, с. 171]. Таким образом, указание на предмет совершения телесного наказания прямо свидетельствует о закреплении во фразеологической системе русского языка подобных выражений, являющихся частью коммуникативной ситуации наказания, характерной для педагогического дискурса дореволюционной эпохи развития государства.

Обратимся к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), в котором предоставляется возможность отследить период закрепления выражения в русском языке на основе художественных и публицистических текстов. Так, ФЕ *спустить шкуру* впервые фиксируется в тексте М. П. Погодина «Васильев вечер», датированным 1831 годом, ср.: «*Да и времени погубим много, а нам барин настрого наказывал быть ныне к вечеру домой. Он с живых нас шкуру спустит*» [12]. Рассмотрим в НКРЯ ФЕ *дать березовой каши*. В значении телесного наказания выражение впервые встречаем в тексте драме М. Ю. Лермонтова «Menschen und Leidenschaften», датированной 1830 годом: «*Пошли его сюда... скорей... уж я ему дам, разбойнику, березовой каши*» [13]. Таким образом, фиксация фразеологизмов в НКРЯ дает нам основание говорить о периоде возникновения выражений и закреплении их в составе языка, в том числе в рамках педагогического дискурса.

Одной из особенностей физических методов наказания в образовательной системе Российской империи стало их культурное влияние, которое нашло отражение и в художественной литературе, описывающей быт образовательных учреждений России рассматриваемого периода. Так, в повести Н.Г. Помяловского «Очерки бурсы», которая посвящена жизнеописанию воспитанников духовного образовательного учреждения, встречаем значительное количество лексических и фразеологических единиц с семантикой телесного воздействия в целом и наказания в частности, которые имеют место как в речи воспитанников, так и в речи педагогов и работников. Ср.: «*Попался, голубчик! - говорили ему. / - Так что же? / - А то, что накормят березовой кашей!*» [14].

Система воспитания, а значит – и наказания, претерпела изменения после Октябрьской революции в 1917 году. Одним из значимых решений, принятых правительством в отношении образовательных учреждений России, стал полный запрет на применение телесных наказаний [9]. Запрет на физическое воздействие на обучающихся сохранился и в настоящее время, что регулярно отслеживается как общественностью, так и государственными органами. Этот факт впоследствии не мог не повлиять на лексическую и фразеологическую составляющую образовательного процесса. Обратимся к Приказу Народного Комиссариата Просвещения РСФСР №205 от 21 марта 1944 года «Об укреплении дисциплины в школе», который в качестве мер наказания приписывает использовать следующие методы: замечание, выговор, повышение голоса, удаление из класса, снижение балла, исключение из школы и др. [15]. Языковая реализация данных методов возможна только при употреблении соответствующих лексических единиц в прямой номинации, например: *Пошел вон из класса! Взял вещи и пересел! Чтобы больше так не делал!* Языковое выражение методов наказания в данном случае происходит по большей части с помощью повелительного наклонения глагола, который и выступает в качестве транслятора смысла наказания.

В современной российской образовательной системе телесные наказания по-прежнему под запретом, что регулируется в том числе на законодательном уровне. Например, в Трудовом кодексе РФ (ТК РФ) закреплена мера, которая предполагает расторжение трудового договора с учителем в случае, если тот применил к обучающемуся физическую силу в той или иной степени. Об этом свидетельствует ч. 2 ст. 336: «применение, в том числе однократное, методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося, воспитанника» [16]. Однако при этом методы наказания, реализуемые вербально, в настоящее время являются единственно возможными вариантами воздействия на провинившихся обучающихся. Языковые средства, используемые при этом, могут быть употреблены как в прямом значении, так и с помощью ФЕ, которые раскрывают намерения учителя по отношению к обучающемуся по части реализации наказания.

С целью выявления особенностей употребления языковых единиц вторичной номинации процесса наказания в современном педагогическом дискурсе нами было инициировано социолингвистическое исследование, проведенное в формате анкетирования. В качестве информантов выступили 277 студентов Самарского государственного социально-педагогического университета (СГСПУ), являющиеся студентами филологического, исторического факультетов, а также факультета начального образования и факультета физической культуры и спорта. Респондентам предлагалось ответить на 3 вопроса: 1) *Наказывали ли вас учителя в школе?* 2) *Использовали ли учителя или при наказании устойчивые выражения? Если да, то какие это выражения?* 3) *Какие устойчивые сочетания слов вы слышали от учителей или администрации школы при наказании, обращенному другому человеку? Укажите эти сочетания.*

Отметим, что, по результатам исследования, из 100% опрошенных только 51% указал на наличие наказания как такового. Это может быть связано с достаточно строгим контролем со стороны как администрации образовательного учреждения, соответствующих органов, а также родителей и общественности за поведением учителя и недопущением строгого наказания по отношению к детскому коллективу. Это, в свою очередь, отложило отпечаток на использование лексики и фразеологии в речи педагога. Однако несколько ФЕ, семантически восходящих к наказанию, были отмечены сразу несколькими процентами информантов, что говорит об определенной динамике языкового воплощения процесса наказания в школе. Рассмотрим приведенные в Таблице 1 примеры.

Таблица 1

Фразеологизмы с семантикой наказания в педагогическом дискурсе и их частотность

№	Номинация со значением наказания	Частотность употребления, ед.
1.	Показать кузькину мать	17%
2.	Показать, где раки зимуют	16%
3.	Выдрать как сидорову козу	9%
4.	Намылить шею	7%
5.	Открутить уши	1%
6.	Укоротить язык	0,5%
7.	Устроить Вторую Отечественную	0,5%

Как показало проведенное социолингвистическое исследование, в педагогическом дискурсе имеют место не только языковые единицы прямой номинации, выражающие значение наказания, но и ФЕ. Большинство из отмеченных выражений носят характер узуальных (*показать кузькину мать*, *намылить шею* и др.), однако имеют место и выражения, не закрепленные в словарях (*устроить Вторую Отечественную*).

Выражение *устроить Вторую Отечественную*, опираясь на научный опыт Д.Н. Давлетбаевой, отнесем к фразеологическим неологизмам (ФН), поскольку оно имеет в своей структуре компоненты, которые относятся к другим фразеологизмам, схожим по се-

мантике и является по сути фразеологическим трансформантом [17]. Например, *устроить веселую жизнь, устроить темную, устроить баню* и др. Глагольный компонент *устроить* указывает на намерение субъекта создать определенные условия жизни объекту наказания, в данном случае имеющие сходства с тяготами переживших Великую Отечественную войну. Созданные в данном случае условия и будут считаться Второй Отечественной. Очевидно, что ФН может употребляться и как угроза, и как единица, непосредственно указывающая на реализацию наказания.

Таким образом, обобщение научного опыта, а также проведенное социолингвистическое исследование показали, что в педагогическом дискурсе имеют место не только языковые средства прямой номинации, но также и фразеологизмы, обозначающие процесс наказания или угрозу этот процесс осуществить. В большей степени фразеологическая составляющая процесса наказания в школе опирается на узуальные ФЕ, однако имеют место и ФН. Фразеологизмы позволяют создать определенный языковой портрет говорящего, который при этом отражает его уровень культуры, степень эмоционального воздействия на объект наказания в педагогическом дискурсе.

Библиографический список

1. Абрамовских Е.В., Иванян Е.П., Кальнова О.И. Антропоцентризм в языке и литературе (по итогам научно-методологических конференций и семинаров) // Научный диалог, 2016. № 6. С. 264–267.
2. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // СибСкрипт. 2014. № 1. С. 198–203.
3. Чеботарева С.В. Человек как главная ценностная ориентация современной лингвистики; антропоцентризм категории сравнения // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. статей. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2020. С. 259–264.
4. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 186 с.
5. Щеглова А.Е. Сущность методов поощрения и наказания в истории педагогической мысли // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2009. № 113. С. 233–238.
6. Крыловец Н.Г. Первое русское педагогическое общество: дискуссия о дисциплине детей и телесных наказаниях // Народное образование, 2010. № 1. С. 230–233.
7. Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. 1828 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13657> (дата обращения: 24.03.2024).
8. Жбанков Д.Н. О телесных наказаниях в начальных школах // Нижегородский сборник. СПб.: Изд. т-ва «Знание», 1905. С. 174–190.
9. Кон И.С. Телесные наказания детей в России: прошлое и настоящее // Историческая психология и социология истории, 2011. № 4. С. 74–101.
10. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М. Астрель: АСТ, 2008. 878 с.
11. Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.
12. Погодин М.П. Васильев вечер // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/39dc2A> (дата обращения: 24.03.2024).
13. Лермонтов М.Ю. Menschen und Leidenschaften // Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/39dcSF> (дата обращения: 24.03.2024).

14. Помяловский Н.Г. «Очерки бурсы» // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_0030.shtml (дата обращения: 24.03.2024)

15. Инструкция о применении поощрений и наказаний в школах. Приказ Народного Комиссариата Просвещения РСФСР № 205 от 21 марта 1944 года «Об укреплении дисциплины в школе» // zt1narod.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://zt1.narod.ru/nkzn1944.htm> (дата обращения: 24.03.2024).

16. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) // СПС Консультант плюс [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 24.03.2024).

17. Давлетбаева Д.Н. Типологическая моделируемость фразеологических трансформаций (на материале русского, английского, французского и турецкого языков): автореф. дис... д-ра филол. наук. Казань, 2012. 45 с.

References

1. Abramovskikh E.V., Ivanyan E.P., Kalnova O.I. Anthropocentrism in language and literature (based on the results of scientific and methodological conferences and seminars) // Scientific dialogue. 2016. Vol. 6. P. 264-267.

2. Kostomarov P.I. Anthropocentrism as the most important sign of modern linguistics // SibScript, 2014. Vol.1. P. 198-203.

3. Chebotareva S.V. Man as the main value orientation of modern linguistics; anthropocentrism of the category of comparison // The axiological range of fiction: collection of scientific works. articles. Vitebsk: VSU named after P. M. Masherov, 2020. P. 259-264.

4. Krysin L.P. Sociolinguistic aspects of the study of the modern Russian language. Moscow, 1989. 186 p.

5. Shcheglova A.E. The essence of methods of encouragement and punishment in the history of pedagogical thought // The Bulletin of Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. 2009. Vol.113. P. 233-238.

6. Krylovets N.G. The First Russian Pedagogical Society: a discussion on the discipline of children and corporal punishment // National education. 2010. Vol. 1. P. 230-233.

7. The charter of gymnasiums and schools of the county and parish, which are in the department of the universities of St. Petersburg, Moscow, Kazan and Kharkov. 1828 // Museum of the History of Russian Reforms named after P.A. Stolypin. URL: <http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13657> (date of application: 03.24.2024).

8. Zhbakov D.N. On corporal punishment in primary schools // Nizhny Novgorod collection. St. Petersburg, 1905. P. 174-190.

9. Kon I.S. Corporal punishment of children in Russia: past and present // Historical Psychology and Sociology of History. 2011. Vol.4. P. 74-101.

10. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of the Russian literary language. Moscow, 2008. 878 p.

11. Larionova Y. A. Phraseological dictionary of the modern Russian language. Moscow, 2014. 512 p.

12. Pogodin M.P. Vasiliev evening // National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/39dc2A> (date of application: 03.24.2024).

13. Lermontov M.Y. Menschen und Leidenschaften // National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/39dcSF> (date of application: 03.24.2024).

14. Pomyalovsky N.G. "Essays of Bursa" [Electronic resource]. URL: http://az.lib.ru/p/pomjalowskij_n_g/text_0030.shtml (date of application: 03.24.2024)

15. Instructions on the use of rewards and punishments in schools. Order of the People's Commissariat of Education of the RSFSR No. 205 dated March 21, 1944 "On strengthening discipline at school" // zt1narod.ru [Electronic resource]. URL: <https://zt1.narod.ru/nkzn1944.htm> (date of application: 03.24.2024).

16. The Labor Code of the Russian Federation dated 12.30.2001 No. 197-FZ (as amended on 12.25.2023) (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2024) // SPS Consultant plus [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (date of application: 03.24.2024).

17. Davletbaeva D.N. Typological modelability of phraseological transformations (based on the material of Russian, English, French and Turkish languages): The author's thesis... Dr. Philol. sciences. Kazan, 2012. 45 p.

УДК 81-112.2

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.005

*Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова
доцент кафедры иностранных языков,
кандидат филологических наук
Ермаков С. А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(903)850-46-93
e-mail: sergey-ermakov.1811@mail.ru*

*Voronezh State University of Forestry and
Technologies Named after G. F. Morozov
Associate Professor of the Foreign Languages
Department, Candidate of Philology
Ermakov S. A.
Russia, Voronezh, tel. +7(903)850-46-93
e-mail: sergey-ermakov.1811@mail.ru*

С.А. Ермаков

ДЕРИВАЦИОННЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

Слово является важнейшей единицей языковой системы, отражающей внешний и внутренний мир человека, и неразрывно связано с его национально-культурной идентичностью. Национальный язык отражает историю и разнообразные культурные изменения, происходящие в обществе. Историческая лексикология, в свою очередь, изучает преобразования, происходящие в языке. Для того чтобы понять и проанализировать процессы, происходящие в лексико-семантической системе языка, необходимо стратифицировать лексику по ее системному весу и выделить ядро языка. Важнейшие изменения (количественные и качественные) происходят в ядре лексики и первостепенная задача – выявить именно их.

Параметрический Анализ Лексики (ПАЛ) позволяет выявлять системное ядро лексики. ПАЛ – инструмент системной стратификации лексики, включающий четыре основных параметра: функциональный, синтагматический, деривационный и парадигматический. Только учет всех четырех параметров дает полное представление о положении слова в иерархии лексико-семантической системы языка. В статье представлен подробный обзор деривационного анализа лексики на примере словников из повествовательных произведений современных российских авторов. Выбор повествовательного текста как объекта исследования определяется его универсальной природой и древними традициями. В статье последовательно описаны все этапы проведения практической работы – от подготовки МинТеМ лексики исследуемых словников к деривационному анализу до определения Д-величины всех слов, вычисления деривационного веса и заканчивая анализом результатов исследования. Также в статье содержится описание оригинальных приемов и решений, использованных в ходе работы, которые могут оказаться полезными для дальнейших исследований в области исторической лексикологии и изучения лексико-семантической системы современного русского языка.

Ключевые слова: историческая лексикология, параметрический анализ лексики по тексту, деривационный анализ, Д-показатель, Д-вес, корень слова.

S.A. Ermakov

DERIVATIONAL ANALYSIS OF VOCABULARY ON THE EXAMPLE OF NARRATIVE TEXTS

The word is the most important unit of the language system, reflecting the external and internal world of a person, which is inseparably linked with his national and cultural identity. The national language reflects the history and diverse cultural changes taking place in society. Historical lexicology, in turn, studies the transformations taking place in a language. In order to understand and analyze the processes occurring in the lexico-semantic system of a language, it is necessary to stratify vocabulary by its systemic weight and identify the core of the language. The main goal is to identify the changes occurring in the core of the vocabulary, both quantitative and qualitative. Parametric Analysis of Vocabulary, or PAL, is a tool for systemic stratification of vocabulary, including four main parameters: functional, syntagmatic, derivational and paradigmatic. Only taking into account all four parameters gives a complete picture of the position of the word in the hierarchy of the lexico-semantic system of the language. This article provides a detailed overview of the derivational analysis of vocabulary using the example of texts from the narrative works of modern Russian authors. The choice of a narrative text as an object of research is determined by its universal nature and ancient

traditions. The article consistently describes all the stages of practical work – from preparing the vocabulary of the studied dictionaries for derivational analysis to determining the D-value of all words, calculating the derivational weight and ending with the analysis of the research results. The article also contains a description of the original techniques and solutions used in the course of the work, which may be useful for further research in the field of historical lexicology and the study of the lexico-semantic system of the modern Russian language.

Key words: historical lexicology, parametric analysis of vocabulary by text, derivational analysis, D-indicator, D-weight, word root.

Эта публикация является продолжением серии статей, посвященных описанию параметрического анализа лексики (ПАЛ) на материале русской повествовательной прозы.

Параметрический анализ лексики (ПАЛ) применяется в эксперименте по системной стратификации лексики словника. Этот эксперимент проводится в рамках более обширного исследования, направленного на изучение эволюции лексико-семантической системы русского языка, принципы которого описаны в статье «Об исторической лексикологии русского языка по текстам» [1].

Цель данной работы - в рамках параметрического анализа лексики (ПАЛ) провести деривационный анализ лексики словников из произведений современных российских писателей.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- подготовить МинТеМ лексику исследуемых словников к деривационному анализу;
- определить Д-показатели всех слов, входящих в состав МинТеМ лексики;
- вычислить деривационный вес каждого слова.

В качестве объекта исследования выбраны фрагменты следующих текстов:

- повествовательный текст (1266 слов) из романа-житие «Лавр» [2], опубликованный в 2012 году, автор произведения - писатель и литературовед, доктор филологических наук Евгений Германович Водолазкин;

- повествовательный текст (1339 слов) из исторического романа «Обитель» [3], опубликованный в 2014 году, автор произведения – писатель, филолог, публицист, общественный и политический деятель Евгений Николаевич (Захар) Прилепин;

- повествовательный текст (1446 слов) из романа «Каменный мост» [4], опубликованный в 2009 году, автор произведения – писатель, журналист, редактор и киносценарист Александр Михайлович Терехов.

Деривации подвержены все языковые единицы. Большой энциклопедический словарь дает следующее определение этому явлению: «процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные» [5, с. 129]. История исследования деривационных отношений в лингвистике состоит из множества этапов, в течение которых ученые изучали процессы происхождения слов и их образования в языке.

Первые исследования деривационных отношений возникли еще в античности. Древнегреческие философы и языковеды, такие как Платон и Аристотель, рассматривали происхождение слов и их связь с обозначаемыми объектами.

Однако систематическое изучение деривационных процессов началось только в XIX веке. Лингвист Август Шлейхер, основатель натуралистической школы, в работе «Теория Дарвина и наука о языке» (1863) рассматривал деривационные отношения как основу для классификации языков.

В XX веке исследование деривационных отношений стало неотъемлемой частью структурной лингвистики. Основатель структурализма, Фердинанд де Соссюр [6] рассматривал деривацию как процесс создания новых единиц языка от существующих.

В отечественной лингвистике понятие «деривация» практически равносильно понятию «словообразование». Труды русских и советских учёных, таких как Потебня [7], Г. О. Винокур [8], А. А. Реформатский [9], А. И. Смирницкий [10], В. В. Виноградов [11], А. А. Шахма-

тов [12] и других, явились важной частью развития лингвистической науки и способствовали развитию общей теории деривационных связей.

На современном этапе развития языкознания понимание деривационных отношений значительно углубилось благодаря применению современных методов, включая компьютерное моделирование и корпусные исследования. По мнению Л. Н. Мурзина, главы *пермской школы дериватологии*, можно говорить об узком и широком понимании термина «деривация»: в узком смысле он обозначает изучение создания слов, тогда как в широком – «процессы формирования слова, его значения, грамматической формы, словосочетаний, идиом, слогов, предложений и, наконец, текстов – всех возможных языковых единиц, начиная от фонемы и заканчивая текстом» [13, с. 3].

В нашем исследовании установление деривационных связей проводится по наиболее формализуемому параметру – морфемному составу словоформы.

Морфемный состав берётся из словаря БРУМС – Большой Русский Морфемный Словарь (см. Кретов [14], Кретов [15]), в котором представлен морфемный состав более чем 165.000 слов в виде базы данных в форматах Excel, Access и др. и который отражает практически всё лексическое богатство русского литературного языка по состоянию на 1991-ый год.

Деривационная продуктивность (Д-показатель) каждого слова измеряется количеством слов, производных от него. Производным является слово, которое отличается от производящего не менее чем на одну терминальную морфему – приставку или суффикс.

При подготовке МинТеМ (минимально текстуально-маркированной) лексики исследуемых словников к деривативному анализу, первым шагом является создание для каждого словника документа в текстовом формате и электронной таблицы Microsoft Excel. В эти документы переносятся морфемные составы лемм из словаря БРУМС, к которым сведены словоформы исследуемых словников. Затем проводим морфемное членение лемм, открывая текстовый файл с различными разделителями: в первую очередь знак «=». Затем используем знаки «-» и «_», и в конце пробел « ». Результаты морфемного членения переносим в электронную таблицу Microsoft Excel и переходим к определению Д-показателей.

Первый пример: определение Д-показателей МинТеМ лексики словника «Лавр».

Работаем с электронными таблицами Microsoft Excel, в которые было перенесено морфемное членение МинТеМ лексики. Отсортировать электронную таблицу Microsoft Excel по алфавиту корней и подсчитать, сколько раз встречается каждый корень. Слова, у которых корни встречаются несколько раз, представлены в Таб. 1 (здесь и далее: П. – приставка; Корень – корень слова; С. – суффикс; Ф. – флексия; Энкл. – энклитика):

Таблица 1

Морфемное членение однокоренных слов МинТеМ лексики словника «Лавр»

Лемма	Морфемный состав	П.	Корень	С.1	С.2	С.3	Ф.	Энкл.
БЫТЬ	бЫ=0=тi_#		бЫ	0			тi_#	
ПРЕБЫВАТЬ	пер-бы=vA=тi_#	пер	бы	vA			тi_#	
СОБИРАТЬ	сь-бьр=A=тi_#	сь	бьр	A			тi_#	
СОБИРАТЬСЯ	сь-бьр=A=тi_# сьн	сь	бьр	A			тi_#	сьн
ВИДЕТЬ	вИд=e=тi_#		вИд	e			тi_#	
УВИДЕТЬ	у-вИд=<=тi_#	у	вИд	<			тi_#	
ДЕЛО	д>=л_о		д>	л			о	
СДЕЛАТЬ	сь-д>=дл=a=тi_#	сь	д>	дл	a		тi_#	
УЙТИ	у-ид=0=тi_#	у	ид	0			тi_#	
ПОДОЙТИ	подь-ид=0=тi_#	подь	ид	0			тi_#	
МОЧЬ	мОг=0=тi_#		мОг	0			тi_#	
ПОМОЧЬ	по-мОг=0=тi_#	по	мОг	0			тi_#	
ПАВЛИН	пав=й=Ин_ь		пав	й	Ин		ь	
ПАВЛИНИЙ	пав=й=Ин=ий_ь		пав	й	Ин	ий	ь	
СТАТЬ	стA=0=тi_#		стA	0			тi_#	
СТАНОВИТЬСЯ	ста=н=ов=И=тi_# сьн		ста	н	ов	И	тi_#	сьн

СТУПАТЬ	стонп=А=ті #		стонп	А			ті #	
РАССТУПИТЬ- СЯ	орз-стонп=И=ті # сын	орз	стонп	И			ті #	сын
СПАТЬ	сьп(А)=0=ті #		сьп(А)	0			ті #	
ЗАСЫПАТЬ	за-сьп=А=ті #	за	сьп	А			ті #	
ХОДИТЬ	ход=И=ті #		ход	И			ті #	
УХОДИТЬ	у-ход=И=ті #	у	ход	И			ті #	

Далее, для каждого слова надо установить, в какое количество слов входит его корень – от 1 до максимума и является ли оно производящим или производным. Например:

ВОЛК (в'лк_ь) – корневое слово, но корень представлен один раз. Его Д-показатель 1.

ЗЕМЛЯ (зем=й_А) – слово с суффиксом, но корень представлен один раз. Его Д-показатель также 1.

СМЕРТЬ (сь-м'р=т_ь) – слово с приставкой и суффиксом, но корень представлен один раз. Его Д-показатель тоже 1.

Следовательно, все слова, у которых корень слова представлен только один раз в составе МинТеМ лексики словника, имеют Д-показатель 1.

В словах УЙТИ (у-ид=0=ті #) и ПОДОЙТИ (подь-ид=0=ті #) корень ИД= представлен 2 раза, но... самого глагола ИДТИ (ид=0=ті #) в составе МинТеМ лексики нет. Если бы он был, его Д-величина была бы 3, Но без него Д-показатель каждого из разноприставочных, хоть и однокоренных глаголов – 1. Ведь от каждого из них ничего не образовано.

У пары слов БЫТЬ (бы=0=ті #) и ПРЕБЫВАТЬ (пер-бы=vА=ті #) присутствует возможность восстановления в системе языка глагола промежуточной формы БЫВАТЬ (бы=vА=ті #), но это часть парадигмы степеней глагольного действия (наряду с нулевым степенным суффиксом у глагола БЫТЬ) и является словоизменением, а не словообразованием (не лексическая деривация). Следовательно, Д-показатель этих слов равен 1.

Другое дело пары СОБИРАТЬ (сь-б'р=А=ті #) > СОБИРАТЬСЯ (сь-б'р=А=ті # сын), ВИДЕТЬ (вид=e=ті #) > УВИДЕТЬ (у-вид=<=ті #), МОЧЬ (мог=0=ті #) > ПОМОЧЬ (помог=0=ті #), ПАВЛИН (пав=й=Ин_ь) > ПАВЛИНИЙ (пав=й=Ин=ій_ь), СТАТЬ (ста=0=ті #) > СТАНОВИТЬСЯ (ста=н=ов=И=ті # сын), СТУПАТЬ (стонп=А=ті #) > РАССТУПИТЬСЯ (орз-стонп=И=ті # сын), СПАТЬ (сьп(А)=0=ті #) > ЗАСЫПАТЬ (за-сьп=А=ті #), ХОДИТЬ (ход=И=ті #) > УХОДИТЬ (у-ход=И=ті #). Первое слово в каждой паре является производящим, а второе производным, так как отличается от производящего слова не менее чем на один аффикс (приставку или суффикс). У производящих слов Д-показатель 2, а у производных Д-показатель 1.

Также в работе мы реконструируем производящие (даже если они и не представлены в тексте самостоятельными словами) и учитываем их в подсчётах, поскольку они представлены в составе производных, например:

У деривационной пары ДЕЛО (д>=л_о) > СДЕЛАТЬ (сь-д>=дл=а=ті #) можно восстановить глагол ДЕЛАТЬ (д>=дл=а=ті #) и считать его присутствующим в деривационном ряде ДЕЛО (д>=л_о) > *ДЕЛАТЬ (д>=дл=а=ті #) > СДЕЛАТЬ (сь-д>=дл=а=ті #). В этом случае Д-показатели следующие: у слова ДЕЛО - 3, а у СДЕЛАТЬ 1.

Следующий пример: определение Д-показателей МинТеМ лексики словника «Обитель».

Слова, у которых корень слова представлен только один раз в составе МинТеМ лексики словника, имеют Д-показатель 1. Слова, у которых корни встречаются несколько раз, представлены в табл. 2:

Таблица 2

Морфемное членение однокоренных слов МинТеМ лексики словника «Обитель»

Лемма	П.1	П.2	Корень	С.1	С.2	С.3	С.4	С.5	Ф.	Энкл
СТАРИК			ста	р	Ик				ь	

СТАРЬЁ			ста	р	й				О	
ОСТАТЬСЯ		об	стА	0					тi_#	сьн
ПРЕДСТАВИТЬ		пердъ	стА	в	и				тi_#	
СКАЗАТЬ		въз	каз(А)	0					тi_#	
РАССКАЗАТЬ	орз	въз	каз(А)	0					тi_#	
РАССКАЗЫВАТЬ	орз	въз	кАз	ыва					тi_#	
ПОМНИТЬ		пО	мьн	и					тi_#	
ПОМНИТЬСЯ		по	мьн	И					тi_#	сьн
ВСПОМИНАТЬ	въз	по	мьн	А					тi_#	
ВИД			вид						ь	
ВИДЕТЬ			вИд	е					тi_#	
ДЕД			д>д						ь	
ПРАДЕД		прА	д>д						ь	
ДОМ			дОм						ь	
ДОМАШНИЙ			дом	Ат	й	ьн			ий	
ИДТИ			ид	0					тi_#	
НАЙТИ		на	ид	0					тi_#	
УЗНАТЬ		у	знА	0					тi_#	
ЗНАЧЕНИЕ			зна	к	и	Е	н	й	е	

У однокоренных слов СТАРИК (ста=р=Ик_ь) / СТАРЬЁ (ста=р=ый_О) / ОСТАТЬСЯ (об-стА=0=тi_# сьн) / ПРЕДСТАВИТЬ (пердъ-стА=в=и=тi_#) нет деривационных пар, тем более – ряда. СТАРИК (ста=р=Ик_ь) и СТАРЬЁ (ста=р=ый_О) являются производными от СТАРЫЙ (стА=р_ый), которого нет в МинТеМ лексике. ОСТАТЬСЯ (об-стА=0=тi_# сьн) производное от СТАТЬ (стА=0=тi_#), а ПРЕДСТАВИТЬ (пердъ-стА=в=и=тi_#) от СТАВИТЬ (стА=в=и=тi_#). Таким образом, все эти однокоренные слова имеют Д-показатель 1.

Однокоренные слова УЗНАТЬ (у-знА=0=тi_#) и ЗНАЧЕНИЕ (зна=к=и=Е=н=й_е) также не образуют деривационную пару, так как являются производным от разных слов: УЗНАТЬ от ЗНАТЬ (знА=0=тi_#), а ЗНАЧЕНИЕ от ЗНАК (знА=к_ь). Следовательно их Д-показатель 1.

В деривационном ряду СКАЗАТЬ (въ-каз(А)=0=тi_#) > РАССКАЗАТЬ (орз-въз-каз(А)=0=тi_#) / РАССКАЗЫВАТЬ (орз-въз-кАз=ыва=тi_#) первое слово имеет на одну приставку меньше и поэтому мы можем назвать его производящим с Д-показателем 3, а у производных по 1.

Аналогично, в ряду ПОМНИТЬ (пО-мьн=и=тi_#) > ВСПОМИНАТЬ (въз-помьн=А=тi_#) / ПОМНИТЬСЯ (по-мьн=И=тi_# сьн) первое слово имеет на один аффикс меньше и является производящим с Д-показателем 3, а производные по 1.

В деривационных парах ВИД (вид_ь) > ВИДЕТЬ (вИд=е=тi_#), ДЕД (д>д_ь) > ПРАДЕД (прА-д>д_ь), ДОМ (дОм_ь) > ДОМАШНИЙ (дом=Ат=й=ьн_ий) и ИДТИ (ид=0_тi_#) > НАЙТИ (на-ид=0=тi_#) первое слово является производящим, а второе производным, так как отличается от производящего слова не менее чем на один аффикс. У производящих слов Д-показатель 2, а у производных Д-показатель 1.

Третий пример: определение Д-показателей МинТеМ лексики словника «Каменный мост».

Слова, у которых корень слова представлен только один раз в составе МинТеМ лексики словника, имеют Д-показатель 1. Слова, у которых корни встречаются несколько раз, представлены в табл. 3:

Таблица 3

Морфемное членение однокоренных слов МинТеМ лексики словника «Каменный мост»

Лемма	Прист.	Корень 1	Ф1	Корень 2	С1	С2	С3	Ф	Энкл.
КАМЕНЬ		Ак			мен			ь	
КАМЕННЫЙ		Ак			мен	ьн		ый	
ВЕК		в>к						ь	
ВЕЧНЫЙ		в>к			ьн			ый	

ВОДА		вод						А	
СВОД	сь	вОд						ь	
ДЕЛО		д>			л			о	
СДЕЛАТЬ	сь	д>			л	а		ті #	
СКАЗАТЬ	въз	каз(А)			0			ті #	
КАЗАТЬСЯ		каз(А)			0			ті #	сын
ЧЕЛОВЕК		кел	о	в>к				ь	
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ		кел	о	в>к	ьск			ий	
СМЕРТЬ	сь	мър			т			ь	
УМЕРЕТЬ	у	мър(Е)			0			ті #	
ПАМЯТЬ	пА	мьн			т			ь	
ПАМЯТНИК	пА	мьн			т	ьн	ик	ь	
СТАРЫЙ		ста			р			ый	
ОСТАТЬСЯ	об	ста			0			ті #	сын

Слово СКАЗАТЬ (въз-каз(А)=0=ті_#) сложнее, чем КАЗАТЬСЯ (каз(А)=0=ті_# сын): (А) – не суффикс, а вокалическая эпентеза (анаптиксис); –СЯ (сын) – вообще самостоятельное слово – энклитика, которую можно не учитывать. Получаем деривационную пару КАЗАТЬ(СЯ) ~ СКАЗАТЬ, в которой КАЗАТЬ(СЯ) является производящим, а СКАЗАТЬ производным. Но, это если не принимать во внимание семантику. Слово КАЗАТЬ имеет значение «говорить» скорее в украинском языке и вряд ли в современном русском тексте. В таком случае эти однокоренные слова не могут быть определены как деривационная пара и их Д-показатель равен 1.

Слова СМЕРТЬ (сь-мър=т_ь) и УМЕРЕТЬ (у-мър(Е)=0=ті_#) имеют общий корень, но не находятся в отношениях непосредственной деривации. Следовательно, они имеют Д-показатель по 1.

Слова СТАРИК (ста=р=Ик_ь) и ОСТАТЬСЯ (об-ста=0=ті_# сын) не создают деривационную пару, так как СТАРИК (ста=р=Ик_ь) является производным от СТАРЫЙ (ста=р_ый), а ОСТАТЬСЯ (об-ста=0=ті_# сын) от СТАТЬ (ста=0=ті_#). Эти однокоренные слова имеют Д-показатель 1.

Корни в словах ВОДА (вод_А) и СВОД (сь-вОд_ь) являются омонимами, соответственно их Д-показатель равен 1.

В деривационных парах КАМЕНЬ (Ак=мен_ь) > КАМЕННЫЙ (Ак=мен=ьн_ый), ВЕК (в>к_ь) > ВЕЧНЫЙ (в>к=ьн_ый) и ЧЕЛОВЕК (кел_о+в>к_ь) > ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ (кел_о+в>к=ьск_ий) первое слово является производящим, а второе производным, так как отличается от производящего слова не менее чем на один аффикс. У производящих слов Д-показатель 2, а у производных 1.

Реконструируя производящие, которые не представлены в тексте, можно составить следующие деривационные ряды: ДЕЛО (д>=л_о) > *ДЕЛАТЬ (д>=дл=а=ті_#) > СДЕЛАТЬ (сь-д>=дл=а=ті_#) и ПАМЯТЬ (пА-мьн=т_ь) > *ПАМЯТНЫЙ (пА-мьн=т=ьн_ый) > ПАМЯТНИК (пА-мьн=т=ьн=ик_ь). У производящих (ДЕЛО и ПАМЯТЬ) Д-показатель 3, а у производных (СДЕЛАТЬ и ПАМЯТНИК) по 1.

Таким образом, мы получили Д-показатель - величину, которая представляет собой количество производных слов, исходящих от данного слова. Д-показатель позволяет определить деривационную продуктивность каждой лексической единицы, входящей в состав МинТеМ лексики исследуемых словарей.

Поскольку исследуемые словники содержат разное количество МинТеМ лексики («Лавр» - 91 слово, «Обитель» - 70 слов, «Каменный мост» - 88 слов), для объективного сравнения по Д-показателям необходимо учитывать относительные величины, а не абсолютные значения. То есть не количество слов, а их доли в процентах от общего числа слов в МинТеМ лексике, см. Рис.1:

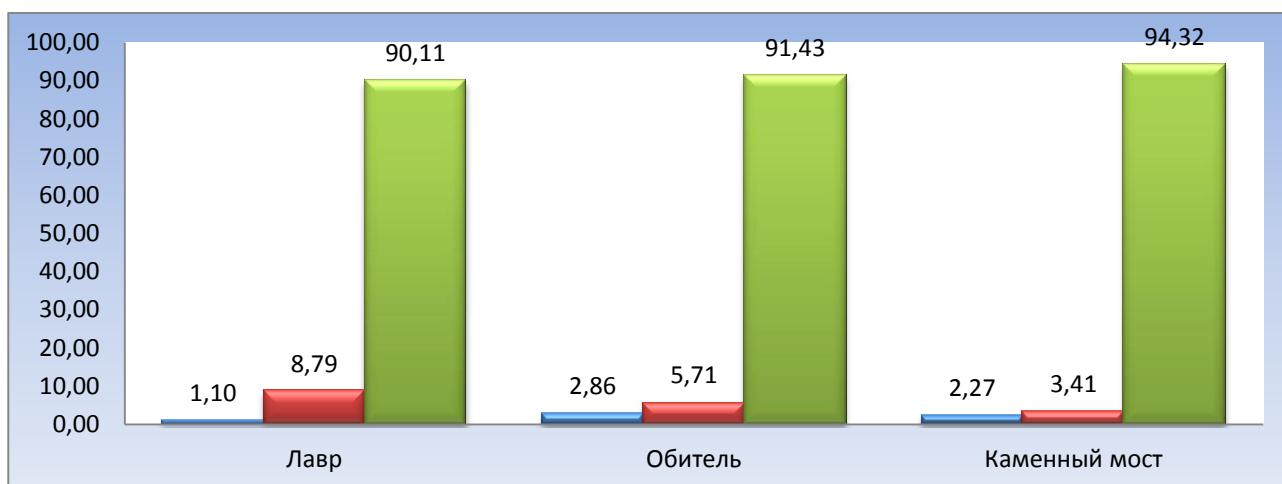

Рис. 1. Распределение по Д-показателям

Гистограмма показывает, что в составе МинТеМ лексики исследуемых словарей преобладает лексика с низкой деривационной величиной (Д-показатель 1), то есть слова, которые не имеют производных форм или имеют их в минимальном количестве. Это может указывать на то, что в рассматриваемых текстах употребляется большое количество базовых слов, не образующих производных форм, что может быть связано с особенностями стиля или тематики этих текстов.

По формуле, предложенной В. Т. Титовым [16, с. 25]: $Pri = (\Sigma r - R1-i) / \Sigma r$, (где Σr – сумма единиц всех рангов, $R1-i$ – сумма единиц от первого до данного, а Pri вес i -ого ранга), был вычислен деривационный вес (Д-вес) каждого слова МинТеМ лексики исследуемых словарей. Результаты вычислений представлены в табл. 4:

Таблица 4

Результаты деривационного анализа МинТеМ лексики словарей
«Лавр», «Обитель» и «Каменный мост»

Лавр				Обитель				Каменный мост			
Д/П	Слов	%	Д-вес	Д/П	Слов	%	Д-вес	Д/П	Слов	%	Д-вес
3	1	1,10	0,98901	3	2	2,86	0,97143	3	2	2,27	0,97727
2	8	8,79	0,90110	2	4	5,71	0,91429	2	3	3,41	0,94318
1	82	90,11	0,00000	1	64	91,43	0,00000	1	83	94,32	0,00000

Очевидно, что – слова с Д-показателем (количество слов, производных от него) превышающим 1 (одну единицу), обладают более значительным деривационным весом.

Таким образом, результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

- при анализе деривационных связей у однокоренных слов необходимо ориентироваться не только на совпадение корней, но и учитывать их этимологию, семантику и взаимосвязи в процессе деривации;

- слова с Д-показателем (количество производных слов, исходящих от данного слова), превышающим 1 (одну единицу), обладают более значительным деривационным весом в системе языка;

- методы и подходы, используемые для определения деривационного веса МинТеМ лексики, являются эффективным инструментом и могут быть применены к другим фактическим материалам, направленным на исследование лексико-семантической системы русского языка.

Библиографический список

1. Ермаков С.А., Кретов А.А. Об исторической лексикологии русского языка по текстам // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024, № 1. С. 113-121.
2. Водолазкин Е. Г. Лавр. М. : «Издательство АСТ», 2012. 448 с.
3. Прилепин З. Обитель. М : Редакция Елены Шубиной : АСТ, 2014. 745 с.
4. Терехов А. М. Каменный мост. М : Издательство «АСТ» / «Редакция Елены Шубиной», 2021. 832 с.
5. Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Большая российская энциклопедия, 1998. 682 с.
5. Соссюр, Фердинанд де. Курс общей лингвистики / Фердинанд де Соссюр; пер. с фр. изд. А. М. Сухотина; переработанный А. А. Холодовичем. М. : Логос, 1998. 285 с.
7. Потебня А. А. Мысль и язык. Харьков: Первая типография Адольфа Дарри, 1892. 228 с.
8. Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Избранные работы по русскому языку. М. : Учпедгиз, 1959. С. 419-442.
9. Реформацкий А. А. Очерки по фонологии, морфонологии, морфологии. М. : Наука, 1979. 101 с.
10. Смирницкий А. И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филол. факта МГУ. Вып. 5. М., 1948. С. 21–26.
11. Виноградов В. В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии (На материале русского и родственных языков) // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М : Наука, 1975. С. 166 – 220.
12. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.
13. Мурзин Л. Н. Основы дериватологии : Конспект лекций. Пермь : ПГУ, 1984. 56 с.
14. Кретов А. А. Большой русский морфемный словарь в обучении иностранцев / Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. СПб: Политехника, 2003. С. 273-283.
15. Кретов А. А. БРУМС как электронный словарь и база данных / Тезисы всероссийской конференции «От языковых машинных фондов к лингвистическим корпусам: памяти В.М. Андрющенко». Институт русского языка имени В.В. Виноградова. Москва, 28-29 сентября 2018 г. <http://lcl.srcc.msu.ru/library/abstracts.pdf>. С. 38-42.
16. Титов В. Т. Принципы квантитативной лексикологии (на примере романских языков): автореф. дис. ... доктора филол. наук. Тверь, 2005. 36 с.

References

1. Ermakov S. A., Kretov A. A. On the historical lexicology of the Russian language by texts / Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication. 2024, No. 1. pp. 113-121.
2. Vodolazkin E. G. Laurus. Moscow : «AST Publishing House», 2012. 448 p.
3. Prilepin Z. The monastery. Moscow : Editorial office of Elena Shubina : AST, 2014. 745 p.
4. Terekhov A.M. The Stone Bridge. Moscow : Publishing house «AST» / «Editorial board of Elena Shubina», 2021. 832 p.
5. Linguistics: A large encyclopedic dictionary / ed. V. N. Yartseva. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 1998. 682 p.
6. Saussure, Ferdinand de. The course of general linguistics / Ferdinand de Saussure; translated from the French edition by A.M. Sukhotin; revised by A. A. Kholodovich. Moscow : Logos, 1998. 285 p.

7. Potebnya A. A. Thought and language / A. A. Potebnya. Kharkov : The first printing house of Adolphe Darre, 1892. 228 p.
8. Vinokur G.O. Notes on Russian word formation / Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 1959. pp. 419-442.
9. Reformaty A. A. Essays on phonology, morphology, morphology / A. A. Reformaty. Moscow : Nauka, 1979. 101 p.
10. Smirnitkiy A. I. Some remarks on the principles of morphological analysis of fundamentals / Reports and communications of philol. the fact of MSU. Issue 5. Moscow, 1948. pp. 21-26.
11. V. Vinogradov. V. Word formation in its relation to grammar and lexicology (based on the material of Russian and related languages) / V. V. Vinogradova. Selected works of Research on Russian grammar. Moscow : Nauka, 1975. pp. 166 – 220.
12. A. Shakhmatov. A. Syntax of the Russian language / A. A. Shakhmatova. Moscow : Editorial URSS, 2001. 624 p.
13. L. Murzin. N. Fundamentals of derivatology : lecture notes / L. N. Murzin. Perm : PSU, 1984. 56 p.
14. Kretov A. A. Great Russian morphemic dictionary in teaching foreigners / The Russian word in world culture. Proceedings of the 10th Congress of the International Association of Teachers of Russian Language and Literature. St. Petersburg, June 30 - July 5, 2003 - St. Petersburg: Polytechnic, 2003. Pp. 273-283.
15. Kretov A. A. BRUMS as an electronic dictionary and database / Proceedings of the All-Russian conference «From language machine funds to linguistic corpora: in memory of V. M. Andryushenko». V.V. Vinogradov Russian Language Institute. Moscow, September 28-29, 2018. <http://lcl.srcc.msu.ru/library/abstracts.pdf>. Pp. 38-42.
16. Titov V. T. Principles of quantitative lexicology (on the example of Romance languages): abstract. diss. ... Doctor of Philology / V. T. Titov. Tver, 2005. – 36 p.

АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT: ASPECTS OF STUDY

УДК 811.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.006

*ФГК ВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства Обороны Российской Федерации
канд. филол. наук, преп. кафедры № 8 (языко-знания и литературы)*

Чуйков П.Л.

Россия, г. Москва,

тел. 8(909)6961916

e-mail: chuykovpav@yandex.ru

*FGK HEU HE «Military University named after Prince Alexander Nevsky»
of the Ministry of Defense of the Russian Federation*

PhD in Philology, teacher of the Department No. 8 (Linguistics and Literature)

Chuykov P.L.

Russia, Moscow, 8(909)6961916

e-mail: chuykovpav@yandex.ru

П.Л. Чуйков

ЭВОЛЮЦИЯ ГОГОЛЕВСКОГО ТИПА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В РАССКАЗЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ»

В статье рассматривается творческий диалог Ф.М. Достоевского с Н.В. Гоголем. В произведении «Скверный анекдот» (1862) Ф.М. Достоевский развивает гоголевский образ «маленького человека» на примере чиновника Пселдонимова, показывает, какой ему представляется дальнейшая судьба такого человека в эпоху либеральных реформ начала 1860-х годов, в результате чего мы видим развитие типа «маленького человека» как следствие полемической рецепции творчества Н.В. Гоголя. Ф.М. Достоевский на примере молодого генерала Пралинского высмеивает неудачные попытки «реформаторов» следовать идеалу «братства», который мы встречаем в гоголевской повести «Шинель» (1843). Писатель обращается к жанру анекдота, и своим заглавием, и именами героев его рассказ восходит к гоголевской манере. Авторы сходятся во мнении, что русский народ – истинный носитель высшей нравственной правды, которая зиждется на идее братства людей и христианском смирении. Ф.М. Достоевский пишет о необходимости объединения образованных слоев общества с простым народом, но в решении этого вопроса наблюдается острая полемика между ним и Н.В. Гоголем.

Ключевые слова: Достоевский, Гоголь, «Скверный анекдот», «маленький человек», реформы, Россия, Белинский.

P.L. Chuykov

THE EVOLUTION OF GOGOL'S TYPE OF «LITTLE MAN» IN F.M. DOSTOEVSKY'S SHORT STORY «A NASTY JOKE»

The article examines the creative dialogue between F.M. Dostoevsky and N.V. Gogol. In the work «A Nasty Joke» (1862), Dostoevsky develops Gogol's image of a «little man» using the example of the official Pseldonymov, shows what he imagines the future fate of such a person in the era of liberal reforms in the early 1860s. As a result, we see the development of the «little man» type as a consequence of the polemical reception of Gogol's work. Dostoevsky, using the example of the young general Pralinsky, ridicules the unsuccessful attempts of the «reformers» to follow the ideal of «brotherhood», which we find in Gogol's novel «The Overcoat» (1843). Dostoevsky turns to the genre of anecdote, and his story goes back to Gogol's manner with its title and the names of the characters. The authors agree that the Russian people are the true bearer of the highest moral truth, which is based on the idea of the brotherhood of man and Christian humility. Dostoevsky writes about the need to unite the educated strata of society with the common people, but in solving this issue there is an acute controversy between him and Gogol.

Key words: Dostoevsky, Gogol, «A Nasty Joke», «little man», reforms, Russia, Belinsky.

В 1862 году в журнале братьев Достоевских «Время» выходит рассказ Ф.М. Достоевского «Скверный анекдот», герой которого, действительный статский советник Иван Ильич Пралинский, желая проявить гуманность и пробудить в людях веру в государственные реформы, приходит на свадьбу к мелкому служащему Пселдонимову, чтобы поздравить молодых. По мнению Г.В. Степановой, рассказ своим заглавием восходит к поэме Гоголя «Мертвые души» (1842): «... Плюшкин, всячески приbedнясь, говорит Чичикову: “Я давно уж отобедал, а кухня у меня такая, прескверная...”. И чуть далее: “... Такой скверный анекдот, что сена, хоть бы клок в целом хозяйстве!”» [1, с. 167]. Рассказ Ф.М. Достоевского – реакция автора на либеральные реформы 1860-х годов в России. Вернувшись к теме «маленького человека», на примере чиновника Пселдонимова писатель хотел показать, что, вопреки своим заявлениям, общественные верхи, которые символизирует в рассказе генерал Пралинский, вовсе не хотят прийти на помощь простому народу, бюрократические круги думают только о том, как сохранить общественные отношения прежними. [См. об этом: 2, с. 746]

Это подтверждают «говорящие» фамилии главных героев рассказа, на которых акцентирует внимание Г.В. Степанова: «... по-гоголевски звучит фамилия Пселдонимов. Она далеко не случайно образована от Псевдонимова. Характер этого забитого и на службе, и в быту героя оказывается гораздо более определенным, чем казалось па первый взгляд, твердым и даже мужественным перед “сильными мира сего”. <...> К этому же типу фамилий относятся и Пралинский. Она образована от французского слова *praline* (миндаль, поджаренный в сахаре. – Наблюдение Л.М. Ремизова). Пралинский вроде бы “сладкий” – мягкий, гуманный, либеральный, а внутри он “горький” – жесткий ...» [1, с. 168]. Имена персонажей «Скверного анекдота» также восходят к художественной манере Н.В. Гоголя. М.С. Альтман показывает, что кучеру Михею соответствует каретник Собакевича Михеев из «Мертвых душ»; фамилия Шипуленко похожа на Шапуваленко, героя «Ночи перед Рождеством»; а комический эффект от сочетания Клеопатра Семеновна достигается за счет свойственного некоторым персонажам Н.В. Гоголя соседства высокопарного имени и обычного отчества [См. об этом: 3].

Обратившись под влиянием «Шинели» (1843) Н.В. Гоголя к теме «маленького человека» в повести «Бедные люди» (1846), начинающий Ф.М. Достоевский показывает доброту и сердечность несчастных обитателей отдаленных углов и подвалов. И читатель вместе с автором сочувствует главным героям, Макару Девушкину и Вареньке Доброселовой. На Пселдонимова мы смотрим по-другому, потому что он не похож на беззащитного Девушкина, которому были свойственны христианская жертвенность, сострадание и служение ближнему. Так, Л.М. Крупчанов считает, что в «Бедных людях» объединяются пушкинский и гоголевский взгляды на «маленького человека», и фраза Ф.М. Достоевского «Все мы вышли из гоголевской “Шинели”» подразумевает ученичество, развитие темы милосердия и любви к человеку, отвергнутому обществом [См. об этом: 4, с. 281]. В «Скверном анекдоте» же Достоевский полемизирует с Н.В. Гоголем по вопросу дальнейшей судьбы «маленького человека».

В 1966 году кинорежиссеры В. Наумов и А. Алов поставили по «Скверному анекдоту» одноименный фильм. Для уточнения позиции Ф.М. Достоевского в решении проблемы эволюции гоголевского типа «маленького человека» будет полезно подключить к нашему небольшому исследованию выводы режиссеров. Работая над картиной, авторы провели сравнительный анализ и также пришли к убеждению, что рассказ Ф.М. Достоевского очень близок «Шинели» Н.В. Гоголя. Во время обсуждения фильма на президиуме Союза кинематографистов В. Наумов доказывает, что Н.В. Гоголь сочувствует Акакию Башмачкину, герою «Шинели», у Ф.М. Достоевского же только ожесточение к Пселдонимову: «Чин Акакия Акакиевича – титулярный советник. Чин Пселдонимова – чиновник, не имеющий чина. <...> Почти буквальное повторение: “...Вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-

мучного цвета... и всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка...” (это Гоголь про Акакия Акакиевича). И вот что пишет о мундире Пселдонимова Ф.М. Достоевский: он был в “невозможном вицмундире” и “у него под воротником вицмундира гнездами заводятся клопы”» [5, с. 197-198]. По мнению режиссера, нельзя с сочувствием написать, что у человека под воротником гнездятся клопы. Описание лица Пселдонимова тоже говорит о негативном отношении Ф.М. Достоевского к своему герою: «... слишком постное, а взгляд крайне несимпатичный, даже возбуждающий отвращение» [6, с. 12]. Добавим, что Башмачкин получил от сослуживцев в подарок шинель – они его уважали, относились с сочувствием к нему, помогали. Пселдонимов же сам мечтает накопить денег на шинель, не надеясь на помощь.

В отличие от Акакия Акакиевича, Пселдонимов – решительный человек, согласно характеристике Ф.М. Достоевского: «... в нем вырабатывалась какая-то инстинктивная, кряжевая, бессознательная решимость выбиться на дорогу из скверного положения» [6, с. 35]. Так внутри бесправного, раболепного человека зарождаются агрессия и цинизм. Это говорит не о расхождении Ф.М. Достоевского с автором «Шинели», а скорее о развитии типа «маленького человека». Гуманист Н.В. Гоголь мечтал о братстве людей, защищал человека от произвола государственной машины, протестовал против превращения человека в «винтик» бюрократического механизма, в автомат, все силы которого не простираются далее производства бессмысленной, механической работы, в чем «маленький человек» находит даже что-то аскетическое, пародийно напоминающее подвижнический образ жизни. И Ф.М. Достоевский предлагает читателю посмотреть на то, как сложилась бы судьба Башмачкина в эпоху либеральных реформ, если какое-нибудь значительное лицо захочет стать ему «братом». Мы видим в глазах Пселдонимова вместо доброты, кротости и смирения Акакия Акакиевича затаенную ненависть и рабскую злобу на своего начальника: «... он (Пралинский. – П.Ч.), всеми болями своего сердца, слышал и знал, что он ненавидит Пселдонимова, проклинает его, жену его и свадьбу его. Мало того: он по лицу, по глазам одним видел, что и сам Пселдонимов его ненавидит, что он смотрит, чуть-чуть не говоря: “А чтоб ты провалился, проклятый! ...”» [6, с. 28].

Как видим, и для «значительного лица» желание стать братом «маленького человека» – не что иное, как высокомерное самолюбование, поступок не искренний. Это подтверждают размышления Пралинского о визите к Пселдонимову, как о подвиге: «Степан Никифорович умрет – не поймет. Ведь сказал же он: не выдержим. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я вы-дер-жу! Я обращаю последний день Помпеи в сладчайший день для моего подчиненного, и поступок дикий – в нормальный, патриархальный, высокий и нравственный» [6, с. 13]. Молодой генерал мечтает не только о преклонении перед собой среди гостей на свадьбе Пселдонимова, но и о последующей славе. Если Гоголь видел в Башмачкине брата, равного себе, то для Пралинского такие, как Пселдонимов, – дети, следовательно, он имеет право их поучать, указывать, как им надо жить. Генерал в данном случае думает исключительно о своем будущем.

Своего рода наивность в решении ряда проблем Н.В. Гоголем уже была отмечена исследователями. Так, сравнивая концепции самодержавия в работах Гоголя и Н. Макиавелли, Е.И. Анненкова задается вопросом, который не имеет однозначного ответа: «Гоголевскому монарху, в итоге, удастся, не переступая нравственные законы, в отличие от государя Макиавелли, “обратить в стройный оркестр государство”. Кем оказывается при этом автор: “мудрецом” ли “в познании идеального человечества” или “младенцем в познании человека”?» [7, с. 237]. Мы видим, что в результате, какими бы гуманными ни были реформы, не помогают они людям взглянуть друг на друга как на братьев и обняться, поэтому и получается «скверный анекдот».

Пселдонимов – это уже не кроткий и всем покорный Башмачкин, хотя термин «маленький человек» применим к обоим. Симпатия Ф.М. Достоевского однозначно на стороне по-

следнего. К такому же выводу пришли и авторы экранизации «Скверного анекдота», отметив дословные переключки в обоих произведениях. Так, В. Наумов подчеркивает: «Достоевский писал: <...> “Он (Гоголь. – П.Ч.) выводил перед нами приобретателей, кулаков, обирателей и всяких заседателей. Ему стоило указать, и уже на лбу их зажигалось клеймо <...>”. Обращаю внимание: “уже на лбу их зажигалось клеймо” – пишет Достоевский в критической статье. “На лбу его было видно, что он добьется дороги...” – пишет он в художественном произведении. <...> Далее: “Значительное лицо недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом”, – пишет Гоголь. “Всего только четыре месяца, как назывался вашим превосходительством”, – пишет Достоевский. “Значительное лицо”: “Строгость, строгость и – строгость” – буквальная цитата из Гоголя, так он начинает. Пралинский у Достоевского кончает словами – “Строгость, строгость, одна строгость и строгость» [5, с. 201-202].

По убеждению Е.И. Кийко, несмотря на то, что центральный персонаж книги – генерал Пралинский, самое светлое лицо в произведении – это мать Пселдонимова, добрая и самоотверженная женщина: «Введение в рассказ этого <...> образа отвечало убеждению Достоевского в том, что единственный подлинный носитель высшей естественной нравственной правды – русский народ» [2, с. 746]. Не станем преувеличивать значение образа матери Пселдонимова, но приведем в подтверждение этой точки зрения ученого слова автора: «... у ней было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она так добродушно улыбалась, так просто кланялась ...» [6, с. 21].

Ф.М. Достоевский негативно относится к высокомерной матери невесты, противопоставление которой матери Пселдонимова также подтверждает, что симпатизирует писатель трудолюбивой и простодушной матери последнего: «... Пселдонимова сидеть за столом не захотела; она хлопотала и распоряжалась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, не показывавшаяся прежде, в каком-то красноватом шелковом платье, с подвязанными зубами и в высочайшем чепчике» [6, с. 30]. В сцене, когда Пралинскому было плохо, тоже мать жениха, проявляя свое милосердие, заботится о нем как о близком человеке, забыв про сон: «Пселдонимова, женщина мужественная и великодушная, раздела его сама, сняла с него всё платье, ухаживала за ним, как за родным сыном, и всю ночь выносила через коридор из спальни необходимую посуду <...>» [6, с. 40].

Пралинский на всю жизнь сохранит воспоминание об этой женщине. Чувство стыда и раскаяния будет долго взывать к его совести, и то мнение, которое сложится у него на следующее утро при пробуждении, так никогда и не изменится: «... Иван Ильич сознал, что если есть на всем свете хоть одно существо, которого он бы мог теперь не стыдиться и не бояться, так это именно эта старуха. <...> И долго потом в тяжелые минуты его жизни припоминалась ему, в числе прочих угрызений совести, и вся обстановка этого пробуждения <...>; и старуха с камчатным полотенцем на левом плече» [6, с. 42-43]. Ф.М. Достоевский показывает, что мировоззрение простого народа основано на искреннем братском отношении ко всем людям, христианском сострадании и служении ближнему, любви и смирению. Говоря о гуманности народа по сравнению с такими представителями либеральных идей, как Пралинский, Ф.М. Достоевский снова солидаризируется с Н.В. Гоголем. Так, К.В. Мочульский пишет о похожих убеждениях Гоголя: «Он возлюбил темную Россию, понял, что Божья сила именно в ее немощности и греховности. “Уверю Вас, – пророчествует Гоголь, – что придет время, когда многие у нас на Руси из чистеньких горько заплачут, закрыв руками лицо свое, именно от того, что считали себя слишком чистыми”. И здесь он впервые дает словесное выражение одной из основных идей русской литературы, развитой впоследствии Толстым и Достоевским. Нет на свете правых и виноватых: все виноваты перед Господом» [8, с. 90].

По мнению Ю.В. Манна, в «Шинели» есть «формулы обобщения в пределах общерусского мира», характеризующие мысли Н.В. Гоголя: «...Значительное лицо... оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека...»; «Так уж на святой Руси всё заражено подражанием, всякой дразнит и корчит своего начальника» [См. об

этом: 9, с. 272-273]. Добавим, что подобные обобщения в масштабах России есть и в «Скверном анекдоте», достаточно вспомнить его завязку: «...началось <...> возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам» [6, с. 5].

В 1871 году Ф.М. Достоевский осудит В.Г. Белинского за якобы поверхностно-пренебрежительное отношение к типам Гоголя – Белинскому было достаточно того, что писатель обличает кого-то [См. об этом: 10, с. 201]. Видимо, также относился к характерам Н.В. Гоголя и Пралинский. Вспомним его мысли о предполагаемых гостях на свадьбе Пселдонимова: «...титулярный али родственник, отставной штабс-капитан с красным носом... Славно этих оригиналов Гоголь описывал» [6, с. 14]. С.Н. Дауговиш тоже сравнивает В.Г. Белинского с Пралинским и видит в приведенных нами размышлениях молодого генерала намек Ф.М. Достоевского на письмо В.Г. Белинского И.И. Панаеву, в котором критик признается: «Как я смеялся, прочтя в прибавлениях, что Гоголь, скрепя сердце рисует своих оригиналов. Во время оно я и сам тоже врал» [См. об этом: 11, с. 365]. Ученый рассматривает также случай из «Литературных воспоминаний» Панаева, когда Белинский не смог отказаться от приглашения генерала и «скрепя сердце» поехал к нему. По-нашему мнению, оснований полагать, что одним из прототипов молодого генерала был В.Г. Белинский, нет. Скорее всего, некоторые критические либеральные высказывания В.Г. Белинского вошли в моду, и Пралинский его мысли и высказывания использует для демонстрации красоты и важности своих поступков.

Итак, «Скверный анекдот» – одно из произведений Ф.М. Достоевского, в котором влияние творчества Н.В. Гоголя больше всего прослеживается на внешнем, идейно-тематическом уровне. Ф.М. Достоевский обращается к жанру анекдота, и своим заглавием, именами и фамилиями героев его рассказ восходит к гоголевской манере. Оба писателя сходятся во мнении, что русский народ – истинный носитель высшей нравственной правды, которая зиждется на идее братства всех людей и христианском смирении. Ф.М. Достоевский пишет о необходимости объединения образованных слоев общества с простым народом. В решении же этого вопроса наблюдается острая полемика между авторами. Ф.М. Достоевский предлагает читателю проследить за развитием типа «маленького человека», который в эпоху великих реформ Александра II утрачивает христианскую доброту и кротость, свойственную гоголевскому Башмачкину. Подчеркнем: у Ф.М. Достоевского было иное видение, чем у Н.В. Гоголя, именно дальнейшей, будущей судьбы «маленького человека». Не разделяет Ф.М. Достоевский и оптимизма Н.В. Гоголя в отношении к наделенным властью чиновникам: у «значительных лиц» нет искреннего желания заботиться о своем «брате», нет подлинного сострадания к его трагической судьбе, ими движет забота о собственной карьере.

Библиографический список

1. Степанова Г.В. Скверный анекдот (Достоевский и Гоголь) // Достоевский: Материалы и исследования. Л.: Наука, 1987. Т. 7. С. 166-169.
2. Кийко Е.И. Комментарии: Скверный анекдот // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 4. Л.: Наука, 1989. С. 746-748.
3. Альтман М.С. Достоевский: По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
4. Крупчанов Л.М. Введение в литературоведение / Вершинина Н.Л. [и др.]; под общ. ред. Крупчанова Л.М. М.: Юрайт, 2013. 479 с.
5. Наумов В., Белохвостикова Н. В кадре. М.: Центрполиграф, 2000. 474 с.
6. Достоевский Ф.М. Скверный анекдот // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 5–45.
7. Анненкова Е.И. Гоголь и русское общество. СПб.: Росток, 2012. 751 с.

8. Мочульский К. Духовный путь Гоголя. Paris: YMSA PRESS, 1934. 147 с.
9. Манн Ю.В. Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1988. 413 с.
10. Тынянов Ю.Н. Достоевский и Гоголь (к теории пародии) // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 198-226.
11. Дауговиш С.Н. Белинский / Пралинский (К проблеме литературных реминисценций в рассказе Достоевского «Скверный анекдот») // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 15. СПб.: Наука, 2000. С. 365-372.

References

1. Stepanova G.V. A nasty joke (Dostoevsky and Gogol) // Dostoevsky: Materials and research. L.: Nauka, 1987. Vol. 7. pp. 166-169.
2. Kiiko E.I. Comments: A nasty joke // Dostoevsky F.M. Collected works: In 15 vols. Vol. 4. L.: Nauka, 1989. pp. 746-748.
3. Altman M.S. Dostoevsky: According to the milestones of names. Saratov: Publishing House of the Saratov University, 1975. 280 p.
4. Krupchanov L.M. Introduction to literary studies / Vershinina N.L. [et al.]; under the general ed. Krupchanova L.M. M.: Yurait, 2013. 479 p.
5. Naumov V., Belokhvostikova N. In the frame. M.: Tsentrpoligraf, 2000. 474 p.
6. Dostoevsky F.M. A Nasty Joke // Dostoevsky F.M. The complete works. In 30 vols. Vol. 5. L.: Nauka, 1973. pp. 5-45.
7. Annenkova E.I. Gogol and the Russian society. St. Petersburg: Rostock, 2012. 751 p.
8. Mochulsky K. The spiritual path of Gogol. Paris: YMSA PRESS, 1934. 147 p.
9. Mann Yu.V. Gogol's poetics. M.: Fiction, 1988. 413 p.
10. Tynyanov Yu.N. Dostoevsky and Gogol (on the theory of parody) // Tynyanov Yu.N. Poetics. The history of literature. Cinema. M.: Nauka, 1977. pp. 198-226.
11. Daugovish S.N. Belinsky / Pralinsky (On the problem of literary reminiscences in Dostoevsky's story «A Nasty Joke») // Dostoevsky. Materials and research. Vol. 15. St. Petersburg: Nauka, 2000. pp. 365-372.

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.007

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка и
межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж, тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
Doctor of Philology, professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru*

Н.Б. Бугакова

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД РАНИХ РАССКАЗОВ А. ПЛАТОНОВА

Аннотируемая статья призвана выявить гастрономический код ранних рассказов А. Платонова. Материалом исследования послужили рассказы «Память», «Иван Митрич», «Чульдик и Епишка», «Мавра Кузьминична», «Поп», «Душевная ночь», «Протоиерей Прокопий Жабрин». Новизна и актуальность данного исследования обусловлены тем, что ранние рассказы писателя еще не становились объектом внимания ученых с точки зрения рассмотрения гастрономического кода, известно некоторое количество работ, исследующих эту проблематику на материале драматических произведений или повестей писателя. В предлагаемом исследовании приводятся существующие в современной науке определения гастрономического кода как одного из кодов национальной культуры, сообщается, что пища, представляя собой один из важнейших компонентов культуры, занимает важное место в художественном мире А. Платонова. Об этом свидетельствуют часто повторяемые описания употребления еды героями. Для героев произведений писателя еда – это не необходимое для существования организма «топливо»; прием пищи – экзистенциальный акт, в ходе которого достаточно просто наполнить «пузо» любой дребеденью. Однако принципиально важной является взаимосвязь питания и мышления, реализующаяся в процессе приема пищи: напивая в пузо дребедень, герои насыщают внутренний мир. Примечательно, что писатель реализует гастрономический код через ольфакторный. Кроме того, к особенностям гастрономического кода в произведениях А. Платонова можно отнести использование онимных единиц (антропонимов, профессионимов) для демонстрации отношения персонажа к еде, а также введение в текст произведений лексем с диминутивными суффиксами; прибегая к этому приему, писатель показывает отношение героев к еде, на основании чего отметим, что не все персонажи А. Платонова воспринимают еду небрежно или негативно.

Ключевые слова: А. Платонов, гастрономический код, пищевой код, семантика пищи, ольфакторный код, ономастическая лаборатория

N.B. Bugakova

THE GASTRONOMIC CODE OF A. PLATONOV'S EARLY SHORT STORIES

The annotated article aims to identify the gastronomic code of A. Platonov's early stories. The research material includes the stories "Memory", "Ivan Mitrich", "Chuldkik and Epishka", "Mavra Kuzminichna", "Pop", "Soulful Night", "Archpriest Prokopy Zhabrin". The novelty and relevance of this study are due to the fact that the writer's early stories have not yet become the object of attention of scientists in terms of considering the gastronomic code; there are a number of works exploring this issue using the material of the writer's dramatic works or stories. The proposed study provides existing definitions of the gastronomic code in modern science as one of the codes of national culture, and reports that food, being one of the most important components of culture, occupies an important place in the artistic world of A. Platonov. This is evidenced by frequently repeated descriptions of food consumption by the characters. For the characters in the writer's works, food is not a "fuel" necessary for the existence of the body; Eating is an existential act, during which it is enough to simply fill the "belly" with any nonsense. However, the relationship between nutrition and thinking, which is realized in the process of eating, is fundamentally important: by stuffing nonsense into the belly, the char-

acters saturate the inner world. It is noteworthy that the writer implements the gastronomic code through the olfactory code. In addition, the features of the gastronomic code in the works of A. Platonov include the use of onymic units (anthroponyms, professiononyms) to demonstrate the character's attitude to food, as well as the introduction of lexemes with diminutive suffixes into the text of the works; by resorting to this technique, the writer shows the characters' attitude to food, on the basis of which we note that not all of A. Platonov's characters perceive food carelessly or negatively.

Keywords: A. Platonov, gastronomic code, food code, semantics of food, olfactory code, onomastic laboratory

Предлагаемое исследование посвящено выявлению гастрономического кода ранних рассказов А. Платонова. Отметим, что реализация пищевого кода в текстах А. Платонова уже становилась объектом внимания исследователей. Так, например, Э. Рудаковская неоднократно обращается к анализу семантики пищи в вековых произведениях писателя [1-3], сообщая, что «важность этой проблематики во многом заключается в том, что у Платонова «пища» вместе с обычной интерпретацией простого наполнения желудка трактуется очень широко, приобретает некое бытийное толкование. Процесс питания в художественном мире писателя является примером отражения единства телесного и духовного начал. Принятие пищи пересекается с насыщением внутреннего мира; процессы познания нередко описываются как физиологическое заполнение организма» [1, с. 242]. К рассмотрению образа хлеба в сатирических произведениях 1920-х годов обращается А.О. Горская [4], отмечая в текстах писателя «характерные для мифа и библейских сказаний уподобления зерна – человеческому семени, чаемого воскрешения – прорастанию злака» [4, с. 2]. По мнению исследователя, «важная особенность платоновского символа хлеба, шире – еды вообще, – обратимость составляющих его смыслов. Нередко символ получает обратное значение неутоления, вредности, несозидательности» [4, с. 2]. Н.И. Дужина рассматривает образ пищи, «интерпретируя ее как инверсию евангельских формул причастия» [5, с. 40]. К.С. Когут, анализируя мотив еды в пьесе «Волшебное существо», отмечает, что «образ еды занимает важное место в художественном мире А. Платонова. ... пища у Платонова отражает ментальную сторону жизни, является «зеркалом» внутреннего мира героя. ... сам процесс приема пищи на разных этапах творчества Платонова-драматурга несет разную смысловую нагрузку» [6, с. 111]. Кроме того, в качестве работ, в которых предметом анализа стала пища, отметим исследования К.А. Баршта [7], Е.Д. Толстой [8], И.А. Спиридоновой [9], Н.В. Матвеевой [10].

Материалом для исследования послужили рассказы «Память», «Иван Митрич», «Чульдик и Елишка», «Мавра Кузьминична», «Поп», «Душевная ночь», «Протоиерей Прокопий Жабрин». Новизна и актуальность данного исследования обусловлены тем, что ранние рассказы писателя еще не становились объектом внимания ученых с точки зрения рассмотрения гастрономического кода.

Очевидно, что пища представляет собой один из важнейших компонентов культуры человека, что обусловлено необходимостью пищи для существования человека, для обеспечения его жизненных потребностей. Будучи базовой потребностью человека, в процессе эволюции пища стала культурным кодом, благодаря которому человек идентифицирует себя как часть национальной культуры. И.Н. Путова отмечает, что «коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. ... В процессе освоения человеком мира коды культуры, как система знаков материального и духовного мира, аккумулировали культурные смыслы и стали их носителями» [11, с. 203]. Исследователь считает, что «гастрономический код культуры относится к базовым кодам, поскольку соотносится с архетипическими представлениями носителей той или иной культуры о еде» [11, с. 204]. Е.В. Капелюшник говорит о гастрономическом коде как о «системе образных и символических смыслов, связанных с блюдами традиционной кухни, а также их функционировании на бытовом и сакральном уровнях» [12, с. 20]. Т.Г. Волошина и Я.А. Глебова под гастрономическим кодом понимают «отражение лингвокультурной картины мира, созданной под влиянием исторического, экономического, географического, культурного, языкового факторов развития страны» [13, с. 713]. В предлагаемом исследовании, вслед за Е.Л. Яковлевой, будем считать,

что «в гастрономическом коде еда выступает в качестве упорядоченной системы, в которой национальная специфика получает индивидуальное преломление. Вследствие этого гастрономический код высвечивает субъективные характеристики личности и ее отношение к миру» [14, с. 165].

Обращаясь к рассмотрению гастрономического кода в рассказах А. Платонова, отметим включение в гастрономический ольфакторного кода. Так, например, описывая деревню, автор сообщает, что там «пахнет пекущейся картошкой, молоком, грудными ребятами и подолами матерей» [15, с. 4]. Примечательно, что в данном случае автор объединяет в качестве однородных членов несопоставимые понятия, т.е. строит предложение, нарушая синтаксические норы русского языка. Однако семантика использованных писателем понятий очень близка: в приведенном отрывке речь о зарождении жизни, о ее продолжении. А. Платонову важен образ молока, поскольку молоко является символом связи между поколениями, а, следовательно, символом передачи нравственных и культурных ценностей и знаний. Отметим, что цитируемый рассказ создан А. Платоновым в 1922 году, и здесь находят отражение впечатления писателя от голода, настигшего СССР вследствие засухи в 1920 году. Известно, что в этот период погибло 5 миллионов человек. Надежду на жизнь людям дают пекущаяся картошка и молоко – самая простая, но самая важная в картине мира русского человека еда, не раз спасавшая от голода.

О Епишке, героине рассказа «Чульдик и Епишка», автор сообщает, что тот «пахуч» [15, с. 6], т.е. обладает сильным запахом. Героиня рассказа «Мавра Кузьминична» была «духовитая бабушка» [15, с. 8]. В русском языке прилагательное *духовитый* означает «пахучий, душистый, ароматный» [16, с. 278]. Употребление этой лексемы в качестве эпитета при описании человека примечательно: Мавра Кузьминишна «сама по себе ... ласковая» [15, с. 8], «любит кушать, ... любит ходить в гости и приятно одеваться» [15, с. 8]; отношения Мавры Кузьминичны с едой очень своеобразны: А. Платонов сообщает, что героиня «ест летом котлеты, любит в пост уху и иногда, беззубая, варит себе манную кашку» [15, с. 8], т.е. демонстрирует благополучную жизнь героини. Однако при этом сообщает, что «питалась Мавра Кузьминишна, прожевывая пищу длительно, томя желудок и истекая слюной, чем добивалась высокой полезной отдачи пищи; зимой не выходила из дома без нужды – холод истощает тело. Летом сидела под теплом и сиянием солнца, множа калорийные силы организма, ночами спала глубоко ... и во сне видела сытную мягкую еду» [15, с. 8]. Подобное описание соответствовало бы человеку, испытывающему постоянный голод, который, полагаем, Мавра Кузьминишна пережила и не может забыть, несмотря на то что сейчас в ее жизни с точки зрения еды все благополучно. Эту гипотезу подтверждает использование наименований еды с диминутивными суффиксами: *вареньице*, *пирожок*. Диминутивные формы обычно используются либо для обозначения чего-то маленького, либо для демонстрации ласкового отношения к чему-либо. В случае с Маврой Кузьминишной речь идет о ласковом отношении к еде, сформировавшемся из-за ее нехватки в определенный период. Таким образом, может показаться, что Мавра Кузьминишна – положительный персонаж; об этом свидетельствует в том числе именование по модели *имя+отчество*, которая в ономастической лаборатории писателя используется для демонстрации уважения автора к герою. Однако это не так: автор неоднократно подчёркивает избыточную бережливость Мавры Кузьминишны, которая, продав вещи мужа, выручила за них «одиннадцать рублей с пятачком» [15, с. 8] и за четырнадцать лет не истратила их. По мнению рассказчика, от лица которого ведется повествование, «одиннадцать рублей можно всю жизнь не прожить, если научиться жить у Мавры Кузьминишны» [15, с. 8], а пригодятся эти деньги, чтобы «закрыть ей глаза ее же пятачком, ... когда придет к ней заблудившийся смертный час» [15, с. 8]. Здесь отметим, что употребление лексем с диминутивными суффиксами часто используется А. Платоновым для того, чтобы показать инфантилизм персонажа (вспомним характеристику Ивана Митрича, где писатель использует существительные с диминутивными суффиксами – *платочком*, *подбородочек*).

Примечательно, что герои произведений писателя характеризуются разным отношением к еде. Некоторые, например, не ощущают разницы между приемом пищи и другими событиями в жизни, поскольку для них важнее иные физиологические процессы: «Василий Иванович ... засыпал стоя, закуривая, мочась, глядя на запекающийся вечерний закат или разжевывая огурец – все едино» [15, с. 2]. Парадоксальность этого персонажа подчеркивается употреблением сравнительного оборота: засыпая, он полз к земле, как тесто из горшка. Очевидно, что тесто в процессе брожения поднимается вверх, в то время как Василий Иванович полз к земле, то есть вниз. Такое употребление обусловлено отношением А. Платонова к земле, которая в картине мира писателя выступает кормилицей, спасением, укрытием (об этом см. подробнее [17, с. 32-38]). В рассматриваемом рассказе земля также спасает героя: «Медленно полз он поясницей к земле, не спеша гнул его хребтовик – вот-вот сломается, – пока не доставал Василий Иванович самым кончиком своего отошального зада головки травинки, тогда его травинка щекоткой подбрасывала кверху» [15, с. 8].

Отметим также специфику потребления персонажами пищи. Обозначая этот процесс, они используют глаголы *жевать*, *чавкать*: «Давай почавкаем, – сказал Савватий Саввыч, – набьем в пузень дребедень – червей разводите в нутре! И мы зажевали – не спеша и не вдумываясь во вкус» [15, с. 16]. Глагол *жевать* имеет значение «размельчать, разминать пищу или что-л. во рту, перемешивая со слюной» [18], а глагол *чавкать* – «издавать при жевании характерные причмокивающие звуки» [18]. Т.е. процесс приема пищи в картине мира персонажей А. Платонова не связан с попаданием еды в пищевод, достаточно только подержать еду во рту. Подобная ситуация обусловлена тем, что прием пищи герои не рассматривают как базовую потребность человека, называя жизненно важный процесс «набиванием» в пузень дребедени, из-за чего заводятся черви; совместные приемы пищи воспринимаются скорее как возможность обмена душевным теплом, где пища выступает посредником. Герои не думают о вкусе пищи, ее пользе, прием пищи – это чисто механический процесс, несущий скорее вред. Эта гипотеза подтверждается описанием персонажа, у которого в животе «забурчало от молока и от огурцов» [15, с. 4]. Примечательно, что молоко – важный для русского человека продукт питания – в данном случае употреблен с огурцами. Подобное сочетание представляется странным и ожидаемо производит негативный эффект. Такое отношение к еде основано на идеологических предпочтениях персонажей А. Платонова, которые считают, что «человеку надобно продвижение, а не хата и не пшено» [15, с. 16]. Кроме того, пища, по мнению героев, «малопитательна», в том числе и поэтому они не видят пользы от употребления пищи. «Малопитательность» распространяется с еды на жизнь, и автор объясняет причину малопитательности: «Мужик пужался всего – оттого и жизнь была малопитательна» [15, с. 16]. Однако в «малопитательности» пищи есть и положительный момент: русский народ «мыслит ..., даром что пищу потребляет малопитательную» [15, с. 16]. А. Платонов описывает попытки персонажей добывать себе еду: «Чульдик сидел в лодке середь реки и нанизывал червей на крючки. Он был там свой, питаясь из реки и думая над ней» [15, с. 5]. В данном случае еду герою дает вода – ключевой элемент в картине мира писателя, как известно, часть жизни посвятившего вопросам мелиорации.

Однако сложности с едой испытывают не все персонажи. Некоторые идут на базар, чтобы «принести хлеба, говядины, овощу и прочего» [15, с. 4], т.е. их питание полноценно, что свидетельствует о достатке в семье. Здесь следует обратить внимание на антропоним главного героя рассказа: его зовут Иван Митрич, т.е. номинация образуется по двучастной композиции *имя+отчество*; в модели ономастического творчества А. Платонова это показывает уважительное отношение к герою, его высокий социальный статус. В семье этого героя есть определенные ритуалы, связанные с приемом пищи, и с базара необходимо прийти раньше, «чтоб обед был вовремя!» [15, с. 4]. Говядина, т.е. мясо коровы, в картине мира А. Платонова – показатель лучшей жизни, она даже снится героям: так, Епишка «сон увидел, что наелся говядины и лежит с чужой бабой в соломе» [15, с. 5]. Таким образом, для Епишки говядина – одна из составляющих счастья, в то время как применительно ко второму герою

этого рассказа автор использует лексему *говядина* скорее в негативном контексте, сообщая, что «у Чульдика от годов глаза, как говядина, и видел он шагов на пять» [15, с. 5]. Сравнивая глаза героя с говядиной, писатель, очевидно, хочет сообщить, что глаза персонажа красные, как будто окровавленные; кроме того, у него слабое зрение. Все это «от годов», т.е. очевидно, что жизнь героя была тяжелой.

К тем, у кого нет проблем с едой, можно отнести представителей определенных социальных слоев. Так, персонаж, для обозначения которого автор использует профессионализм *поп* – т.е. служитель религиозного культа в православии, получает продукты питания от прихожан, которые таким образом благодарят его за проведение православных ритуалов. Герой, которому нужно женить сына, приходит к попу и сообщает, что «яичек, пашенца, куренка ... вам, батюшка, в сенях поставил» [15, с. 5]. Наименования еды использованы в диминутивной форме, что свидетельствует, как и в случае с Маврой Кузьминичной, о ласковом отношении к еде, обусловленном ее недостатком. Кроме того, примечательно употребление лексемы *пшено* в форме *пашенцо* с эпентетической *a*, что характерно для диалектов Воронежской области. Однако не все служители религиозного культа живут сыто: например, протоиерей Прокопий Жабрин, герой одноименного рассказа, «утром не наелся: пицца пошла на оскудение» [15, с. 17], однако это не сказывается на его физическом состоянии, и «сила в теле напирает» [15, с. 17]. Это еще раз подтверждает гипотезу об отсутствии необходимости употреблять пищу для полноценного функционирования организма человека.

Таким образом, обобщая результаты исследования, отметим, что пища занимает важное место в картине мира А. Платонова, о чем свидетельствуют часто повторяемые описания употребления еды героями. Для героев произведений писателя еда – это не необходимое для существования организма «топливо»; прием пищи – экзистенциальный акт, в ходе которого достаточно просто наполнить «пузо» любой дребеденью. Однако принципиально важной является взаимосвязь питания и мышления, реализующаяся в процессе приема пищи: напихивая в пузо дребедень, герои насыщают внутренний мир. Примечательно, что писатель реализует гастрономический код через ольфакторный. Кроме того, к особенностям гастрономического кода в произведениях А. Платонова можно отнести использование онимных единиц (антропонимов, профессионализм) для демонстрации отношения персонажа к еде, а также введение в текст произведений лексем с диминутивными суффиксами; прибегая к этому приему, писатель показывает отношение героев к еде, на основании чего отметим, что не все персонажи А. Платонова воспринимают еду небрежно или негативно.

Библиографический список

1. Рудаковская Э. К семантике «пищи» в рассказах Платонова второй половины 1930-1940-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 5. Юбилейный. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 242–251.
2. Рудаковская-Борисова Э. Семиотика пищи в произведениях Андрея Платонова. Тарту: Tartu: Tartu University Press, 2005. 178 с.
3. Рудаковская Э. «Сытость души...» Тема пищи в романе А. Платонова «Чевенгур» // Структура текста и семантика языковых единиц. Калининград, 2001 С. 42 – 57.
4. Горская А.О. Символический образ хлеба и читательско-писательская коллизия в сатирических произведениях А.П. Платонова 1920-х годов // Культурологический журнал. 2013/4(14). С. 1-11.
5. Дужина Н.И. «Постоянные идеалы» Андрея Платонова во второй половине 1930-х гг. // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества: Вып. 5. М.: 2003. С. 35 – 47.
6. Когут К.С. Мотив еды в пьесе А. П. Платонова «Волшебное существо» Филологический класс, 2013. №1(31). С. 111-115.

7. Баршт К.А. Поэтическая грамматика А. Платонова в пьесе «Ноев ковчег»: парафраз, реминисценция и аллюзия // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 7. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 191–208.
8. Толстая Е.Д. Натурфилософские темы у Платонова // Толстая Е. Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. М.: РГГУ, 2002. С. 324–351.
9. Спиридонова И.А. «Внутри войны» (поэтика военных рассказов А. Платонова). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005.
10. Матвеева Н.В. Драматургическая трилогия А. Платонова («Шарманка», «14 Красных Избушек», «Ноев ковчег»): система мотивов. Дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008.
11. Путова И.Н. Гастрономический код культуры военного жаргона // «Теория и практика современной науки». №2(56). 2020. С. 203.
12. Капелюшник Е.В. Кулинарный код культуры в семантике образных средств языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2012. 21 с. 3.
13. Волошина Т.Г., Глебова Я.А. Гастрономический код как отражение лингвокультурной картины мира (на примере африканской лингвокультуры) // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2022. Т. 41, № 4 (707–714).
14. Яковлева Е.Л. Специфика гастрономического кода Сальвадора Дали // Человек и культура. 2020. № 6. С. 163 - 174.
15. Платонов А. Собрание сочинений: [в 8 томах]. Москва: Время, 2009. Т. 1.
16. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний; под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: «Альта-Принт», 2007. С. 278.
17. Бугакова Н.Б. Лексическая объективация бинарной оппозиции «земля – небо» в художественной модели мира А. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. № 3(46). 2022. С. 32-38.
18. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

References

1. Rudakovskaya E. On the semantics of "food" in Platonov's stories of the second half of the 1930s-1940s // Andrei Platonov's "Country of Philosophers": problems of creativity. Issue 5. Anniversary. Moscow: IMLI RAS, 2003. Pp. 242-251.
2. Rudakovskaya-Borisova E. Semiotics of food in the works of Andrei Platonov. Tartu: Tartu University Press, 2005. 178 p.
3. Rudakovskaya E. "Satiety of the soul..." The theme of food in A. Platonov's novel "Chevengur" // Text structure and semantics of language units. Kaliningrad, 2001 Pp. 42-57.
4. Gorskaya A.O. The Symbolic Image of Bread and the Reader-Writer Collision in the Satirical Works of A.P. Platonov in the 1920s // Cultural Studies Journal. 2013/4(14). P. 1-11.
5. Duzhina N.I. Andrei Platonov's "Constant Ideals" in the Second Half of the 1930s // Andrei Platonov's "Country of Philosophers": Problems of Creativity: Issue 5. Moscow: 2003. P. 35–47.
6. Kogut K.S. The Motif of Food in A.P. Platonov's Play "The Magical Creature" Philological Class, 2013. No. 1(31). P. 111-115.
7. Barsht K.A. Poetic grammar of A. Platonov in the play "Noah's Ark": paraphrase, reminiscence and allusion // "The Country of Philosophers" by Andrei Platonov: problems of creativity. Issue 7. Moscow: IMLI RAS, 2011. Pp. 191-208.
8. Tolstaya E.D. Natural philosophical themes in Platonov // Tolstaya E.D. The world after the end: Works on Russian literature of the 20th century. Moscow: RSUH, 2002. Pp. 324-351.
9. Spiridonova I.A. "Inside the war" (the poetics of A. Platonov's war stories). Petrozavodsk: Publishing house of PetrSU, 2005.

10. Matveeva N.V. The dramatic trilogy of A. Platonov ("Sharmanka", "14 Red Huts", "Noah's Ark"): a system of motives. Diss. ... Cand. Philological Sciences. Yekaterinburg, 2008.
11. Putova I.N. Gastronomic code of the culture of military jargon // "Theory and practice of modern science". No. 2 (56). 2020. S. 203.
12. Kapelyushnik E.V. Culinary code of culture in the semantics of figurative means of language: author's abstract. diss. ... Cand. Philological Sciences. Tomsk, 2012. 21 p. 3.
13. Voloshina T.G., Glebova Ya.A. Gastronomic code as a reflection of the linguocultural picture of the world (on the example of African linguoculture) // Issues of journalism, pedagogy, linguistics. 2022. Vol. 41, No. 4 (707–714).
14. Yakovleva E.L. Specifics of Salvador Dali's Gastronomic Code // Man and Culture. 2020. No. 6. Pp. 163-174.
15. Platonov A. Collected Works: [in 8 volumes]. Moscow: Vremya, 2009. Vol. 1.
16. The Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language: 180,000 Words and Phrases; edited by D.N. Ushakov. Moscow: Alta-Print, 2007. P. 278.
17. Bugakova N.B. Lexical Objectification of the Binary Opposition "Earth - Sky" in A. Platonov's Artistic Model of the World // Current Issues in Modern Philology and Journalism. No. 3(46). 2022. pp. 32-38.
18. Dictionary of the Russian language: In 4 volumes / RAS, Institute of Linguistics. research; Ed. A. P. Evgenieva. 4th ed., revised. M.: Rus. language; Polygraph resources, 1999.

УДК 82.091

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.008

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Профессор, доктор филологических наук

Иванова И.Н.

Россия, г. Ставрополь, тел. +7 9187470194;

e-mail: ivanovairinna@mail.ru

North-Caucasus Federal University, NCFU

Dr. Sci. in Philology

Professor

Ivanova I.N.

Russia, Stavropol, tel. +7 9187470194;

e-mail: ivanovairinna@mail.ru

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

ассистент кафедры отечественной и мировой литературы

Сазонова А.С.

Россия, г. Ставрополь, тел. + 79286395426;

e-mail: sazonova.nastya88@mail.ru

North-Caucasus Federal University, NCFU

Postgraduate Student

Department of Russian and World Literature

Sazonova A.S.

Russia, Stavropol, tel. +7 9286395426;

e-mail: sazonova.nastya88@mail.ru

И.Н. Иванова, А.С. Сазонова

**ПОЭТИКА ФАНТАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КИНОПОВЕСТИ
И. ЛАГУТЕНКО И В. АВЧЕНКО «ВЛАДИВОСТОК-3000» И РОМАНЕ Э. ВЕРКИНА
«ОСТРОВ САХАЛИН»**

Статья посвящена сравнительному анализу двух заметных произведений современной прозы последнего десятилетия в аспекте организации в них фантастического художественного пространства. Оба текста «работают» с реальной российской географией и историей Дальнего Востока, превращая их в экспериментальную площадку для создания собственного художественного мира, синтезирующего несколько жанров – от постапокалипсиса, антиутопии и «альтернативной истории» («Остров Сахалин») до современной версии, казалось бы, прочно забытого жанра утопии («Владивосток-3000»). В киноповести И. Лагутенко и В. Авченко «Владивосток-3000» описан фантастический мир, существующий реально, но в ином, «перпендикулярном» пространстве. Иначе выстроено пространство в романе Э. Веркина «Остров Сахалин». Оно представляет собой синтез реальной географии Сахалина, причем предельно детализированной, истории (с центральным сюжетом каторги) и мифологии (с центральным сюжетом ада). Благодаря такому изображению, реальная география острова Сахалин становится точкой стяжения исторических, мифологических, метафизических смыслов и превращается в фантастическое пространство постапокалипсиса. Анализ произведения способствует выявлению связи фантастического художественного пространства с конкретными историко-географическими координатами и описанию его основных структурных элементов.

Ключевые слова: современная проза, утопия, антиутопия, художественное пространство, фантастическое пространство, пространственная модель, Дальний Восток.

I.N. Ivanova, A.S. Sazonova

**THE POETICS OF FANTASTIC SPACE
IN THE FILM NEWS OF I. LAGUTENKO AND V. AVCHENKO
"VLADIVOSTOK-3000" AND E. VERKIN'S NOVEL "SAKHALIN ISLAND"**

The article is devoted to a comparative analysis of two notable works of modern prose of the last decade in terms

of the organization of a fantastic artistic space in them. Both texts "work" with real Russian geography and the history of the Far East, turning them into an experimental platform for creating their own artistic world synthesizing several genres – from post-apocalypse, dystopia and "alternative history" ("Sakhalin Island") to a modern version of the seemingly firmly forgotten utopia genre ("Vladivostok-3000"). In the film news I. Lagutenko and V. Avchenko "Vladivostok-3000" describes a fantastic world that exists in reality, but in a different, "perpendicular" space. The space in E. Verkin's novel "Sakhalin Island" is built differently. It is a synthesis of the real geography of Sakhalin, and extremely detailed, history (with a central plot of penal servitude) and mythology (with a central plot of hell). Thanks to this image, the real geography of Sakhalin Island becomes a point of convergence of historical, mythological, metaphysical meanings and turns into a fantastic post-apocalyptic space. The analysis of the work helps to identify the connection of a fantastic artistic space with specific historical and geographical coordinates and to describe its main structural elements.

Key words: modern prose, utopia, dystopia, artistic space, fantastic space, spatial model, Far Eastern.

Проблема организации фантастического художественного пространства в современной прозе – одна из наиболее интересных и привлекающих внимание исследователей [1; с. 4]. Создавая собственный художественный мир в фантастическом произведении, автор, естественно, вынужден выстраивать его структуру, продумывать его «взаимоотношения» с нефантастической реальностью, задавать времяпространственные координаты. При этом мир должен быть при самых невероятных допущениях непротиворечивым внутри себя, подчиненным пусть и фантастической, но логике.

На наш взгляд, наиболее интересными для современного читателя становятся те тексты, в которых действие не переносится в совершенно иные, созданные лишь воображением автора миры, но самым тесным образом взаимодействует с современной действительностью, данной в конкретных историко-географических координатах.

Так, в киноповести И. Лагутенко и В. Авченко «Владивосток-3000», написанной в редчайшем сейчас жанре утопии, фантастическая Тихоокеанская республика существует параллельно настоящему Владивостоку. Читатель до последнего не понимает, как именно появляются здесь и возвращаются (ли) обратно персонажи. Впервые оказавшийся здесь Влад (он же Пришелец) «явно не знает, как попал в эту точку и вообще что это за точка» [3; с. 7]. Начало иной реальности маркирует (подобно избушке Бабы Яги на границе «обычного» леса) навигационный знак с надписью «Владивосток-3000». Встретившие героя персонажи «иногo» мира, проверяя, не шпион ли он, задают ему вопросы, на которые может ответить только местный (коренной житель «реального» Владивостока, но не турист и не шпион-москвич). Парадоксально, что даже сами граждане «идеального» Владивостока не могут внятно объяснить, как и почему сюда попадают новички.

Как правило, действие утопии происходит либо в условном прошлом, лишенном конкретных исторических координат, либо в далеком будущем. Именно такова версия Влада – студента ДВФУ (аналогом которого является на «том» острове Русском МТУ), находящемся не в будущем (самое банальное объяснение), а в настоящем, но «другом настоящем» [3; с. 18]. Это скорее не параллельный, а перпендикулярный мир, объясняют Владу собеседники.

Отделившись от России, Владивосток-3000 начал преобразовывать экономику, правопорядок, систему образования и т.д. В основном эти преобразования были связаны с морем. Появились акватории (морские огороды), в которых выращивались мидии, гребешки, трепанги. Главная денежная единица – «тихоокеанка», она ещё называется «крабом», из-за изображения на гербе Владивостока. Морская ориентация экономики отразилась и в культуре: «слово «ярус» заменило такой устаревший термин, как «баррель». Вместо «истратил всё до копейки» здесь стали говорить «до последней капли моря»» [3; с. 24], появился Дворец марикультуры, возникли новые дисциплины: маринаука и мариискусство.

Реформы коснулись и системы образования: «сократив продолжительность обучения до пяти лет и основательно изменив как учебную программу, так и методики обучения – было решено, что нельзя отнимать у юных сразу десять лет, и каких лет!» [3; с. 26].

Тихоокеанская республика – это законченный образ, в котором «всё устроено именно так, как и должно быть устроено» [3; с. 188], всё здесь гармонично, все женщины красивые, «одетые стильно и свободно» [3; с. 74], курить здесь не принято, жители соблюдают удивительный правопорядок.

После образования Тихоокеанской республики изменился климат, он стал мягче. Море перестало замерзать, удлинился купальный сезон. Улучшение климата повело за собою изменения в природе: появились бамбуковые рощи, пальмы, возросла численность амурских тигров.

Жители Тихоокеанской республики стараются жить в гармонии с природой, море стало источником экологически чистой энергии: «Помимо использования солнечной и ветровой энергии владивостокцы внедрили инновационную технологию – создали у берегов морские электростанции на основе живых батарей из скатов» [3; с. 25].

Морская ферма «Гребешок Пасифик» стал настоящим символом Владивостока-3000. Это то, без чего не дано понять республику: «Чтобы жить здесь, нужно... быть подключённым» [3; с. 82]. «Быть подключённым» значит быть частью своей страны: «Дело... не в том, любишь ты или не любишь. Когда что-то находится внутри тебя, когда – это часть тебя, а ты тоже часть чего-то...» [3; с. 82]. Именно попробовав гребешок, человек становится истинным жителем Тихоокеанской республики.

Все предметы предстают перед нами как одушевлённые. «Ветер лучше слушай – это люди, море – люди, железная дорога – тоже люди» [3; с. 172]. Вечный огонь также является символом республики. «Только наш – действительно вечный, а ваш... Вам надо следить за ним, за вашим военно-морским огнём. Чтобы он не гас» [3; с. 172]. В книге изображается даже особая мифологическая система, которая тесным образом связана с природой. Существуют проводники, которые следят за землёй: «Мы – верхние люди, редкие люди. Мы присматриваем за землёй» [3; с. 173]. Они – хранители огня, если огонь погаснет, то не станет ничего. «Огонь – сын солнца. А солнце – самый главный люди» [3; с. 173]. Ещё одним символом Владивостока-3000 является амурский тигр. Он стал тотемом Тихоокеанской республики, объявлен неприкосновенным животным. «Преступления против тигра, выделенные в отдельную главу Уголовного кодекса ТР, относились к тягчайшим» [3; с. 31]. Амурский тигр – мистическое животное и только посвященные могут видеть его.

В книге вообще постоянно подчеркивается связь с природой. Одним из главных праздников республики является День Краба. Краб изображен на гербе Тихоокеанской республики, он «крепится на фуражках на военморах Владивостока-3000» [3; с. 129]. Существуют также праздники День Корюшки, Праздник Первой Камбалы.

Система символов позволяет изобразить Владивосток как некий особый мир, который не всем дано постигнуть. Владивосток можно лишь ощутить, попадая сюда, человек чувствует душевную гармонию, единение с природой. Гражданином республики считается посвященный человек, который ощущает истинный Владивосток.

Что является причиной и триггером перехода, обитатели «идеального» Владивостока не знают, но можно предположить, что должно осуществиться некое переключение судьбы, перезагрузка, если человек – «свой», «наш». В «трехтысячном» городе у Влада обнаруживается «его» квартира, как в «Иронии судьбы», значит, он «наш», ошибка судьбы исправлена. Следовательно, Город сам притягивает «своих»? Сведения о «том» городе как-то просачиваются в реальный Владивосток: Влад ссылается на городские легенды, думая, что это «так, фантастика», на что получает ответ: «Это и есть. Фан-та-сти-ка» [3; с. 20]. Т.е. фантастике придается статус существующего в действительности, но в иной, «перпендикулярной» реальности. Характерно, что попытка побега, т.е. пересечения границ фантастического пространства, герою не удается: нет билетов, аэропорт недоступен. Его никто не удерживает и не преследует: пространство само решает за него (туман и тайфун на границе реальностей).

Способы «попадания» разнообразны: кто-то попал через Пидан, магическую гору, кто-то – через катакомбы, во сне Влада пересечение осуществляется через торпедный аппарат.

Избраннику Города открывается как реальность пространство местного мифа: во «сне» приходят Владимир Арсеньев и его герой Дерсу Узала, убеждающие, что бегство иллюзорно и не нужно: «Исчезнув отсюда, ты останешься все равно» [3; с. 174]. В финале Влад пытается вернуться за девушкой, просто войдя в море и положившись на волю этой странной силы: возможно, он погибнет, возможно, она вернет его сюда.

Много вопросов возникает относительно монтажа реального мира и фантастического. Новейшая история Владивостока изложена вполне реалистично (что заставляет вспомнить «большой текст» В. Авченко от «Правого руля» и «Глобуса Владивостока» до последней книги о Дальнем Востоке). Во время «парада суверенитетов» Владивосток – город «неочевидной судьбы» – сумел-таки отделиться. Возникла Тихоокеанская республика – «свободная, веселая, драйвовая, процветающая страна» [3; с. 23]. Основа экономики – марикультура, процветают маринаука и мариискусство. Смещены привычные смыслы и границы: так, ближнее зарубежье – это «большая» Россия; Магаданская свободная экономическая зона и Сахалин хотят присоединиться к торжествующей утопии, чего категорически не хочет допустить Москва, периодически засылающая шпионов. Шпионы влюбляются в идеальный мир и остаются в нем (Максимов). Не очень понятно, та ли эта Москва, что в реальном мире, или тоже какая-то другая, и где границы этого пространства, где именно оно начинает / перестает быть фантастическим?

Иначе решается проблема фантастического пространства в романе Э. Веркина «Остров Сахалин». Синтетический жанр романа объединяет постапокалипсис, антиутопию, зомби-триллер, роман воспитания и «альтернативную историю», напоминающую «Человека в высоком замке» Ф. Дика («что, если бы во Второй мировой победили Германия и Япония»). Фактически автор оставляет реальную географию Сахалина, причем предельно детализированную, настолько, что несахалинцу можно рекомендовать читать роман с современной картой, без которой тяжело отслеживать перемещения персонажей. Сирень и Артем – не Фродо и Сэм, их маршрут описан очень четко, с учетом реальных расстояний и технических возможностей их преодоления. Большая часть глав – точки маршрута: Итуруп, Монерон, Холмск, Углегорск, Гастелло-Долинск, Поронайск и т.д. Интересный авторский прием: победители-японцы оставили на Карафуто (Сахалине) русские топонимы «в качестве исторического назидания, напоминания о бренности сущего» [2; с. 43]. В действительности же Северные островные земли просто не включены «в метафизическое пространство Империи», как говорит профессор Като. Япония наконец получила их, но они не куплены, не завоеваны, не отторгнуты усилиями дипломатов, то есть это особое пространство, не часть Японии, что ощущает любой японец. Это земли пограничные, выморочные, территория хтонического хаоса, противостоящего японской цивилизации. Это – маргинальная земля. «Остров – последний рубеж перед наступающими силами хаоса», говорит японский чиновник [2; с. 72].

В постапокалиптическом мире романа центральным событием, изменившим как историю, так и географию, стала ядерная война. Неделя Огня уничтожила Европейскую Россию и Сибирь, Китай и Северную Америку. Фактически, по словам поэта-убийцы Сиро Синкая, Земля развернулась в плоскость, «сетка» из параллелей и меридианов, размечающая пространство, словно лопнула: Америка и Австралия не исчезли, но превратились в выжженную пустыню, та же участь постигла и материковую Евразию. Основным моделирующим пространством нового мира фактором стала, однако, не радиация и т.п., а вирус мобильного бешенства, превращающий людей в нелюдей. Япония осталось единственным островом цивилизации, введя режим изоляции, территория Хабаровского края «была санирована», т.е. люди, желающие спастись с материка, были практически полностью уничтожены.

В романном пространстве Сахалина соединяются несколько типов пространства, «наложенных» друг на друга: реальное географическое (с сохранением русских современных топонимов), историческое (с центральным сюжетом каторги), мифологическое (с центральным сюжетом ада). Постоянно присутствует и тема времени: настоящего, прошлого и буду-

щего, в которое не верит никто, кроме Сирени, главной героини, аспирантки кафедры футурологии.

Центральный исторический сюжет Сахалина, воспроизведенный и в романе, – конечно, каторга. При новом, японском порядке, это актуализировалось: для Юга (самой Японии) Север – территория тюрем для особо опасных преступников, каторги (на острове добывается рений, «звездная медь», открывшая в финале человечеству новое будущее), вечной ссылки (отбывшие срок не могут покинуть остров). «Каторга – это все, что вы видите вокруг», говорит один из персонажей романа [2; с. 71]. Но, в отличие от реальной тюрьмы и каторги, где у заключенных есть надежда на освобождение (будущее время), сахалинская каторга – место, в котором нет больше времени, нет прошлого и почти нет настоящего. Здесь нет детей и стариков. Здесь нет времени, никто не верит в будущее, кроме Сирени. В структуре романа время и пространство словно заменяют друг друга, превращаются друг в друга. Так, о России, родине предков Сирени, говорится: это не страна, которой нет, а страна, которой больше не будет (описывается не в пространственных, а во временных координатах). Кроме того, у этой каторги нет «смысла»: здесь никто никого не хочет «исправить», вернуть к обычной жизни. Люди – лишь сырье для добычи рения, отработанное «сырье» утилизируется: в Холмске электростанция работает на сушеных мертвецах, пропитанных отработанным маслом. Питание каторжников – прессованная в брикеты земля, обогащенная микроэлементами. Естественно, что в таких условиях люди расчеловечиваются, финальный «зомби-апокалипсис» практически ничего к этому расчеловечиванию не добавляет.

Для японцев (других «нормальных» людей в этом мире нет, корейцы и китайцы людьми не считаются, русских осталось несколько десятков, это скорее интересный реликт, а не этнос) Сахалин – пространство страшной сказки и мифа. Японские школьники пугают друг друга историями о людоедах в чешуе, айну, носящих кисеты с пальцами японцев, акулах, съедающих каторжников. Никаких мифологических чудовищ на острове нет, он сам – чудовище: многократно говорится о том, что Карафутто ест людей. Основная внешняя и внутренняя идентификация Сахалина – ад (инфэруно, говорят японцы, верящие во Христа, Дезусу Кирисито). Пейзаж острова – абсолютно адский. Природа уничтожена. Вода – ржавчина и ядовитая пена, растения не выше колена, животных почти нет. «Там ад. Итуруп с его серой, жаровнями и живыми мертвецами – всего лишь преддверие инфэруно» [2; с.35]. Отсюда нельзя ничего вывозить (как с кладбища, по русским поверьям). Отсюда нельзя вернуться, или надо фактически умереть, утратив всех, кто дорог, и родившись заново, как Сирень, пережившая ядерный удар. «Вы не вернетесь. Как и не повернете вспять», говорит Сирени патэрэн (русский священник), и она действительно, описав круг, «не возвращается» – это уже не она. Интересная деталь: синие глаза японки Сирени утрачены, она получает обычные карие от погибшего японского лейтенанта и становится «как все». Вся ее жизнь осталась там, во времени и месте, которого больше нет и не будет (жизнь на Сахалине уничтожена, остров «санирован»).

Эпилог романа заставляет вспомнить библейские «новое небо и новую землю». Идея «схлопывания» времени и пространства мира в ноль, взаимной аннигиляции света и тьмы, полного уничтожения постядерного мира ради нового начала неоднократно высказывалась многими персонажами на протяжении романа. Еще до всемирной катастрофы были открыты нити Хогбена, структурирующие мировое пространство и «подвешивающие» Землю к небосводу (их видит Сирень в момент ядерного пожара). Герои ощущают себя в точке ноль, мир погружается на их глазах во тьму, но из этой тьмы рождаются новое время и пространство. Через сорок семь лет внук Сирени изобретет двигатель, позволивший человечеству лететь вдоль нитей Хогбена и начать новый цикл развития человеческой цивилизации. Судьба остальной планеты остается для читателя непроясненной, информация об изобретении и о фантастическом прорыве в будущее занимает полстраницы эпилога. Предельно свернутое в точку пространство человечества снова распахивается, пространство романа закольцовывается стихотворением Сиро Синкая о райском саде. Таким образом, реальная география острова

Сахалин становится точкой стяжения исторических, мифологических, метафизических смыслов и превращается в фантастическое пространство постапокалипсиса.

Библиографический список

1. В поисках границ фантастического: средства передвижения и перемещения в пространстве (памяти проф. В. Л. Гопмана): тезисы IV международной междисциплинарной научной конференции / сост. В. Я. Малкина, Е. А. Нестерова. Москва, 2020. 63 с.
2. Веркин Э.Н. Остров Сахалин. М., Изд-во «Э», 2018. 480 с.
3. Лагутенко И., Авченко В. Владивосток-3000. Киноповесть о Тихоокеанской республике. М.: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2012. 192 с.
4. Пыхтина Ю.Г. Виртуальное пространство в литературе: типология, структура, функции// Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. №1. С. 114-118.

References

1. In search of the boundaries of the fantastic: means of transportation and movement in space (memory of the prof. V. L. Gopmana): abstracts of the IV International interdisciplinary scientific conference / Compilers: V. Ya. Malkina, E. A. Nesterova. Moskva, 2020. 63 s.
2. Verkin E. N. Sakhalin Island. M., «E», 2018. 480 s.
3. Lagutenko I., Avchenko V. Vladivostok-3000. Film news about the Pacific Republic. M.: Astrel; SPb.: Terra Fantastica, 2012. 192 s.
4. Py`xtina Yu.G. Virtual space in literature: typology, structure, functions// Bulletin of the Orenburg State University. 2017. №1. С. 114-118.

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.009

*Филиал военного учебно-научного центра
Военно-воздушных сил «Военно-воздушная
академия имени профессора
Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
Доцент кафедры русского языка
Кандидат филологических наук
Васильева О.А.
Россия, Сызрань
тел. 8-927-216-71-30*

*Military Educational-Research Centre of Air
Force «Air Force Academy named after pro-
fessor N.E.Zhukovsky and Y.A.Gagarin»
Associate professor of the department of Rus-
sian language
PhD in Philology
Vasilieva O. A.
Russia, Syzran
tel. 8-927-216-71-30*

О.А. Васильева

ОСОБЕННОСТИ БЫТОВАНИЯ ОНИМА ХАВРОНЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII - XIX ВЕКОВ

Настоящая статья посвящена исследованию функционирования онима *Хавронья* в качестве антропонима в литературе XVIII - XIX веков. Использование изучаемой ономастической единицы мы наблюдаем в драматургии у таких представителей классической комедии как А.П. Сумароков, П.А. Кропотов, М.А. Матинский, А.Н. Островский; в прозе Н.В. Гоголя; басенном творчестве А.П. Федотова. В представленной работе анализируются произведения классической литературы с точки зрения ономастики. Предметом нашего научного интереса является ономастическая единица *Хавронья*, которая выполняет в художественных произведениях двойственную функцию: номинативную и характеризующую. Именованье *Хавронья* также реализует как текстообразующую (номинация главной героини), так и факультативную (номинация второстепенных персонажей) функции. Несмотря на то, что изучаемый оним часто входит в ономастический фон произведения, роль его для понимания авторского замысла остается значимой. Нами доказывается, что авторы классических литературных произведений используют прием прономинации для того, чтобы выделить характерные черты персонажей с помощью имени *Хавронья*. Контекстуально авторы подчеркивают вторичную семантику имени, указанную во многих словарях, а именно указание на обозначение свиньи. Через негативные коннотации имени авторы обозначают отрицательные образные характеристики. Этот прием широко применялся в литературе указанного временного периода. При работе с данной статьей мы опирались на исследования авторитетных ученых в области ономастики и литературного анализа, а также на свои собственные исследования соответствующей тематики. Оним *Хавронья* изучался нами в рамках диссертационного исследования, посвященного зоонимической лексике.

Ключевые слова: номинация, оним, антропоним, прономинация, апеллиатив, драматургия, художественное произведение, Хавронья.

О.А. Vasilieva

FEATURES OF THE EXISTENCE OF THE ONYM KHAVRONYA IN THE FICTION OF THE 18TH AND 19TH CENTURIES

This article is devoted to the study of the functioning of the onym Khavronya as an anthroponym in the literature of the XVIIIth and XIXth centuries. We observe the use of the studied onomastic unit in dramaturgy among such representatives of classical comedy as A.P. Sumarokov, P.A. Kropotov, M.A. Matinsky, A.N. Ostrovsky; in the prose of N.V. Gogol; the fable work of A.P. Fedotov. The presented work analyzes the works of classical literature from the point of view of onomastics. The subject of our scientific interest is the onomastic unit of Havronya, which performs a dual function in artistic works: nominative and characterizing. The naming of Khavronya performs both text-forming (nomination of the main character) and optional (nomination of minor characters) functions in the texts of classical fiction. Despite the fact that the studied onym often forms the onomastic background of the work, its role in understanding the author's intention remains significant. We prove that the authors of classical literary works use the technique of

pronomination in order to highlight the characteristic features of the characters with the help of the Khavronya nomination. Contextually, the authors emphasize the secondary semantics of the name indicated in many dictionaries, namely the indication of the pig designation. Through the negative connotations of the name, the authors designate negative figurative characteristics. This technique was widely used in the literature of the specified time period. When working with this article, we relied on the research of reputable scientists in the field of onomastics and literary analysis, as well as on our own research on relevant topics. The name Havronya was studied by us as part of a dissertation study on zoonymic vocabulary.

Key words: nomination, onym, anthroponym, pronomination, appellative, dramaturgy, artwork, Havronya.

Настоящая статья посвящена исследованию функционирования онима *Хавронья* в качестве антропонима в литературе XVIII – XIX веков. Изучаемая номинация не впервые становится предметом нашего научного интереса. Данная ономастическая единица рассматривалась нами в диссертационном исследовании, посвященном изучению ономастического поля зоонимов с гиперсемой ‘свинья’. Оним *Хавронья* отнесен нами к ближней периферии поля. В статье, описывающей структуры ономастического поля зоонимов, мы объясняли, как распределяются конститuentы поля в его структуре: «С точки зрения бытования зоонимов ближней периферии выделяются субзоны «литературные зоонимы» и «телевизионные зоонимы». <...> К субзоне «литературные зоонимы» относим ономастические единицы, представляющие собой имена персонажей литературных произведений. Субзона «телевизионные зоонимы» формируется зоонимами мультипликационных фильмов, анимационных сериалов, телевизионных передач [1]. Рассматриваемый нами оним *Хавронья* относится к литературным зоонимам. Несмотря на то, что номинация *Хавронья* в настоящее время применяется в качестве литературного зоонима или апеллятива, в статье, посвященной трансформации онима *Хавронья*, нами приводятся примеры, доказывающие, что изначально единица *Хавронья* являлась антропонимом [2; с. 254-255]. Нами подробно рассматривалось описание данной ономастической единицы в различных словарях. Мы выяснили, что оним *Хавронья* трактуется в словарях русского языка, с одной стороны, как производное от древнецерковного имени *Феурония* или его вариантов (Н.А. Петровский, А.В. Суперанская, Е.С. Отин); с другой стороны, характеристика имени дополняется указанием на то, что номинация обозначает свинью (В.И. Даль, З.Е. Александрова, Т.Ф. Ефремова, Д.А. Ушаков, М. Фасмер) [2, с. 255].

Цель данной статьи – проанализировать бытование номинации *Хавронья* в литературных произведениях XVIII – XIX вв. Использование изучаемой ономастической единицы в качестве антропонима мы наблюдаем в драматургии у таких представителей классической комедии как А.П. Сумароков, П.А. Кропотов, М.А. Матинский, А.Н. Островский; в прозе Н.В. Гоголя; басенном творчестве А.П. Федотова. В.И. Супрун, исследуя художественно-эстетический потенциал ономастической лексики, делает вывод, что имена собственные в художественном тексте способны выполнять следующие функции: «1) служить текстовой вехой – обозначение главного (-ых) персонажа (-ей); 2) создавать ономастический фон; 3) выступать в качестве опознавательного знака факультативного характера» [3; с. 50]. В указанных произведениях оним *Хавронья* выступает как в текстообразующей, так и в факультативной функции. Проанализируем бытование номинации в произведениях литературы.

Ярким представителем классической русской драматургии XVIII века является А.П. Сумароков. Из двенадцати комедий, написанных автором, наибольшую известность получила пьеса «Рогоносец по воображению» (1772 г.). Для нашего исследования эта пьеса представляет интерес, так как одним из именованных, составляющих, по определению В.И. Супруна, «текстовую веху» [3; с. 50] произведения является имя *Хавронья*.

Главные персонажи пьесы – провинциальные помещики Викул и *Хавронья*. Черты невежественности и ограниченности развиваются в жанровых зарисовках пьесы. В завязке комедии Викул приревновал свою шестидесятилетнюю супругу к блистательному графу Кассандру. Абсурд и нелепость ситуации подчеркивается ономастической оппозицией *Хавронья* – Кассандр. Невозможность объединения данных ономастических единиц в пару лежит в ос-

нове комичности ситуации. Имени древнегреческого царя Македонии (309-297 н.э) противопоставляется просторечная форма имени, которая косвенно (через описание деятельности и интересов героини) демонстрирует общность с апеллятивом «свинья»: *Боярыня в это время изволит свиной кормить* (действие III, явление II); *Домостроительство похвально, однако свиной кормить, кажется, дело не господское* (действие III, явление III); ... *и капусту солит сама, и кур щупает, и свиной кормит* (действие III, явление II). Упоминаются свиньи и при описании гастрономических вкусов *Хавроньи*:

Хавронья. Есть ли у нас свиные ноги?

Дворецкий. Имеются, сударыня.

Хавронья. Вели же ты сварить их со сметаной да хреном, да вели начинить желудок, да чтобы его зашили шелком, а не нитками. Да вели кашу-размазню сделать...

Дворецкий. В горшке прикажешь, барыня-государыня, или на блюде?

Хавронья. В горшочке, да в муравленном, и покройте его веницейскою тарелкой; с морковью пироги, пирожки с оленьими груздями, левашники с сушеною малиной, фрукасе из свины с черносливом... (действие I, явление VIII).

Очевидно, что выбор просторечной формы греческого имени *Феврония* не случаен для А.П. Сумарокова: через сниженную стилистику имени главной героини показывается быт небогатых провинциальных помещиков, которых характеризуют трудолюбие, но при этом ограниченность интересов, невежество, недалекость. Исследователь русской антропониимики Л.И. Зубкова, подчеркивает, что эмоция, которая сопровождает оценочность личного имени, участвует в передаче информации как смысловой компонент [4; с. 149], С.А. Скуридина и Н.Б. Бугакова считают, что «можно говорить об именах собственных как доминантах, способствующих созданию смысловой многомерности текста, в результате чего они разных разрядов становятся полифункциональными» [5; с. 49]. Приведенные нами примеры подтверждают, что эмоционально-оценочное содержание ономастической единицы *Хавронья* формируется с помощью коннотаций, отсылающих читателя к семантике апеллятива «свинья». А.П. Сумароковым используется прием прономинации, представляющий собой, по определению В.П. Москвина, «стилистически значимое использование имени собственного в значении имени нарицательного» [6; с. 22]. Исследователь подчеркивает, что «особенно активно эта фигура речи использовалась в русской классике первой половины XIX в.» [6; с.22], так как грубое обличение пороков было недопустимо в литературе XVIII – XIX вв.

Пьеса П.А. Кропотова «Фомушка – бабушкин внучек» (1785 г.) по своей тематике созвучна рассмотренной ранее пьесе А.П. Сумарокова: высмеиваются невежество, ограниченность, чинопочитание. Одна из главных героинь пьесы *Хавронья Митрофановна Слюняева* – вдова, дворянка. Автор комедии наделяет героиню трехкомпонентным именем: имя, отчество, фамилия. Каждый из элементов поликомпонентного ономастического комплекса (термин В.И. Супруна) несет на себе смысловую нагрузку. Имя *Хавронья* указывает читателю на недалекость и невежество героини, которые ярче обозначаются на фоне абсолютной безграмотности ее внука Фомушки, получившего образование, но не знания. Факт крайнего невежества Фомушки очевиден для графа, но не заметен для *Хавроньи Никифоровны*. Второй компонент ономокомплекса (отчество) подчеркивает почтенный возраст дворянки:

Граф. Да не все до ваших лет доживут, вить я думаю, вам более ста лет.

Хавронья. Не с большим десяток за сто (действие I, явление IV).

Указание на возраст героини косвенно подчеркивает, что описываемые пороки укоренились в русском дворянском обществе.

Третий компонент (фамилия *Слюняева*) является связующим звеном между бабушкой и внуком. Фомушка тоже носит фамилию *Слюняев*, которая служит выражением образа персонажа: инфантильного, необразованного, бесхарактерного человека. Фамилия *Слюняев* лишь подчеркивает черты личности, которые сформированы бабушкой.

М.А. Матинский вошел в историю драматургии как мастер сатирического портрета. Либретто оперы «Санкт-Петербургский гостиный двор» (1792) включает в себя обширный

ономастикон. Соблюдая традицию драматургии классицизма, М.А. Матинский наделяет персонажей «говорящими именами». Перед нами не стоит задача осуществить полный ономастический анализ произведения, поэтому остановимся лишь на отдельных антропонимах произведения.

Главным героем либретто оперы является купец Сквалыгин, имеющий жену Соломонида и дочь *Хавронью*. Фамилия *Сквалыгин* является текстообразующим элементом; онимы Соломонида и *Хавронья* образуют, по определению В.И. Супруна, «ономастический фон» [3; с. 50] либретто. Главный герой произведения, отец семейства, имеет фамилию *Сквалыгин*. В основу этой ономастической единицы М.А. Матинский кладет глагол «сквалыжить». Существительное «сквалыжник» в словаре В.И. Даля объясняется как «скупец», «плут, барышничкающий на мену и продаже» [7; с. 592]. Как видим, автор либретто дает читателю возможность оценить художественный образ через его ономастическую характеристику.

Обратим внимание, что антропонимические характеристики жены и дочери Сквалыгина не содержат фамилию, что подчеркивает отсутствие абсолютной общности между членами этой семьи. Остановимся на характеристике именованной *Хавронья*. Как известно, указанный антропоним обладает некоторой двупланностью: с одной стороны, оно образовано от греческого имени Φεβρόνια (Феврония) и в переводе с древнегреческого означает «Ясный, светлый, лучезарный» [8]; с другой стороны, имя *Хавронья* во многих словарях отмечено как одно из именованных свиньи [2; с. 255]. Героиня М.А. Матинского также демонстрирует неоднозначность образа.

Хавронья отличается прямолинейностью, нежеланием врать и лицемерить:

Саламанида. Ну, Хавроньюшка! Смотри ж ты, дружок; как придет жених, так сиди чинненько.

Хавронья. Вот, чинненько! Да как мне перед ним чиниться-то?

Саламанида. Сиди смирнѣхонько, не шевелись, голову-то опусти вниз, по сторонам не гляди, и руками не шали.

Хавронья. А ну-как в голове зачесется, так как же?

Саламанида. Уж не чешишь, matka.

Хавронья. Да, вот!

Саламанида. Коли жених протянет голову поцаловаться, так цалуйся с ним.

Хавронья. Ну, как пить не так! Камень бы ему горячей в зубы-то.

Саламанида. Что ты, дура? Вить он будет твой муж, и тебе должно его почитать.

Хавронья. Почитать? Великой он фря! (Действие II. Явление II).

Хавронья не идет на обман, несмотря на просьбы родителей:

Прямиков. Здравствуй, дорогая невеста! А батюшка твой дома ли? Хавронья. Хоть и дома, да не велел сказываться.

Щепеткова. Конечно, ты, душенька, шутишь?

Хавронья. Шучу ли, нет ли, да я уж сказала, што нет его дома.

Крепышкина. Как же, душенька? Нам сказали на дворе, что он дома.

Хавронья. Лукавой их за язык-то тянет.

Прямиков. Поэтому он от нас спрятался?

Хавронья. Не колдун ли ты? Да он велел сказать вам, што пошел он в магистрат принимать по этой записке (подает ему) с должников деньги; однако ж я пойду, скажу ему, штоб он сам вас уверил, што нет его дома; а жених мой, так уж притоманная правда, што в приказ теперь только, как угорелая собака, побежал с векселями вашими (Действие III. Явление V).

Нежелание *Хавроньи* участвовать во вранье и мошенничестве будто реализует одно из значений греческого имени *Феврония* – «ясная». *Хавронья* – единственный персонаж пьесы,

который включен в народную поэтику. *Хавронья* посвящено несколько народных песен, включенных в либретто:

*Ах, сборы, сборы Хавроньины! **
Собирала девушек за свой стол,
Думала думушку:
Как назвать мне свекра батюшкой,
Свекровь мне назвать матушкой;
Убавлю спеси, гордости,
Назову я свекра батюшкой,
Свекровь назову матушкой (Действие II. Явление III).

Близкая по тексту песня «Ах, сборы, сборы Оксиньины» зафиксирована в «Собрании разных песен» Чулкова, ч. III, прибавление № 27 (Сочинения М.Д. Чулкова, СПб, 1913, т. 1, стр. 743-744).

Кроме того, М.А. Матинский включает в либретто стилизованную народную песню, которая нигде, кроме комедии М.А. Матинского, не зарегистрирована:

*Сободем Хавроньюшка все леса прошла *;*
Крыла леса, крыла леса алым бархатом;
В путь катила, в путь катила золотым кольцом;
Прикатила, прикатила ко синю морю;
Вскликнула, взгаркнула громким голосом:
Кто бы меня перевез на ту сторону?
Где ни взялся, где ни взялся Аксён господин:
Я тебя, Хавроньюшка, в корабле перевезу (Действие II. Явление IV).

В тексте стилизованной народной песни автор комедии явно указывает на то, что *Хавронья* противопоставлена мошенникам Сквалыгину и Крючкодею, о чем свидетельствует применение уменьшительно-ласкательного суффикса в форме имени *Хавроньюшка*.

Вторичная коннотация имени *Хавронья* (свинья), указанная в словарях В.И. Даля, С.И. Ожегова, З.Е. Александровой [2; с. 255], также проявляется в образе героини. *Хавронья* резка, речь ее наполнена грубыми просторечными выражениями:

Хавронья. Нет! я хмельного не пью.
Саламанида. Ну, матка, хоть прикушай.
Хавронья. Так! уж ты прикушай! что сама же охотница прорву-та тянуть (Прихлебывает и ставит на поднос) (Действие II. Явление IV).

Хавронья бестактна по отношению к матери. Реплика автора «прихлебывает и ставит на поднос» говорит о том, что высказывание героини не имеет принципиальной основы, она просто проявила грубость. В репликах *Хавроньи* наблюдается обилие сниженной вульгарной лексики:

Саламанида. Да смотри ж, умненько им отвечай, не промолвись, что дома.
Хавронья. Вот учельщица! дура што ли я? (Действие III. Явление IV).

Отметим, что грубость *Хавроньи* по отношению к собственным родителям продиктована не отрицанием их образа жизни, а отсутствием гибкости, чувства уважения к другим людям. Героиня не любит и не уважает своего жениха, но замуж за него выходить не отказывается, то есть готова принять его образ жизни, его философию.

Встречаются в классической драматургии и примеры употребления антропонима *Хавронья* в факультативной функции. Следует отметить, что речь идет не о конкретном образе, а лишь о гипотетическом представителе низкоквалифицированного труда:

Евлампий. А разве я говорю, что вы несчастная? Вы не так поняли меня. Мое сожаление – это болезненное участие к вашему положению. Осмотритесь! Где вы? Здесь ли вам место? Вы учились – и для чего же? Для того, чтоб отвешивать, отмеривать, насыпать, пересыпать и так далее. Да для этого годится всякая Хавронья или Фетинья.

Наташа. Не говорите со мной, пожалуйста, об этом (А.Н. Островский. «Старое повелению»).

А.Н. Островский применяет оним *Хавронья* в качестве опознавательного знака, чтобы подчеркнуть отсутствие каких-либо выдающихся способностей; отрицательная коннотация имени дополняется определительным местоимением *всякая*, исключая индивидуальность образа.

П.А. Федотов использует антропоним *Хавронья* с актуализацией коннотаций «отсутствие мыслительных способностей», «бесмысленное выполнение приказа»:

Хавронья и на этот раз

Всё приняла за истинный приказ,

Хоть, очевидно,

Для сада будет преобидно.

В морали басни автор упоминает цензуру:

И так у нас в натуре:

Мигни только цензуре (А.П. Федотов «Усердная Хавронья»).

Очевидно, что в данном произведении литературы также имеет место прономинация. В большом толково-фразеологическом словаре М. Михельсона онимом *Хавронья* обозначается «злостный и бессмысленный критик» [9]. Следовательно, за образом глупой служанки, слепо и бездумно выполняющей приказания господ, скрывается образ критика, который тоже выполняет приказы своих господ, не размышляя.

Если в драматургических произведениях имя *Хавронья* применялось авторами с коннотацией «низкий уровень личностного развития», то Н.В. Гоголь в повести «Сорочинская ярмарка» (1831 г.) дополняет отрицательную коннотацию имени указанием на связь с нечистой силой.

Имена *Хавронья* и Солопий Черевик составляют «текстовую вежу» [3; с. 50] произведения. Антропоним *Хавронья* встречается в тексте в двух вариантах: *Хивря* и *Хавронья Никифоровна*; на протяжении повествования встречается 16 раз, что составляет 12% от всех именных словоупотреблений. Наибольшее употребление онима *Хавронья* в вариантах *Хивря* и *Хавронья Никифоровна* мы встречаем в VI главе произведения: ономастическая единица встречается 10 раз, что составляет 2,1 % от общего количества знаменательных слов.

Обратим внимание, что, знакомя читателей с этим персонажем, Н.В. Гоголь не сразу называет имя героини: *А вот впереди и дьявол сидит! ... и язык у нее, у столетней ведьмы, не заболит выговорить эти слова* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка», с. 31). Далее в повествование вводится легенда о красной свитке, описываются «чертовские шашни»; читатель узнает, что у черта «свиное рыло»: *<...> в слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло так, что у него мороз подрал по коже* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка», с. 35). Таким образом автор устанавливает соответствие двух понятий: нечистая сила – образ свиньи. В образе главной героини прослеживается аналогичное соответствие: вводя персонажа в повествование, Н.В. Гоголь называет ее дьяволом и ведьмой, а имя, как выясняется позже, лишь дополняет картину в соответствии с легендой о красной свитке.

Героиню зовут *Хавронья*, Солопий Черевик называет жену *Хивря*: *что ж, Хивря, хоть бы и тот самый; чем же он сорванец?* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка», с. 37). Гипокористическая форма имени свидетельствует о желании упростить, сократить именованное, ограничить функцию именования только звательной формой. По определению В.И. Супруна, именно двухсложная структура гипокористического имени является наиболее экономной формой в вокативной функции [3; с. 32-34]. Обратимся к этимологическому словарю М. Фасмера: «Хавронья – хавронья «свинья». Вероятно, от ж. имени собств. др.-русск. Хаврония, уменьш. Ховря, укр. Хивря из греч. Φεβρόνια [10]. Этимологический словарь указывает на связь этого древнерусского имени с апеллятивом «свинья». Основатель Воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалев, изучая литературную зоониимику, подчеркнул очевид-

ность связи антропонима *Хавронья* и апеллиатива ‘свинья’: «К примеру, И.А. Крылов снайперски дал название свинье – Хавронья (народное из Феврония), так что теперь, если упоминается хавронья, то мы четко определяем – это ‘свинья’» [11; с. 114]. Н.В. Гоголь использует этим текстовой веки произведения в качестве апеллиативной замены, что подтверждается следующим замечанием Солопия: *всё, однако же, я не вижу в нем ничего худого; парень хоть куда! Только разве что заклеил на миг образину твою навозом* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка», с. 37). Яркая аналогия с поведением свиньи в животном мире является продолжением характеристики образа, которую автор дозированно вводит в повествование.

Двухкомпонентную форму имени главной героини применяет попович Афанасий Иванович, дополняя обращение характеристиками в превосходной степени: *Хавронья Никифоровна, любезнейшая Хавронья Никифоровна, несравненная Хавронья Никифоровна* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка», с. 40). Уважительное обращение поповича к героине вступает в противоречие с той характеристикой, которая была представлена автором ранее. Фальшь в поведении «любезнейшей» *Хавроньи Никифоровны* подчеркивается с помощью алогизма – соединения в одной фразе эпитета *грозная* и наречия *ласково*: *так грозная сожительница Черевика ласково ободряла трусливо лепившегося около забора поповича...* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка», с. 39). Ощущение иронии усиливается при помощи антифразиса (противоположность сказанному) [6; с. 44]: *вот беда! Не ушиблись ли вы...? – лепетала заботливая Хивря* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка», с. 40). Антифразис в данном предложении используется как средство выражения иронии, так как определяющие существительные «дьявол» и «ведьма» никак не соотносятся с определением «заботливая».

В VII главе цепочка *черт – свинья – Хавронья* приобретает логическую завершенность. В момент появления «свиных рыл» в окнах, когда *послышался какой-то неясный звук, весьма похожий на хрюканье свиньи; все побледнели* (Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка», с. 44). Все, кроме *Хавроньи*, были напуганы. Спокойствие героини будто обозначает ее общность с той таинственной сущностью, которую все боятся.

Таким образом, Н.В. Гоголь использует этим *Хавронья* в качестве антропонима, но применяет прием прономинативности. Создавая образ сварливой жены и злой мачехи, великий писатель через именование героини указывает на ее связь с нечистой силой.

Таким образом, номинация *Хавронья* не является текстообразующим элементом произведения, а составляет его ономастический фон. Тем не менее автор учитывает его высокий ономастический потенциал и пользуется им для раскрытия образа героини.

Ономастическая единица *Хавронья* использовалась в литературе XVIII – XIX вв. в качестве антропонима. Вероятно, это обусловлено тем, что в антропонимическом ономастико-не того времени изучаемая ономастическая единица занимала определенное место. В современной антропонимике номинация не встречается, так как имя приобрело отрицательную коннотацию. Отрицательное эмоционально-оценочное содержание ономастической единицы *Хавронья* сформировалось в статьях идеографических словарей и литературных произведениях. По мнению Е.С. Отина, коннотативные имена собственные занимают срединное положение между именами собственными и апеллиативами, поэтому их можно обозначить термином «мезолексмы» (в переводе с греческого «промежуточный») [12; с. 57]. В.П. Москвин подчеркивает: «Образ литературного героя, созданный фантазией писателя, превращается в понятие, а имя собственное приобретает значение, смысл, переходя таким образом в класс нарицательных имён» [6; с. 22]. Проанализированные нами литературные произведения XVIII – XIX вв. свидетельствуют о том, что изучаемый нами антропоним является мезолексмой, так как в художественном произведении выполняет не только номинативную, но и характеризующую функцию, отображая его коннотации.

Библиографический список

1. Васильева О.А. Структурирование поля зоонимов с архисемой 'свинья' в русском дискурсе // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2018. N 1(43). С. 107-113.
2. Васильева О. А. Трансформационные изменения онима Хавронья – от антропонима к апеллятиву // Ономастика Поволжья : материалы XX международной научной конференции, Элиста, 5-7 октября 2022 года. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022 400 с. с.253-257.
3. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград, 2000. 122 с.
4. Зубкова Л.И. Культурная обусловленность антропонимической коннотации // Вестник ТГУ. 2008. N 8. URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 23.09.2018).
5. Бугакова Н.Б., Скуридина С.А. Дух и душа в ономастических исканиях Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики: научный журнал. 2023. № 1(48). С. 48-52.
6. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 940 с.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 3 : Р-У. М.: Русский язык, 1981-1982. 549 с.
8. Сайт «Европейские имена: значение и происхождение. URL: kurufin.ru (дата обращения: 20.03. 2015).
9. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. С-Петербург. 1912. URL: Russkaya_mysl_i_rech_Svoe_i_chuzhoe_Opyt_russko.pdf (дата обращения: 09.05.24).
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. Т. 4: Т – Я / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. 2-е изд. М. : Прогресс, 1987. 864 с.
11. Ковалев Г.Ф. Зооним как объект изучения литературной ономастики // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики: научный журнал. 2023. № 2(49). С. 113-120; с. 114
12. Отин Е.С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопросы языкознания. 2003. N 2. С. 55-72.

References

1. Vasilyeva O.A. Structuring the field of zoonyms with the archiseme 'pig' in Russian discourse // Vector of Science of Tolyatti State University. 2018. N 1(43). Pp. 107-113.
2. Vasilyeva O. A. Transformational changes of the onym Khavronya – from an anthroponym to an appellative // Onomastics of the Volga region : proceedings of the XX International Scientific Conference, Elista, October 5-7, 2022 / comp. and ed. by N.A. Kichikova, V.I. Suprun; Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. Volgograd: PrinTerra-Design, 2022 P. 253-257.
3. Suprun V.I. Onomastic field of the Russian language and its artistic and aesthetic potential: monograph. Volgograd, 2000. 122 p.
4. Zubkova L.I. Cultural conditionality of anthroponymic connotation // Bulletin of TSU. 2008. N 8. URL: <https://cyberleninka.ru> (date of reference: 09/23/2018).
5. Bugakova N.B., Skuridina S.A. Spirit and soul in the onomastic quest of F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov // Topical issues of modern philology and journalism: scientific journal. No. 1(48) 2023. pp. 48-52.
6. Moskvina V.P. Expressive means of modern Russian speech. Trails and figures. A terminological dictionary. Rostov-on-Don: Phoenix, 2007. 940 p.

7. Dahl V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes. vol. 3 : R-V. – M. : Russian language, 1981-1982. 549 p.

8. The website "European names: meaning and origin. URL: kurufin.ru (date of reference: 03/20/2015).

9. Mikhelson M.I. Russian thought and speech. Your own and someone else's. The experience of Russian phraseology. A collection of figurative words and parables. Posthumous edition. St. Petersburg. 1912. URL: Russkaya_mysl_i_rech_Svoe_i_chuzhoe_Opyt_russko.pdf (accessed 09.05.24).

10. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols. vol. 4: T – I / Trans. with him. and additional by O.N. Trubacheva. 2nd ed. M. : Progress, 1987. 864 p.

11. Kovalev G.F. Zoonym as an object of study of literary onomastics // Topical issues of modern philology and journalism: a scientific journal. No. 2(49) 2023 pp. 113-120; p. 114

12. Otin E.S. Connotative onyms and their derivatives in the historical and etymological dictionary of the Russian language // Questions of linguistics. 2003. N 2. pp. 55-72.

УДК 811.161.1'373.2

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.010

*Воронежский институт
внутренних дел России*

*Канд. филол. наук, доцент кафедры русского
и иностранных языков*

Бунеева Е.В.

Россия, г. Воронеж

тел. +7(903)8553403

e-mail: el.buneeva@yandex.ru

*Voronezh Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia*

*The chair of Russian and Foreign Languages
PhD, assistant professor*

Buneeva E.V.

Russia, Voronezh

tel.: +7(903)8553403

e-mail: el.buneeva@yandex.ru

Е.В. Бунеева

АНТРОПОНИМИКОН ПОЭМЫ С.А. ЕСЕНИНА «СТРАНА НЕГОДЯЕВ»

В статье представлен комплексный анализ антропонимикона поэмы С.А. Есенина «Страна негодяев» в контексте методики научного исследования воронежской ономастической школы с опорой на хронотопность и автобиографизм авторской ономастики. Отмечается, что в поэме С.А. Есенин в основном прибегает к созданию «искусственных» антропонимов для главных героев, например, создает анаграмму *Номакх*. Семантика фамилий героев полностью соотносится с их текстовой характеристикой и укореняется в диалектной этимологии – Замарашкин, Лобок, Чарин и другие. Этим же объясняется тот факт, что подавляющее большинство главных героев не имеет имени – фамилии легче стать «говорящей». Однако С.А. Есенин использует в поэме внесюжетные имена собственные абстрактного значения, не принадлежащие конкретным героям и выполняющие метафорическую функцию только в случае их нераздельного рассмотрения – Аким и Фанас. Далее отмечается, что наряду с антропонимами с прозрачной семантикой – Чекистов, Рассветов, поэт использует и сложную номинацию – Литза-Хун (китаец), требующую обращения к родному для героя китайскому языку. В статье подчеркивается близость поэм «Страна негодяев» и «Пугачев» не только с точки зрения их обращения к реальной истории, но и с точки зрения выбора поэтом способов номинации персонажей, а также в принципе построения автором системы персонажей. Так, в обеих поэмах С.А. Есенин широко использует персонажи толпы: в «Стране негодяев» это красноармейцы, рабочие, повстанцы, милиционеры и проч. Таким образом иллюстрируется онимизация (переход имени нарицательного в контекстуальное имя собственное) и, как следствие, явление вторичной номинации. В результате исследования пришли к выводу, что «Страна негодяев» представляет новую грань ономастики С.А. Есенина как в подборе автором имен, их преобразовании в художественном пространстве текста, так и в их функционировании.

Ключевые слова: ономастика, С.А. Есенин, антропонимы, «говорящие» фамилии, этимология, онимизация.

E.V. Buneeva

THE ANTHROPONYMICON OF THE POEM BY S.A. YESENIN "THE COUNTRY OF SCOUNDRELS"

The article presents a comprehensive analysis of the anthroponymicon of S.A. Yesenin's poem "The Country of Scoundrels" in the context of the methodology of scientific research of the Voronezh onomastic school based on chronotopy and autobiography of the author's onomastics. It is noted that in the poem S.A. Yesenin mainly resorts to creating "artificial" anthroponyms for the main characters, for example, he creates an anagram – Nomakh. The semantics of the surnames of the heroes fully correlates with their textual characteristics and is rooted in dialectal etymology – Zamarashkin, Lobok, Charin and others. This also explains the fact that the vast majority of the main characters do not have a first name – it is easier to become a "speaker". However, S.A. Yesenin uses non-plot proper names of abstract meaning in the poem, which do not belong to specific characters and perform a metaphorical function only if they are considered inseparably - Akim and Fanas. Further, it is noted that along with anthroponyms with transparent semantics

– Chekists, Rassvetov, the poet also uses a complex nomination – Litza-Hung (Chinese), which requires referring to the Chinese language native to the hero.

The article emphasizes the closeness of the poems "The Country of Scoundrels" and "Pugachev" not only from the point of view of their appeal to real history, but also from the point of view of the poet's choice of ways to nominate characters, as well as in the principle of building a character system by the author. So, in both poems, S.A. Yesenin widely uses the characters of the crowd: in the "Country of Scoundrels" they are Red Army soldiers, workers, rebels, policemen, and so on. This illustrates the onymization (the transition of a common name into a contextual proper name) and, as a result, the phenomenon of secondary nomination. As a result of the research, it was concluded that "The Country of Scoundrels" represents a new facet of S.A. Yesenin's onomastics both in the author's selection of names, their transformation in the artistic space of the text, and in their functioning.

Key words: onomastics, S.A. Yesenin, anthroponyms, "talking" surnames, etymology, onymization.

Прежде, чем приступить к комплексному исследованию антропонимикона поэмы С.А. Есенина «Страна негодяев», отметим, что в основе своей оно будет опираться на авторскую методику, разработанную доктором филологических наук, профессором, основателем воронежской ономастической школы Г.Ф. Ковалевым, которая, по словам самого ученого, «связана с поиском деталей в творчестве писателя, помогающих вскрыть ономастическую лабораторию того или иного автора, в его черновиках, в воспоминаниях, его современников и даже в совершенно косвенных источниках» [1, с. 11].

Поэма С.А. Есенина «Страна негодяев» продолжает традицию поэм со сложным заглавием. Написанные ранее «Анна Снегина» и «Пугачев» не раз переименовывались, «Страна негодяев» не становится исключением. Подробнее об этом пишет Н.И. Шубникова-Гусева в одной из своих последних работ, посвященных поэмам С.А. Есенина [2].

Замысел поэмы возник у С.А. Есенина зимой 1921–1922 гг. С.А. Толстая-Есенина рассказывает: «Замысел пьесы «Страна негодяев» все время менялся по ходу работы. Пьеса была задумана давно. Она выросла из неосуществленной драматической поэмы. С.А. Есенин намеревался создать широкое полотно, в котором <хотел> показать столкновение двух миров и двух начал в жизни человечества. Такое расширение замысла у Есенина произошло после его поездки в США, о чем он мне не раз говорил... Есенин рассказывал мне, что он ходил в Нью-Йорке специально посмотреть знаменитую нью-йоркскую биржу, в огромном зале которой толпятся многие тысячи людей и совершают в обстановке шума и гама сотни и тысячи сделок. «Это страшнее, чем быть окруженным стаей волков, – говорил Есенин. – Что значат наши маленькие воришки и бандюги в сравнении с ними? Вот где она – страна негодяев» [3, с. 263]. Впечатления С.А. Есенина от этой поездки в полной мере отразились в монологе Рассветова. С.А. Есенин продолжает сомневаться в заглавии до последнего момента. И.В. Евдокимов, редактор Собрания сочинений Есенина, вспоминает о работе над «Страной негодяев»: «Остановились над поэмой «Страна негодяев». Есенин перелистал ее, быстро зачеркнул заглавие и красным карандашом написал: «Номах».

– Это что? – спросил я.

– Понимаешь, надо переменить заглавие. Номах – это Махно. И Чекистов, ты говорил, я согласен с тобой, выдуманная фамилия. Я переменю. И вообще я в корректуре кое-что исправлю.

– А мне жалко названия «Страна негодяев», – сказал я. – «Номах» очень искусственно.

Впоследствии он опять восстановил название «Страна негодяев» [4, с. 291].

Действительно, некоторая искусственность сквозит во всех антропонимах, принадлежащих главным героям поэмы: *Номах*, *Чекистов*, *Замарашкин*. Однако во многом благодаря этой внешней искусственности так прозрачно смысловое наполнение данных онимов. Совершенно очевидно, что в 20-е годы С.А. Есенин не мог оставить Махно, руководителю анархо-крестьянского движения (1918-1921), организовавшему вооруженное сопротивление Советской власти, реальную фамилию в поэме, учитывая явную симпатию автора к герою. В то же время поэту нужно было, чтобы этот персонаж был узнан читателями, поэтому он зашифровывает оним, прибегая к метатезе. В тексте фамилия *Махно* используется только однажды, в то время как *Номах* – 67 раз:

Кто сумеет закрыть окно,
 Чтоб не видеть, как свора острожная
 И крестьянство так любят *Махно*? [5, с. 129].

А.А. Зими́на, анализируя соответствие образа Номаха в поэме его историческому прототипу, опираясь на документальные и исторические источники, приходит к справедливому выводу, что в произведении «запечатлен один из наиболее исторически достоверных и правдивых в русской литературе образ Махно, хотя и в образе персонажа с несколько измененным с помощью анаграммы именем» [6, с. 67].

Примечателен еще и такой факт именованья семейства Есениных анаграммным *Махно* (*Номах*) прозвищем: дедушка С.А. Есенина, Никита Осипович, еще в юности получил прозвище *Монах*, которое потом надолго закрепилось за всей семьей Есениных, в том числе и за Сергеем. Этот факт нашел отражение в воспоминаниях сестры поэта А.А. Есениной: «Дедушка наш, Никита Осипович Есенин, был человеком набожным и в молодости готовился уйти в монастырь, за что и получил прозвище «Монах». Это прозвище перешло на все его потомство, да так и осталось за нашей семьей. До самой смерти Сергея нас почти не называли по фамилии, мы все были Монашкины» [7, с. 69].

В большинстве случаев семантика фамилии героя полностью соотносится с его текстовой характеристикой. Так, фамилия *Замарашкин* восходит к глаголу *замарать*, ставшему основой для многочисленных диалектизм-прозвищ (*замарашка*, *замарушка*, *замарыш*), который в словаре В.И. Даля интерпретируется следующим образом: «марать, грязнить, пачкать», а переносное значение данного глагола – «чернить кого, обносить, ославлять» – как нельзя лучше соотносится с текстовым описанием героя [8, т. 1, с. 600]. В поэме *Замарашкин* предстает перед нами слабым, трусливым. Номах дает ему точную характеристику:

В голове твоей бродит
 Непроглядная тьма.
 Я думал – ты смел,
 Я думал – ты горд,
 А ты только лишь лакей
 Узаконенных держиморд [5, с. 120].

Почти всем персонажам, представляющим коммунистическое движение, С.А. Есенин присваивает подобные фамилии-прозвища с явно негативной семантикой (*Лобок*, *Чарин*). Фамилия *Лобок*, вероятно, является производной от диалектных прозвищ «*лоб* – «лодырь», *лобан* – «упрямый человек», *лобарь* – «крепкий, здоровый, но ленивый человек», а кое-где так называют нищего» [9, с. 276]. В словаре В.И. Даля мы находим: «*лобурь* – угрюмец, брюзгач, кто глядит исподлобья», «*лоботрух*, *лоботряс* – дурак, остолоп, скалозуб» [8, т. 2, с. 261]. Фамилия *Чарин* имеет общий корень со словом *чара* – «стопка, кубок, стакан, рюмка, из чего пьют водку, вино» [8, т. 4, с. 582]. И.М. Ганжина усматривает связь данной фамилии с диалектным словом *чарыка* – «пьяница, человек, любящий рюмку (чарку)». [9, с. 532].

По тому же принципу С.А. Есенин выбирает фамилии и для представителей дворянства, фамилии реальные, принадлежащие древним дворянским родам (*Щербатов*, *Платов*). Упоминание о первой фамилии сохранилось еще в хрониках XV в.: «князь Василий *Щербатый* Андреевич Оболенский, середина XV в., от него – князя *Щербатые*» [9, с. 584]. Что же касается второй фамилии, то еще у А.С. Пушкина в стихотворении «Пирующие студенты» мы находим упоминание о Платове Матвее Ивановиче – «генерале, атамане Войска Донского; одном из самых популярных героев Отечественной войны 1812 года» [10, с. 450].

Фамилия *Щербатов* имеет общий корень с диалектизмами «*щербак* или *щербина* – неправедный стяжатель или наживатель, хапун» [8, т. 4, с. 656]. И.М. Ганжина предполагает, что данная фамилия может восходить к диалектному глаголу *щербить* – «присваивать всеми неправдами чужое» [7, с. 584]. Опираясь на контекст, можно допустить, что фамилия *Платов* имеет общий корень с глаголом *платить*, то есть принадлежит человеку, имеющему деньги,

способному платить. Подтверждение предположениям, сделанным выше, мы можем найти в тексте. Кабатчица в разговоре с Номахом дает следующую характеристику этим героям:

Люди ловкой игры.

Оба – спецы по винам.

Торгуют из-под полы

И спиртом и кокаином.

Не бойтесь! У них

Язык на полке.

Их ищут самих

Красные волки.

Это дворяне,

Щербатов и Платов [5, с. 140].

Фамилии *Чекистов* (*Лейбман*, гражданин из Веймара), *Рассветов*, *Литза-Хун* продолжают линию «говорящих» фамилий. При этом если семантика и способ образования первых двух читаются сразу и не вызывают вопросов, то последняя фамилия заставляет споткнуться уже при прочтении. Имя собственное *Хун* в переводе с китайского в одном из значений обозначает «смешивать(ся); подмешивать», а в другом, разговорном варианте – «втираться, обманно проникать, примазываться» [11], что полностью соответствует разведывательной деятельности, которую осуществляет китаец в поэме. Показательно, что в одном из черновых вариантов поэмы С.А. Есенин делает сноску к словам *Литза-Хуна*: «Переодетый агент Чека» [12, с. 374]. Также отметим, что в черновиках С.А. Есенин несколько видоизменяет вторую часть антропонима героя, называя китаец *Литза-Хунг* [Там же]. А *Хунг* в переводе с китайского обозначает «желтый (цвет)» [11], что перекликается со вторичной номинацией героя, с которой мы встречаемся в тексте поэмы – «черт желтокожий» – так называет его другой персонаж поэмы Барсук.

Вернемся к персонажу с фамилией *Чекистов*. Сама фамилия, как уже было сказано выше, прозрачна: *Чекистов* – принадлежащий к ЧК, работающий на данную организацию. Но интересно то, что это единственный персонаж в поэме, которому С.А. Есенин дает вторую, «настоящую» фамилию (*Лейбман*). Замарашкин в диалоге с Чекистовым разоблачает его:

Слушай, *Чекистов!*..

С каких это пор

Ты стал иностранец?

Я знаю, что ты еврей,

Фамилия твоя *Лейбман*... [5, с. 114].

Налицо ирония автора, направленная на национальную принадлежность героя. Хотя, конечно, поэта нельзя обвинить в национальной нетерпимости, особенно если вспомнить о его браке с З.Н. Райх и близких, дружеских отношениях с А.Б. Мариенгофом. Здесь, скорее, сказалось негативное отношение к ЧК, сплошь состоявшему из «переделанных» фамилий. Неслучаен и дом в *Могилеве*. Во время Первой мировой войны с августа 1915 г. по ноябрь 1917 г. там находилась Ставка Верховного главнокомандующего, в городе жил император Николай II и члены царской семьи. В этом освещении становится понятным ироничный комментарий Замарашкина, который пытается вывести приспособленца Чекистова на чистую воду:

И черт с тобой, что ты жил

За границей...

Все равно в Могилеве твой дом [5, с. 114].

Нарочито искусственная и говорящая фамилия героя, которой он обзавелся при новой власти (*Чекистов*), лишь помогает ему приспособиться и чувствовать себя в безопасности в новых условиях.

Ирония сквозит и в ответе *Чекистова*:

Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей [5, с. 114].

Поэмы «Страна негодяев» и «Пугачев» многие критики ставят рядом. Действительно, и та и другая посвящены событиям историческим, писались практически в одно и то же время. Кроме того, обе поэмы явились результатом поиска С.А. Есениным нового пути, нового «русла».

Определенное сходство поэм можно заметить и в принципе построения автором системы персонажей. Например, и в «Пугачеве», и в «Стране негодяев» С.А. Есенин широко использует так называемые персонажи толпы. В «Пугачеве» – это *конвойные, казаки, голоса*; в «Стране негодяев» – *красноармейцы, рабочие, повстанцы, милиционеры* и проч. В данном случае мы имеем дело с онимизацией (переходом имени нарицательного в контекстуальное имя собственное) и, как следствие, с явлением вторичной номинации.

И первая, и вторая поэмы лишены любовной интриги. Более того, в «Пугачеве» нет ни единого женского образа, а в «Стране негодяев» данный сегмент персонажей представлен лишь образом кабатчицы. Функции этого персонажа ограничиваются прямой и косвенной характеристикой остальных героев поэмы. Говоря о косвенной характеристике, мы имеем в виду имя героини. Так, для дворян Щербатова и Платова она – *Авдотья Петровна*:

Авдотья Петровна!
Вы бы нам на гитаре
Вальс
«Невозвратное время» [5, с. 141].

Да и сама кабатчица считает себя дворянкой:
Да, родимые, да, сердешные!
Это не жизнь, а сплошное безобразие.
Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в первой
Городской гимназии [5, с. 142].

В то же время анархист *Барсук* фамильярно приветствует ее и называет теткой *Дуней*:
Привет тетке *Дуне!* [5, с. 139].

В тексте мы встречаем еще одну форму имени, *Авдотья*, наиболее унифицированную, так как используют ее все посетители тайного притона, называя пароль: «Авдотья, подними подол» [5, с. 138].

Возможно, что выбор этого имени автором в принципе не случаен. И из текста мы видим: кабатчица всем готова услужить, оказать всяческие почести:

Милости просим.
Заглядывайте почаще.
Хоть утром, хоть в полночь –
Я всегда вам рада [5, с. 138].

Мое вам почтение, молодые люди [5, с. 139].

Сейчас, мои дорогие!
Сейчас, мои хорошие! [5, с. 139].

Сейчас, мои желанные...

Сейчас, сейчас...

<...>

Свои, голубчик,

Свои, мой сокол [5, с. 140].

Между тем, в словаре А.В. Суперанской мы находим следующую трактовку данного имени: «из греч. *эудокья* – благоволение» [13, с. 374]. Очевидно, что выбор имени данного персонажа продиктован «авторским сознанием», которое, по мнению Г.Ф. Ковалева, работает «даже если автор не всегда осознает свой выбор и якобы полагается на случайность» [14, с. 9].

Что же касается авторского преобразования имен собственных в художественном пространстве сравниваемых поэм («Пугачев», «Страна негодяев»), то здесь, скорее, можно отметить отличие: в первой поэме основной массив онимов состоит из реальных фамилий, отсюда интерес автора к документам и хроникам пугачевского восстания; во второй – подавляющее большинство фамилий вымышленные и создаются по моделям реальных (*Чекистов, Замарашкин, Рассветов* и т.д.).

В поэме «Страна негодяев» появляется образ Петра I, сквозной для поэмого творчества С.А. Есенина. Год спустя (в 1924 г.) он появится в другой поэме поэта «Песнь о Великом походе» (подробнее об этом мы писали в статье, где рассматривали ономастическое пространство данной поэмы [15]). В комментариях к статье В.И. Эрлиха «Право на песнь» мы находим объяснение неутоляющему интересу С.А. Есенина к образу Петра Великого. Он обращается к воспоминаниям И.М. Майского, бывшего в 20-е годы главным редактором «Звезды»: «Есенин начинал свой сказ с Петра Великого, эпоха которого, видимо, представлялась ему созвучной нашим дням, а потом переходил к событиям гражданской войны и интервенции» [16, с. 404].

Несмотря на то, что образ Петра I в поэме «Страна негодяев» представлен только портретом, висющим на стене, С.А. Есенин умудряется заставить его (образ) действовать: «На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. Литза-Хун входит в комнату. Портрет неожиданно открывается как дверь, оттуда выскакивает Номах» [5, с. 161]. Таким образом, Петр I принимает сторону Номаха, оказывает ему содействие, позволяет обхитрить противников и бежать.

В поэме «Страна негодяев» ни один из главных героев не имеет имени, кроме Рассветова (ему автор дает имя *Никандр*). Это объясняется тем, что фамилии легче стать «говорящей», о чем уже было сказано выше. В то же время С.А. Есенин присваивает имена некоторым героям второго плана, преимущественно иностранцам, к которым можно отнести китайца Шанго, американцев Джима и Тома. Также поэт использует в поэме внесюжетные имена абстрактного значения, не принадлежащие героям вообще. Например, в монологе Рассветова мы встречаем:

Здесь каждый *Аким* и *Фанас*

Бредит имперской славой [5, с. 151].

Данные онимы надо рассматривать в неразрывной связи друг с другом. Ключевую роль в этом объединении играют заглавные буквы (*А – Ф*), находящиеся в разных концах алфавита. Сравним с идиомой *от «А» до «Я»*. Таким образом, опираясь на контекст, следует понимать: каждый по отдельности и все без исключения бредят имперской славой. Этот факт примечателен тем, что показывает, как С.А. Есенин наделяет имя собственное возможностью выполнять автономную художественную функцию в произведении в отсутствие персонажа, которому оно могло бы принадлежать.

Часть имен в поэме адаптирована под речь героя, носителя иностранного языка: например, китаец произносит:

Ниет Амиерика,

Ниет Евыропе [5, с. 142].

А американец Джим называет Рассветова на свой манер:

Ты понял, мистер Развети? [5, с. 125].

Имя *Джим* несколько лет спустя С.А. Есенин использует еще раз, в тексте всем известного стихотворения «Собаке Качалова», первые строки которого станут крылатыми: «Дай,

Джим, на счастье лапу мне...».

В заключение отметим, что «Страна негодяев» раскрыла новую грань ономастики С.А. Есенина, показала всю глубину авторского сознания, проявившуюся как в подборе поэтом имен, их преобразовании в художественном пространстве текста, так и в их функционировании. Антропонимикон поэмы многоуровневый и сложный: он включает традиционный для С.А. Есенина отсыл к истории, народной этимологии, содержит вторичную номинацию, внесюжетные онимы, выполняющие метафоричную функцию, а также зашифрованные имена.

Библиографический список

1. Ковалев Г.Ф. Избранное. Литературная ономастика. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2014. 447 с.
2. Шубникова-Гусева Н.И. К вопросу о семантике заглавия драматической поэмы С.А. Есенина «Страна негодяев» // Текст в языковом, историческом, философском пространстве / отв. ред. В.В. Никульцева. М.: МФЮА. 2019. С. 44-50.
3. Толстая–Есенина С.А. Отдельные записи // С.А. Есенин в воспоминаниях современников в 2–х т. Т. 2 / сост. и коммент. А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. С. 262–267.
4. Евдокимов И.В. Сергей Александрович Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников в 2–х тт. Т. 2 / сост. и коммент. А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. С. 282–303.
5. Есенин С.А. Собрание сочинений. В 6-ти тт. Т. 3 ; под общ. ред. В. Г. Базанова [и др.]. М. : Худ. лит-ра, 1977. 286 с.
6. Зимица А.А. Образ Номаха в поэме С.А. Есенина «Страна негодяев» и его исторический прототип Нестор Махно // Современное есениноведение. Рязань: РГУ 3(62), 2022. С.64-68.
7. Есенина А. А. Родное и близкое // С.А. Есенин в воспоминаниях современников в 2–х т. Т. 1 / вступ. ст., сост. и коммент. А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. С. 57-68.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4–х тт. М. : Рус. яз., 1998.
9. Ганжина И.М. Словарь современных русских фамилий. М. : АСТ: Астрель, 2001. 670 с.
10. Боголепов П. К. Тропа к Пушкину / П.К. Боголепов, Н.П. Верховская, М.Сосницкая. М. : Дет. лит., 1967. 559 с.
11. Китайско-русский словарь и переводчик : [сайт]. URL: <https://www.zhonga.ru/chinese-russian/混/cm1j3> (дата обращения 30.07.2024).
12. Есенин С.А. Полное собрание сочинений в 7–ми тт. Т. 3. М.: Наука, Голос, 1998. 720 с.
13. Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М. : АСТ, 1998 . 521 с.
14. Ковалев Г.Ф. Автобиографизм ономастики творчества М.А. Булгакова. Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020 . 186 с.
15. Бунеева Е.В. Хронотоп сквозь призму ономастикона поэмы С.А. Есенина «Песнь о великом походе» // Российский лингвистический бюллетень. 2023 №12 (48).
16. Эрлих, В.И. Право на песнь // С.А. Есенин в воспоминаниях современников в 2–х тт. Т. 2 / сост. и коммент. А. Козловского. М.: Художественная литература, 1986. С. 401–407.

References

1. Kovalev G.F. Selected. Literary onomastics. Voronezh: Publishing and Printing Center "Scientific Book", 2014. 447 p.

2. Shubnikova-Guseva N.I. On the Semantics of the Title of S.A. Yesenin's Dramatic Poem "The Country of Scoundrels" // Text in the Linguistic, Historical, and Philosophical Space / ed. V.V. Nikultseva. Moscow: Moscow Financial and Law Academy. 2019. pp. 44-50.

3. Tolstaya-Yesenina S.A. Individual entries // S.A. Yesenin in the memoirs of contemporaries in 2 volumes. Vol. 2 / compiled and commented by A. Kozlovsky. Moscow: Fiction, 1986. Pp. 262–267.

4. Evdokimov I.V. Sergei Alexandrovich Yesenin // S.A. Yesenin in the memoirs of contemporaries in 2 volumes. Vol. 2 / compiled and commented by A. Kozlovsky. Moscow: Fiction, 1986. Pp. 282–303.

5. Yesenin S.A. Collected Works. In 6 volumes. Vol. 3; edited by V.G. Bazanov [et al.]. Moscow: Art Literature, 1977. 286 p.

6. Zimina A.A. The image of Nomakh in the poem by S.A. Yesenin "The Country of Scoundrels" and its historical prototype Nestor Makhno // Modern Yesenin studies. Ryazan: RSU 3 (62), 2022. Pp. 64-68.

7. Yesenin A. A. Native and close // S.A. Yesenin in the memoirs of contemporaries in 2 volumes. Vol. 1 / introduction, compiled and commented by A. Kozlovsky. Moscow: Fiction, 1986. Pp. 57-68.

8. Dal, V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes. M.: Rus. lang., 1998.

9. Ganzhina I.M. Dictionary of modern Russian surnames / I.M. Ganzhina. M.: AST: Astrel, 2001. 670 s.

10. Bogolepov P.K. The Path to Pushkin / P.K. Bogolepov, N.P. Verkhovskaya, M. Sosnitskaya. Moscow: Children's Literature, 1967. 559 p.

11. Chinese-Russian dictionary and translator: [website]. URL: <https://www.zhonga.ru/chinese-russian/混/cm1j3> (accessed 30.07.2024).

12. Yesenin S.A. Complete works in 7 volumes. T. 3. M.: Nauka, Golos, 1998. 720 p.

13. Superanskaya A.V. Dictionary of Russian personal names. Moscow: AST, 1998. 521 p.

14. Kovalev G.F. Autobiographism of onomastics of M.A. Bulgakov's creativity. Voronezh: VSU Publishing House, 2020. 186 p.

15. Buneeva E.V. Buneeva E.V. Chronotope through the prism of the onomasticon of S.A. Yesenin's poem "Song of the Great Campaign" / E.V. Buneeva // Russian Linguistic Bulletin. 2023 No. 12 (48).

16. Erlich, V.I. The Right to Song // S.A. Yesenin in the Memories of Contemporaries in 2 Volumes. Vol. 2 / compiled and commented by A. Kozlovsky. Moscow: Fiction, 1986. Pp. 401–407.

УДК 82-1/29

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.011

Южно-Уральский государственный университет

Доцент кафедры русского языка и литературы

Кандидат филологических наук

Смышляев Е. А.

Россия, г. Челябинск, тел. +79068647770

e-mail: smyshliaeva@susu.ru

South Ural State University

Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature

Candidate of Philology

Smyshlyayev E. A.

Russia, Chelyabinsk, tel. +79068647770

e-mail: smyshliaeva@susu.ru

Магистрант 2 курса института медиа и социально-гуманитарных наук

Южно-Уральского государственного университета

Лукина О. Е.

Россия, г. Челябинск, тел.

+7 919 353 2917

e-mail: mukhametshina_olga@mail.ru

2nd year master's student at the Institute of Media, Social Sciences and Humanities

South Ural State university

Lukina O. E.

Russia, Chelyabinsk, tel.

+7 919 353 2917

e-mail: mukhametshina_olga@mail.ru

Магистрант 2 курса института медиа и социально-гуманитарных наук

Южно-Уральского государственного университета

Корабинцева Д. А.

Россия, г. Челябинск, тел. +79642442440

e-mail: darya.korabinceva@mail.ru

2nd year master's student at the Institute of Media, Social Sciences and Humanities

South Ural State university

Korabintseva D. A.

Russia, Chelyabinsk, tel. +79642442440

e-mail: darya.korabinceva@mail.ru

Е. А. Смышляев, О. Е. Лукина, Д. А. Корабинцева

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОЭЗИИ АЛЕКСАНДРА МАНИЧЕНКО

В данной статье исследуются жанровые особенности поэзии молодого уральского автора Александра Маниченко. На материале книг стихотворений «Бестиарий» и «Гербарий» прослеживается трансформация таких поэтических жанров как венки сонетов и бестиарий. Сонет всегда был популярен, особенно у современных писателей, не забываясь ни в одной эпохе развития литературы, лишь трансформировался. Так, например, один из выдающихся русских поэтов Генрих Сапгир в своей книге «Сонеты на рубашках» показал свой особый взгляд на мир через синтез традиции и авангарда, через трансформацию формы сонета. Жанр бестиарий, представляющий собой средневековый литературный жанр, каталогизированное описание внешнего вида и повадок животных (как реальных, так и вымышленных), а также растений и минералов, знаком читателям с давних времен. Однако в современной отечественной поэзии бестиарий приобрел новое значение и стал описанием не только физических свойств животных, но и их символических значений. То есть животные становятся не только объектами описания, но и символами, образующими новые смысловые связи, олицетворениями разных человеческих качеств и эмоций, а также средством выражения авторских мыслей. А. Маниченко развивает идею экспериментов с формой, следуя авангардной традиции русской поэзии: Г. Сапгир, Т. Кибиров, А. Еременко и др. В сборнике «Гербарий» А. Маниченко использует форму венка сонетов с целью трансформировать жанр под свои нужды, создать особенное художественное пространство. Автор обращается к нескольким ключевым темам в художественной литературе: теме райского сада, тема творца и творения. Эксперимент А. Маниченко с данной жанровой формой позволяет ему углубить смысл произведения. Книга стихотворений «Бестиарий»

продолжает традиции одноименного жанра, однако трансформация заключается в использовании символики животных как способа эмоционального воздействия на читателя, в развитии идеи автора-демиурга.

Ключевые слова: бестиарий, сонет, венок сонетов, магистрал, катрен, терцет, трансформация жанра, современная уральская поэзия.

E. A. Smyshlyaev, O. E. Lukina, D. A. Korabintseva

GENRE ORIGINALITY OF ALEXANDER MANICHENKO'S POETRY

This article examines the genre features of the poetry of the young Ural author Alexander Manichenko. Based on the material of the books of poems "Bestiary" and "Herbarium", the transformation of such poetic genres as the wreath of sonnets and the bestiary is traced. The sonnet has always been popular, especially among modern writers, and has not been forgotten in any era of literary development; it has only been transformed. For example, one of the outstanding Russian poets, Genrikh Sapgir, in his book "Sonnets on Shirts" showed his special view of the world through the synthesis of tradition and avant-garde, through the transformation of the sonnet form. The bestiary genre, which is a medieval literary genre, a cataloged description of the appearance and habits of animals (both real and fictional), as well as plants and minerals, has been familiar to readers since ancient times. However, in modern Russian poetry, the bestiary has acquired a new meaning and has become a description of not only the physical properties of animals, but also their symbolic meanings. That is, animals become not only objects of description, but also symbols that form new semantic connections, personifications of various human qualities and emotions, as well as a means of expressing the author's thoughts. A. Manichenko develops the idea of experimenting with form, following the avant-garde tradition of Russian poetry: G. Sapgir, T. Kibirov, A. Eremenko and others. In the collection "Herbarium" A. Manichenko uses the form of a wreath of sonnets in order to transform the genre to suit his needs, to create special art space. The author addresses several key themes in fiction: the theme of the Garden of Eden, the theme of the creator and creation. A. Manichenko's experiment with this genre form allows him to deepen the meaning of the work. The book of poems "Bestiary" continues the traditions of the genre of the same name, but the transformation lies in the use of animal symbolism as a way of emotional impact on the reader, in the development of the idea of the author-demiurge.

Keywords: bestiary, sonnet, wreath of sonnets, main line, quatrain, terzetto, genre transformation, modern Ural poetry.

Современная уральская поэзия, являясь, включенной в литературный процесс России, обладает и своими индивидуальными чертами: следование традициям авангардной поэзии (ОБЭРИУ, Лианозовская школа), выражающееся в экспериментах с формой, жанром; обилие топонимики; доминирующая тема города и региона; конструирование автобиографических мифов. Современные уральские поэты в своем творчестве зачастую обращаются к игре с жанровым каноном, трансформируют и подстраивают под свою литературную стратегию такие жанры как книга стихотворений (В. Кальпиди, Е. Симонова); венок сонетов, бестиарий (А. Маниченко); раешный стих (А. Самойлов) и т.д. Трансформация жанра стихотворного послания становится общим местом в современной уральской поэзии и заключается в выборе не условной, а конкретной адресации, выборе адресата из круга «своих». Такая диалогичность уральской поэзии, формирование дружеского круга и манифестация принадлежности к этому кругу выражаются в творчестве: интертекстуальность, заимствование приемов, элементов поэтики, формата работы с поэтическими жанрами.

В данной статье мы рассмотрим особенности жанров «венок сонетов» и «бестиарий» в поэзии современного уральского поэта Александра Маниченко.

Александр Маниченко родился 27 августа 1988 года в поселке Полетаево Челябинской области. В 2004 году он поступает в Южно-Уральский государственный университет на факультет журналистики, где знакомится с поэтическим клубом «Парнас». Именно в этот период А. Маниченко участвует в городских литературных объединениях (в частности, в поэтическом семинаре «Северная зона» и литературном клубе «Подводная лодка»), ездит по фестивалям, реализует себя как поэт. В 2009 году А. Маниченко становится лауреатом премии «ЛитератуРРентген» в главной номинации. Является автором книг стихотворений «Бестиарий» (2019), «Гербарий» (2019), «ну или вот о нежности» (2020).

Жанр бестиарий, «представляющий собой средневековый литературный жанр, каталогизированное описание внешнего вида и повадок животных» (как реальных, так и вымыш-

ленных), а также растений и минералов, знаком читателям с давних времен [1]. Однако в отечественной поэзии бестиарий приобрел новое значение и стал описанием не только физических свойств животных, но и их символических значений. То есть животные становятся не только объектами описания, но и символами, образующими новые смысловые связи, олицетворениями разных человеческих качеств и эмоций, а также средством выражения авторских мыслей.

В отечественной поэзии трансформация жанра происходила на протяжении нескольких столетий. В русской поэзии животные часто служили символами различных человеческих качеств. Например, в произведении «Слово о полку Игореве», сокол означает свободу, бык – отвагу и смелость. Так, образы животных придавали красочность повествованию и помогали передать характеристики и качества героев. В XVIII веке И. А. Крылов использовал прием аллегории в баснях, наделяя животных определенными чертами характера и особенностями поведения, сравнивая их с людьми, тем самым завуалированно высмеивая человеческие недостатки. В XIX веке бестиарий также использовался для изображения эмоций и чувств. В произведении Ф. И. Тютчева «Лебедь», орел означал смелость и активность, а лебедь – спокойствие, умиротворение. В современной отечественной поэзии жанр продолжает трансформироваться. К примеру, видоизменение современного бестиария исследует А. С. Бокарев в работе «"Бестиарий" А. Цветкова. Опыт прочтения "детских" стихов в контексте "взрослой" лирики поэта». В исследовании описывается «двойственность» текстов: «...образы природы в творчестве Цветкова становятся средством создания дополнительного имплицитного смысла» [2]. В книге А. Цветкова «Бестиарий. Стихи и истории о зверях ужасных и удивительных» часто присутствует абсурдное, юмористическое описание животных («Зубы крепкие на зависть, / Мощных лап не зацепи! / Кровожадный хищник заяц / Ходит-бродит по цепи» [2]).

Таким образом, бестиарий продолжает развиваться в отечественной поэзии, отражая попытки поэтов познать и объяснить мир с помощью образов животных.

Одним из примеров трансформации бестиария в современной отечественной поэзии является сборник Александра Маниченко «Бестиарий», который вышел в 2019 году. Нужно отметить, что сборник отличается от классических средневековых бестиариев. К примеру, Рочестерский бестиарий (Англия, XIII век) представляющий собой «иллюстрированный средневековый манускрипт, в котором присутствует описание внешнего вида как настоящих, так и вымышленных животных, а также небольшой трактат о камнях» [3]. По большей части, животные в книге отличаются от реальных. В качестве примера, представлены изображения из Рочестерского бестиария, на которых животные имеют несвойственные им оттенки, форму и т. д. Рис. 1-2:

Рис. 1. Иллюстрация из Рочестерского бестиария

Рис. 2. Иллюстрация из Рочестерского bestiария

В сборнике А. Маниченко нет вымышленных животных. Он состоит из нескольких стихотворений, в каждом из которых описываются небольшие животные, птицы, насекомые. Каждое произведение сопровождается иллюстрациями. В качестве примера приведено изображение цикады из сборника. Рис. 3:

Рис. 3. Иллюстрация из сборника А. Маниченко «Бестиарий»

Если говорить об идее, то она прослеживается уже в первом и втором стихотворении: это возможность через творчество запечатлеть мимолетные моменты жизни:

Неужто всё забудется, и всё?
Всё пропадёт без всякого следа
в какое-то нигде и никогда,
сгорит и растворится, или что?

Нет, если их я буду сохранять,
запоминать и в памяти держать,
рассказывать, какие они были.
Я буду их свидетель и словарь,
их предпоследняя надежда и фонарь
в закатной - я хотел сказать, конечной, -
непрозрачной пыли [4; с. 2].

В первом стихотворении, герой рассуждает о недолговечности мира («всё мимолетно, всё недолговечно»). И через творчество он стремится сохранить, увековечить небольшие моменты из жизни («теперь мы вас надолго сохраним. Вы победили. Бесконечны ваши жиз-

ни» [4; с. 29]). То есть, рассуждая о недолговечности, мимолётности, герой пытается найти решение проблемы. И решением становится творчество, с помощью которого он может запоминать и сохранять.

Далее идёт описание животных. Каждое из них становится аллегорией на человеческую жизнь, те или иные ситуации, эмоции или чувства. Например, в произведении, описывающем синицу, повествуется об убеждениях, ограничивающих жизнь, про проявление себя:

удивила себя синичка не ожидала
от себя что среди переполненного вокзала
между ворон задумчивых и воробьев нахальных
вдруг запоет...;
синичке кажется что она чжуан-цзы которому снится что он синичка
которой кажется что мелодия ее проста [4; с. 11].

Также, с помощью перенесения человеческих свойств и качеств на животных мы можем увидеть двойственность текста. Таким образом, в «Бестиарии» присутствует стремление установить аналогию между человеком и животным. В сборнике животные не рассматриваются сами по себе, они взаимодействуют тем или иным образом с человеком.

Последние два стихотворения подытоживают весь сборник, в них лирический герой делает вывод, который перекликается с тем, о чем он говорил вначале: это желание победить течение времени, стремление увековечить, сохранить:

Вы победили.
Бесконечны ваши жизни [4; с. 19].

Развитие идеи запечатления мимолетных моментов, не заметных и не важных для обывателя вещей, а также развитие лирического героя творца, демиурга продолжается в книге стихотворений А. Маниченко «Гербарий». Данная книга стихотворения выполнена в жанре «венки сонетов».

Сонет – высшая форма лаконичности поэтического искусства. Этот жанр не забывался ни в одной эпохе развития литературы, лишь трансформировался. Особенно были популярны эксперименты над ним. Так, например, один из выдающихся поэтов русских поэтов Г. Сапгир в своей книге «Сонеты в рубашках» показал свой взгляд на мир через синтез традиции и авангарда, через трансформацию формы.

Сонет имеет устойчивую схему развития сюжета: первая строфа формулирует завязку; вторая – обозначает конфликт; в третьей и четвертой строфе автор разрешает этот конфликт и дает философский вывод. Именно последовательность развития мысли («тезис – антитезис – синтез – развязка») в сонете делает эту форму уникальной: строгие требования предъявляются не только к форме, но и к содержанию произведения. Из данного жанра выросла еще более сложная форма – венки сонетов. Из 15 сонетов, связанных между собой по определенным правилам, составляется венок по следующей системе: первая строка второго сонета совпадает с последней строкой первого сонета, первая строка третьего с последней строкой второго и т. д. Четырнадцатый сонет завершается первой строкой первого сонета (как бы первый сонет начинается последней строкой четырнадцатого). Пятнадцатый сонет (магистральный сонет, магистрал) состоит из первых строк предшествующих 14 сонетов. Магистрал является тематическим и композиционным ключом (основой) венка; Е. О. Багрова в учебно-методическом пособии «От техники речи к словесному действию» говоря о магистрале в венке сонетов подчеркивает, что «обычно он пишется раньше других сонетов венка» [5; с. 19].

В отечественную поэзию венков сонетов впервые был введен Ф.Е. Коршем, который перевел на русский язык венки сонетов словенского поэта Франце Прешерна в 1889 году. Талантливые произведения, созданные в этом жанре, принадлежат перу В.Я. Брюсова, К.Д. Бальмонта, В.И. Иванова, М.А. Волошина. Мастерами данного поэтического жанра являются Н.Н. Шульговский, А.Г. Архангельский, В.Ф. Перелешин, Н.В. Крандиевская-Толстая, А.С. Кочетков, Г.К. Русаков, М.А. Тарловский, В.А. Солоухин.

В современной поэзии жанр венка не угас. Как один из ярких примеров высокого мастерства региональных поэтов рассмотрим цикл стихотворений «Гербарий» Александра Маниченко. Вместе с эпохой постструктурализма в литературе, и в частности, в поэзии, в соблюдении строгих форм стихосложения произошел сдвиг – выход за рамку и расшатывание канона стало практически обязательным условием произведения. Но при этом форма и структура должны были все же быть узнаваемы. Читатель должен узнавать вид произведения, память жанра – вызывать в нем ассоциации – как читать текст, что от него ожидать, как интерпретировать. Свойства изменчивости жанров, подвижности жанровой системы составляют основу литературной теории: «всякий жанр есть явление живое, историческое, представляющее собой систему соединения различных признаков, в слабой степени обусловленных друг другом» [6; с. 6]. В монографии «Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв.» У.Ю. Верина, рассматривая способы исследования жанрового новаторства отмечает, что «литературоведы часто апеллируют к понятиям трансформации и игры (игры с жанровым стандартом, трансформации жанра и жанровой традиции)» [7; с. 6]. По мнению исследователя, эти понятия оказываются не вполне применимы, если исходить из длительности неканонической истории жанров, и логически вытекают из понимания истории жанров как истории «их новых применений и превращений» [8; с. 14]. С. Н. Зенкин, исходя из этого представления, полагает: «Когда писатель – особенно современный писатель – выбирает себе некоторый жанр, он не столько стремится следовать их вечным законам и требованиям, сколько делает их предметом литературной игры... Жанр представляет собой вариацию некоторых доминантных признаков, которые сменяют друг друга в ходе истории и поддерживают видимость непрерывной жанровой традиции, в то время как на самом деле она трансформируется, проходя через разные эпохи, культуры, эстетические системы и технические средства выражения» [8; с. 16].

Мастерство современного поэта-сонетиста состоит в преодолении жанрового канона, в умении творить структурируя, приводя к стройной форме этот хаотичный мыслетворчества. Венки сонетов «Гербарий» представляет собой пример такого мастерства. Уже само название семантически подводит нас к пониманию формы. Автор сразу названием и иллюстрациями приводит к смыслу сборника, дает нам ключ к прочтению. А. Маниченко обращается к одной из ключевых, классических тем в художественной литературе – теме райского сада, эдема. В хаосе произрастания цветов, трав и деревьев в саду он показывает нам мир творчества, мир поэзии. Как каждый кто творит – вплетает свой узор в мир общего сада. На протяжении всего сборника он проводит аналогию с цветами-стихами, которые либо соответствуют своему названию и виду, либо же называются иначе, чем выглядят. В хитрости замысла Творца – он отражает свой же эксперимент с формой – о том, что «как было бы легко когда над каждым камнем над каждым кустиком над каждым стебельком висела в воздухе мерцающая дымка узнавания названье без усилий приходило б к нам» [9; с. 8]. Сама суть эксперимента над жанром венка сонетов заложена в замысле цикла – творчество создает неповторимый и прекрасный узор, в какую бы форму его не облекали и как бы ни называли.

Цикл состоит по канону из 15 стихотворений, но при этом магистралом является не последний, а первый стих. Вся логическая и структурная форма сохранилась. Таким образом, соблюдая каноничность жанра поэт переворачивает этот канон в диаметрально противоположную сторону, сохраняя строгость в форме сонета (количество строк, рифма и содержание – строго по канону).

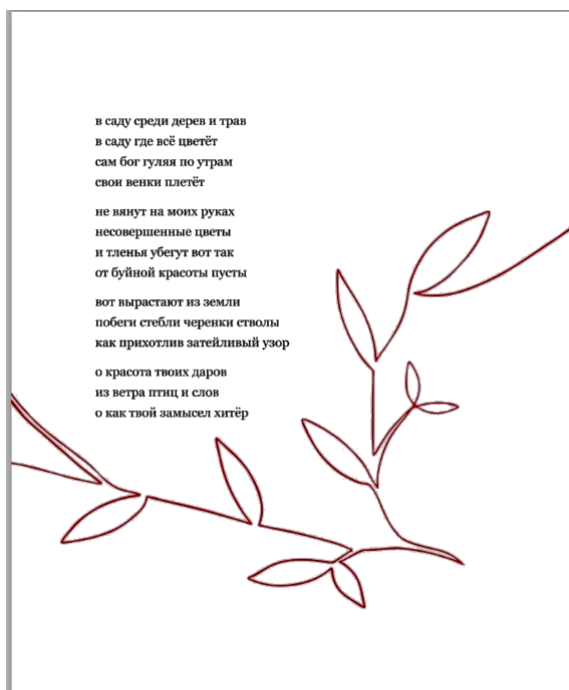

Рис. 4. Отрывок из книги стихотворений А. Маниченко «Гербарий»

С раскручиванием венка А. Маниченко продолжает эксперимент и с формой, и с содержанием. Так, даже в первом магистрале он смешивает типы рифм из основных общепринятых, по манере Гумилева и Анненского.

Венок сонетов по праву считается одной из самых сложных и искусных форм стихосложения. Сонеты, терцеты, венки сонетов являются также культурный знак, символом классических и модернистских изысканий. Венок сонетов для А. Маниченко – это фрейм, ограничительная рамка, которая позволяет ему сфокусировать внимание на определенной теме. Для того, чтобы составить это произведение искусства, недостаточно просто создать цикл из 14 стихов сонетного типа, надо связать их логическим смыслом, который будет соответствовать строгим требованиям канона. «Гербарий» Экспериментальность в таком жанре требует выверенности слова и слога, тонкого чувствования генезиса жанра и умения размышлять границы, не стирая у читателя ощущения, что он знает и понимает, что за литературная форма перед ним.

А. Маниченко развивает идею экспериментов с формой и трансформацией жанров, следуя примерам поэтов авангардной традиции русской поэзии: Г. Сапгир, Т. Кибиров, А. Еременко и др. Эксперимент с жанром венка сонетов в книге «Гербарий» демонстрирует, что для того, чтобы работать над трансформацией устойчивого жанра нужно мастерство большее, чем при соблюдении всех жанровых канонов. Сборник «Бестиарий» А. Маниченко продолжает традиции жанра и вместе с этим в сборнике трансформация происходит, когда поэт использует символику животных для передачи эмоций, идей в своем произведении. Помимо этого, создание образа поэта-творца выражает одну из главных идей сборника – бессмертие поэта в его творчестве. То есть, через описание окружения герой стремится сохранить и увековечить частицу мира. И именно поэзия становится способом достижения бессмертия.

Библиографический список

1. Большая российская энциклопедия 2004-2019 [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/1862379 (дата обращения: 03.11.2023).

2. Бокарев А. С. «Бестиарий» А. Цветкова. Опыт прочтения «детских» стихов в контексте «взрослой» лирики поэта [Электронный ресурс]. URL: <https://studylib.ru/doc/3726282/«bestiarij»-a.cvetkova.-opyt-prochteniya-«detskih»-stihov-v> (дата обращения: 25.12.2023).
3. Рочестерский бестиарий [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Rochester_Bestiary (дата обращения: 18.11.2023).
4. Маниченко А. Бестиарий. Челябинск, 2019. 31 с.
5. Багрова Е. О., Викторова О. В. От техники речи к словесному действию: учебно-методическое пособие. СПб.: Издательство «Лань»; Издательство «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2019. 248 с.
6. Томашевский Б. В. Стих и язык: Филологические очерки. М.: ГИХЛ, 1959. 470 с.
7. Верина У. Ю. Обновление жанровой системы русской поэзии рубежа XX–XXI вв. Минск: БГУ, 2017. 307 с.
8. Зенкин С. Н. Работы о теории: Статьи. М.: Новое лит. обозрение, 2012. 560 с.
9. Маниченко А. Гербарий. Челябинск, 2019. 40 с.

References

1. Great Russian Encyclopedia 2004-2019 [Internet source]. URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/1862379 (date of access: 03.11.2023).
2. Bokarev A. S. “Bestiary” by A. Tsvetkov. The experience of reading “children’s” poems in the context of the poet’s “adult” lyrics [Internet source]. URL: <https://studylib.ru/doc/3726282/“bestiarij”-a.cvetkova.-opyt-prochteniya-“detskih”-stihov-v> (date of access: 25.12.2023).
3. Rochester bestiary [Internet source]. URL: https://ru.wikibrief.org/wiki/Rochester_Bestiary (date of access: 18.11.2023).
4. Manichenko A. Bestiary. Chelyabinsk, 2019. 31 p.
5. Bagrova E. O., Viktorova O. V. From speech technique to verbal action: educational manual. St. Petersburg: Publishing House “PLANET OF MUSIC”, 2019. 248 p.
6. Tomashevsky B.V. Verse and language: Philological essays. M.: GIHL, 1959. 470 p.
7. Verina U. Yu. Updating the genre system of Russian poetry at the turn of the 20th–21st centuries. Minsk: BSU, 2017. 307 p.
8. Zenkin S.N. Works on theory: Articles. M.: New lit. review, 2012. 560 p.
9. Manichenko A. Herbarium. Chelyabinsk, 2019. 40 p.

УДК 81'33

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.012

Воронежский институт МВД Российской Федерации

*Кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского и иностранных языков
Россия, г. Воронеж, тел. +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru*

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

*Cand. Philolog. Sci., Docent of the Department
of Russian and Foreign Languages
Russia, Voronezh, +7(915)584-61-57
e-mail: oon_2004@mail.ru*

О.Н. Олейникова

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В ЛОНДОНСКОЙ КОРРЕСПОНДЕНЦИИ К. И. ЧУКОВСКОГО

В представленной ниже статье рассматриваются тексты репортажей молодого журналиста К. И. Чуковского, написанные во время длительной командировки в Великобританию 1903-1904 гг. Материалом исследования стали вкрапления из разных языков (английского, французского, латыни и др.), введённые автором с разными стилистическими целями в тексты публицистического стиля. Материал исследования рассмотрен и систематизирован по двум классификациям, существующим в современном языкознании. Рассмотрено триединство «автор – читатель - персонаж», части которого влияют на способы введения вкраплений в тексты и частотность этого речевого явления, характерного для носителей русского литературного языка определённой эпохи. Описан полилингвизм К.И. Чуковского. Затронут вопрос о персонажах-англичанах его репортажей и особенностях адресатов молодого журналиста. Описано влияние каждого компонента этого триединства на количество вкраплений в репортажах К.И. Чуковского и их отбор. Описаны индивидуальные особенности употребления вкраплений этим автором. Отмечено редкое графическое вкрапление в одном из текстов К.И. Чуковского. Выявлено то общее, что объединяет этого автора в использовании иноязычных вкраплений с некоторыми современными ему авторами. Для изучения и анализа иноязычных вкраплений в корреспонденции из Лондона К.И. Чуковского материал был отобран методом сплошной выборки, что повышает объективность результатов его исследования. На сегодняшний день пока нет статей и других работ, в которых бы исследовались иноязычные вкрапления в текстах К.И. Чуковского какого-либо стиля.

Ключевые слова: иноязычное вкрапление, графическое иноязычное вкрапление, узуальные иноязычные вкрапления, К.И. Чуковский, тексты публицистического стиля.

O.N. Oleynikova

FOREIGN LANGUAGE INCLUSIONS IN THE LONDON CORRESPONDENCE OF K. I. CHUKOVSKY

The article below examines the texts of the reports of the young journalist K. I. Chukovsky, written during a long business trip to Great Britain in 1903-1904. The material of the study was inclusions from different languages (English, French, Latin, etc.) introduced by the author with different stylistic goals into the texts of the journalistic style. The research material is reviewed and systematized according to two classifications existing in modern linguistics. The author-reader-character trinity is considered, parts of which influence the ways of introducing inclusions into texts and the frequency of this speech phenomenon characteristic of native speakers of the Russian literary language of a certain era. K. I. Chukovsky's multilingualism is described. The question of the English characters of his reports and the characteristics of the addressees of the young journalist is raised. The influence of each component of this trinity on the number of inclusions in K. I. Chukovsky's reports and their selection is described. The individual features of the use of inclusions by this author are described. A rare graphic interspersing in one of K. I. Chukovsky's texts is noted. The common thing that unites this author in the use of foreign language inclusions with some contemporary authors has been revealed. For the study and analysis of foreign language inclusions in correspondence from Chukovsky's London, the material was selected by a continuous sampling method, which increases the objectivity of the results of his research. To date, there are no articles and other works that would explore foreign language inclusions in K. I. Chukovsky's texts of

any style.

Keywords: foreign language inclusions, graphic foreign language inclusions, conventional foreign language inclusions, K. I. Chukovsky, journalistic style texts.

В 2024 году исполняется пятьдесят пять лет со дня смерти удивительно разностороннего филолога (лингвиста, литературного критика, переводчика, текстолога, поэта, литературоведа), доктора филологических наук, доктора литературы Оксфорда «honoris causa», лауреата Ленинской премии К.И. Чуковского. К сожалению, его вклад в отечественную филологию недооценён. Наши соотечественники воспринимают К.И. Чуковского как детского поэта. А он начинал как критик; и большую роль в его жизни, особенно в молодости, сыграла журналистика, которая дала ему возможность «отточить перо», выработав свой стиль, и заработок, в котором остро нуждался молодой К.И. Чуковский.

В юности К.И. Чуковский стал автором статей, публиковавшихся в газете «Одесские новости», знавшим английский язык, благодаря чему поехал в двухлетнюю командировку в Лондон корреспондентом этой газеты. А в полном собрании сочинений К.И. Чуковского впервые собраны воедино все его корреспонденции из Великобритании, которые и стали материалом исследования [1]. Итак, материал собран методом сплошной выборки. В примерах сохранена пунктуация источника.

В настоящий момент исследований функционирования иноязычных вкраплений в текстах К.И. Чуковского какого-либо стиля нет. Между тем частотность иноязычных вкраплений в исследованном материале высока.

Рассмотреть типы иноязычных вкраплений, их функции, классифицировать их в текстах такого необыкновенно яркого литератора, как К.И. Чуковский, представляется очень интересным. К тому же автор статьи рассматривает эту публикацию как дань памяти удивительному учёному и человеку. К.И. Чуковский не учился вузе. И при этом заслужил степень доктора филологических наук; блестяще знал английский язык, латынь, говорил по-французски, то есть был полилингвом, что было вопреки его сложной биографии и семейным обстоятельствам, но имеет непосредственное отношение к теме статьи. Изгнание из гимназии за незаконнорождённость не сломало подростка, а активизировало его усилия в самоподготовке к сдаче экзаменов за курс гимназии экстерном. Знания английского были углублены уже в Лондоне, где К.И. Чуковский проработал 1903 и 1904 годы, и тоже самостоятельными занятиями. Итак, автор исследованного материала на время написания корреспонденций уже свободно владел английским и знал другие языки.

Исследованные тексты относятся к публицистическому стилю, значит, репортёр К.И. Чуковский сознательно или бессознательно учитывал триединство «автор – персонаж – читатель». Автор-полилингв в этом триединстве учитывал возможности подписчиков «Одесских новостей» понимания нерусской лексики, т.е. ориентировался на читателя. А герои репортажей из Англии, конечно, были носителями языка.

Две существующие на сегодняшний день классификации позволяют рассмотреть вкрапления с разных сторон. Первая носит более формализованный характер, «раскладывая» вкрапления по разрядам, и это необходимо для их систематизации. Вторая отражает стилистические, речевые особенности текстов того или иного автора. [2] К.И. Чуковский ввёл в корреспонденции иноязычные вкрапления из английского, французского, немецкого, латинского, украинского языков. Исследованный материал «пропущен» через обе классификации. Ниже описаны полученные результаты.

В текстах есть вкрапления, никак не ассимилированные. Полным вкраплением является цитата из стихотворения Эдгара По [1, с. 463].

Частичные вкрапления трёх типов также есть в исследованных текстах. Во-первых, они представлены иностранными словами, никак не адаптированными к грамматической системе русского языка. Их мало. Например: «Здесь есть спички – английского производства, под маркой «Swan» [1, с. 458]. Высокой частотностью отличаются адаптированные к граммати-

ческой системе вкрапления. Например: «В таком чтении он не видит ни business'a, ни зуботычины, а дальше этих двух вещей его компетенция не простирается» [1, с. 44]. К английскому слову добавлено формализованное окончание родительного падежа. В следующем примере русский предлог творительного падежа использован с английским словом, но без русского окончания: «По крайней мере, то озлобление, на которое мы наталкиваемся за последнее время, - ничего общего с retaliation не имеет» [1, с. 457]. А в примере ниже английское существительное множественного числа согласовано с русским прилагательным, но во втором случае русское прилагательное множественного числа относится к английскому существительному единственного числа: «А разные Dreamers, которые хотят - ...Небо здесь воскресить на земле, - просто блажат, потому что у них нет никаких business...» [2, с. 466] Вероятно, автор не обращал внимания на подобные несоответствия. В любом случае частично ассимилированные иноязычные вкрапления в исконной графике наиболее часты в английской корреспонденции Чуковского.

Небольшую часть составляют частичные вкрапления, которые автор счёл нужным передать буквами русского алфавита. Иностранное слово, по выражению В.Г. Белинского, «отшлёпанное русскими буквами», не становится от этого более понятным носителю русского языка. Например: «Вся роль английского полисмена – это – величественное стояние на перекрёстке улиц и командование целой тучей омнибусов, кочей, кэриджей, пассов, автомобилей и прочей многоколесной армией» [1, с. 438]. «Кочей, кэриджей, пассов» переводится как «экипажей, карет, пассажиров». Эти слова не вошли в лексический запас русского языка, но написание иностранного слова русскими буквами – обязательная стадия его вхождения туда. Не все иностранные слова, употреблённые в русской графике в текстах, становятся фактами русского языка. К тому же вкрапления из восточных языков в русских текстах практически всегда писались по традиции русскими буквами, видимо, из-за сложности график этих языков. Ещё один пример: «Росту он высокого, волосы рыжие, по убеждению он – фритрэдер, а по отношению к спорту – крикетист». Слово «фритрэдер», обозначающее человека, занимающегося свободной торговлей, так и не стало заимствованием. Все заимствования когда-то были вкраплениями, но не все дошедшие до степени ассимилированности частичных вкраплений в русской графике стали фактами русского языка, что хорошо видно в текстах Чуковского.

В исследованных текстах нет контаминированных и нулевых иноязычных вкраплений. Но есть редкий случай обозначения русского слова английскими буквами, т.е. графического вкрапления, вкрапления «наоборот». Подобное есть в текстах М.А. Булгакова и некоторых других авторов [3]. Один из репортажей К.И. Чуковского посвящён Британскому музею. С недоумением и горечью автор указывает, что там только один экспонат из России: «Вот её небольшая табличка. Читайте: «Tcharka». Табличка прикреплена к серебряной рюмке, и могу смело сказать, что эта рюмка – вот и всё, чем в Британском музее представлена моя родина» [1, с. 455].

По соотношению с национально-культурной спецификой текста обнаружены вкрапления, непосредственно и косвенно связанные с нею, связанные ассоциативно. Часть вкраплений выполняет функцию наднациональную, традиционную для русской речевой культуры определённой части общества [см., 3, 4, 6]. Непосредственно связаны с национально-культурной своеобразием текстов многочисленные онимы. Например, топонимы: «Пойдите-ка в Hyde-Park – вы всегда найдёте там несколько десятков хмурых джентельменов» [1, с. 447]. Английскими вкраплениями Чуковский обозначил печатные издания, имена. Например: «Вечерние газеты вроде «Star», «St.-Games», «Westm. Gaz.» – выходят по несколько раз в день» [1, с. 473]. Английские имена Чуковский иногда даёт в русской графике, дублируя вкраплением. Например: «Вот я только что прочитал книжку вождя этой секты м-ра Уолиса (Wallis) – под заглавием «Да не слушается сердце ваше» («Let not your heart be troubled»), и, кажется, это самая циничная вещь, какая мне попадалась в жизни» [1, с. 493]. Использовался

и такой способ: вкрапление написано по-английски, в скобках даётся перевод. Например: «Но «Tit- Bits» (а по-русски «Лакомый кусочек») даже и не претендует на то, чтобы вы читали его» [1, с. 443]. К.И. Чуковский уточняет английские слова. Именно поэтому они, широко распространённые в первое десятилетие прошлого века в виде иноязычных вкраплений в речи носителей русского языка, писались в исконной или русской графике без дублирования, а малоизвестные – переводились или давались оба варианта. То же наблюдается в текстах А.А. Ахматовой. [4]

Конечно, на страницах репортажей о жизни англичан Чуковский передаёт прямую речь некоторых из них по-английски. Подобные вкрапления создают эффект достоверности информации для читателей репортажей Чуковского. Иногда автор переводит их. Иногда нет. Например: «That's the devil of it! – и старик стал ругать своих конкурентов» [1, с. 479]; «- Poor fellow! (бедняжка!) – шепчет длинная мисс у клетки с рыкающим львом» [1, с. 458].

Некоторые вкрапления Чуковский вводит потому, что их значение отличается от русских долями лексических компонентов. Например, автор переводит слово «приданое»: «С 12 лет английская девица должна понашить себе бездну разнообразнейших – но ровно никуда не нужных, - безделушек, прошвочек, салфеточек, ковёрчиков – это её dowry, приданое» [1, с. 452]. В русском «приданое» понимается более широко. Ещё один пример подобного вкрапления: «Афиши выпущены бальфуровскими последователями для того, чтобы вдолбить англичанам необходимость retaliation (возвратных пошлин)» [1, с. 457]. Перевод на русский язык был необходим, но суть этих пошлин неподготовленному читателю не стала от него понятнее.

Чуковский тексты корреспонденций дополнял вкраплениями-цитатами из стихотворений на разных языках. В том числе автор ввёл цитаты на английском языке из стихов американского писателя и поэта Эдгара По в репортаж о Британии [1, с. 463]. Страны разные, но близость национального уклада очевидна, и эти цитаты косвенно связаны со своеобразием текста.

Французское вкрапление Чуковский передаёт не средствами русского языка, а по-французски: «L'état c'est moi – это может сказать каждый британец, от первого министра до последнего извозчика» [1, с. 444-445]. Знаменитая французская фраза отражает понимание государства, по мнению Чуковского, типичного англичанина, что сблизает последнего с типичным французом. То есть знаменитое на весь мир выражение ассоциируется у автора с представителями другой культуры, носителями другого языка. Ещё одно подобное вкрапление - немецкое – цитата из Гёте [1, с. 464]. Тема стихов поэта вызвала ассоциацию у Чуковского с темой репортажа.

Вкрапления, введённые К.И. Чуковским в тексты корреспонденций с целью традиционного для русской речи того периода «украшения текста,» делятся на узуальные и индивидуальные [3, 4, 6]. Огромную помощь в определении узуальных вкраплений оказывает «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» [5]. Много лет учёные разграничивали понятия язык» и «речь». Конечно, иноязычные выражения и слова употреблялись не в русском языке, а в русской речи, точнее в речи носителей русского языка. Но в этом словаре, ставшем библиографической редкостью, отражён целый пласт культуры наших предков, часть которых, получившая классическое российское образование, включала в речь вкрапления из языков, изучаемых в гимназиях.

Узуальные вкрапления Чуковский, как и было принято и в XIX, и в первой трети XX у части русскоязычных авторов, включал в тексты в исконной графике. Третья составляющая триединства «автор – персонаж – читатель» прекрасно понимала эти вкрапления и без перевода, и в исконной графике. Ввод английских узуальных вкраплений подкреплялся темами репортажей и местом их создания. Например, слово «business» является узуальным вкраплением. Именно в исконной графике его вводит в тексты Чуковский в репортаже о том, что бизнес является главным для англичан и что вся их жизнь крутится вокруг его результатов: «Болтайте себе, сколько хотите, по городу – и будьте армянином, турком, испанцем, толь-

ко бы вы не мешали ему обделывать его «business» [1, с. 439]. Исконная графика и неоднократное повторение этого слова в тексте подчёркивают неприятие Чуковским столь огромной роли бизнеса в жизни человека, о чём и репортаж. Чуковский должен был объяснить своё желание получить читательский билет. Аргументом было бы слово «business», но Чуковский выбрал другой аргумент: «Чтение – это мое hobby (причуда), - должен был сказать я в оправдание, и билет был мне выдан» [1, с. 453]. Перевод Чуковским английского слова показателен. Ведь №1 - это business, а не то, что для души. Узуальное вкрапление используется в тексте об излишнем консерватизме англичан: «Новая же мебель, modern style – вызывает у него только презрительную улыбку: несолидно, легкомысленно» [1, с. 447]. Иронический смысл вкладывает Чуковский в латинское вкрапление, описывая пуританские нравы англичан: «А то ведь дальше рукопожатий или – horribile dictu- поцелуев отношения у истца и ответчика почти никогда не доходят» [1, с. 481]. Латинизм переводится как «страшно сказать», а репортаж о странных для россиянина судебных процессах за отказ от обещания жениться.

К.И. Чуковский в укладе жизни англичан увидел не только то, с чем ему было трудно согласиться, но и положительные моменты. Он отметил уважительное отношение людей друг к другу, демократизм, о чём и написал автор, используя узуальное вкрапление: «Self made man возможен только в этой атмосфере общественного уважения к личности» [1, с. 496].

Индивидуальные, «чуковские», вкрапления автор вводит в тексты, что делали многие билингвы – его современники [6]. Не связано никак с национально-культурным своеобразием французское вкрапление во фразе: «Должно быть, намекая этим на изобретение *toujour le me!me* Демчинского, который в «Новом Времени» объявил – помните? – пиво панацеей всех болезней» [1, с. 455]. Также индивидуальным вкраплением является французское в тексте о спиритизме: «*C'est fatalite*» [1, с. 491].

Вкрапления разных разрядов и видов Чуковский использовал при характеристике людей и социальных групп. Вот характеристика английского студенчества: «Студенчество – здесь если и спорит, то только насчет величины своих мускулов, если и читает что-нибудь, помимо «лекции», так это *racing news, who's who in football*, и больше ничего» [1, с. 465]. А это мнение об английских женщинах: «Как я ни присматривался к английской женщине *of middle class* – я никак даже представить себе не мог таких обстоятельств, при которых её жалкой головке пришлось бы хоть немного поработать» [1, с. 452]. Ещё один пример: «Британский музей посещают или так называемые *literary hacks* (литературные клячи), или люди, которым свободного времени девать некуда...» [1, с. 511].

Из написанного выше можно заключить, что использование К. И. Чуковским иноязычных вкраплений находится в русле сложившейся в русской литературной речи традиции. При этом есть индивидуальные авторские особенности, которые особенно интересны в текстах уникального автора.

Библиографический список

1. Чуковский К. И. Собрание сочинений; В 15 т. Т. 11 / Предисл. В. Каверина; Коммент. Е. Чуковской. 2-е изд., электронное, исправ. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. 592с.
2. Листрова-Правда Ю. Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1986. 144 с.
3. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в произведениях М. А. Булгакова в лингвострановедческом аспекте. // Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Сборник научных трудов. Воронеж, «Издательство Воронежского университета», 1994. С. 50-57.
4. Олейникова О. Н. Иноязычные вкрапления в текстах разговорно-бытового стиля А. А. Ахматовой. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 3 (296). С. 182-185. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_182.

5. Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: В 3-х т. СПб. 1994.

6. Олейникова О. Н. Об одном речевом явлении в текстах О. Э. Мандельштама. // Воронежское лингвострановедение. Вып. 5. Воронеж: Воронежский государственный университет. 2021. С. 47-63.

References

1. Chukovsky K. I. Collected works; In 15 vol. 11 / Preface by V. Kaverin; Comment by E. Chukovskaya. 2nd ed., electronic, corrected. M.: FTM Agency, Ltd., 2013. 592 p.

2. Listrova-Pravda Yu. T. Selection and use of foreign language inclusions in Russian literary speech of the nineteenth century. Voronezh: Voronezh University Press, 1986. 144 p.

3. Oleynikova O. N. Foreign language inclusions in the works of M. A. Bulgakov in the linguistic and cultural aspect / Russian linguistics in teaching Russian as a foreign language. Collection of scientific papers. Voronezh: Voronezh University Publishing House, 1994. Pp. 50-57.

4. Oleinikova O. N. Foreign language inclusions in the texts of the conversational and everyday style of A. A. Akhmatova. // Proceedings of the Voronezh State Pedagogical University. 2022. No. 3 (296). pp. 182-185. DOI: 10.47438/2309-7078_2022_3_182

5. Babkin A.M., Shendetsov V. V. Dictionary of foreign language expressions and words used in the Russian language without translation: In 3 volumes St. Petersburg. 1994.

6. Oleinikova O. N. About a speech phenomenon in the texts of O. E. Mandelstam. // Voronezh linguistic and Cultural studies. Issue 5. Voronezh: Voronezh State University. 2021. Pp. 47-63.

УДК 82-14 ББК 83.3

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.013

*Институт гуманитарных исследований –
филиал ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный
центр РАН»*

*д-р филол. наук, вед. научный
сотрудник сектора кабардино-черкесской
литературы*

Тхагазитов Ю. М.

Россия, Нальчик

e-mail: yutkhag@gmail.com

*Institute for Humane Research –
branch of the Federal Scientific Center
"Kabardino-Balkarian Scientific Center of
the Russian Academy of Sciences"*

*d-r philol. sciences, ved. scientific
employee of the Kabardian-Circassian sector
literature*

Tkhagazitov Yu. M.

Russia, Nalchik-e-mail: yutkhag@gmail.com

*Институт гуманитарных исследований –
филиал ФНЦ «Кабардино-Балкарский научный
центр РАН»*

*канд. филол. наук, научный
сотрудник сектора карачаево-балкарской
литературы*

Керимова Р.А.

Россия, Нальчик, 88662405362

e-mail: K.roza07@mail.ru

*Institute for Humane Research –
branch of the Federal Scientific Center
"Kabardino-Balkarian Scientific Center of
the Russian Academy of Sciences"*

*Kand. philol. sciences, scientific
employee of the Karachay-Balkarian sector
literature*

Kerimova R.A.

Russia, Nalchik, 88662405362

e-mail: K.roza07@mail.ru

МКОУ «СОШ №12 им Ю.А. Гагарина»

канд. филол. наук,

*заместитель директора по учебно-
воспитательной работе*

Каскулова З.С.

Россия, Кабардино-балкарская республика,

г. о. Баксан

e-mail: K.roza07@mail.ru

*MCOU "Secondary School No. 12 named af-
ter Yu.A. Gagarin"*

PhD in Philology

*Deputy Director for Educational and Meth-
odological Work*

Kaskulova Z. S.,

*Russia, Baksan, Kabardino-Balkarian Re-
public*

e-mail: K.roza07@mail.ru

Ю. М. Тхагазитов, З. С. Каскулова, Р. А. Керимова

ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА БАЛЛАДЫ В ТВОРЧЕСТВЕ АЛИМА КЕШОКОВА (К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. КЕШОКОВА)

В статье рассматриваются произведения балладного типа классика кабардинской литературы Алима Кешокова. А. Кешоков (1914–2001) внес неоценимый вклад в развитие кабардино-черкесской поэзии, и в частности, художественной прозы (в творчестве отмечаются такие жанры как драматургия, публицистика, литературно-художественная критика). Балладность, как считают авторы исследования – еще один атрибутивный признак творческого «я» А. Кешокова, тяготеющего к фабульной организации лиро-эпического мышления. Для творческой манеры выдающегося кабардинского поэта характерно наличие в основе стиха «случая», «происшествия», «эпизода из жизни», «конкретного факта», отталкиваясь от которых автор восходит к медиативным лирическим обобщениям. А. Кешоков является признанным мастером психологического рисунка, создаваемого повторами, перифразами, сквозными метафорами. Цель – исследовать особенности жанра баллады в творчестве

А. Кешокова, обозначить основные признаки балладного типа стиха, выявить подтипы баллад, акцентируется внимание на вопросах генезиса балладного жанра, его родовой специфике. Для решения поставленных задач в работе использовался комплексный подход, комбинирующий элементы сравнительно-типологического, сопоставительно-типологического, системно-целостного и историко-литературного анализа. Применение системного метода анализа позволила авторам исследования выявить подтипы жанра – «аллегорическая баллада» и «осколочная баллада». В результате выявлено, что третью подгруппу составляют чистые баллады, ориентированные на канонические нормативные требования западно-европейской (шотландской) баллады. Установлено, что баллады А. Кешокова, во многом, формируется под влиянием фольклорной баллады, как национальной, так и западноевропейской, и представляет собой неоднородное жанровое образование.

Ключевые слова: А. Кешоков, жанр, «аллегорическая баллада», «осколочная баллада».

Yu. M. Tkhagazitov, Z.S. Kaskulova, R. A. Kerimova

EVOLUTION OF THE BALLAD GENRE IN THE WORK OF ALIM KESHOKOV (TO THE 110TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF A. KESHOKOV)

The article examines the works of the ballad type by the classic of Kabardian literature Alim Keshokov. A. Keshokov (1914–2001) made an invaluable contribution to the development of Kabardian-Circassian poetry, and in particular, artistic prose (his work includes such genres as drama, journalism, literary and artistic criticism). Balladry, according to the authors of the study, is another attributive sign of A. Keshokov's creative self, who gravitates towards the plot organization of lyric-epic thinking. The creative style of the outstanding Kabardian poet is characterized by the presence at the heart of the verse of an "incident", "incident", "episode from life", "specific fact", starting from which the author goes back to meditative lyrical generalizations. A. Keshokov is a recognized master of psychological drawing created by repetitions, periphrases, and cross-cutting metaphors. The goal is to explore the features of the ballad genre in the work of A. Keshokov, to identify the main features of the ballad type of verse, to identify subtypes of ballads, and focuses on the issues of the genesis of the ballad genre, its generic specifics. To solve the set tasks, the work used an integrated approach, combining elements of comparative typological, comparative typological, systemic holistic and historical literary analysis. The use of a systematic method of analysis allowed the authors of the study to identify subtypes of the genre – "allegorical ballad" and "fragmentary ballad". As a result, it was revealed that the third subgroup consists of pure ballads, focused on the canonical normative requirements of Western European (Scottish) ballads. It has been established that the ballads of A. Keshokov are largely formed under the influence of folk ballads, both national and Western European, and represent a heterogeneous genre formation.

Key words: A. Keshokov, genre, "allegorical ballad", "fragmentary ballad".

Многие исследователи поэтического творчества А. Кешокова отмечали приверженность автора к изображению факта, события, отдельного эпизода за которыми приоткрываются философские, этно-этнические закономерности бытия. На сюжетность, как на жанрово-стилевый признак лирики А. Кешокова, обратил особое внимание кабардинский критик и литературовед З.М. Налоев: «Одним из излюбленных жанров послевоенной поэзии А. Кешокова является новелла-миниатюра с начатками объективного сюжета, с персонажем, играющим подчиненную роль, и – уже в отличие от старой лирики - с подробными образными деталями, сквозь которые сильно проступает авторское субъективное мироощущение и мировосприятие, как, например, в «Новом доме», «Девушке-шофере», «Плакате» и других стихах. Но в данном момент творчество характеризуется обилием жанра – это прежде всего, строгая реалистическая зарисовка – этюд, юмористический рассказ, развернутая аллегорическая баллада» [1; с. 155]. Таким образом, З.М. Налоев первым сделал попытку дать жанровое определение сюжетным стихотворениям А. Кешокова, применив термин «аллегорическая баллада».

Баллада как художественное явление исторически восходит к французскому Средневековью и первоначально представляет собой «танцевальную песню» от провансальского «ballag» – плясать. Наибольшее распространение баллада получила в англо-шотландской поэзии в XIV-XVI вв., оформившись в лиро-эпический жанр со своими особыми художественными законами, определяющими сюжетность и внутренний психологизм произведения.

Западно-европейские и русские романтики, в том числе, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, проявили большой интерес к художественным возможностям баллады, по-

зволяющим увидеть за двоимирием, повседневным фактом универсальную основу.

По наблюдению многих исследователей литературы, всплеск жанра баллады приходится на драматические отрезки истории, требующие пересмотра или художественного уточнения важных основ бытия.

В.К. Чумаченко, специально исследовавший генезис жанра баллады, обозначает три направления, по которым шло его развитие. Помимо рассмотренной нами общеевропейской традиции, ученый отмечает в качестве другого источника «славянскую обрядовую поэзию, о чем свидетельствуют содержащиеся в ней перипетии синкретизма: нерасчлененность эпического, лирического и драматического начал». Третий творческий импульс, определивший жанровые особенности баллады, по мнению В.К. Чумаченко, «следует искать примерно в середине XIX столетия, когда поэзия нового времени впервые ощутила на себе последствия мощного взаимодействия с прозой, ставшего впоследствии периодическим» [2; с. 131]. Далее, перечисляя основные признаки современного балладного типа стиха, В. К. Чумаченко называет «повествовательный лирический сюжет, особую сжатость, концентрированность действия, стремительность, динамичность развертывания событий, сосредоточенность на отдельных, чаще всего, наиболее напряженных моментах сюжетного действия» [2; с. 131].

Поддерживая концепцию В.К. Чумаченко о том, что современный тип русского балладного стиха в своих генетических основаниях содержит не только западноевропейский первоисточник, но и русский фольклор, подчеркнем, что сходная ситуация наблюдается и в кабардинских балладных стихотворениях, также испытавших влияние родного фольклора. Во многих балладных стихах кабардинских авторов угадывается художественная форма коротких сюжетных рассказов «хыбар», «таурых», широко распространенных в фольклоре кабардинцев. «Хыбар» отличается поэтизацией какого-то одного, чаще экстраординарного случая, завершающегося авторским назиданием, которое может быть выражено прямолинейно или в подтексте повествования.

Особенно ярко специфика кабардинского балладного стиха, испытавшего на себе воздействие фольклорного источника, проявилась в поэтическом творчестве А. Кешокова, тяготеющего к фабульной организации лиро-эпического художественного текста. К такого рода «фабулярным стихотворениям» (определение Б. В. Томашевского) относятся стихи «Дикая яблоня», «Зариля», «Легенда», «Доктор», «Мама», «Колокольчик», «Случай с гармонисткой» и др. Критерием классификации здесь служит не тематический принцип, а наличие сюжетной коллизии, драматизм действия, отсутствие предыстории и описания внешности героев. Свообразными знаками балладного стиха могут служить слова «случай», «однажды», «как-то глаз», бытия какое-то событие, заслуживающее авторского и читательского внимания.

Все эти черты отчетливо проступают в произведении А. Кешокова «Случай с гармонисткой». Стихотворное произведение А. Кешокова наделено целым рядом характерных черт балладного произведения: острым сюжетом, «говорящими» деталями, использованием элементов диалогической речи, тонкой иронией, неожиданной развязкой конфликта. Стоит особо остановиться на специфике кешоковской иронии в стихотворениях балладного типа. В них нередко сталкиваются два мировоззрения: представителей старого уходящего мира и нового поколения миру. Пока «старость спит», молодежь успевает прожить целую жизнь, полную драматических неожиданностей.

Переплетенность сюжетной линии с элементами пейзажной лирики, художественный параллелизм подчеркивает в «Случае с гармонисткой» взаимосвязь внутреннего состояния главной героини с окружающим ландшафтом. Музыка национальной гармонии оживляет не только сердца юношей, но и спящие объекты природы. Так, пейзажная зарисовка «с крупных вершин спускается туман» характеризует пространство, в котором музыка еще не звучит. Когда же по горным окрестностям разливается мелодия, то «звезды зажигаются» и «вершины гор ведут хоровод». Однако надо заметить, что такого рода пейзажное обрамление все же занимает второстепенное место в динамике стиха, не заслоня основной сюжетной линии.

Динамика действия в анализируемом стихотворении усилена композиционным приемом повтора: слово «гармонь» повторяется четыре раза, усиливая и озвучивая повествовательное направление.

Сходная композиционная структура с оппозиционным ядром «старость - молодость» встречается в стихотворении «Доктор». С заметным ироническим оттенком автор описывает отношение старых и молодых работников «к докторше в белом халате». Старые старались выглядеть молодцевато и доказывали, что, несмотря на седые виски, они совершенно здоровы.

А хьыджэбзыр зэралъагъуу
Щалэ псори кьытехуащ.
Хэт и нитыр кьолыдыктыр,
Хэт техьэгъуэ кьытехьащ.
«Дохутыр» [3; 143].
Но зато оказались больны,
Хоть недавно здоровыми были,
Молодые в горах чабаны
И к врачу на прем поспешили
«Доктор». Пер. В. Цыбина [4; с. 49].

Молодые же, наоборот, притворяются больными, чтобы получить дополнительное внимание от симпатичной докторши. Но им не везет: результат обследования показывает, что у них нет «ни ушиба», «ни прострела», «ни единой болезни». Для творческой манеры А. Кешокова характерно умелое вплетение в острозанимательный сюжет диалогов, благодаря которым читатель слышит живые голоса стариков, врача и молодого человека.

Другой примечательной чертой балладного типа стиха кабардинского поэта можно назвать принципиальную открытость концовки. Автор не навязывает читателю свой вариант финала, придерживаясь поэтики незавершенности художественного контекста. Нередким в его художественном мире является финал «дорожной» концовки, когда главный герой после разрешения художественного конфликта оказывается на дороге. Концепт дороги в данном случае символизирует перипетии человеческих судеб, превратность жизненных путей, а также целеустремленность героя, смело ринувшегося навстречу:

Ар хьыджэбзым кьыгурогуэ:
– Уз пцкьырытыр икьуклэ пэжщ...
Щалэр и шым мэшэсыжри
Кьуршым йольэдэж.
«Дохутыр» [3; с. 144].

Улыбається доктор тепло:
– Не грусти и не выгляди хмурым... –
Лихо прыгает парень в седло
И летит сумасшедшим аллюром.
«Доктор». Пер. Я. Козловского [4; с. 150].

Здесь, как мы видим, поэт прибегает к своему излюбленному образу скачущего всадника, закладывая в его психологическую основу идею о борьбе, за которой в обязательном порядке последуют удача и счастье. Как было выше сказано, всплеск интереса к балладной форме стиха в литературной жизни наблюдается в поворотные этапы истории. К классическому варианту подобного произведения можно отнести стихотворение А. Кешокова «На астрономической станции» (1962). Космическая баллада А. Кешокова отличается многоперсонажностью, что, впрочем, является примечательной чертой почти всех балладных стихов поэта. Когда на животноводческой ферме разошлась весть о том, что в небе - «наш звездолет», почти весь рабочий коллектив отправился на астрономическую станцию, расположенную недалеко в горах. Представители разных профессий подходят к телескопу, смотрят на

Луну, но каждый на ее поверхности видит то, что близко ему самому по жизни, по специальности.

Сюжет стихотворения основан на последовательности «звездных» комментариев, его героев. Вот к телескопу прильнул чабан, который в очертаниях Луны увидел своего собрата, чабана с волкодавом. Его видение поддержал «мастер по шашлыкам», посмотревший на небесное светило с точки зрения повара.

«Молодая, стройная доярка», вглядываясь в загадочные рисунки на Луне, первым делом разыскивает там женщин, чтобы самой тоже от мужа на «луну сбежать». К примеру, А. Кешоков в балладном стихотворении «На астрономической станции» проявилась утонченная речевая характеристика героев: речи героев, индивидуализированных народным юмором, национальным колоритом.

Спор о том, какие же объекты на самом деле располагаются на Луне, так и остается неразрешенным. Автор в этот спор «не вмешивается», предоставляя каждому герою увидеть там то, что ему близко. В спор не вмешивается и молодой ученый-астроном, который сделал для себя главное заключение: «Не решен спор. Это нелегко. // Но в одном сомненья нет, поверьте, // До Луны теперь недалеко». Рельефность, четкая очерченность сюжетной линии, выраженный диалог – афористическая концовка – вот совокупность признаков, характеризующих кешоковское стихотворение балладного типа «На астрономической станции». Тематическое сходство с данным произведением обнаруживает стихотворение «У меня в гостях», также построенное на принципе двоемирия. Судя по космической тематике, оно, как и предыдущее, навеяно полетом человека в космос. В основу стиха положена инверсированная фабула: не человек летит в космос, а, наоборот, космический пришелец спускается с небес и посещает рабочий кабинет поэта. Так, в авторской интерпретации решается проблема сближения небесного и земного начал.

В поэтическом творчестве А. Кешокова обнаруживаются и произведения, написанные в полном соответствии с классическими канонами западноевропейской баллады, в частности, шотландской. К ним в первую очередь относятся «Баллада о златокудрой» и «Баллада о дереве», жанровое определение которых принадлежит самому автору. Считается, что авторские жанровые определения не всегда отвечают должным нормативным требованиям, однако в данном случае А. Кешоков осуществляет стилизацию канонической европейской баллады. К примеру, «Баллада о златокудрой», в которой все составляющее художественного текста, включая фабулу сюжетно-композиционной особенной системы рифмовки и идеи, напоминают балладный строй эпохи романтизма. Стихотворение состоит из девяти строф (3+3+3), композиционно подчеркивающих идею цельности действия. Каждая строфа рифмующихся по схеме *aabvbb*, придающей стиху особый ритмический рисунок, воспроизводящий перепад в рефлексии балладного героя.

Движущей силой сюжетной линии в произведении является история любви между молодым кавказцем и златокудрой польской красавицей Леонтиной. К отличительным чертам хронотопа следует отнести историческую ретроспективу, в соответствии с которой уже поэт, прибыв в Польшу увидел «полячек юной красоты». Мать молодого человека строила радужные мечты относительно свадьбы сына, но неожиданно грянула война и «он ушел сражаться». Солдатские пути-дороги привели воина в маленький польский хуторок на реке Висла, где он повстречал прекрасную Леонтину:

Была средь девушек одна
Золотокудра и стройна,
А я был офицером.
И Леонтина до зари
Мои считала газыри.
Ах, был я кавалером!
Пер. Я. Козловского [4; с. 328].

Специфический стихотворный размер (трехстопный ямб, пиррихий), порядок рифмовки, междометие «ах» создают особый романтический контекст. Семантическая переплетенность культурных реалий восточного (кавказского) и европейского (польского) миров подчеркивает экзотичность атмосферы возвышенной любви между героями, как представляется типологична творчеству западноевропейских романтиков первой половины XIX века.

Художественный конфликт в «Балладе о златокудрой» проявляется в смысловой оппозиции «война и любовь». Эти два понятия концептуально противопоставляются на самых разных уровнях: лексическом, синтаксическом, семантическом и идейно-смысловом. Порой столкновение этих противопоставленных категорий приобретает неожиданные художественные формы, как, например, в третьей строфе стихотворения:

Легли два мира на весы,
И я подкручивал усы,
Вдевая ногу в стремя.
И снова брали мы рубеж,
Где вряд ли свадебный кортеж
Проехал бы в то время
«Баллада о златокудрой».
Пер. Я. Козловского [4; с. 328].

Парой рифмующихся слов «рубеж-кортеж» автор стягивает воедино в линию войны и линию любви, окрашенных к тому же легким налетом «черного юмора», что убеждает нас в том, что А. Кешоков в тонкостях освоил поэтику западноевропейской баллады. Опираясь на художественный опыт романтиков, кабардинский поэт создал новую форму балладного стиха, содержащего в своей основе элементы классической баллады (строфика, рифмовка и т.д.) и компоненты традиционного кабардинского стихосложения.

В жанрово-стилевой палитре современных баллад В. К. Чумаченко выделяет подтип, который назван им «осколочным», в том смысле, что текст может представлять собой «фрагмент как жанр малой лирической формы». Такого рода «осколочных» стихов балладного типа можно в большом количестве обнаружить в поэтическом творчестве А. Кешокова, который по природе своего дарования всегда тяготел к ярко выраженному сюжетному повествованию.

С полным на то основанием к «осколочным» стихам балладного типа можно отнести кешоковское стихотворение «Закливание неверной жены», написанное в 1973 г. Своей содержательно-тематической стороной данное стихотворение также тяготеет к классической европейской балладе (Р. Бернс). Стихотворение написано от имени неверной жены, которая своего престарелого богатого мужа отправила за долгами, а сама встречается с «милым дружкой». Решение художественного конфликта между любовью и долгом, предложенное здесь автором, находится в русле традиции западноевропейской эстетики романтизма:

Будь, безлунная ночь, потемней.
Окажи, молодой, мне услугу:
Я свидание милому другу
Вновь назначила в спальне своей [4; с. 328].
Пер. Я. Козловского

Это стихотворение показывает, что А. Кешоков творчески преломлял в собственном творчестве романтическую поэтику, привнося в национальную поэтику новые темы, неожиданные для нее изобразительно-выразительные средства.

Интересный художественный опыт представляет собой «Баллада о дереве», в которой традиционная жанрово-стилевая балладная поэтика умело сочетается автором с кабардинской национальной образной системой. По своему смысловому содержанию «Баллада о дереве» генетически восходит к фольклорным образцам. В этом плане особенно сильна идейно-стилевая переключка кешоковской баллады со старинной кабардинской народной поэмой «Песня дерева» [5]. По аналогии с фольклорным образцом А. Кешоков создает тип аллего-

рической баллады, в которой дерево (мировое дерево) выступает как иносказательный, символический знак судьбы человека в религиозно-этической интерпретации.

Баллада представляет собой историю о чинаре, которой суждено было родиться над обрывом. Однажды со скального выступа кто-то столкнул «морщинистый камень». Тот повлек за собой тысячи других камней, которые обрушились со всей силой на «тело» чинары. Текст баллады завершается нравоучительной концовкой:

Жьыбгъэ кӀуапӀэм кьыщыкӀами,
Къуршым жыгыр ягу пымыкӀ.
Хэт и лейри кьылгысами.
Зытет нэпкъми пхутемыкӀ.
«Бжей жыгым и балладэ» [4; с. 290].

Вещая о славном уделе,
Над бездной чинара стоит,
Виднеются шрамы на теле,
А корни уходят в гранит [4; с. 258].
Пер. Я. Козловского.

Сочетание «шрамов на теле» и «корней, уходящих в гранит», олицетворяют полноту человеческого бытия, состоящего из боли и радостей, жизненных разочарований и новых поворотов в личной и исторической судьбе. Специфической особенностью многих балладных стихотворений А. Кешокова является наличие в них такого структурного элемента, как зачин.

Под ним подразумевается особая поэтическая формула, которая, казалось бы, не имеет прямого отношения к сюжету и представляет собой традиционное обращение к слушателю. Такой балладный зачин мы встречаем в произведении А. Кешокова «Руки друга»:

Сымыпсэльэфу Ӏур гьущӀами.
Мыр сымыӀуатэу сэ схуэхьынкъым.
Сэ куэд е мащӀэ кьэзгьэщӀами,
Мы си гурыльыр гум ихункъым.
«Ныбжьэгьу» [6; с. 132].

Как бы в горле не пересыхало,
Как бы ни мешала боль словам.
Должен я, во что бы то ни стало
Рассказать об этой боли вам [4; с. 45].

После зачина автор ведет рассказ о том, как он в День Победы встретил своего старого фронтowego товарища, с которым «И разлук, и встреч рукопожатья // Были всюду крепки и сильны». Лирический герой устремился навстречу другу, чтобы крепко его обнять. Но прикоснувшись к нему, он испытал огромное потрясение, потому что вместо рук ему попались пустые рукава. Возникшая неловкость молчания прерывается монологом бойца:

Сэлам уэсхыну сыплыхьуэнут,
Ӏэ симыӀэжми, щӀалэ пакъэ,
Зауаеи щӀэкъур слъагьу мыхьуну.
ЗауэлӀ игу быдэ кьысхуэнакъэ! [7; с. 132].

– Ничего, – сказал он мне спокойно, –
Нет у больше рук, чтобы воевать,
Но осталось сердце, чтобы войны
Рук других не смели отрывать [7; с. 45].

Такого рода развязка, как правило, содержащая в своей основе дидактическое умозак-

лючение, весьма характерна для балладных стихотворений А. Кешокова. Также следует сказать о том, что типологически такие концовки генетически восходят к общеадыгским фольклорным жанровым образованиям «хыбар», «таурых», в которых итоговым результатом повествования почти всегда выступает прямое назидание, обращенное к сознанию читателя. В кешоковской же художественной версии герой сам расставляет приоритеты, ставя на первое место сердце и подвиг во имя счастья других людей.

А. Кешоков является признанным мастером психологического рисунка, создаваемого повторами, перифразами, сквозными метафорами. В тексте многократно варьируется заголовок «Руки друга», приобретая разные речевые формы: «шагаем рука об руку», «рукопожатье», «протянуть руку», «сжать общими руками», «верные руки», «задрожали руки», «пустые рукава», «нету рук, чтобы воевать», «отрывать руки». Девятикратное повторение одного слова в разных сочетаниях создает особую художественную парадигму, из которой в кульминационный момент высекается наиважнейший для автора идейно-художественный смысл.

При исследовании балладных стихотворений А. Кешокова бросается в глаза дата «1945 г» - год, ставший плодотворным для создания произведений указанного жанра. Мы полагаем, данный факт связан с тем, что балладный жанр является наиболее подходящим для отображения высот народного духа и нравственных подвигов, которые приобретают особую отчетливость в годы военного лихолетья. Балкарский поэт К. Кулиев в своих воспоминаниях о А. Кешокове пишет: «Так получилось, что в трудные дни войны мы были вместе долгие месяцы, не раз над нами пролетали свистящие пули, нередко приходилось спать, укрывшись одной плащ-палаткой, есть из одного солдатского котелка, читать друг другу в завьюженных окопах торопливо написанные строки стихов. Мы в дыму войны шли вместе через заснеженные волжские и донские степи, были среди освободителей Донбасса, лежали в воронках Перекопа, переходили через Сиваш, сражались в Крыму. Тогда мы с Алимом делили кусок хлеба и щепотку солдатской махорки, делились своими думами и стихами. Это было большой наградой и утешением. Сквозь дым боев одинаково мерещились нам горы и отцовские дворики с желтеющим подсолнухом. Мы были молоды. Горячо мечтали о книгах, которые думали писать после войны. Как говорится, человек познается в беде, а я был рядом с Алимом в труднейшие дни. Я знаю его лучше многих. Одно стихотворение Алима, прочитанное им где-то в донских степях, запомнилось мне навсегда. О чем оно? Солдат тащил товарища, который говорил: «Оставь меня, сам можешь погибнуть! Оставь меня. Счастье между нами поровну никто не делил. Оставь меня!». Но солдат не оставил друга. Он полз под огнем противника, грыз землю, но товарища вынес» [8; с. 228].

Стихотворение, о котором упоминает К. Кулиев, носит название «Братья». Оно написано в балладной форме с использованием рельефной сюжетной линии, диалоговых вставок и характерной нравоучительной концовки. По сюжету раненого летчика из-под артиллерийского огня спасает и, подвергая себя риску, долгие часы несет на себе кавказский горец. Когда настало время проститься, раненый интересуется национальной принадлежностью своего спасителя, на что тот отвечает: «Пусть у тебя своя семья, / А я возвращен другой семьею, / Но воспитала нас с тобою / Большая русская земля» [4; с. 36].

Такая концовка, в которой поэтизируется диалог «своей» и «чужой» культуры является достаточно характерной для балладных стихотворений многих других авторов советского периода. Идея интернациональной дружбы, воспеваемая всеми художниками советской эпохи, в годы войны приобретает особую значимость и неоднократно находит отображение в стихотворениях балладного типа. В предельных ситуациях, когда физическая жизнь человека решается на уровне «быть или не быть», как показывают авторы-балладники, человек проявляет величие духа.

«Поэтика остановленного времени» – так можно назвать художественную модель балладных стихотворений А. Кешокова военного периода. В каждом из них запечатлен победный миг человеческой души над собственной слабостью, малодушием, трусостью. Поэт словно задался целью показать, как из таких крохотных, миниатюрных побед в итоге скла-

дывалась общенародная победа.

Интересным художественным опытом кабардинского поэта-балладника является стихотворение «Белая птица надежды», написанная автором на Кубе в 1974 г. Надо сказать, что поэт очень чутко реагировал на встречу с иноземной культурой, отзываясь на нее произведениями, стилизованными под новую для него художественную действительность. На самом деле, баллада А. Кешокова «Белая птица надежды» по замыслу, по тематике, по арсеналу художественных средств типологически очень близка балладным стихотворениям кубинских поэтов Н. Гильена, Л. Наварро, П. Родригеса. Романтическая приподнятость, интонационный строй сближают его также и со стихотворениями испанца Ф. Г. Лорки.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что балладный тип стиха занимает одно из первостепенных мест в жанровой системе поэзии А. Кешокова. В качестве его основных жанрово-стилевых признаков часто выступают выраженная сюжетность, диалогизм, психологический драматизм, назидательная концовка. Все балладные типы стихов А. Кешокова могут быть подразделены на 3 основные группы: аллегорические баллады, «осколочные баллады» (выражение В.К. Чумаченко) и канонические баллады, нарочито стилизованные под образец английской (шотландской) баллады. Вслед за А. Шогенцуковым сплавлены традиции устной народной поэзии кабардинцев, эстетические принципы западно-европейского романтизма и опыт русской поэтической культуры, художественный опыт этих традиций в своей дальнейшей эволюции становится основой восприятия национального духовно-культурного пространства А. Кешокова – лирика и прозаика.

Библиографический список

1. Налоев З. Послевоенная кабардинская поэзия. Нальчик: Эльбрус, 1970. 155 с.
2. Чумаченко В. Русская поэзия второй половины XX столетия. Краснодар: Кубан. гос. ун-т культуры и искусств, 2005. с. 158.
3. Кешоков А. Собр. соч. в 6-ти томах. Т. I. Нальчик: Эльбрус, 2004. 854 с.
4. Кешоков А. Собр. соч. в 4-х т. Москва: Худож. лит., 1982. Т. 4. 494 с.
5. Липкин С. Каб. лирич. поэзия. Нальчик: Кабард. кн. изд-во, 1956. 303 с.
6. Кешоков А. Стихи и поэмы (на каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1948. 207 с.
7. Кешоков А. Стихи и поэмы (на каб. яз.). Нальчик: Эльбрус, 1956. 145 с.
8. Всадник чести: А. Кешоков. Жизнь и творчество // Сост. М. Хафицэ, Нальчик: Эльбрус, 2003. 284 с.

References

1. Naloev Z. Post-war Kabardian poetry. Nalchik: Elbrus, 1970. 155 p.
2. Chumachenko V. Russian poetry of the second half of the twentieth century. Krasnodar: Kuban. state University of Culture and Arts, 2005. p. 158.
3. Keshokov A. Collection. op. in 6 volumes. Vol. I. Nalchik: Elbrus, 2004. 854 p.
4. Keshokov A. Collection. op. in 4 volumes. Moscow: Khudozh. lit., 1982. T. 4. 494 p.
5. Lipkin S. Cab. lyrical poetry. Nalchik: Kabard. book publishing house, 1956. 303 p.
6. Keshokov A. Poems and poems (in cable language). Nalchik: Elbrus, 1948. 207 p.
7. Keshokov A. Poems and poems (in cable). Nalchik: Elbrus, 1956. 145 p.
8. Horseman of Honor: A. Keshokov. Life and creativity // Comp. M. Khafitse, Nalchik: Elbrus, 2003. 284 p.

УДК: 82

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.014

*Санкт-Петербургский государственный
Медицинский университет им.
И.И. Мечникова*
канд. филол. наук, доцент кафедры русского
языка как иностранного
Белова А.В.
Россия, Санкт-Петербург,
+79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

*St.Petersburg State
Medical University named after I.I.Mechnikov
candidate of Philology, assistant Professor,
Department of Russian as a Foreign Language*
Belova A.V.
Russia, Saint-Petersburg,
+79119447714,
e-mail: ioanna.ventina@gmail.com

А.В. Белова

ЛИЧНЫЙ ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА ЧЕХОВА В ВОСПОМИНАНИЯХ О БРАТЕ А.П. ЧЕХОВЕ

Статья посвящена исследованию отражения личности в произведениях Александра Павловича Чехова. О субъективности художественной прозы Александра Чехова неоднократно упоминалось в литературной критике. За рамками беллетристических произведений Ал.Ч. Чехову удавалось создание ярких и талантливых текстов: в форме эпистолярной, и отчасти в биографической прозе. Воспоминания Александра Павловича Чехова оформлены чаще всего в виде подробного рассказа, с диалогами, полными образных выражений героев, и практически в каждом тексте встречается упоминание и о нем самом. Везде мы находим подробные описания его чувств, ощущений и состояний при описании того или иного события. Его упоминания о себе самокритичны и искренни. В статье анализируются отрывки из воспоминаний Александра Чехова: «Антон Павлович Чехов - лавочник», «Завтра - экзамен», «В Мелихове», «В гостях у дедушки и бабушки», а также тексты его писем и дневника. О себе Александр Павлович Чехов пишет критически как о человеке вспыльчивом, ранимом, восторженном, страстном. Личный образ выписан правдиво, без прикрас. Из приведенных примеров можно увидеть, что тексты мемуаров Александра Чехова передают достаточно реальное представление о его личности. Перед нами встает образ человека доброго, тонко чувствующего, ранимого, самолюбивого, но способного к рефлексии, человека, безусловно, одаренного, яркого, и очень любящего жизнь и своих близких. Тексты воспоминаний, таким образом, как и многие его беллетристические произведения, отражают личный и, порой, очень реалистичный образ писателя.

Ключевые слова: Александр Чехов, мемуары, личность автора, личный образ.

A.V. Belova

PERSONAL IMAGE OF ALEXANDER CHEKHOV IN MEMORIES ABOUT BROTHER A.P. CHEKHOV

The article is devoted to the study of the reflection of personality in the works of Alexander Pavlovich Chekhov. The subjectivity of Alexander Chekhov's artistic prose has been repeatedly mentioned in literary criticism. Beyond the fictional works of Al.Ch. Chekhov managed to create bright and talented texts: in the form of an epistolary, and partly in biographical prose. The memoirs of Alexander Pavlovich Chekhov are most often framed in the form of a detailed story, with dialogues full of figurative expressions of the characters, and in almost every text there is a mention of him. Everywhere we find detailed descriptions of his feelings, sensations and states when describing this or that event. His references to himself are self-deprecating and sincere. The article analyzes excerpts from the memoirs of Alexander Chekhov: "Anton Pavlovich Chekhov - a shopkeeper", "Tomorrow is an exam", "In Melikhovo", "Visiting grandparents", as well as the texts of his letters and diary. Alexander Pavlovich Chekhov writes critically about himself as a hot-tempered, vulnerable, enthusiastic, passionate person. The personal image is depicted truthfully, without embellishment. From the above examples you can see that the texts of Alexander Chekhov's memoirs convey a fairly

realistic idea of his personality. Before us stands the image of a kind person, sensitive, vulnerable, proud, but capable of reflection, a person who is certainly gifted, bright, and very loving of life and his loved ones. The texts of memoirs, thus, like many of his fictional works, reflect the personal and, at times, very realistic image of the writer.

Key words: Alexander Chekhov, memoirs, author's personality, personal image.

О субъективности художественной прозы Александра Павловича неоднократно упоминалось в литературной критике, об этом «грехе» часто писал старшему брату и Антон Павлович: «Ты прекрасный стилист, много читал, много писал <...> Ты остроумен, ты реален, ты художник. За твое письмо, в котором ты описываешь молебен на палях (с геттерасовскими льдами) («молебствие по случаю окончания навигации», которое происходило «на палях», т. е. на сваях у морской пристани, было описано Ал.П. Чеховым в письме к брату Антону Павловичу от 23 ноября 1882 г. Гаттерасовские льды – из романа Жюль Верна «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» – А.Б.), будь я Богом, простил бы тебе все твои согрешения <...> Ты и в произведениях подчеркиваешь мелюзгу... А между тем ты не рожден субъективным писакой... Это не врожденное, а благоприобретенное... Отречься от благоприобретенной субъективности легко, как пить дать... Стоит быть только почестней: выбрасывать себя за борт всюду, не совать себя в герои своего романа, отречься от себя хоть на ½ часа <...> Субъективность ужасная вещь. Она нехороша уже и тем, что выдает бедного автора с руками и ногами <...> Не будь этой субъективности <...>, из тебя вышел бы художник полезнейший. Умеешь так хорошо смеяться, язвить, надсмехаться, имеешь такой кругленький слог, перенес много, видел чересчур много... Пропадает даром материал <...> [1; с. 333], «Если Александр и рожден «писакой», то именно «субъективным». Он интереснее всего, когда пишет о себе, о пережитом, прочувствованном, когда вкладывает в написанное свой опыт, свою душу, свои обстоятельства. Именно поэтому самое интересное у него – это воспоминания и мемуарно-беллетристические сочинения вроде «Неудачника» или повести «В погоне за теплом и солнцем» [1; с. 35].

Выходя за рамки беллетристики, Ал.Ч. Чехов был способен на создание ярких и талантливых текстов, прежде всего это эпистолярный, и отчасти биографическая проза. Интересно проследить, как в его мемуарах проявлялась личность писателя, формировался его личный образ.

Все воспоминания Александра Павловича Чехова написаны большей частью в беллетристической форме, с диалогами, живыми и образными выражениями героев, и в каждом тексте упоминание и о нем самом, ребенке, юноше, взрослом. Везде мы находим подробные описания его чувств, ощущений и состояний, когда он рассказывает о том или ином событии из своей жизни. Его упоминания о себе порой беспощадны и искренни. Ему веришь, и нет ощущения предвзятости автора: его ипохондрия, его мятушаяся и глубоко чувствующая душа, гордыня, склонность к алкоголизму – всё описывается реалистично, что подтверждается и воспоминаниями его близких, и его личными записями в дневнике и письмах к брату Антону Павловичу. Сравним:

из повести «Антон Павлович Чехов - лавочник»: «Антоша неудержимо плакал, а Саша обещал покончить с собою двадцатью способами сразу, но до августа все-таки дотянули» (о работе в лавке отца гимназистов Александра и Антона Чеховых на каникулах) [1; с. 96];

из рассказа «Завтра - экзамен»: «Вошел, слегка пошатываясь и корча из себя трезвого, старший брат Антона Павловича, забулдыга и хоть хороший, но очень мнительный человек.

– Антон, я к тебе за рецептом, - забасил он.

– А что у тебя?

– Печень. Должно быть, цирроз. В легких - пневмония. В спине табес дорзалис (от лат. - форма поражения нервной системы – А.Б.). В общем, скверно. Дай рецепт.

– Не пей водки много...И, если можешь, убирайся... Впрочем, погоди, что ты трескал сегодня?

– Водку и пиво. С одним приятелем стукнули. Хочешь, пойдём ко мне! Там ты меня выслушаешь и выстукаешь, но только непременно череновским молотком: в другие молотки я не верю.

– У тебя никого нет?

– Н-ни д-души!..

Антон Павлович на секунду задумался.

– Так вот что. Забудь свою печень, которая не болит...

– Верно. Я только боюсь, что может заболеть.

– Молчи. Итак, говорю, забудь свою печень, выпей еще бутылку пива и ложись спать.

А я поеду с тобой, чтобы проследить твой пульс. У тебя и заночую. Керосин есть? Ну и ладно. Потогонного принимать не надо. Впрочем, я за тобою присмотрю. Едем.

Все домашние выспали уговаривать Антона Павловича остаться. Но он по необъяснимой для них причине предпочел общество пьяного брата и уехал к нему выпить еще пива, захватив с собою лекции» [1; с. 232];

из повести «В Мелихове»: «Как от тебя, Саша, вином пахнет, – с легкой укоризной произнесла мать.

– Это я в Лопасне у француженки рюмочку финьшампани выпил», «На следующий день около полудня мы с братом остались наедине и сидели в саду на скамеечке. Брат поживался, грелся на солнышке и как-то скорбно смотрел на окружающее.

– Не хочется что-то ни сеять, ни садить, и в будущее вперед заглядывать не хочется, – заговорил он.

– Полно, пустяки. Это мерехлюндия, – утешил я, сознавая, что говорю банальность.

– Вот что <...> – Он перечислил свое словесное духовное завещание и закончил словами:

– Так помни же. Ты старший брат...

Тяжело мне было слушать это. Кругом все цело, радовалось, жило и благоухало, а тут врач, ясно сознающий свой недуг, – врач, которого не обманешь никакими софизмами, – читает себе отходную... Не дай Бог никому переживать такие моменты...» [1; с. 244].

И вот выдержка из письма Ал.П. Чехова о страданиях маленькой дочери и ее кончине: «Сегодня девятые, должно быть сутки, как весь мир и вся вселенная сосредоточились для меня в маленькой кроватке...Зачем нам, бедным слабым людям, даны такие дивные проводники, как нервы? Мы недостойны их. Наш дух-правитель слабее проводящих его нитей...Извини за белиберду. Прочти ее как характеристику моей страждущей отеческой хари» [1; с. 357], «Что я испытал...Допишу после. Нет сил. Внутри и вне меня все кричит одно: «Мося! Мося! И Мося!..» [1; с.358].

В отношении личного образа Александра Чехова в воспоминаниях о брате Антоне Павловиче нельзя не упомянуть и повесть «В гостях у дедушки и бабушки». Уже не раз приводились в пример удивительные параллели в этом произведении и в повестях «Степь» и «Полтораста верст» (см. статьи А.В. Беловой «Кто скрывался под псевдонимом А. Богемский?» и «Природа псевдонимов Александра Павловича Чехова»). Действительно, в текстах повести А. П. Чехова «Степь» и повести Александра Чехова «В гостях у дедушки и бабушки» встречаются почти дословные совпадения образов, похожее строение фраз, общий тон. Но это, скорее всего, не подражание, а воспроизведение детских воспоминаний Антоши и Саши Чеховых [2; с. 10].

Текст воспоминаний о летней поездке в слободу к дедушке и бабушке также наполнен личными оценками Саши Чехова, в его описании этого приключения отражены его личное восприятие себя и младшего брата Антона Чехова, родных, природы. Мемуары опубликованы в 1912 году, но автору удается воссоздать атмосферу восприятия подростка: словечки, поступки, эмоции. Это не просто детальный пересказ фактов, а увлекательный рассказ о путешествии, наполненном множеством новых впечатлений и потрясений для юного сердца.

О себе Александр Павлович пишет критически как о человеке самолюбивом, вспыльчивом, ранимом, восторженном, страстном. Образ Саши выписан правдиво, без прикрас:

«Я вертелся на одной ноге и бессмысленно, бессчетное число раз повторял: - Едем в Крепкую!» [1; с.102-103]; «Я сам страшно волновался и испытывал ощущения человека, которого приговорили к наказанию, но могут и простить; состояние довольно жуткое - в душе и надежда, и страх» [1; с.102]; «Антоша побледнел. И я тоже струхнул. А что, если и в самом деле два пьяных скота вздумают в ход лозу?! Меня взорвало. Пьяная физиономия машиниста показалась мне противной, и я крикнул: - Хорошо же! После этого мы расскажем не только дедушке с бабушкой» [1; с.122]; «Мне стало стыдно за нашу бесполезную жестокость» [1; с.140]; «Я остался один со своею безотрадною скукою» [с. 143]; «Ночь была тиха, пленительна тиха» [1; с. 143]; «Но чу! Я даже вздрогнул. Произошло что-то волшебное. Из-за реки вдруг донеслась нежная, грустная песня <...> Выходило что-то дивное <...> в песне слышалось безмятежное счастье... Я невольно окаменел и заслушался [1; с.143-144].

Сравним с отрывками из писем: «Горы - чуть-чуть видны. При восходе солнца они будут чудо как хороши с своими облаками на вершинах <...> Дышится легко и свободно, во всю грудь. Одним словом, такая идиллия» [1; с. 384]; «В те времена я был смешон и глуп» [с.163], сравним с высказываниями Александра Чехова о себе из писем к брату Антону Павловичу: «На днях он возмутил меня до глубины души» [1; с.281]; «Главная беда, усугубляющая в 100 раз страдания, - это невозможность ни читать, ни писать. На службе не бываю и потому обретаюсь в страсотерпном унынии» [1; с. 320], «Ты знал меня до сих пор как человека, делающего не то, что нужно. Я остался таким же и до сего дня» [1; с. 386], «Я мучился ужасно» [1; с. 391] и т. п.

Если обратиться к текстам воспоминаний об Александре Павловиче, написанных его близкими, то можно убедиться, что о себе в мемуарах он пишет вполне правдиво.

Из воспоминаний сына Михаила Чехова: «В моем отце жил дух протеста против общественных устоев того времени. Но и этот протест выражался в нем своеобразно и носил характер бунтарства. Он подавал, например, демонстративно на улице руку городовому, чтобы тем вызвать возмущение и негодование сильных мира сего, а к высокопоставленным лицам ездил в костюме, совершенно для этого неподходящем», «Он рассказывал мне много удивительных вещей, причем рассказы его становились неотразимо увлекательны. Он умел писать и говорить просто, сильно, красочно, умно, завлекательно и, когда нужно, – остроумно» [4; с.14].

Из воспоминаний племянницы Александра Чехова Е.М. Чеховой: «Я стала получать веселые, остроумные письма с подробным отчетом о том, где он был и что видел. Начинались они неизменно так: «Дорогая Женька!» – и заканчивались: «Твой поганый дядька Сашка» – шутливое самоуничижение» [3; с. 588]. Ср.: «забудыга», «глупое поведение», «говоряю ужасные нелепости», «я был смешон и глуп» (Ал.П. Чехов о себе) и т.п.

В воспоминаниях Михаила Павловича мы также находим похожие описания аналогичного путешествия к родне в слободу. Вот как он пишет о нем (поездка в Криничку и Княжью к дедушке и бабушке летом 1872-го года - А.Б.): «Я помню об одной далекой поездке, которую организовали для нас родители, - это путешествие в слободу Криничку, за 70 верст от Таганрога» [3; с. 25].

Вообще о поездке в Княжью Михаил Чехов вспоминает мельком, не вдаваясь в подробности поездки и уж тем более не описывая долгий путь в 70 км до слободы Крепкой и далее 20 км до Княжей: мы не встретим в этих мемуарах ни описания степи, ни характеристик возницы, ни встретившихся на пути людей, ни диалогов отца и матери. У Михаила Павловича - немногословие, сухое перечисление событий. Это скорее дневниковые заметки, которые напоминают стиль «мелиховского летописца» Павла Егоровича, лаконичные, безэмоциональные, иногда благолепные («Павел Чехов уехал в С.Петербург», «Жасмин расцвел. Бла-

гоухание!» и т.п. От всего описания поездки в памяти остается только одна фраза Михаила Чехова: «Простор и полная безответственность делали наше пребывание в Княжей счастливым» [3; с. 169].

У брата Михаила Павловича образ подростка Александра Чехова выписан в его воспоминаниях довольно блекло и скудно: «Старший брат, Александр, клеил себе из сахарной бумаги шляпу с широкими полями» [3; с. 168], «Александр кричал, сколько хватало у него сил», «Не успели приехать и остановиться у какого-то крестьянина, как Александр и Антон уже достали откуда-то бредень и пошли на реку ловить рыбу»; и позже: «Старший брат, Александр, в это время уже не принимал участия в совместной жизни семьи. Он считался уже большим, жил на стороне, у директора гимназии, а затем кончил курс, уехал в Москву и с тех пор (с 1875) не возвращался в семью уже никогда <...> Антон стал теперь старшим и пользовался наибольшим авторитетом» [3; с. 171].

В противоположность Михаилу Павловичу повествование Александра Павловича очень подробное, изложенное в беллетристической форме, здесь ярко описаны и пейзаж, и герои, которые говорят живо и эмоционально. Образы маленьких братьев-путешественников натуралистичны, можно без труда нарисовать в воображении картинку их дорожного приключения.

Сравним:

Михаил Чехов

«Дедушка и бабушка жили в простой хатке, выстроенной ими специально для себя рядом с большим барским домом, так как дедушка не пожелал жить в «хоромах» [3; с.27]

«Дом целыми десятилетиями оставался необитаем» [3; с.27]

«Княжая представляла собою заброшенную

Александр Чехов

«Когда дедушку из Крепкой перевели в Княжую, то ему и бабушке пришлось поселиться в пустом барском доме. Но их обоих угнетал простор больших комнат, и приличная, мягкая заграничная мебель пришлась им не по вкусу.
- А ну их к бесу! - говаривал дедушка, глядя на венское кресло-качалку. - Стул не стул, санки не санки, а так, черт знает что. Или вот, - сердился он на вольтеровское кресло, - плюхнул в него и пропал в нем: совсем человека не видно...Господа с жиру бесятся... Делать им нечего.
Больших комнат старики не любили потому, что анфилады их вселяли в них суеверный страх.
- Тут слово скажешь или крикнешь, а оно из пятой комнаты тебе отзывается...
- Кто это «оно», дедушка?
- Известно кто: домовый, либо нечистая сила <...> Ввиду этого Егор Михайлович выпросил у графини позволение построить для себя жилище по своему вкусу и выстроил тут же, рядом с барскими хоромами, маленькую хатку с двумя крохотными низенькими комнатками. Очутившись в привычной тесноте и духоте, оба старика почувствовали себя привольно и хорошо, как рыба в воде» [1; с. 133-134]
«Барский дом пустовал и всегда был на запоре» [1; с. 133]
«Перед барским домом расстилался густо

барскую усадьбу с большим фруктовым садом при реке» [3; с.27]

заросший травой и бурьяном большой двор, с одной стороны которого стояла конюшня, с другой - амбар; посередине - колодец с журавлем и недалеко от него, на двух крепких столбах, голубятня <...> Самая слобода спряталась где-то в овраге <...> Сад был давно запущен. Дорожки густо заросли травой и были еле-еле заметны <...> Немножко левее блеснула река <...> Речка была типичная степная с песчаными берегами. Кое-где росли и шептались камыши» [1; с. 135-136]

«Александр и Антон уже достали откуда-то бредень и пошли на реку ловить рыбу» [3; с.26-27]

«Как называется эта речка?
- Крепкая <...>
- А рыба в ней есть?
- Есть, только мелкая. Наши парубки бреднем ловят. Уха бывает хорошая. Местами и раки есть.
- А можно бредень достать?
- В слободе можно. У кривого Захара целых два бредня есть. Он даст» [1; с. 137]

«Мать, Евгения Яковлевна, конечно, напекла и наварила всякой снеди на дорогу» [3; с.26]

«Вышла и мать<...> – Вы еще не уехали?
<...> Передала вам няня Аксиныя Степановна узелки: один с едою, а другой с бельем?» [1; с. 104]

Кстати, при сравнении описания обстановки барского дома с описанием квартиры Александра Чехова в Петербурге можно заметить похожесть слога как отражение, возможно, личных представлений о благоустроенном жилье (в письмах к брату Антону Павловичу находим упоминание о том, что это пятикомнатная квартира. В ней проживали вместе с Александром Павловичем его жена Наталья Александровна, теща, трое сыновей, прислуга): «Есть мягкая мебель, бархатный диван и прочие удобства, добытые упорным честным трудом» (из письма Александра Чехова от 7 июня 1899 года) [1; с. 822].

Именно в повести «В гостях у бабушки и дедушки» отражена тема старшинства, которая для Александра Чехова всю жизнь оставалась довольно болезненной: «Однажды Александр Чехов принес в редакцию «Сына Отечества» какой-то только что вышедший словарь и показывая его мне, с комически обиженным видом заявил:

- Ну, Вы посмотрите, какая каналья тут обо мне написала... Ведь в словарях полагается ставить людей по строгому алфавиту, а он поместил Антона впереди меня, Александра, да еще, говоря обо мне, пишет: «брат предыдущего»... я и старше моего брата, и по алфавиту должен стоять раньше, т. е. предыдущим-то должен быть я, а вовсе не Антон... Говорилось это, разумеется, шутя. Александр Павлович относился к своему брату без всякой зависти, любя его и признавая превосходство его таланта... Но тем не менее в глубине души Александру оставалось неприятным чувство сознания того, что в глазах всех он, Александр, как бы не представлялся самостоятельной величиной... Разумеется, это чувство скрывалось... быть может и от себя самого» [5; с. 1–5].

«Везде только и слышишь рекомендации: «Это, имею честь представить, брат того Чехова, который в «Новом времени» пишет». Черт бы тебя побрал! Хоть бы уж по родителям почитали, а то - по младшему брату!» [1; с. 410], «Я – брат того Чехова, который и т. д., словом, твой брат. Все и везде меня представляют, рекомендуют и знакомят именно под

этим титулом. Индивидуальность моя пропала. Менелай – муж царицы, а я – брат Антона», – писал Александр Павлович 16-го января 1887-го года [1; с. 418] и т.п.

И еще приведем выдержки из его письма к брату Антону Чехову: «Я припоминаю тебя в приготовительном классе, помню, как мы с тобою оставались хозяевами отцовской лавки, когда он уезжал с матерью в Москву, и в конце концов останавливаюсь на тарсаковской лавке <...> Тут впервые проявился твой самостоятельный характер, мое влияние, как старшего по принципу, начало исчезать. Как я не был глуп тогда, но я начинал это чувствовать. По логике тогдашнего возраста я, для того чтобы снова покорить тебя себе, огрел тебя жестяночкой по голове. Ты, вероятно, помнишь это. Ты ушел из лавки и отправился к отцу. Я ждал сильной порки, но через несколько часов ты величественно в сопровождении Гаврюшки прошел мимо дверей моей лавки с каким-то поручением фатера и умышленно не взглянул на меня. Я долго смотрел тебе вслед, когда ты удалялся и, сам не знаю почему, заплакал». Помню, как мы вместе шли, кажется по Знаменке (не знаю наверное). Я был в цилиндре и старался как можно более, будучи студентом, выиграть в твоих глазах <...> Ты со сдержанным упреком сказал мне: «Ты все еще такой же ашара, как и был». Я не понял тогда и принял это за похвалу» [1; с. 395].

Именно об этом письме Антон Павлович напишет: «Твое поздравительное письмо чертовский, анафемски, идольски художественно. Пойми, что если бы ты писал так рассказы, как пишешь письма, то ты давно бы уже был великим, большущим человеком» [1; с. 397].

В повести «В гостях у дедушки и бабушки» Александр Павлович обнаруживает это свое особое отношение к старшинству не раз: «Ученику пятого класса, каким я гордо считал себя в то время, не годилось, конечно, объявлять о предстоящей поездке так просто и так детски наивно. Поэтому я, напустив на себя серьезность, начинал речь с гимназистами и с товарищами по классу не иначе как словами: «Я, кажется, скоро ненадолго уеду из Таганрога» [1; с. 98-99], «Мне показалось обидным, что этот господин так бесцеремонно зачислил меня, ученика пятого класса, в разряд детей, но я поборол самую «оказию», от которой зависела, быть может, наша предполагаемая поездка» [1; с. 101]; «Верх взял, конечно, я, как старший и сильнейший» [1; с. 110]; «Я почувствовал страшную неловкость. Перед отъездом нам было приказано взять с собою наши драповые серые гимназические пальто; мать даже выложила их в столовой на самое видное место и несколько раз повторяла мне, как старшему, чтобы я их не забыл. Но в момент отъезда, за прощаниями и за суতোлкой, я совсем забыл исполнить это приказание, и наши пальто так и остались в столовой» [1; с. 115]; «Антоша увяз ногою в корягах и поднял рев. Я страшно испугался, но мне кое-как удалось высвободить его» [1; с. 121]; «Я ученик пятого класса и благородный человек. Я не унижусь до доноса» [1; с. 125], «Чтобы оправдать свое глупое поведение в глазах брата, я наклонился к нему и шепнул: – Это была моя месть. Я отомстил... Но Антоша поглядел на меня такими глазами, что мне стало стыдно. Но чтобы не уронить свой авторитет, я принял небрежную позу и произнес: – Ты ничего не понимаешь,.. Ты глуп» [1; с. 128]; из той же повести – Антон Павлович: «Ты, Саша, тогда был страшно глуп, а я детски наивен, но я с удовольствием вспоминаю эту поездку», – говорил мне брат незадолго до своей последней поездки за границу в Баденвейлер» [1; с. 163].

Еще одна тема, всю жизнь волновавшая Александра Чехова, тоже отражена в этом тексте воспоминаний – тема свободы: «Я помнил эту обиду и теперь; но что стоит какая-нибудь ничтожная размолвка в сравнении с веселой поездкой, с сознанием того, что ты свободен, что ты принадлежишь самому себе и что не нужно сидеть в лавке! За это всё можно было простить...» [1; с. 102], и там же: «Отчего нельзя ехать по степи всю жизнь, до самой смерти, не зная ни забот, ни латыни, ни греческого, ни проклятой алгебры, огорчавшей меня всегда одними только двойками?» [1; с. 108].

Сравним с отрывком из письма: «Пишу я тебе эту белиберду, и в то же время мне думается: почему я, человек университетский и т. д.... не свободен? Почему я должен зависеть от управляющего, Лейкина и экзекутора?» [1, с. 379]; и с отрывком из его дневника: «Когда

Анны Ивановны (первой жены Ал.П. Чехова – А.Б.) не было в доме, «Я был свободен!», – пишет он в своем дневнике. «Для человека, связанного вопросами: Куда идешь? Зачем идешь? Когда придешь? ... Не приходи, пожалуйста, пьян и т.д. ... отсутствие жены хоть на два часа составляет целое благоденствие... Сознание, одно сознание возможности свободы, сделало меня счастливым» [6; с. 241].

Как можно увидеть из приведенных примеров, тексты мемуаров Александра Чехова передают достаточно реальное представление о его личности. Перед нами встает образ человека доброго, тонко чувствующего, ранимого, самолюбивого, но способного к рефлексии, и даже покаянию, человека безусловно одаренного, яркого и очень любящего жизнь и своих близких. Тексты воспоминаний, таким образом, как и многие его беллетристические произведения, отражают личный, и порой, очень реалистичный образ писателя.

Библиографический список

1. Александр и Антон Чеховы. Воспоминания. Переписка // Под ред И. Н. Сухих. Сост., подг. текста и коммент. Гушанской, И. С. Кузьмичева. М.: «Захаров», 2012. 960 с.
2. Белова А. В..Александр Чехов. Брат знаменитого писателя / А. В. Белова. Казань : Бук, 2022. 130 с.
3. Вокруг Чехова. Сост. М. Сахарова. М.: Правда, 1990. 671 с.
4. Чехов М.А. Путь актёра: Жизнь и встречи. М.: Издательство АСТ, 2019. 352 с.
5. Хирьяков А. М. Брат предыдущего. Ф 2540 оп.1 ед.хр. 64 (архив Чехова С. М. Перепеч. из ж. «Солнце России». 1913). Москва, РГАЛИ.
6. Смирнов А. В. Таможенник Чехов (служба в Санкт-Петербургской сухопутной таможне и Новороссийской таможне). Ученые записки СПб филиала РТА. № 3 (37). 2010. С. 240-259.

References

1. Alexander and Anton Chekhov. Memories. Correspondence // Edited by I. N. Sukhikh. Comp., preparation of text and commentary. eat. Gushanskaya, I. S. Kuzmichev. M.: “Zakharov”, 2012. 960 p.
2. Belova A.V..Alexander Chekhov. Brother of the famous writer / A. V. Belov. Kazan: Buk, 2022. 130 p.
3. Around Chekhov. Comp. M. Sakharov. M.: Pravda, 1990. 671 p.
4. Chekhov M. A. The actor’s path: Life and meetings. M.: AST Publishing House, 2019. 352 pp.
5. Khiryakov A. M. Brother of the previous one. F 2540 op.1 storage unit 64 (archive of Chekhov S.M. Reprint from the magazine “Sun of Russia”. 1913). Moscow, RGALI.
6. Smirnov A.V. Customs officer Chekhov (service in St. Petersburg land customs and Novorossiysk customs). Scientific notes of the St. Petersburg branch of the RTA. No. 3 (37). 2010. pp. 240-259.

УДК 82.0

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.015

*Воронежский государственный
технический университет
Канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Воронова Т.А.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD in Philology , associate professor
Voronova T.A.
Russia, Voronezh,
tel. +7(910)347-38-37
e-mail: invisible2editor@gmail.com*

*Воронежский институт экономики и со-
циального управления
Канд. филос. наук,
доцент кафедры психологии
и социально-гуманитарных дисциплин
Белогубова Е.В.
Россия, г. Воронеж
e-mail: belogubova.lena@yandex.ru*

*Voronezh Institution of Economics
and Social Management
The chair of psychology and social studies
PhD in Philosophy ,
associate professor
Belogubova E.V.
Russia, Voronezh,
e-mail: belogubova.lena@yandex.ru*

Т.А. Воронова, Е.В. Белогубова

ОСОБЕННОСТИ ВЫМЫШЛЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖАНРА ФЭНТЕЗИ

В данной статье анализируются и классифицируются произведения жанра фэнтези с точки зрения организации гипотетического (фэнтезийного) пространства. Авторами высказывается мнение о том, что именно «условное пространство», вымышленный мир, создаваемый писателем, дает произведению право на отнесение к жанру фэнтези (к примеру, произведения А.С. Грина); фантастический компонент при этом может отсутствовать. Один из элементов конструирования гипотетического пространства в фэнтези – это его «местоположение относительно нашей реальности». С точки зрения «взаимодействия» реального и условно-вымышленного пространства все произведения в жанре фэнтези можно разделить на несколько видов: 1) произведения, сюжет которых полностью разворачивается в рамках «гипотетического» пространства, которое не пересекается с реалистическим; это может быть вымышленная вселенная, прорисованная в деталях, или некое «условное пространство в условном времени»; 2) произведения, в которых фэнтезийное пространство соседствует с реальным; они разграничены и в то же время связаны между собой, при этом вымышленное пространство обладает особыми свойствами, в нем присутствует фантастический элемент и иногда особые временные характеристики; 3) произведения, в которых пространство условное переплетено с реалистическим и сосуществует с ним, являясь как бы его частью, а видимое разграничение между двумя мирами отсутствует. В статье упоминаются и рассматриваются произведения классиков отечественных и зарубежных представителей жанра: А.С. Грина, К.С. Льюиса, Д.Р.Р. Толкиена, Дж. Роулинг, А.М. Волкова, Р. Говарда, Дж. Макдональда, М. Семенович, Кр. Стасема и др.

Ключевые слова: фэнтези, реальное пространство, вымышленное пространство, время, действие, сюжет, жанр, фантастический элемент.

T.A. Voronova, E.V. Belogubova

THE SPECIFICITY OF THE FICTION SPACE IN THE WORKS OF FANTASY GENRE

This article analyzes and classifies works of the fantasy genre from the point of view of the organization of a hypothetical (fantasy) space. The authors express the opinion that it is the "conditional space", the fictional world created by the writer, that gives the work the right to be classified as a fantasy genre (for example, the works of A.S. Green); the fantastic component may be absent. One of the elements of constructing a hypothetical space in fantasy is its "location relative to our reality." From the point of view of the "interaction" of real and conditionally fictional space, all works in the fantasy genre can be divided into several types: 1) works whose plot is developed completely within the framework of a "hypothetical" space that does not intersect with a realistic one; this may be a fictional universe drawn in detail, or some kind of "conditional space in conditional time"; 2) works in which the fantasy space is joined with the real one; they are bordered and at the same time interconnected, while the fictional space has special properties, it has a fantastic element and sometimes special temporal characteristics; 3) works in which the conventional space is intertwined with the realistic and coexists with it, being a part of it; there is no visible distinction between the two worlds. The article mentions and examines the works of classics of domestic and foreign representatives of the genre: A.S. Green, K.S. Lewis, D.R.R. Tolkien, J. Rowling, A.M. Volkov, R. Howard, G. MacDonald, M. Semenova, Kr. Stashem, etc.

Key words: fantasy, realistic space, fiction space, time, action, plot, genre, fantastic component.

Жанр фэнтези, зародившийся, по общепринятому в литературоведении мнению, во 2-й половине XX века и не теряющий популярности по сей день, до сих пор вызывает споры относительно того, какие именно произведения следует отнести к данному жанру и считать ли его жанром вообще. Так, некоторые исследователи наряду с термином «жанр» употребляет такие определения, как «явление», «направление», «течение»: «Фэнтези можно назвать течением в рамках фантастической литературы» [1].

Среди многочисленных черт, определяющих данное литературное явление во всем его многообразии, особо следует выделить, на наш взгляд, именно «конструирование» автором «вторичного, вымышленного мира»; при этом «фэнтези не стремится объяснить мир, в котором происходит действие ... сам этот мир существует гипотетически, часто его местоположение относительно нашей реальности никак не оговаривается <...>, а его физические законы могут отличаться от земных» [2]. Подобную точку зрения высказывает в своем исследовании и В.В. Шумко (цитируя в свою очередь В. Гочарова): «Фэнтези – жанр фантастики, где действие происходит в мирах со средневековым антуражем и нетехнологической психологией... Пространственно это параллельные миры, другая планета, посткатастрофное будущее или собственно фэнтезийная, выдуманная земля» [3, с. 14].

В данной статье мы высказываем несколько новаторскую точку зрения, а именно: создание автором вымышленного мира, особого фэнтезийного пространства (причем не обязательно в средневековом антураже) не только делает фэнтези в каком-то смысле противоположным реалистическому направлению в литературе, но и позволяет увидеть черты данного жанра в тех произведениях, которые обычно не относятся литературоведами к фэнтези. В рамках настоящего исследования такая квалификация носит несколько условный, гипотетический характер; однако исследователи жанра также полагают, что сведение фэнтези только к классической формуле «меч и магия» – подход чересчур узкий. Кроме того, такие разновидности жанра, как фэнтезийная повесть и фэнтезийный рассказ, далеко не всегда могут соответствовать подобной схеме; известен также термин «низкое фэнтези», подразумевающий малое количество магических и вообще фантастических элементов в произведении данного направления.

Учитывая всё вышесказанное и обозначив «условное пространство» как одну из констант жанра фэнтези, мы можем в определенном смысле отнести к упомянутому жанру некоторые произведения Александра Грина («Алые паруса», «Бегущая по волнам», «Блистающий мир», «Золотая цепь» и др.), в которых, помимо наличия фантастических элементов, дейст-

вие разворачивается в выдуманной стране с подробно разработанной географией, которая позже получила у литературных критиков название «Гринландия». Примечательно, что ряд произведений, в том числе и о «Гринландии» (сам писатель это вымышленное пространство не именуется никак), был издан в 1934 году, уже после смерти Грина, под характерным заголовком – «Фантастические новеллы». Жанр самой известной новеллы – «Алые паруса» – Грин определил как «феерию»: для сказки данное произведение слишком реалистично и проработано в деталях, однако просто «повестью» его тоже назвать нельзя – именно в силу того, что действие происходит в некоем условном пространстве, которое не обозначено ни на одной географической карте. Возможно, термины «феерия» и «фэнтезийная повесть» в данном случае синонимичны, с той лишь разницей, что второй из них на момент создания «Алых парусов» еще не существовал [4].

К жанру фэнтези можно отнести и рассказы Т. Вороновой, одного из авторов настоящей статьи: «Нас двое» [5], «Зрячая» [6], «Живое полотно» [7], «Колокольчик прокаженно-го» [8]; не случайно на тех ресурсах, где размещены эти произведения, они включены именно в раздел «Фантастика/Фэнтези». Изображаемое в них время действительно напоминает некое «условное средневековье»; фантастический элемент по-настоящему проявляется только в первом и втором из упомянутых рассказов, в третьем он несколько размыт, в последнем просто отсутствует; однако объединяет все рассказы и оправдывает их отнесение к жанру фэнтези именно условное пространство, некая страна или город, которые, в традициях А. Грина, остаются неназванными и населены героями, носящими «квази-иностранные» имена [4].

Наконец, именно конструирование автором гипотетического пространства, в котором действуют иные (магические) законы, позволяет отнести классические произведения для детей, традиционно квалифицируемые как «авторская волшебная сказка», к жанру фэнтези – а именно «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса и цикл повестей А.М. Волкова об Изумрудном городе. В частности, сближение и синонимизацию этих жанров мы находим в исследованиях Е.В. Белогубовой: «Жанр волшебной сказки, или, как его чаще называют, фэнтези, приобрел огромную популярность, составляя любопытный контраст с общим иронично-прагматичным духом эпохи» [9, с. 22]; «Фэнтези является прямым потомком авторской волшебной сказки» [10, с. 284]. Той же точки зрения придерживается и М. Кравцова: «Фэнтези отличается от сказки именно тщательной прорисовкой мира, в котором происходит действие... Именно поэтому цикл К.С. Льюиса «Хроники Нарнии», который по сюжету и стилистике более близок к сказке, иногда называют «великолепной фэнтези» [11, с. 113]. Опираясь на приведенные цитаты, мы включаем упомянутые произведения в материал для анализа.

Один из элементов конструирования гипотетического пространства в фэнтези – это его «местоположение относительно нашей реальности» [2], взаимодействие в произведении двух пространств – фантастического и реалистического. Именно этот элемент находится в центре внимания авторов данного исследования.

С точки зрения «взаимодействия пространств» все произведения в жанре фэнтези можно разделить на несколько видов.

1) Произведения, сюжет которых полностью разворачивается в рамках «гипотетического», «фэнтезийного» пространства, не имеющего никаких точек пересечения с реалистическим. В свою очередь, такое пространство может представлять собой вымышленную страну или вселенную с подробно разработанной историей и географией (Средиземье в трилогии Д.Р.Р. Толкиена «Властелин Колец»; Земноморье в тетралогии У. Ле Гуин; мир «Ведьмака» в произведениях А. Сапковского; мир, описываемый в цикле романов М. Семенович «Волкодав») или же некое «условное пространство в условном времени», детали которого прорисованы лишь частично (рассказы Т. Вороновой).

В ряде фэнтезийных романов такого рода действие может переноситься в квази-историческое пространство и время, в некое «псевдопрошлое», которое не имеет ничего общего с реальной историей и скорее приближается к легендарному, мифологическому. Так, в

цикле Р. Говарда о Конане-варваре действие происходит в Киммерии, однако это название носит условный характер: автором не изображена историческая область в Крыму, а всего лишь позаимствован реальный топоним для обозначения вымышленной территории. К произведениям указанного типа можно отнести и некоторые романы в стиле «славянского фэнтези».

Однако создание вымышленного мира нередко представляет собой попытку автора переосмыслить реальную действительность и свои жизненные впечатления: к примеру, трилогия «Властелин колец» во многом отражает опыт, полученный Толкиеном во время Первой мировой войны. По словам Е.В. Белогубовой, «нарисованный мир» – это картина нашего мира, его образная, многомерная и многоплановая проекция» [9, с. 25]. «Подлинную реальность художественный космос приобретает, только будучи отражением реального мира... «Иные вселенные», сошедшие со страниц книг, так же причастны реальности, как платоновский «мир вещей», существующий лишь постольку, поскольку является слепком с идеального прообраза» [10, с. 291]. Аналогичные мысли находим и в авторском комментарии – например, к рассказу «Зрячая»: «Все совпадения с текущими (на тот момент) и грядущими (возможно) событиями случайными не являются» [12].

2) Ко второй группе произведений следует отнести такую классику жанра фэнтези, как: «Хроники Нарнии» К.С. Льюиса, шестикнижие А.М. Волкова об Изумрудном городе, цикл романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере, цикл романов Кристофера Сташема «Маг», а также роман «Лилит» Дж. Макдональда, мотивы и приемы которого отчасти позаимствовал и развил К.С. Льюис, считавший Макдональда своим литературным предшественником и учителем.

Данные произведения отличаются прежде всего тем, что реальное пространство в них соседствует с фэнтезийным; и хотя они мало пересекаются, между ними существует очевидная связь. Сюжет в упомянутых романах и циклах завязывается именно в пространстве реальности: так, «Волшебник Изумрудного города» открывается описанием степей Канзаса и быта мелких американских фермеров; нарнийские сцены у К.С. Льюиса перемежаются лондонскими, в которые вплетается исторический фон – Вторая мировая война; начало романа «Лилит» вводит читателя в семейную историю и повседневную жизнь главного героя и т.д. Однако реалистическое пространство является лишь обрамлением основного сюжета, который разворачивается в пространстве фэнтезийном, и поворотной точкой произведения служит момент проникновения героев из одного пространства в другое, пересечение границы между двумя мирами.

Отметим, что фэнтезийное пространство может иметь разный характер по отношению к миру реальному: оно либо «встроено» в него, является в какой-то мере его частью, однако труднодоступно и/или открыто не всем (Волков, Роулинг); либо это параллельный мир, достичь которого можно только при помощи магических средств (Льюис, Макдональд, Сташем). Здесь важно отметить именно наличие такой границы, магической или же материальной, как в повестях Волкова, где Волшебная страна отделена от американского континента горами и пустыней, а герои попадают в нее достаточно реалистичным способом (хотя и не без примеси фантастического элемента). Тот же прием использует и Дж. Роулинг, отправляя своего героя в волшебную школу просто на поезде.

У прочих авторов для пересечения границы между мирами требуется магический предмет (кольцо, шкаф, картина, зеркало) или действие особого рода (заклинание, обращение к высшим силам, желание героя попасть в иной мир или же его смерть в реальном мире). Причем «обратное пересечение границы» может стать для героя затруднительным; иногда он даже связывает свою судьбу с фэнтезийным пространством, оставаясь в нем по доброй воле. Отметим также, что «магическая граница» не всегда может оказаться прозрачной и постоянно доступной: так, в цикле «Хроники Нарнии» герои никогда не попадают в иной мир одним и тем же способом (в этом – принципиальное отличие от цикла повестей А.М. Волкова).

Свойства и характер самого вымышленного пространства также различаются – это может быть чисто фантастический мир (Волков, Льюис, Макгрегор) или альтернативно-историческое пространство (Сташем), однако объединяет их одно: здесь действуют иные законы, отличные от нашего мира. На первый план выходят именно магические, фантастические элементы: герои способны воздействовать на окружающий мир с помощью стихотворного текста, животные обретают дар речи и т.д. Характерно, что фантастическое пространство распространяет свои свойства и на «пришельцев» из реального мира: лондонская извозчицья лошадь становится прародительницей говорящих крылатых лошадей; воздух Нарнии особому действует на детей, придавая им силу взрослых; пересекая границу Волшебной страны, животные (в т.ч. искусственно созданные) становятся говорящими и т.д. Возможна и обратная метаморфоза: попадая в реальный мир, животные в повестях Волкова вновь теряют способность говорить; королева Ядис, оказавшись в Лондоне (едва ли не единственный случай такого «попаданства» у Льюиса), сохраняет необычайную физическую силу, но теряет магическую и уже не может воздействовать на материальные предметы с помощью заклинаний; яблоко из заветного сада может врачевать болезни, но не дает бессмертия и т.д. Иными словами, мы видим, что эти необычные свойства и способности героев и вещей связаны с самим фэнтезийным пространством, являются его «производной».

Отдельно следует оговорить и то, что главные персонажи названных произведений являются представителями реального мира и психологически существуют как бы в двух измерениях одновременно: фантастическое пространство не стирает из их памяти пространства реального, к которому они периодически возвращаются в воспоминаниях и разговорах. Показателен в этом отношении диалог Юстаса и Джилл, в котором они обсуждают, что произойдет с ними в *их* мире, если в Нарнии они будут убиты. Аналогичным образом, при возвращении в реальный мир герои сохраняют в памяти подробности пребывания в мире фэнтезийном.

Отдельный вопрос – протекание *времени* в пространстве реальном и фэнтезийном. У большинства авторов оно идет одинаково: герой попадает в фэнтезийное пространство на тот промежуток времени, в течение которого он отсутствует в мире реальном. Единственное и яркое исключение – «нарнийское время» у Льюиса, которое тотально не совпадает с «нашим»: несколько часов, лет и даже веков в нарнийском пространстве могут быть равны одной минуте «нашего времени». (Заметим в скобках, что это свойство времени характерно только для Нарнии: Чарн и Лес-между-мирами им не обладают.) Таким образом, длительное (по нарнийским меркам) отсутствие героев в реальном мире практически не ощущается. Более того, время и законы материи в нарнийском пространстве в определенном смысле *обратимы*: так, братья и сестры Певенси, будучи взрослыми людьми и правя Нарнией много лет, при пересечении границы двух миров (через волшебный шкаф) снова становятся детьми и утрачивают ранее приобретенные умения.

Можно предположить, что здесь Льюис отчасти развивает ту же концепцию времени, что была намечена еще Дж. Макдональдом в романе «Лилит»: «В нашем доме годы не имеют никакого значения. Мы не следим за временем» [13, с. 285]; «Мне снилось, как времена сменяют друг друга, но, по-моему, на самом деле то было торжественное, бесконечное шествие единого мгновения, в чреве которого таилась вечность» [13, с. 288]. Нельзя не отметить, что слияние двух пространств в финале цикла происходит именно в вечности, за гранью бытия: «небесная» Нарния, равно как и «небесная» Англия, существуют у Льюиса уже вне времени, в контексте метаистории созданного им мира.

3) В третью группу нами отнесены произведения А.С. Грина, действие которых происходит в вымышленной стране «Гринландии», а также роман-притчу К.С. Льюиса «Пока мы лиц не обрели». К жанру фэнтези данные прозаические работы можно отнести с определенной долей условности; однако сделать это в рамках исследования нам позволяет тот факт, что действие в них происходит в вымышленном пространстве, которое подробно описано авторами.

И у Грина, и в романе Льюиса в некоторой степени присутствуют фантастические (или, скорее, мистические) элементы, но они уже не играют такой роли, как в текстах, рассмотренных нами выше. Вполне уместно было бы назвать такую прозу «психологическим фэнтези», так как именно внутренний мир героя, а не повороты сюжета выходят здесь на первый план; при описании «условного пространства» внимание акцентируется больше не на внешних деталях, а на нравах и обычаях населения вымышленных стран и городов.

Что касается «взаимодействия пространств», то в названных произведениях пространство условное переплетено с реалистическим и сосуществует с ним, являясь как будто его частью. Видимое разграничение между двумя мирами отсутствует.

Фантастические романы и новеллы Грина изобилуют вполне реальными географическими названиями: Китай, Франция, Америка, Испания, Лиссабон, Шанхай, Марсель, Ванкувер, Либерия и т.д. К примеру, текст повести «Алые паруса» недвусмысленно указывает на то, что маршруты путешествий Грэя пролегают в реальном, а не гипотетическом пространстве; об этом же свидетельствует упоминание Кромвеля и Робина Гуда – исторической и легендарной личности, которые порождены отнюдь не фантазией автора. Однако с подлинными топонимами у Грина соседствуют вымышленные: так, наряду с портом Марсель упомянут Дубельт, а «судьба приводит» Грэя в Лисс и Каперну, минуя Ванкувер. Опираясь на некоторые детали, можно допустить, что Грэй – сын британского аристократа; но в какой части света находится родина Ассоль – невозможно даже предположить. Таким образом, сюжет повести развивается в реальном и условно-вымышленном пространстве одновременно.

По тому же пути следует и К.С. Льюис в романе «Пока мы лиц не обрели». События в романе происходят в некоем варварском царстве под названием Глом и сопредельных странах (Кафада, Фарса, Эссур). Время гипотетического существования этих стран (о чем будет сказано ниже) можно отнести к эпохе поздней античности; теоретически они могли находиться в Европе, но где именно – читатель может только строить предположения. Тем не менее, дочерей гломского царя воспитывает раб по прозвищу Лис – пленник из Греции, который, беседуя с царевнами и обучая их греческому языку, цитирует античных философов и поэтов: Сапфо, Гомера, Гесиода, а также упоминает имена древнегреческих богов и персонажей греческих трагедий. Библиотека Оруаль, уже ставшей царицей Глома, включает в себя творения античных авторов (Платона, Еврипида и т.д.). Произведения реальных авторов оказываются востребованными в вымышленном государстве – иными словами, мы видим взаимопроникновение реалистического и фантастического элементов. Однако мистическая часть романа сопряжена именно с условно-вымышленным пространством Глома, что отчасти объясняет сама героиня: «У нас, в Гломе, все иначе. Мы живем слишком близко к богам» [14]. Очевидно, по мысли автора, в мире позднеантичной философии уже не осталось места ничему таинственному и необъяснимому.

Итак, нами рассмотрены и классифицированы произведения жанра фэнтези с точки зрения организации гипотетического (фэнтезийного) пространства. Авторы допускают, что высказанная ими точка зрения на жанровую природу фэнтези может показаться несколько спорной; однако намеченные нами направления могут стать перспективой дальнейших исследований в этой области.

Библиографический список

1. Толкачева В.С. Фэнтези: жанр или литературное направление? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fentezi-zhanr-ili-literaturnoe-napravlenie/viewer> (дата обращения: 16.10.2024).
2. Фэнтези // Википедия – свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фэнтези> (дата обращения: 18.10.2024).

3. Шумко В.В. Фантастический жанр в литературе XIX-XX веков: становление и развитие: Курс лекций. Витебск, Издательство УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2006. 77 с.
4. Гринландия // Википедия – свободная энциклопедия. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гринландия#cite_note-4 (дата обращения: 18.10.2024).
5. Воронова Т. Нас двое // Литература. 2021. № 187. URL: <https://litteratura.org/fiction/4669-tatyana-voronova-nas-dvoe.html> (дата обращения: 19.10.2024).
6. Воронова Т. Зрячая // Литература. 2024. № 214-215. URL: <https://litteratura.org/fiction/5455-tatyana-voronova-zryachaya.html>; <https://litteratura.org/fiction/5481-tatyana-voronova-zryachaya-chast-ii.html> (дата обращения: 19.10.2024).
7. Воронова Т. Живое полотно // 45-я параллель. 2022. № 13 (577). URL: https://45parallel.net/tatyana_voronova/zhivoe_polotno/ (дата обращения: 19.10.2024).
8. Воронова Т. Колокольчик прокаженного // Литerra. 26.11.2020. URL: <https://www.literra.online/publications/authors/tatyana-voronova/kolokolchik-prokazhennogo-rasskaz> (дата обращения: 19.10.2024).
9. Белогубова Е.В. Мифологическая онтология современной волшебной сказки // Социально-экономические науки. 2011. № 2. С. 22-25.
10. Белогубова Е. В. Онтология мифа и ее трансформация в литературе фэнтези // Материалы IV Международной научной конференции «Миф в истории, политике, культуре» (Севастополь, 26-27 июня 2020 г.). Севастополь: Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, 2020. С. 284-291.
11. Кравцова М. «Чтобы сказка не кончалась...» М.: Благо, 2004. 192 с.
12. Telegram-канал «Приграничная лирика». URL: <https://t.me/pwvta1506> (дата обращения: 19.10.2024).
13. Макдональд Дж. Лилит / Пер. с англ. О. Лукмановой. Н.Новгород: Агапе, 2004. 320 с.
14. Льюис К.С. Пока мы лиц не обрели. Пересказанный миф. Пер. с англ. И. Кормильцева. Текст: электронный. URL: <http://lib.ru/LEWISCL/lica.txt> (дата обращения: 19.10.2024).

References

1. Tolkacheva V.S. Fantasy: a genre or a direction in literature? URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fentezi-zhanr-ili-literaturnoe-napravlenie/viewer> (date of application: 16.10.2024).
2. Fantasy // Wikipedia – the free encyclopedia. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/ФЭНТЕЗИ> (date of application: 18.10.2024).
3. Shumko V.V. Fantastic genre in literature on the 19th-20th cent.: formation and development: a course of lectures. Vitebsk, 2006. 77 p.
4. Greenland // Wikipedia – the free encyclopedia. https://ru.wikipedia.org/wiki/Гринландия#cite_note-4 (date of application: 18.10.2024).
5. Voronova T. There are two of us // Litteratura. 2021. Iss. № 187. URL: <https://litteratura.org/fiction/4669-tatyana-voronova-nas-dvoe.html> (date of application: 19.10.2024).
6. Voronova T. The sighted one // Litteratura. 2024. Iss. 214-215. URL: <https://litteratura.org/fiction/5455-tatyana-voronova-zryachaya.html>; <https://litteratura.org/fiction/5481-tatyana-voronova-zryachaya-chast-ii.html> (date of application: 19.10.2024).
7. Voronova T. Live canvas // 45th parallel. 2022. Iss. 13 (577). URL: https://45parallel.net/tatyana_voronova/zhivoe_polotno/ (date of application: 19.10.2024).

8. Voronova T. The leper's bell // Littera. 26.11.2020. URL: <https://www.littera.online/publications/authors/tatyana-voronova/kolokolchik-prokazhennogo-rasskaz> (date of application: 19.10.2024).
9. Belogubova E.V. Mythological ontology of the modern fairy tale // Social and economical sciences. 2011. Vol. 2. P. 22-25.
10. Belogubova E.V. Ontology of the myth and its transformation in fantasy literature // Materials of the 4th International scientific conference «Myth in history, politics, culture». Sevastopol, June 26-27, 2020. P. 284-291.
11. Kravtsova M. «So that the fairy tale does not end...» Moscow, 2004. 192 p.
12. Telegram-channel «Borderline lyrics». URL: <https://t.me/pwvta1506> (date of application: 19.10.2024).
13. MacDonald G. Lilith / Transl. by O.Lukmanova. Nyzhny Novgorod, 2004. 320 p.
14. Lewis C.S. Till We Have Faces. A Myth Retold. Transl. by I. Kormiltsev. Electronic text. URL: <http://lib.ru/LEWISCL/lica.txt> (date of application: 19.10.2024).

УДК: 82

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.016

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы
Ковыршина О.А.
Россия, г. Липецк, тел. 89066825398
e-mail: kovirshinaolga@gmail.com

Lipetsk State Pedagogical University named by P.P. Semenov-Tyan-Shansky The Department of the Russian Language and Literature,
PhD in Philology, Assistant Professor
Kovyrshina O.A.
Russia, Lipetsk, 89066825398
e-mail: kovirshinaolga@gmail.com

О.А. Ковыршина

ФИЛОСОФСКАЯ ЛИРИКА НИКОЛАЯ ГЛАЗКОВА

Николай Иванович Глазков занимает особое место в истории русской литературы XX века, что обусловлено не только фактами его личной и творческой биографии, но и смелыми экспериментами в области стиха, своеобразием художественного стиля, нетривиальностью, глубиной высказанных суждений. В связи с этим творческая индивидуальность поэта становится объектом внимания все большего числа литературоведов. Простота стихотворений Н. Глазкова кажущаяся. За ней стоит напряженная работа оригинального художника слова и стихийного философа. Откровенность, естественность, искренность интонаций, неподдельность чувств и переживаний в сочетании с игровой стихией, ироническим пафосом, языковой экспрессией стиха определяют неповторимость творческой манеры Н. Глазкова. В данной статье рассматривается идейно-художественное своеобразие философской лирики поэта. Анализ стихотворений разных лет показал, что лирический герой Глазкова прошел сложный путь от самоутверждения и осознания своей индивидуальности к саморефлексии и размышлению о разных явлениях окружающего мира. Философская лирика поэта обращена к темам выбора жизненного пути, смысла жизни, места и роли человека в истории. Горько-иронические стихи Николая Глазкова, высоко ценившего *естественность, вольномыслие*, творческую раскованность, не соответствовали канонам официальной поэзии, но позволяли автору сохранить свое «я», противостоять процессу стандартизации мышления.

Ключевые слова: Н.И. Глазков, лирика, философия, ирония, мотив.

О.А. Kovyrshina

PHILOSOPHICAL LYRICS BY NIKOLAI GLAZKOV

Nikolai Ivanovich Glazkov occupies a special place in the history of Russian literature of the 20th century, which is due to not only the facts of his personal and creative biography, but also to brave experiments in the field of verse, the originality of artistic style, non-triviality, and depth of the judgments expressed. In this regard, the poet's creative personality is becoming the object of attention of an increasing number of literary critics. The simplicity of N. Glazkov's poems is apparent. Behind it there is the hard work of an original artist of the word and a spontaneous philosopher. Frankness, naturalness, sincerity of intonation, sincerity of feelings and experiences in combination with the playful element, ironic pathos, linguistic expression of the verse determine the uniqueness of N. Glazkov's creative manner. This article examines the ideological and artistic originality of the poet's philosophical lyrics. The analysis of poems from different years has showed that Glazkov's lyrical hero went through a difficult path from self-affirmation and awareness of his individuality to self-reflection and reflection on various phenomena of the surrounding world. The poet's philosophical lyrics address the themes of choosing a life path, the meaning of life, the place and role of man in history. The bitterly ironic poems of Nikolai Glazkov, who highly appreciated naturalness, free-thinking, creative looseness, did not correspond to the canons of official poetry, but allowed the author to preserve his "I", to resist the process of standardization of thinking.

Key words: N.I. Glazkov, lyrics, philosophy, irony, motive.

Имя Николая Ивановича Глазкова (1919-1979) неизвестно широкому кругу читателей. Между тем он является организатором поэтического движения «небывализм», пионером «самсебяиздата» и *основателем литературного процесса для непечатаемых авторов*. Без этой яркой фигуры наше представление о литературном процессе XX века будет неполным.

Поэт долгое время не подчинял свое творчество официальной идеологии и находился за пределами официальной литературной жизни. Печатать его произведения стали сравнительно поздно, причем выбирались откровенно слабые и в художественном, и в идейном плане стихотворения. Советские критики считали Глазкова мастером эпатажа, остающимся в стороне от социальных битв, в лучшем случае – чудаковатым гением. В противовес официальной критике многие современники, близко знавшие Николая Глазкова и хорошо знакомые с его творчеством, видели в поэте оригинального мыслителя. Давид Самойлов признавался: «Размышляя о Глазкове, ощущаешь незаурядный масштаб этого поэта, его многогранность и сложность» [1; с. 404]. Ему вторит О. Наровчатова, характеризуя Н. Глазкова следующим образом: «Активно и азартно участвуя в жизни, он тяготел к философскому осмыслению всех ее сторон» [1; с. 491].

Е. Введенский, близко общавшийся с поэтом, вспоминает об анкете, инициатором составления и заполнения которой однажды выступил Николай Глазков. В числе прочих сформулированных вопросов был следующий, можно сказать, философский: «Зачем жить?» На него поэт ответил в свойственной ему иронично-серьезной манере: «Дабы развлекаться и раздуметь» [1; с. 66]. То есть не просто наслаждаться жизнью, а понимать, постигать умом всю ее сложность. Конечно, Н. Глазков не создал своей оригинальной философии (что, впрочем, и не было его целью), но глубина анализа действительности, точность и емкость поэтических формулировок, внутренняя логика его парадоксальных суждений вызывают искреннее восхищение.

Личное местоимение «я» доминирует в лирике Н. Глазкова, зачастую оно вынесено в название стихотворений, например: «Я чувствую грохоты нашей планеты...» (1939), «Хочу одного, хотя я изгой...» (1943), «Я знаю это из опыта...» (1943). Таким образом автор дает установку на предельную искренность поэтического высказывания и подчеркивает индивидуальность своего лирического героя. Глазковский герой предстает перед читателем как сложная, неординарная личность, чья отличительная черта – самоирония. Говоря о себе, он остается естественен и простодушен, избегая ложного пафоса. «Не Дон Кихот я и не Гулливер» [2; с. 34], – с такого признания начинается стихотворение, в котором как высшая ценность утверждается свобода творческой личности, принципиально оригинальной, не ограниченной шаблонами.

Вместе с тем хорошо известны вызывающие самоопределения Н. Глазкова, рассеянные в его стихах: «великий гуманист» [3; с. 140], «гений и знаток» [3; с. 191], «великий поэт современной эпохи» [3; с. 243], «я великий и единственный» [3; с. 381]. Это не эпатаж и не самовозвеличивание, а попытка спасения в условиях, когда цензура не позволяла поэту контактировать с читателем. Оперирование собственным именем в рамках стихотворного текста ведет, в том числе, к созданию Н. Глазковым поэтического мифа о себе – самобытном авторе, правдивом человеке, одиноком и не нашедшем признания в современном ему обществе, поэте-бунтаре и пророке.

Было бы неверным видеть в стихах Н. Глазкова биографию одной, пусть даже исключительной, души. Сам поэт однажды признался, что никогда не забывал о соотечественниках. Чувство родственной связи со своим народом помогало ему преодолевать вынужденное одиночество:

Когда я пишу о себе,
То не о своей судьбе:
Пишу о судьбе Отчизны,
Пишу о борьбе и жизни! [1; с. 38]

Он летописец целой эпохи, драматичной, сложной, противоречивой, потребовавшей от каждой мыслящей личности невероятного напряжения всех духовных и физических сил. Поэт ставит себе в заслугу то, что сумел в стихах «правдиво отразить двадцатый век» [2; с. 40], то есть не покривить душой, давая нравственную оценку происходящему.

Важнейшим этапом для Н. Глазкова, как и для его современников, стала Великая Отечественная война. В поэмах «Сорок скверный», «Фантастические годы» и «Дорога далека» он запечатлел суровый быт военных лет. В этих произведениях нет масштабных картин сражений. Поэт преимущественно изображает тыловую жизнь и рядового человека – соучастника и свидетеля эпохальных событий. Его герой переживает за судьбу своего народа и Родины. Строки поэм исполнены патриотического пафоса и веры в торжество высшей справедливости.

Лирический герой Глазкова и в эти суровые годы остается мечтателем. Его желания устремлены к идеальному миру, к своеобразной социальной утопии: «Я хочу Поэтограда / Для себя и для тебя» [3; с. 369]. Трагические испытания Великой Отечественной войны не заставили поэта отказаться от высокого идеала. Более того, осмысливая драматическую историю двадцатого века, Николай Глазков все больше укрепляется в идее Поэтограда как обетованной земли, к которой человечество, вдохновленное поэтами, должно рано или поздно прийти:

Вижу город, где нет для ближнего
Никаких наказаний лютых
И совсем ничего лишнего
Ни в стихах, ни в вещах, ни в людях.

На земле никому не тесно,
Не дерется с народом народ.
Скажут – это неинтересно,
А по-моему, наоборот [2; с. 22].

Поэт мыслит как гуманист, потому что для него высшей ценностью является человеческая жизнь, и как философ, мечтающий о красоте и совершенстве мира, избавившегося от мишуры и лжи.

В 1954 году Н. Глазков адресует стихотворение, начинающееся словами «Было очень много неудач...», скорее всего своей второй жене Росине Моисеевне. В нем есть следующие строки: «Тот, кто глуп и немощен, лишь тот / Льнет к житейскому благоразумью!» [4; с. 86]. Поэт словно подводит промежуточные и, к сожалению, нерадостные итоги. Ему как творческой личности довелось столкнуться с непониманием и косностью мышления мещан, выбирающих жизненные удобства, с прагматизмом и конформизмом нового поколения. В этой ситуации поэт счастлив тем, что обрел не только возлюбленную, но и единомышленника, которому близка его система ценностей. Поэтому завершается стихотворение оптимистически: Поэтоград будет достроен, несмотря на активное сопротивление толпы, неприятие ею высоких идеалов лирического героя.

Для Н. Глазкова очень важно жить в согласии с самим собой, не поступаясь моральными принципами. Стихотворение «Кем больше быть хочу, – спросили...» построено в форме диалога лирического героя с товарищами по поэтическому цеху. Ответ на вопрос, кем быть («талантливым поэтом» или «хорошим человеком»), для него очевиден и тогда, и спустя три десятилетия: «Хорошим человеком больше / Желая быть, – я им ответил» [4; с. 59]. Поэт судит себя очень строго, непредвзято и выносит следующий вердикт: «Поэтом стать мне удалось, / Быть человеком – удавалось» [4; с. 59].

Страх, лицемерие, псевдо-мудрость, демагогия, конформизм, ханжество становятся у Глазкова объектом насмешки. Вероятно, сама жизнь давала поэту материал для наблюдений, и он видел, как в условиях внешней несвободы люди неглупые, по-своему талантливые шли на сделку с совестью, чтобы занять в обществе удобную нишу.

Он бы рад вперед,
Да его страх берет.
Он бы рад назад,
Да у него страх в глазах [4; с. 197].

В этом краткостище автор иронизирует над человеком с психологией приспособленца, занявшего выжидательную позицию и боящегося принимать самостоятельное решение. Искренность, по мысли Н. Глазкова, залог состоятельности его как личности и как поэта:

Скажу неискренно –
Пройдет бесследно,
А смерть бессмысленна,
А мысль бессмертна! [4; с. 102]

Жанр краткостища позволил автору в краткой и емкой форме запечатлеть глубокое содержание. Многие из его четверостиший и двустиший могут претендовать на роль философских сентенций. Парадоксальный афоризм Н. Глазкова рождается благодаря игре слов и смыслов. Но если не фиксировать внимание на внешней простоте строк, то на первый план выходит оригинальное жизненное наблюдение поэта.

Не все сложное –
Ложное.
Не все простое –
Пустое [4; с. 231].

Возможно, это краткостище является продолжением скрытой полемики Н. Глазкова с теми критиками, кто отказывал его творчеству в глубине, а игровую стихию стихотворений расценивал как эпатаж.

В произведениях Н. Глазкова важная роль принадлежит размышлениям о поиске себя, своего предназначения. Об этом идет речь в стихотворении «Взбираться по отвесным скалам сложно...». Жизнь заставляет каждого из нас искать свой путь. Пассивная роль мечтателя не по душе глазковскому герою. Он готов каждый раз бросать вызов обстоятельствам, преодолевать препятствия и идти на риск. Главное – это движение к цели. Если же стихийная сила, свобода личности сдерживаются или ограничиваются извне, это закономерно ведет к обесцениванию человеческого бытия, которое уподобляется болоту.

В стихотворении «Взбираться по отвесным скалам сложно...» можно обнаружить еще один уровень иносказания. Обращают на себя внимание пространственные образы гор и моря, и выбор их не случаен. В 40-е годы, вспоминает Ю. Долгин, «среди плеяды Слуцкого был в моде критерий: «стихи выше уровня моря» [1; с. 98]. Поэты-литинститутцы, в число которых входил Н. Глазков, оттачивали свой уровень поэтического мастерства и стремились покорять новые вершины, учась друг у друга и именитых предшественников, пополняя арсенал художественных средств. Возможно, в стихотворении Н. Глазкова идет речь не о человеке вообще, а прежде всего о поэте, стремящемся к идеалу и переживающем личную драму, если посягают на его свободу творчества.

В 1942 году, сочиняя стихотворение «Существует четыре пути...», Н. Глазков рефлексировал по поводу выбора, который всегда стоит перед человеком. Первый путь – отказ от активной жизненной позиции из инстинкта самосохранения, второй – нигилистический бунт, третий – конформизм. Все три равно ущербны, и только последний, путь принятия мира во всей его полноте и самоосвобождения от страхов, является единственно верным.

В творчестве Н. Глазкова мотив пути/дороги становится сквозным. Дорога как модель движения считается «основным организующим образом русской литературы вообще» [5; с. 312]. В ранней лирике его герой видит себя в роли странника, устремляющегося в дорогу без особой цели:

Хорошо пойти пошляться
По дороге жизненной,

Но в пути не опошляться,
Порывая с истиной [3; с. 372].

Поэт намеренно использует сниженную лексику «пошляться», что означает «бродить, переходить с места на место без особого занятия, дела; слоняться». Лирический герой Н. Глазкова мог бы произвести впечатление легкомысленного, праздного человека, если бы не следующие за этим признанием строки. Оказывается, в пути-странствии главное – помнить о «вечных» ценностях, чтобы никакие жизненные впечатления не в силах были их колебать.

Для молодого человека традиционно мечтать о побеге из пошлой действительности. Не является исключением и лирический герой двадцатилетнего Н. Глазкова, который отстраняется от прозы жизни, отказывается от комфорта ради того, чтобы обрести личную свободу («В мелких и грязных делах здорово руки умыть...»). Он предстает бунтарем-одиночкой, который передвигается в неограниченном пространстве – «поле открытом». Создается впечатление, что перед героем открыты все пути. Неслучайно заканчивается стихотворение оптимистическим восклицанием-выкриком «Здорово!»

Мотив пути развивается у Н. Глазкова в философском плане. Поэт акцентирует внимание на основном смысловом варианте этого мотива: жизненный путь, дорога-судьба. В стихотворении «Колосья подкосило колесо...» автор противопоставляет два отношения к пути-дороге. Безымянные мужики ехали туда, «куда вела их совесть, / Да по дороге обнимали баб», а «другие люди, философысь, / Проклинали пройденный этап» [2; с. 243]. Первые «ехали», то есть жили стихийно, доверяясь своему нравственному чувству, вторые – умствовали, погрязнув в отвлеченных философских построениях, и для них дорога-жизнь стала бременем.

Стихотворение «Дорога для других» снова построено на антитезе. В нем идет речь о выборе жизненного пути, о нравственных исканиях человека. Один герой проявлял осторожность, взвешивая, «как, когда и с кем, / Куда, куда пойти» [2; с. 243]. Другой «ступал, куда хотел» и «жизнью полной жил» [2; с. 243]. Проложенный им путь станет судьбой для других смельчаков. Очевидно, что Н. Глазков ассоциирует себя со вторым героем, альтруистом и сильной личностью.

Социальный аспект мотива пути, связанный с судьбой народа и государства, Глазков также разрабатывает в своем творчестве.

От нищеты страны моей богатой,
От нищеты идя к каким-то далям,
Мы все шуты одной стены плакатной,
И все жиды, поскольку ожидаем.

Из-за патриотизма и азарта,
За то, что путь России непрестан,
Я полюбил Россию послезавтра,
Которая всех лучше будет стран [3; с. 381].

Ироническое звучание задано оксюмороном в первой строке: «нищета страны богатой». Автор также пародирует штампы официальной пропаганды, призывающей советский народ устремиться в светлое будущее. Тем не менее лирический герой Н. Глазкова верит в великое будущее своей страны. Гоголевский финал «Мертвых душ» просматривается в историческом пророчестве поэта: «...путь России непрестан», «Россия послезавтра... всех лучше будет стран».

Выполняя символическую и метафорическую функции, мотив пути в поздней лирике Н. Глазкова связывается с темой бегства, свободы, поиска гармонии. К середине 50-х годов Н. Глазков из лирика постепенно превращается в путешественника. Страстью его становятся путешествия – от самых малых до самых больших, а героем – первооткрыватель, геолог, охотник, житель тайги и тундры. Там теперь располагается Поэтоград. В его стихи входит

природа, не игравшая роли в начальные, «урбанистические» периоды творчества» [1; с. 402]. Мотив бегства в первобытный, нетронутый мир природы с целью обретения свободы и душевного равновесия становится доминирующим в ряде стихотворений. Лирический герой стремится стать причастным первозданной природе. Таким образом, концепция пути в лирике Н. Глазкова становится средством выражения авторского сознания, его творческой индивидуальности.

Становление Н. Глазкова как личности и поэта пришлось на 30-40-е годы – самое трагическое время в истории Советской России. Выстроить гармоничные отношения со временем у Н. Глазкова не получилось, но с позиции мудреца-стойка он, анализируя прошедшее, заявит: «Эпоха... Превосходная, плохая ли, / Но у меня другой эпохи нет!» [2; с. 266].

Осмысливая исторический опыт своего поколения, поэт напишет строки, ставшие хрестоматийными:

И на мир взираю из-под столика:
Век двадцатый, век необычайный, –
Чем столетье интересней для историка,
Тем для современника печальней [2; с. 35].

Необычный ракурс дает возможность увидеть лирического героя, современника эпохи, с неожиданной стороны. Он выступает как жертва истории, не претендующая на героизм. В то же время глазковский герой не впадает в отчаяние, и здесь его спасает поистине народное здравомыслие. Никого не очерняя и не обеляя, он говорит о сложности жизни, заставляющей каждого делать свой нравственный выбор. Выбор героя Н. Глазкова очевиден: быть поэтом и мудрецом.

Библиографический список

1. Воспоминания о Николае Глазкове: Сборник. М.: Советский писатель, 1989. 528 с.
2. Глазков Н.И. Хихимора. М.: Время, 2007. 536 с.
3. Глазков Н.И. Избранное. М.: Худож. литература, 1989. 541 с.
4. Глазков Н.И. Автопортрет: Стихи и поэмы. М.: Сов. писатель, 1984. 256 с.
5. Гачев О.Д. О русском и болгарском образах пространства и движения // Поэтика и стилистика русской литературы. М.: Наука, 1971. 460 с.

References

1. Memories of Nikolai Glazkov: Collection. M.: Soviet writer, 1989. 528 p.
2. Glazkov N.I. Hihimora. M.: Vremya, 2007. 536 p.
3. Glazkov N.I. Favorites. M.: Artist. literature, 1989. 541 p.
4. Glazkov N.I. Self-portrait: Poems and poems. M.: Sov. writer, 1984. 256 p.
5. Gachev O.D. On Russian and Bulgarian images of space and movement // Poetics and stylistics of Russian literature. M.: Nauka, 1971. 460 p.

К ЮБИЛЕЮ И.С. НИКИТИНА ON I. S. NIKITIN'S ANNIVERSARY

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.017

Воронежский государственный технический университет
доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Бугакова Н.Б.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication
Doctor of Philology, associate professor
Bugakova N.B.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Воронежский государственный технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации
Новикова М.В.
Россия, г. Воронеж,
тел. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Voronezh State Technical University
The chair of Russian language and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Novikova M.V.
Russia, Voronezh,
tel. +7-920-406-6287
e-mail: ya_witch@mail.ru

Н.Б. Бугакова, М.В. Новикова

УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА КАК СПОСОБ ВОССОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПОЭМЫ И.С. НИКИТИНА «КУЛАК»)

Аннотируемое исследование посвящено анализу творчества нашего земляка, известного поэта Придонья, Ивана Саввича Никитина. Предметом рассмотрения послужила лексика, в настоящий момент относимая к устаревшей. В данной работе под термином «устаревшая лексика» будем понимать лексемы, обозначающие исчезнувшие из современной жизни предметы, явления, ставшие неактуальными понятия. Материалом исследования выступило одно из крупных произведений писателя – поэма «Кулак», опубликованная впервые в журнале «Современник» в 1858 году. Методом сплошной выборки нами были отобраны лексемы, которые в данный момент можно отнести к разряду устаревшей лексики, и объединены в группы в соответствии с семантической нагрузкой. В работе обозначены следующие тематические группы: *названия одежды, предметов быта, денежных единиц и единиц измерения*. Эти группы были определены, поскольку основной массив выявленных нами слов представляют лексемы, обозначающие предметы утвари, быта, элементы одежды, денежные единицы или единицы измерения: сюртук, шушун, салоп, кичка, кушак, кокошник, горшок, корчага, лыко, ушат, алтын, полтина, грош, гривна, целковый, аршин. Введение таких элементов в текст поэмы органично и соответствует времени, поскольку отражает характерные для воспроизводимой автором эпохи традиции, проблемы, существующие в обществе, и т.д. Однако в современной культуре отсутствуют описываемые поэтом реалии и, соответственно, именуемые их лексемы являются устаревшими. Анализ таких лексем позволяет восстановить исторический контекст и лучше понять, как жили поэт и его современники, что способствует расширению знаний о культуре и истории нашей страны и нашего края.

Ключевые слова: И.С. Никитин, устаревшая лексика, поэма «Кулак», воссоздание исторического контекста

N.B. Bugakova, M.V. Novikova

**OBSOLETE VOCABULARY AS A WAY
OF RECREATING HISTORICAL CONTEXT
(BASED ON THE EXAMPLE OF I.S. NIKITIN'S POEM "KULAK")**

The proposed study is devoted to the analysis of the work of our fellow countryman, the famous poet of Pridonye, Ivan Savvich Nikitin. The subject of the study was the vocabulary currently considered obsolete. In this work, the term "obsolete vocabulary" will be understood as lexemes denoting objects and phenomena that have disappeared from modern life, concepts that have become irrelevant. The material for the study was one of the writer's major works - the poem "Fist", first published in the magazine "Sovremennik" in 1858. Using the continuous sampling method, we selected lexemes that can currently be classified as obsolete vocabulary and combined them into groups in accordance with the semantic load. The following thematic groups are designated in the work: names of clothing, household items, monetary units and units of measurement. These groups were defined because the main array of words we identified are lexemes denoting utensils, household items, clothing items, monetary units or units of measurement: frock coat, shushun, salop, kichka, sash, kokoshnik, pot, korchaga, lyko, ushat, altyn, poltina, grosh, grivna, tselkovy, arshin. The introduction of such elements into the text of the poem is organic and corresponds to the time, since it reflects the traditions characteristic of the era reproduced by the author, the problems existing in society, etc. However, in modern culture there are no realities described by the poet and, accordingly, the lexemes naming them are obsolete. Analysis of such lexemes allows us to restore the historical context and better understand how the poet and his contemporaries lived, which contributes to the expansion of knowledge about the culture and history of our country and our region.

Key words: I.S. Nikitin, obsolete vocabulary, the poem "Fist", recreation of the historical context

Имя И.С. Никитина давно вошло в плеяду имен классиков русской поэзии; оно известно не только каждому жителю нашего города, но и за его пределами. Обращаясь к творчеству И.С. Никитина с целью анализа высказываний, ставших крылатыми, Л.М. Кольцова и С.А. Чуриков отмечают, что «слово И.С. Никитина неизменно звучит в рамках проектов Воронежского государственного университета («И мы сохраним тебя, русская речь...») и Воронежской областной универсальной научной библиотеки, которая носит имя поэта» [1, с. 74].

Отметим, что курс литературы в школах предполагает изучение произведений И.С. Никитина, которые направлены на «интеллектуальное и эмоциональное познание мира» [1, с. 74]; кроме того, произведения нашего земляка не раз становились предметом исследования ученых с различных точек зрения, поскольку его творчество «живет ... полнотой своих мыслей и чувств в современном пространстве русского языка и русской культуры» [1, с. 75]. К рассмотрению поэтического наследия поэта обращались, в первую очередь, воронежские ученые-филологи: В.М. Акаткин, П.А. Бороздина, Я.И. Гудошников, А.И. Кретов, С.Г. Лазутин, О.Г. Ласунский, В.И. Собинникова, Б.Т. Удодов и др. Л.М. Кольцова и С.А. Чуриков полагают, что, знакомя учащихся с творчеством И.С. Никитина, «мы непременно должны показать, какой вклад он внес в сокровищницу языка и культуры» [1, с. 75]. По мнению исследователей, «вклад И.С. Никитина (см. [2, с. 3-6]), представлен более чем 80 цитатами и крылатыми выражениями, которые восходят к 38 стихотворениям, поэме «Кулак», повести «Дневник семинариста» и письмам» [1, с. 75].

Исследование творчества поэта активно ведется и в настоящее время. Так, например, М.В. Максимова и Н.Н. Орехова обращаются к анализу эстетики поэзии И.С. Никитина, отмечая, что «в творчестве поэта слились воедино фольклорное начало и традиции русской (и европейской) поэтической практики» [3, с. 135]. Кроме того, исследователи сообщают, что «в его творчестве на новом материале получила достойное продолжение русская силлаботоническая поэтическая практика, столь блистательно представленная в поэтическом наследии А. Пушкина и М. Лермонтова, Н.А. Некрасова и др. С этим, как мы полагаем, и связано творческое своеобразие поэта, его отличие от современника и земляка Алексея Кольцова, сохранившего приверженность к традиционному тоническому стиху» [3, с. 136]. Также можно отметить посвященные творчеству поэта работы В.А. Тонкова [4], В.И. Кузнецова [5],

В.Н. Ереминой [6], описывающие особенности биографии поэта, характеризующие его поэтическую систему.

Предлагаемое исследование посвящено анализу творчества нашего земляка, известного поэта Придонья, Ивана Саввича Никитина. Предметом рассмотрения послужила лексика, в настоящий момент относимая к устаревшей. Отметим, что устаревшая лексика становилась предметом научных изысканий: так, например, работа О.К. Мальшевой посвящена рассмотрению устаревшей лексики в сказках А.С. Пушкина [7]. Автор исследования отмечает, что архаичность слов определяется разными факторами; наиболее важными являются «место данного слова с соответствующим значением в номинативной системе общенародного языка; первоначальная распространенность слова и длительность употребления в качестве факта активного словаря; наличие или отсутствие ясной и непосредственной связи с родственными словами» [7, с. 227]. Существует ряд работ, посвященных рассмотрению устаревшей лексики в других языках [8, 9, 10]. Однако исследования, направленные на анализ творчества И.С. Никитина в этом аспекте, в современной лингвистике отсутствуют, что обуславливает актуальность предлагаемого исследования.

Материалом исследования выступило одно из крупных произведений писателя – поэма «Кулак», опубликованная впервые в журнале «Современник» в 1858 году. Примечательно, что авторство было установлено благодаря письму Н.А. Добролюбова, в котором критик сообщает, что «в 1858 году он издал поэму «Кулак», о которой мы говорили в свое время» [11]. Известно, что первое издание стихотворений И.С. Никитина было встречено негативно, так как современники отмечали подражательный характер его поэзии. Н.А. Добролюбов считал, что поэма «Кулак» явилась своеобразным ответом на звучавшую критику; кроме того, подчеркивал жизненное содержание поэмы.

Методом сплошной выборки нами были отобраны лексемы, которые в данный момент можно отнести к разряду устаревшей лексики. К устаревшей лексике традиционно относят историзмы и архаизмы, т.е. обозначающие «исчезнувшие из современной жизни предметы, явления, ставшие неактуальными понятия» и, соответственно, «устаревшие названия существующих и в современности явлений и понятий, для обозначения которых возникли другие, современные названия» [12]. В данной работе под термином «устаревшая лексика» будем понимать лексемы, обозначающие исчезнувшие из современной жизни предметы, явления, ставшие неактуальными понятия.

Обратимся к тексту произведения, в ходе рассмотрения которого нами были отобраны устаревшие лексемы и объединены в группы в соответствии с их семантической нагрузкой. Так, отдельную группу формируют лексемы, обозначающие *названия одежды*. В тексте встречаем упоминание следующих предметов гардероба:

1. Сюртук.

... сняв поношенный *сюртук*,

На гвоздь повесил осторожно [13, с. 56].

Известно, что сюртук – это длинный двубортный пиджак в талию [14, с. 1056]; этот предмет гардероба был элементом повседневной одежды среднего и высшего классов. Отметим, что герой поэмы претендует на высокий социальный статус, для демонстрации которого и носит сюртук. Однако сюртук поношенный, т.е., очевидно, не новый и бывший часто в употреблении. Это говорит о том, что герой не так богат, как хочет казаться.

2. Шушун.

... На госте был наряд простой:

Покрытый синею китайкой

Шушун [13, с. 59].

Шушун – это женская верхняя короткополая одежда или кофта, по которой можно было определить, например, возраст женщины: считается, что чем моложе женщина, тем короче она носит шушун. Кроме того, по внешнему виду шушуна делались выводы относительно

финансового благополучия или социального статуса его владелицы; так, богатые женщины могли себе позволить шусун, подбитый натуральным мехом.

3. Кокошник.

На гостье был наряд простой:

... *кокошник* золотой

И сарафан [13, с. 59].

Кокошник – старинный головной убор замужней женщины; это название образовано от лексемы «кокошь» – «курица». Отмечается, что кокошник мог ассоциироваться в народе не только с курицей, но и с другой плодовой птицей – кукушкой. В рассматриваемом тексте находим подтверждение этой гипотезе: в кокошнике приходит сваха, женщина, которая участвует в устройении свадьбы и, соответственно, должна символизировать достаток, плодородие для молодой семьи. Кроме того, примечательно соблюдение героями традиций: сваха надевает головной убор, являющийся отличительной чертой русского костюма, подчеркивая тем самым патриотичный настрой персонажей поэмы.

4. Кичка.

И *кички* с острыми углами

Высматривают *кушаки* [13, с. 59].

Кичка, или кика – это древнерусский женский головной убор с рогами, представлявший собой открытую корону, украшенную жемчугом, бисером и другими драгоценными камнями. Вводя в текст рассматриваемого произведения данную лексику, поэт подчеркивает, что кичка символизирует плодородие, поскольку форма этого головного убора, имитируя рога коровы или козы, «мифологически связана с Небесными Коровой Земун и Козой Седунь, из молока которых образовался Млечный Путь» [15].

5. Кушак.

И *кички* с острыми углами

Высматривают *кушаки* [13, с. 59].

Кушак – это пояс из широкого и длинного куска ткани, кожи или шнура.

Примечательно, что в данном отрывке поэмы реализуется метонимический перенос как средство художественной выразительности. Под кичками поэт понимает женщин, а кушаки – это мужчины; острые углы, или рога, на кичке, как отмечалось выше, символизируют культ плодородия. Таким образом, кушаки, высматривая кички с острыми углами, выбирают себе хороших жен.

6. Салоп.

Об этой одежде говорит сваха, которая в качестве приданого просит

Салоп на беличьем меху,

Сукна на *чуйку* жениху [13, с. 59].

Салоп – это верхняя женская одежда, широкая длинная накидка с прорезами для рук или с небольшими рукавами; скреплялась лентами или шнурами. Салопы шили из бархата, шелка, дорогого сукна; часто на подкладке, вате или меху (в основном куницы и соболя), с бархатными или меховыми отложными воротниками. Чуйка – это верхняя мужская одежда в России из тёмного сукна, прямого, халатоподобного кроя, иногда воротник разукрашивался бархатом или мехом. Отметим, что пожелания свахи видеть в качестве приданого в том числе верхнюю одежду, изготовленную с использованием меха, говорят о том, что сваха считает отца невесты состоятельным человеком. Кроме того, в описанном отрывке И.С. Никитин предельно фактографичен: традиция просить салоп существовала в 19 веке; аналогичная ситуация описана А.Н. Островским в пьесе «Свои люди – сочтемся». Таким образом, в то время одежда, очевидно, была недешева и могла считаться хорошим вознаграждением. Введение в текст поэмы достоверной информации важно, поскольку именно благодаря анализу таких фактов воссоздается исторический хронотоп.

Следующую группу формируют лексемы, именующие *предметы быта*. Здесь отметим следующие:

Горшок, корчага, лыко, ушат
Тут груды чашек и *горшков*,
Корчаг, бочонков, кувшинов;
Там - *лыки*, вёдра и *ушаты* [13, с. 58].

Горшок – сосуд с широким горлом, в котором готовили или хранили пищу. Корчага – большой глиняный, в XIX веке также чугунный горшок с широким горлом, использовавшийся для хранения различных пищевых продуктов и напитков (зерна, молока и т. п.). Например, корчага была пивная, бражная. Ушат – большой сосуд для воды или других жидкостей, на верхней стороне которого с противоположных сторон расположены выступы с отверстиями или ручки («уши»), которые используются для переноски двумя или более людьми. Отметим, что такие емкости в настоящее время используются в банях. Лыко – это волокнистый внутренний слой коры дерева, используемый как для плетения лаптей, так и в качестве подделочного материала. В данном случае примечательно употребление поэтом в качестве однородных членов лексем, в общем обозначающих емкости (горшок, корчага, ушат), и лексемы *лыко*. Полагаем, подобное перечисление формируется автором поэмы с целью точно описать убранство избы, в которой все хранится хаотично. Это может быть обусловлено как небрежностью хозяина, так и бытовыми условиями, например, недостаточной площадью жилья, где невозможно разместить предметы, избегая беспорядка.

Следующую группу отобранных нами лексем формируют обозначения *денежных единиц и единиц измерения*. Здесь обозначим следующие лексемы:

1. Алтын.
Что честь-то? коли нет *алтына*,
Далёко с нею не уйдёшь [13, с. 59].

Алтын – денежная единица, с середины 19 века чеканившаяся в меди и в серебре. Кроме того, алтын являлся традиционным номиналом русской денежной системы. Говоря о том, что без алтына с честью далеко не уйдёшь, поэт, очевидно, под лексемой *алтын* понимает деньги вообще, обращая внимание на порочность современного ему общества. И.С. Никитин был озабочен сложившимися в обществе тенденциями, когда деньги для человека важнее чести и совести. Подобная гипотеза подтверждается обращением к стихотворению И.С. Никитина «Ехал из ярмарки ухарь-купец», в котором есть такие строки: «Дочь их красавица поздно пришла, Девичью совесть вином залила» [16]. Поэт не может оставаться равнодушным к порокам, поэтому привлекает внимание к таким ситуациям в своих произведениях.

2. Грош.
Ты, право, *грошу* был бы рад [13, с. 60].

Известно, что грош – медная монета достоинством в полкопейки (в период с 1838 до 1917 года). Вводя в текст поэмы данную лексему, автор также обращает внимание на крайнюю бедность героев. Кроме указанных выше, в качестве лексем, обозначающих денежные единицы, автор использует лексемы *полтина, гривна, целковый*. Все это существовавшие в описываемый писателем период денежные единицы разного достоинства.

К лексемам, обозначающим единицы измерения, нами отнесена лексема *аршин*:

Из-под полы *аршин* достал,
Раз!.. раз!.. и смирена холстина [13, с. 60].

Аршин – это единица измерения длины, равная 0,71 м, применявшаяся до введения метрической системы. Кроме того, аршином называли линейку, на которую наносили деления в вершках, и именно о такой линейке упоминает поэт в рассматриваемом произведении.

Завершая анализ устаревшей лексики, функционирующей в поэме И.С. Никитина «Кулак», отметим, что выявленные примеры можно объединить в группы в соответствии с семантической нагрузкой. Основной массив таких слов представляют лексемы, обозначающие

предметы утвари, быта, элементы одежды, денежные единицы или единицы измерения. Введение этих элементов в текст поэмы органично и соответствует времени, поскольку отражает характерные для воспроизводимой автором эпохи традиции, проблемы, существующие в обществе, и т.д. Однако в современной культуре отсутствуют описываемые поэтом реалии и, соответственно, именующие их лексемы являются устаревшими. Анализ таких лексем позволяет восстановить исторический контекст и лучше понять, как жили поэт и его современники, что способствует расширению знаний о культуре и истории нашей страны и нашего края.

Библиографический список

1. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. «Пусть ум твой пробудит и душу потрясет...» (крылатое слово И.С. Никитина в русском языковом пространстве) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики, № 1(44). 2022. с. 74-80.
2. Кольцова Л.М., Чуриков С.А., Винтер М.В. Крылатое слово И.С. Никитина. Опыт словаря. Воронеж, 2019. 152 с.
3. Максимова М.В., Орехова Н.Н. Поэзия И. Никитина: эстетика, традиции, перевод // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25, вып. 2, с. 135-140.
4. Тонков В.А. И.С. Никитин. Очерк жизни и творчества. М.: Просвещение, 1991. С. 20-23.
5. Кузнецов В.И. Иван Савич Никитин. Русская литература: Популярная иллюстрированная энциклопедия // М.: Дрофа-Плюс, 2007. С. 308-311.
6. Еремина В.И. Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX в. Л.: Наука, 1982.
7. Малышева О.К. Устаревшая лексика сказок А.С. Пушкина // Царскосельские чтения, 2016. №20, т. 1. С. 227-230.
8. Лиджиев А.Б. Об устаревшей лексике калмыцкого языка // Научная мысль Кавказа. 2011. №1, ч. 2. С. 52-56.
9. Новьюхова Н.В. Устаревшая лексика хантыйского языка // Вестник Югорского государственного университета, 2006. Вып. 2. С. 92-97.
10. Ондар М. В. Устаревшая лексика в тувинских героических сказаниях [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2020, № 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/909> (дата обращения: 18.10.2024). DOI: 10.25178/nit.2020.1.9
11. Добролюбов Н. А. Избранные статьи. Сост. А. Ф. Смирнов. М.: Современник, 1980.
12. Устаревшая лексика / Русский язык: краткий теоретический курс для школьников [Электронный ресурс]. URL: Грамота.ру (дата обращения 12.09.2024).
13. Никитин И.С. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 1: Стихотворения / сост. Л.А. Плоткин. М., 1975. 367 с.
14. Большой толковый словарь русского языка; гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт; Москва: Рипол классик, 2008. 1534 с.
15. Паншичкина О. Кичка. [Электронный ресурс]. URL: <https://Fabulae.ru> (дата обращения 19.09.2024).
16. Никитин И.С. Ехал из ярмарки ухарь-купец. [Электронный ресурс]. URL: culture.ru (дата обращения 19.09.2024).

References

1. Koltsova L.M., Churikov S.A. “Let your mind awaken and shake your soul...” (I.S. Nikitin’s catchphrase in the Russian language space) // Actual issues of modern philology and journalism, No. 1(44). 2022. pp. 74-80.
2. Koltsova L.M., Churikov S.A., Winter M.V. I.S. Nikitin’s catchphrase. A dictionary experience. Voronezh, 2019. 152 p.
3. Maksimova M.V., Orekhova N.N. I. Nikitin’s poetry: aesthetics, traditions, translation // Bulletin of Udmurt University. History and Philology. 2015. Vol. 25, issue 2, pp. 135-140.
4. Tonkov V.A. I.S. Nikitin. Essay on his life and work. Moscow: Prosveshchenie, 1991. Pp. 20-23.
5. Kuznetsov V.I. Ivan Savich Nikitin. Russian Literature: Popular Illustrated Encyclopedia // Moscow: Drofa-Plus, 2007. Pp. 308-311.
6. Eremina V.I. Russian Literature and Folklore. Second Half of the 19th Century. Leningrad: Nauka, 1982.
7. Malysheva O.K. Obsolete Vocabulary of A.S. Pushkin’s Fairy Tales // Tsarskoye Selo Readings, 2016. No. 20, Vol. 1. Pp. 227-230.
8. Lidzhiev A.B. On the Obsolete Vocabulary of the Kalmyk Language // Scientific Thought of the Caucasus. 2011. No. 1, part 2. pp. 52-56.
9. Novyukhova N.V. Outdated vocabulary of the Khanty language // Bulletin of Ugra State University, 2006. Vol. 2. pp. 92-97.
10. Ondar M.V. Outdated vocabulary in Tuvan heroic tales [Electronic resource] // New studies of Tuva. 2020, No. 1. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/909> (access date: 10/18/2024). DOI: 10.25178/nit.2020.1.9
11. Dobrolyubov N.A. Selected articles. Comp. A.F. Smirnov.M.: Sovremennik, 1980.
12. Obsolete Lexicon / Russian Language: A Brief Theoretical Course for Schoolchildren // URL: Gramota.ru (accessed on September 12, 2024).
13. Nikitin I.S. Collected Works: in 2 volumes. Volume 1: Poems / compiled by L.A. Plotkin. M., 1975. 367 p.
14. The Complete Explanatory Dictionary of the Russian Language; ed.-in-chief S. A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint; Moscow: Ripol classic, 2008. 1534 p.
15. Panshichkina O. Kichka. URL: <https://Fabulae.ru> (accessed on September 19, 2024).
16. Nikitin I.S. A Daring Merchant Rode from the Fair. URL: culture.ru (date of access 19.09.2024).

УДК 821.161.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.018

*Воронежский государственный
технический университет
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой русского языка
и межкультурной коммуникации
Скуридина С.А.
Россия, г. Воронеж, тел. +7(920)404-04-48;
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Voronezh State Technical University
Doctor of Philology, professor,
the chair of Russian language and cross-
cultural communication,
Skuridina S.A.
Russia, Voronezh, +7(920)404-04-48
e-mail: saskuridina@ya.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Кузьминых Е.О.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Kuzminykh E.O.
Russia, Voronezh,
e-mail: eleshka-82@yandex.ru*

*Воронежский государственный
технический университет
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка
и межкультурной коммуникации
Карташова Е.Н.
Россия, г. Воронеж,
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

*Voronezh State Technical University
The chair of Russian language
and cross-cultural communication
PhD, associate professor
Kartashova E.N.
Russia, Voronezh,
e-mail: elena.perceva.00@mail.ru*

С.А. Скуридина, Е.О. Кузьминых, Е.Н. Карташова

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ АНТРОПОНИМ ИВАН САВВИЧ НИКИТИН

В работе рассматривается понятие прецедентного феномена, под которым авторами понимается любой элемент прошлого опыта, представленный в сознании языковой личности в виде образа, ситуации, фразы, текста и других форм и вызывающий ассоциации с определенными событиями, явлениями. Отмечается, что в школьном курсе русской литературы для чтения и изучения рекомендуется более 20 стихотворений И.С. Никитина, а строки из его произведений активно вводились и вводятся в настоящее время в художественные тексты разными авторами, в связи с чем многие поэтические цитаты стали крылатыми выражениями, в которых транслируется молодому поколению мысль о любви к родной стране. Прецедентное имя – это один из видов прецедентного феномена, который представляет собой имя известного лица или названия событий, произведений искусства, памятника архитектуры и т.п. Статья посвящена анализу прецедентного имени И.С. Никитина, известного русского поэта XIX века, родившегося в Воронеже. Авторы статьи обращаются к различным аспектам жизни и творчества И.С. Никитина, включая его биографию, творческий путь, влияние на литературу своего времени и последующую известность. Особое внимание уделяется анализу использования имени поэта в рассказе Л. Андреева «Ангелочек», в котором Иваном Саввичем назван отец главного героя. Благодаря введению прецедентного антропонима в художественный текст малого прозаического жанра Л. Андрееву удается дать

лаконичные, но емкие характеристики своему герою, который способен на большое чувство, пронесенное сквозь годы.

Ключевые слова: И.С. Никитин, Иван Саввич, Л. Андреев, «Ангелочек», прецедентное имя.

S.A. Skuridina, E.O. Kuzminykh, E.N. Kartashova

PRECEDENT ANTHROPONYM IVAN SAVVICH NIKITIN

The paper considers the concept of a precedent phenomenon, by which the authors mean any element of past experience presented in the consciousness of a linguistic personality in the form of an image, situation, phrase, text and other forms and causing associations with certain events, phenomena. It is noted that in the school course of Russian literature, more than 20 poems by I.S. Nikitin are recommended for reading and studying, and lines from his works have been actively introduced and are currently being introduced into literary texts by various authors, in connection with which many poetic quotations have become winged expressions in which the idea of love for their native country is transmitted to the younger generation. A precedent name is one of the types of precedent phenomenon, which is the name of a famous person or the names of events, works of art, architectural monument, etc. The article is devoted to the analysis of the precedent name of I.S. Nikitin, a famous Russian poet of the XIX century, born in Voronezh. The authors of the article refer to the following.

Keywords: I.S. Nikitin, Ivan Savvich, L. Andreev, "Angel", precedent name.

Прецедентный феномен – это любой элемент прошлого опыта, представленный в сознании языковой личности в виде образа, ситуации, фразы, текста и других форм и вызывающий ассоциации с определенными событиями, явлениями и т.д. К прецедентным феноменам относят исторические события, литературные произведения, популярные фильмы, песни, крылатые выражения и имена собственные разных разрядов (имена исторических личностей, литературных персонажей, героев фильмов, мифологических существ, библионимы, прагматонимы и др.).

Прецедентное имя – это один из видов прецедентного феномена, который представляет собой имя известного лица или названия событий, произведений искусства, организаций и т.п., вызывающих определенные ассоциации у носителей языка. Прецедентные имена часто используются в художественной литературе, публицистике, рекламе и повседневном общении для создания образов, передачи идей и эмоций.

Оба понятия – прецедентное имя и прецедентный феномен – играют важную роль в культурной памяти общества, помогая людям ориентироваться в окружающем мире и взаимодействовать друг с другом на основе общих знаний и ценностей. Прецедентный феномен и прецедентное имя тесно связаны между собой, так как оба являются важными элементами культурного знания и языка. Они играют ключевую роль в формировании и передаче культурной информации, служат инструментом идентификации и узнавания в разных сферах жизни.

Прецедентное имя является одним из важных элементов культуры и языка, и различные ученые предлагают свои подходы к его изучению.

Один из подходов основывается на теории фреймов М. Минского, согласно которой прецедентное имя рассматривается как часть культурного знания, представляющая собой набор ассоциаций, связанных с конкретным персонажем или событием. В рамках этого подхода исследуются различные аспекты фрейма, такие как характерные черты персонажа, контекстуальные особенности его упоминания и культурная значимость [1].

Другой подход акцентирует внимание на семантике прецедентного имени, рассматривая его как знак, который обладает собственным значением и коннотациями. Здесь основное внимание уделяется анализу структуры значения прецедентного имени, его связи с другими словами и роли в контексте [2-6].

Третий подход сосредоточен на прагматике использования прецедентного имени, то есть на том, как оно используется в речи для достижения различных коммуникативных целей. Исследуются стратегии манипуляции, основанной на знании семантики прецедентного

имени, способы создания иронии, юмора и других стилистических эффектов через его использование [7].

Как указывает А.С. Титова, «прецедентное имя, как любой прецедентный феномен, с одной стороны, является порождением культурной среды, с другой же стороны, оказываясь в определенных дискурсивных потоках, является «диахронической матрицей» [8], сквозь которую просматривается другой текст» [9, с. 533].

Имя *Иван Саввич Никитин* для воронежцев является культурным знаком, в связи с чем его имя носит множество объектов в городе: улица, площадь, гимназия, библиотека, театр и т.д. Нобелевский лауреат И.А. Бунин так отзывался о творчестве И.С. Никитина: «Он в числе тех великих, кем создан весь своеобразный склад русской литературы, её свежесть, её велика в простоте художественность, её сильный простой язык, её реализм в самом лучшем смысле этого слова» [10].

В школьном курсе русской литературы для чтения и изучения рекомендуется более 20 стихотворений И.С. Никитина. Л.М. Кольцова и С.А. Чуриков отмечают, что «в настоящее время бытует более 80 цитат и крылатых выражений, принадлежащих» перу поэта [11; с. 74]. Поэтическое слово И.С. Никитина широко и полно вошло в русскую речь и обрело крылатость, о чем образно сказал писатель В.А. Кораблинов в «Воронежской поэме»:

Плывут облака никитинских строк
По вечным небесным дорогам...»

Строки из произведений И.С. Никитина входят в художественные тексты русских писателей и поэтов: «Он слушал, прикрывая глаза. Потом я читал Никитина: «Под большим шатром голубых небес, вижу, даль степей расстилается...» (Бунин И. А. Жизнь Арсеньева) [12; с. 102]. Это было широкое и восторженное описание великого простора, великих и разнообразных богатств, сил и дел России», «И когда я доходил до гордого и радостного конца, до разрешенья этого описания: «Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!» – Ростовцев сжимал челюсти и бледнел (Бунин И. А. Жизнь Арсеньева) [12; с. 58]; «Коншин не мог поверить, что город погибает, не мог поверить потому, что не изжила себя та сила, которая создала его, и под большим шатром голубых небес жила все та же вековечная, тихая и могучая Россия» (Платонов А. Житель родного города) [12; с. 57].

Исследователи рассматривают творчество воронежского поэта в разных аспектах [11], [13-14], в том числе ономастическом: в статье И.П. Шалиной выявлены и описаны антропонимы, функционирующие в поэме И.С. Никитина «Кулак» [15], однако отметим, что имя самого поэта упоминается в некоторых произведениях. Образ И.С. Никитина выведен в «Повести о поэте» О.В. Бубновой (В., 1956) и романе В.А. Кораблинова «Жизнь Никитина» (В., 1974). Имя поэта упоминается в романе Н.Д. Телешова «Между двух берегов»: «Ну, а вот Никитин Иван Саввич, известнейший поэт русский... по бедности двор постоянный держал. Это тоже дело особое? Щи варил да подавал всяким кулакам да извозчикам, водку откупоривал жуликам да всяким, может, грабителям... Горевал, страдал!..» Н.Д. Телешов. Между двух берегов (1903) [Исследование частично проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка - 16], в романе А.И. Эртеля «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги»: Ну-кось, в старое время! Читывал Никитина, Ивана Саввича? Хороший мне был приятель» (А.И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889) [16].

Особый интерес, на наш взгляд, представляет собой использование антропонима *Иван Саввич* как прецедентного имени в рассказе Л. Андреева «Ангелочек». Л. Андреев вводит двучастный антропоним, созданный по традиционной русской модели имя+отчество, *Иван Саввич* для отца главного героя рассказа, тем самым создавая отсылку к образу воронежского поэта Ивана Саввича Никитина. Полагаем, что это не совпадение, а намеренное введение Л. Андреевым прецедентного имени, что подтверждается некоторыми фактами.

Во-первых, Л. Андреев и И.С. Никитин – уроженцы Черноземного края, в связи с чем в орловской гимназии, директором которой был известный филолог И.М. Белоруссов, изда-

вавший свои труды в воронежских издательствах, вряд ли обходили стороной творчество И.С. Никитина. Интересен факт о выборе псевдонима, который вспоминал современник писателя Николай Телешов: «Андреев» – что такое Андреев? Даже запомнить нельзя. Совершенно безразличное имя, ничего не выражающее. «Л. Андреев» – вот так автор!» – «Но ведь есть же писатель Никитин, – возражали ему. – Все его знают, ни с кем не смешивают. Почему не быть теперь писателю Андрееву?» [17; с. 37]. Возмущение Л. Андреева связано с восприятием фамилии *Андреев* как типичной, поскольку она образована от личного имени *Андрей*, выступавшего в качестве полуотчества до возникновения отчеств на *-вич* и являвшегося изначально притяжательным прилагательным (Андреев сын). В основе фамилии *Никитин* также личное мужское имя только с присоединенным формантом не *-ов*, а *-ин* (оба аффикса являются традиционными в словообразовательных моделях русских фамилий).

Во-вторых, отец И.С. Никитина являлся владельцем небольшого свечного завода и свечной лавки, что проецируется на текст андреевского рассказа, в котором ангелочек, изготовленный из воска, принадлежит семейству *Свечниковых*.

В-третьих, реальный и литературный Иван Саввич больны, видимо, туберкулезом. Поэт Иван Саввич Никитин, как принято считать, скончался от чахотки, или лёгочного туберкулеза, хотя до открытия туберкулезной палочки Генрихом Кохом в 1882 году под чахоткой подразумевали разные болезни: грипп, бронхит, золотуху, пневмонию. Отец Сашки в рассказе Л. Андреева «начал харкать кровью», «ему всегда было холодно, и он старался согреться, сидя на раскаленной лежанке и подкладывая под себя руки ладонями книзу» [18; с. 158]

В-четвертых, внешне отец Сашки, как будто бы списан с хрестоматийного портрета И.С. Никитина: «Слабый свет проникал через широкую щель вверху, где перегородка на четверть не доходила до потолка, и светлым пятном ложился на его высокий лоб, под которым чернели глубокие глазные впадины» [18; с. 158].

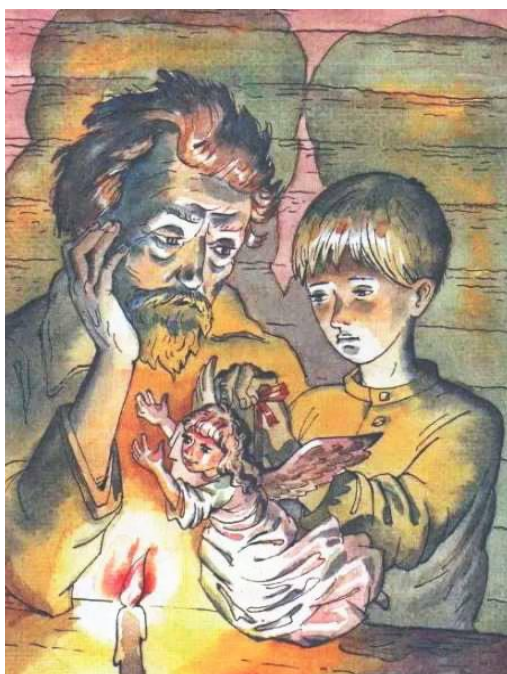

Рис. 1. Портрет И.С. Никитина (фотоателье Генриха Денъера на Невском проспекте в Санкт-Петербурге) и иллюстрация к рассказу Л.Андреева «Ангелочек»

В-пятых, у поэта и отца Сашки в жизни было большое чувство, которое, к сожалению, не привело к созданию семьи. Иван Саввич – отец Сашки – влюблён в Свечникову, которой когда-то давал уроки: «жалкий отец его любил ее, а она вышла за другого, и, хотя это случилось после того как он женился сам, Сашка не мог простить измены» [18, с. 161]. Причиной

расставания отца Сашки и барышни Свечников стало не только разница в социальном положении героев, но и факт его измены: «Разошелся он с ними после того, как женился на забеременевшей от него дочери квартирной хозяйки, стал пить и опустился до такой степени, что его, пьяного, поднимали на улице и отвозили в участок» [18, с. 159].

Поэт И.С. Никитин был влюблен в дочь генерала Наталью Антоновну Матвееву, с которой познакомился в 1959 году в имении Плотниковых (девушка приходилась племянницей Вячеславу Плотникову). Они быстро поняли, что их связывает нечто большее, чем просто дружба. Однако их отношения были сложными из-за социального статуса и разницы в возрасте. Несмотря на все трудности, их чувства оставались глубокими и искренними. Наталья поддерживала И.С. Никитина в его творчестве, вдохновляла его на создание новых произведений и помогала ему справляться с жизненными трудностями. Она была его музой и наставником, и многие стихотворения Никитина посвящены именно ей. Например, стихотворение «Мысль» посвящено Наташе и является одним из самых известных произведений поэта. Когда в 1961 году поэт заболел, Н.А. Матвеева хотела ухаживать за ним, И.С. Никитин отказался, понимая, что визиты незамужней женщины из другого сословия могут навредить ее репутации). Наталья Антоновна попросила поэта сжечь ее письма, но сама сохранила 14 писем, полученных от И.С. Никитина. В одном из последних читаем: «Вы уехали, и в жизни моей остался пробел; меня окружает пустота, которую я не знаю, чем наполнить. Мне кажется, я ещё слышу ваш голос, вижу вашу кроткую, приветливую улыбку, но, право, мне от этого не легче: всё это тень ваша, а не вы сами. Как до сих пор живы в моей памяти – ясный солнечный день и эта длинная, покрытая пылью улица, и эти ворота, подле которых я стоял с поникшей головой, чуждый всему, что вокруг меня происходило, – видя только вас одну и больше никого и ничего! Как не хотелось, как тяжело было мне идти назад, чтобы приняться за свою хлопотливую, бестолковую работу, обратившись в живую машину, без ума и без сердца. Как живо всё это я помню!» [19]

Биограф И.С. Никитина Михаил Федорович Де-Пуле, являвшийся душеприказчиком поэта и опубликовавший книгу «Сочинения И.С.Никитина» (Воронеж, 1869), в которой рассказывает о жизни поэта на основе переписки и личных впечатлениях о нем, сложившихся в результате его общения с И.С. Никитиным в 1854–1861 гг., и приводит один из диалогов, который демонстрирует возможность увлечения поэта другой женщиной в период переписки его с Н.А. Матвеевой: «Как-то в январе я зашёл в книжный магазин. Никитин был один. – Знаете ли что, – сказал он мне: – все мы подлецы ужасные!» – «Это почему? – говорю». – «Да так... Вот хоть бы и я. Совестно признаться, а ведь мне нравится серьезно М-а». – «Так что же? – говорю». – «Как что же? Да, ведь это подло, а А-на-то?... Эхма!..» [20]. Однако можно только предположить, что зашифрованная фамилия М-а – это Матвеева, а А-на – Анна Тюрина, двоюродная сестра И.С. Никитина, которая ухаживала за ним в дни тяжелой болезни и не пускала к нему Н.А. Матвееву.

В-четвертых, мотив пьянства, на наш взгляд, связан как с биографией Л. Андреева, так и с биографией И.С. Никитина: когда его отец лишился свечного завода, он начал пить; в рассказе «Ангелочек», лишившись расположения Свечниковых, запивает отец Сашки.

Как видим, прецедентное имя, включенное в рассказ, позволяет не только создать общее культурное пространство между автором и читателем, знающим судьбу И.С. Никитина, но и сформировать образ андреевского героя: соотносимый с образом поэта отец Сашки приобретает дополнительные черты (стремление к прекрасному, способность на высокое чувство), которые, подсвечивая многогранность и неоднозначность созданного Л. Андреевым образа, приводят к изменению читательского восприятия.

Библиографический список

1. Минский М. Фреймы для представления знаний // Психология машинного зрения. М.: Мир, 1978. С. 72.
2. Ковалев Г.Ф. К пониманию автобиографизма в литературной ономастике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. №4. С. 10-18.
3. Ковалев Г.Ф. Литературная ономастика – поле исследований для литературоведов и лингвистов // Русистика без границ. 2017. №2. С. 30-40.
4. Супрун В.И. Имя собственное как эмотивный феномен // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 1 (134). С. 199-204.
5. Скуридина С.А. Аспекты изучения литературной ономастики: взгляд исследователей Воронежской ономастической школы // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2 (49). С. 127-133.
6. Скуридина С.А., Бугакова Н.Б. Модель ономастического творчества в индивидуально-авторской картине мира // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. 2023. № 1 (28). С. 92-97.
7. Крюкова И.В. Рекламная топонимия в когнитивно-прагматическом аспекте // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 805-808.
8. Топоров В.Н. 1987 Заметки по реконструкции текстов // Исследования по структуре текстов. М., Наука. с. 99–100.
9. Титова А.С. Прецедентное имя как диахроническая матрица (эволюция имени Плюшкин в коммуникативном сознании) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. №38 (4). С. 532–539. DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-4-532-539
10. Бунин И.А. Полное собрание сочинений: в 13 тт. Т. 9. М., 2006. с. 441.
11. Кольцова Л.М., Чуриков С.А. «Пусть ум твой пробудит и душу потрясет...» (крылатое слово И.С. Никитина в русском языковом пространстве // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 1 (44). С. 74-80.
12. Кольцова Л.М., Чуриков С.А., Винтер М.В. Крылатое слово И.С. Никитина. Опыт словаря. Воронеж, 2019. 152 с.
13. Романов Д.А. Лирика И.С. Никитина в ракурсе современной лингвопоэтики (к 200-летию со дня рождения поэта) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2024. № 2 (53). С. 243-257.
14. Паничева А.К. Танцевальный фольклор Воронежского края в поэтическом творчестве И.С. Никитина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 1. С. 46-49.
15. Шалина И.П. Имя в творчестве И.С. Никитина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 104-106.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения – 15.01.2024).
17. Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Донина О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. №2. С. 7–34.
18. Андреев Л.Н. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990-1995.
19. Леонид Андреев: жизнь Человека / сост. и авт. вступ. ст. Д. А. Алексеев, А.С. Никулин; АНО ДПО «ИПК ГС»; Фонд «Родное наследие». М.: Издательство + дизайн-бюро «ред.», 2021. 160 с.
20. Никитин И.С.- Матвеевой Н.А., 19 апреля 1861 года. URL: <http://nikitin.lit-info.ru/nikitin/letter/pismo-84.htm> (дата обращения - 15.10.2024).

21. И.С. Никитин. Сочинения Ивана Саввича Никитина, с его портретом, fac-simile и биографией, составлен. редактором издания М.Ф. де-Пуле. Москва: т-во И.Д. Сытина, 1914.

References

1. Minsky M. Frames for the representation of knowledge // Psychology of machine vision. Moscow: Mir, 1978. p. 72.
2. Kovalev G.F. Towards understanding autobiography in literary onomastics // Topical issues of modern philology and journalism. 2018. No.4. pp. 10-18.
3. Kovalev G.F. Literary onomastics – a field of research for literary critics and linguists // Russian studies without borders. 2017. No.2. pp. 30-40.
4. Suprun V.I. Proper name as an emotive phenomenon // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2019. No. 1 (134). pp. 199-204.
5. Skuridina S.A. Aspects of the study of literary onomastics: the view of researchers of the Voronezh Onomastic School // Topical issues of modern philology and journalism. 2023. No. 2 (49). pp. 127-133.
6. Skuridina S.A., Bugakova N.B. The model of onomastic creativity in an individual author's picture of the world // Bulletin of the Vologda State University. Series: Historical and Philological Sciences. 2023. No. 1 (28). pp. 92-97.
7. Kryukova I.V. Advertising toponymy in the cognitive-pragmatic aspect // Cognitive studies of language. 2015. No. 22. pp. 805-808.
8. Toporov V.N. 1987 Notes on the reconstruction of texts // Research on the structure of texts. M., Nauka. pp. 99-100.
9. Titova A.S. Precedent name as a diachronic matrix (evolution of the name Plyushkin in communicative consciousness) // Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Humanities. 2019. No.38 (4). pp. 532-539. DOI 10.18413/2075-4574-2019-38-4-532-539
10. Bunin I.A. The complete works: in 13 volumes. Vol. 9. M., 2006. p. 441.
11. Koltsova L.M., Churikov S.A. "Let your mind awaken and shake your soul..." (the winged word of I.S. Nikitin in the Russian language space // Topical issues of modern philology and journalism. 2022. No. 1 (44). pp. 74-80.
12. Koltsova L.M., Churikov S.A., Winter M.V. The winged word of I.S. Nikitin. Dictionary experience. Voronezh, 2019. 152 p.
13. Romanov D.A. I.S. Nikitin's lyrics from the perspective of modern linguopoetics (on the 200th anniversary of the poet's birth) // Theory of language and intercultural communication. 2024. No. 2 (53). pp. 243-257.
14. Panicheva A.K. Dance folklore of the Voronezh region in the poetic work of I.S. Nikitin // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2016. No. 1. pp. 46-49.
15. Shalina I.P. The name in the works of I.S. Nikitin // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2011. No. 1. pp. 104-106.
16. The National corpus of the Russian language. URL: <https://ruscorpora.ru> (date of application – 15.01.2024).
17. Savchuk S. O., Arkhangelsky T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Contractor M. V. National Corpus of the Russian language 2.0: new opportunities and development prospects // Questions of linguistics. 2024. No. 2. pp. 7-34.
18. Andreev L.N. Collected works. In 6 vols., vol. 1. Moscow: Art. lit., 1990-1995.

19. Leonid Andreev: the life of a Man / comp. and auth. introductory articles D. A. Alekseev, A.S. Nikulin; ANO DPO "IPK GS"; Fund "Native heritage". Moscow: Publishing House + design bureau "ed.", 2021. 160 p.

20. Nikitin I.S.- Matveeva N.A., April 19, 1861. URL: <http://nikitin.lit-info.ru/nikitin/letter/pismo-84.htm> (date of application - 15.02.2024).

21. I.S. Nikitin. The works of Ivan Savvich Nikitin, with his portrait, facsimile and biography, are compiled. the editor of the publication is M.F. de Poulet. Moscow: I.D. Sytina Publishing House, 1914.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ LANGUAGE AND CULTURE STUDIES

УДК 81.366

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.019

Оренбургский государственный педагогический университет

канд. филол. наук, доц. кафедры русского языка и методики преподавания русского языка

Твердохлеб О.Г.

Россия, г. Оренбург,

тел. (906) 846-87-11

e-mail: ogtwrd@gmail.com

Orenburg State Teacher Training University

The department of Russian language and methodology of teaching Russian language,

PhD, assistant Professor

Tverdokhlebo O.G.

Russia, Orenburg,

Tel. (906) 846-87-11

e-mail: ogtwrd@gmail.com

О.Г. Твердохлеб

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ОДНООСНОВНЫХ СЛОВ С КОРНЕМ РЫЖ- В ПОЭЗИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА: ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ, ГЛАГОЛ, НАРЕЧИЕ

Статья продолжает анализ одноосновных цветообозначений с корнем рыж- в поэзии Серебряного века, начатый нами ранее. Проведенный в работе анализ установил, что в первой трети XX века поэты творчески реализовывали словообразовательный потенциал имени прилагательного рыжий. Установлено активное использование грамматической принадлежности цветообозначений «рыжего» к классу имени существительного, глагола, наречия или слова категории состояния, а также категориально-грамматических компонентов семантики. На иллюстративном материале рассматривается употребление двух групп односоставных имен существительных — безаффиксных, адъективного склонения (рыжий) и суффиксальных (рыжики, рыжеватость), акцентирующих внимание читателя на конкретном цветовом признаке, а не на носителе этого признака. Автор указывает, что семантическое дублирование в ближайшем контексте при помощи других лексем способствует не только акцентированию значения этих субстантивов, но и устранению неоднозначности понимания их разных значений. Также показывается, что сфера «рыжего» расширяется в поэтических текстах 1900—1930-х годов за счет глагольных лексем рыжить и порыжить, связывая передачу подлинной рыжей краски окружающего мира с модальностью, временем и видом. Утверждается, что приобретенная цветообозначением глагольная семантика процессуальности предопределяют оформление и передачу в поэтических строках субъективных, пространственных и других смыслов. Иллюстрируется синтаксическая возможность подчинительной связи отадъективного наречия, репрезентирующего сферу «рыжего», и глагола, обозначающего близкую цветовую гамму, позволяющая создать своеобразный, сложный по смыслу, экспрессивный цветовой образ. Результаты, полученные в работе, могут оказаться интересными для литературоведов, исследующих творчество поэтов Серебряного века. Полученные результаты могут найти применение и в практике составления словаря поэзии.

Ключевые слова: цветообозначение рыжий, лексическое значение, словообразовательный аффикс, субстантив, глагол, наречие, контекст

O.G. Tverdokhlebo

FUNCTIONING OF MONO-BASE WORDS WITH THE ROOT RYZH- IN THE POETRY OF THE FIRST THIRD OF THE XX CENTURY: NOUN, VERB, ADVERB

The article continues the analysis of monobasic color terms with the root red- in the poetry of the Silver Age, begun in the article published in the previous issue of the magazine. The analysis carried out in the work established that

in the first third of the twentieth century, poets creatively realized the word-formation potential of the adjective red. The active use of the grammatical affiliation of the color terms “red” to the class of a noun, verb, adverb or state category word, as well as categorical-grammatical components of semantics, has been established. The illustrative material examines the use of two groups of one-component nouns - affix-free, adjectival declension (red) and suffixal (redheads, reddishness), focusing the reader's attention on a specific color attribute, and not on the bearer of this attribute. The author points out that semantic duplication in the immediate context with the help of other lexemes helps not only to emphasize the meaning of affix-free substantives of the adjectival declension, but also to eliminate the ambiguity in understanding their different meanings. It is also shown that the sphere of “red” expands in poetic texts of the 1900s–1930s due to the verbal lexemes red and red, through which the transmission of the true red color of the surrounding world is associated with modality, time and appearance. It is argued that the verbal semantics of processuality acquired by color designation predetermine the design and transmission of subjective, spatial and other meanings in poetic lines. The syntactic possibility of a subordinating connection between an adjective adverb representing the sphere of “red” and a verb denoting a similar color scheme is illustrated, allowing one to create a unique, complex in meaning, expressive color image. The results obtained in the work may be of interest to literary scholars studying the work of Silver Age poets. The results obtained can also be used in the practice of compiling a poetry dictionary.

Key words: color designation red, lexical meaning, word-forming affix, substantive, verb, adverb, context

Неослабевающий интерес к исследованию номинаций цветов в лингвистике, в том числе ярких, обладающих стилистической спецификой, названий рыжего цвета ([1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6]; [7]; [8]; [9]; [10] и др.), на который мы указывали в своей статье, напечатанной в предыдущем номере журнала [11], обусловил наш дальнейший анализ словообразовательного потенциала сферы «рыжего» в поэзии Серебряного века.

Предметом рассмотрения в этой работе будут поэтические контексты (всего 541 единица), также включающие в свой состав одноосновное простое название с корнем рыж- в русской поэзии 1900–120 гг. и обнаруженные нами в НКРЯ [12] (далее в статье все примеры по этому источнику).

Проведенный ранее (в: [11]) анализ полученных словоупотреблений показал в языке русской поэзии первой трети XX века неодинаковую степень частотности репрезентации семантики «рыжего» одноосновными лексемами, выраженными разными частями речи, среди которых доминантой является непроизводная односоставная адъективная лексема рыжий, а также выявил зависимость функционирования непроизводного имени прилагательного рыжий и его производных рыженький, рыжеватый, порыжелый от грамматической принадлежности их к классу качественных прилагательных и разных категориально-грамматических компонентов семантики. В этом исследовании мы рассмотрим, как для организации цветового художественного пространства поэтами Серебряного века используются одноосновные цветообозначения с корнем рыж-, выраженные такими частями речи, как имена существительные — безаффиксные адъективного склонения и суффиксальные (47 единиц); глаголы и глагольные формы (причастие, деепричастие) (29 случаев); наречия и слово категории состояния (5).

Имена существительные, образованные от адъектива со значением рыжего цвета, акцентируют внимание читателя на конкретном цветовом признаке, а не на носителе этого признака. Встречаются в поэтических творениях описываемого времени гораздо реже (47 случаев), нежели имена прилагательные (459 случаев), поскольку значение признака является общекатегориальным для имени прилагательного. Цветовое качество «рыжий» выражается опосредованно признаковыми односоставными субстантивами: а) именами существительными «адъективного склонения, мотивированными прилагательными» [13; с. 236]; б) именами существительными односоставными, отъадъективными, суффиксальными.

Имена существительные безаффиксные адъективного склонения, по данным нашего материала, в поэтических творениях обозначенного временного промежутка используются очень широко (33 случая). Такие субстантивы получены продуктивным и актуальным неморфологическим способом словообразования [14]; [15] в результате перехода из полного имени прилагательного рыжий в имя существительное. Значимость прямой номинации при помощи производного флективного безаффиксного субстантива с нечленимой основой (слово с так называемым нулевым суффиксом) рыжий в описываемых нами контекстах обуслов-

лена теми фактами, что а) эти дериваты обозначают рыжий цвет непосредственно, и б) символические значения названий цвета, актуальные для поэтических произведений, чаще выражаются чистым цветом [16; с. 19].

1. Субстантивы, номинирующие в поэтических строках и одушевленные, и неодушевленные предметы, объединяются в 4 лексико-семантические группы в соответствии:

○ с ЛЗ 'рыжеволосый' [17]' (21 словоупотребление — наиболее частотные случаи), ср.: — Облизывай, рыжий, / Старательней корку... (Н.С. Тихонов. Дорога. 1924);

○ с ЛЗ 'конь рыжей масти' [18]: Стояли рыжие, гнедые, вороные (А.Д. Скалдин. «Суровый бог!...». 1911);

○ с ЛЗ 'клоун'. [17]': Ловкий клоун / <...> / Помогай, / неуклюжий рыжий, / в небесах растянуть ковер (Н.Н. Ушаков. В цирке. 1924);

○ с ЛЗ 'костер': Взвился рыжий, ближе! / <...> / вакхический огонь (И.Г. Эренбург. «Взвился рыжий, ближе!...». 1922).

В последнем примере значение у субстантива рыжий не отмечается, в отличие от первых трех, толковыми словарями, являясь окказиональным, а потому особенно привлекает внимание читателей.

2. Определению конкретного значения у субстантива рыжий помогает контекстное окружение.

Вводятся замещаемые этим цветообозначением номинации носителей (человек, животное, природного явления), расположенные по отношению к субстантиву в препозиции (несколько случаев) и в постпозиции (единично), при этом дистанция между ними может быть весьма значительной, ср. пример из произведения, где номинация носителя цветового признака вводится в начальной строфе: Три витязя росли..., и только через несколько строф, в заключительной строфе используется субстантив рыжий: ...А рыжий как рванется (С.М. Городецкий. Яга. 1907).

Упомянуты специфические, присущие (человеку, животному, природному явлению) процессы, качества или предметы, связанные со стереотипными представлениями о них. Ср., напр., глагольные (выжег, пылают) и именные (костре, огонь) формы, в семантику которых входит компонент 'способность гореть', подсказывающий опущенное существительное (типа «костер», «пламя», «огонь»), в следующем контексте: Взвился рыжий, ближе! Ближе! / И в осенний бурелом / Из груди России выжег / Даже память о былом. / Он нашел у двоеверки, / Глубоко погребено, / В бурдюке глухого сердца / Итальяское вино. / На костре такой огромной, / Оглушающей мечты / Весело пылают бревна / Векового Калиты. / Нет, не толп суровый ропот, / А вакхический огонь / Лижет новых протопопов (И.Г. Эренбург. «Взвился рыжий, ближе! Ближе!...». 1922). Еще пример: Вы часто видали в копеечном цирке, / В какой-нибудь жалкой и черной дыре, — / Похожий на черта в стеклянной пробирке, / Болтается «рыжий» на рваном ковре (В.В. Воинов. «Вы часто видали в копеечном цирке...». 1914).

3. Поэты для своих эстетических целей используют произошедшие вследствие субстантивации морфологические и синтаксические изменения.

Используется и возможность отадъективного субстантива рыжий, не изменяющегося по родам и являющегося словом одного рода, иметь две коррелятивные, соотносительные формы единственного числа мужского и женского рода для обозначений:

○ лица мужского пола, ср.: Брюнет? // А вчера рыжий был (С.М. Городецкий. Работа. 1905);

○ женского пола, ср.: Или любишь белокурую, / Или рыжая мила? (А.А. Ахматова. «Муж хлестал меня узорчатым...». 1911).

Форма среднего рода имени прилагательного с обобщенно-абстрактным значением [19; с. 78] в нашей картотеке не отмечена.

4. Новые морфологические особенности субстантива рыжий, утратившего свою качественную семантику и приобретшего предметное значение, позволяют поэтам вводить его в

ряд однородных членов либо в однотипные (сематически и / или грамматически) сочетания / предложения:

а) не только вместе с другими отадективными субстантивами, ср.: Стояли рыжие, гнедые, воронные (А.Д. Скалдин. «Суровый бог!...». 1911); «Сумасшедший! / Рыжий!» — / запрыгали слова (В.В. Маяковский. Ничего не понимают. 1913); ср. также строки: Рыжий и красный / Как по речке, по реке / Ехал рыжий на быке. / Рыжий красного спросил: — / Чем ты бороду красил? (К.И. Чуковский. Рыжий и красный. 1924), в которых заметна связь со словами из известной детской песни-дразнилкой;

б) но и с отадективными субстантивами и с именами существительными: Ты. Красавка. Рыжая. Гривая (И.Л. Сельвинский. Цыганская 2-я. 1922) или только с именами существительными, ср.: Блондинки, рыжие, шатенки / Вздохнут о ком, вздохнут о ком? (О.Э. Мандельштам. Баллада о горlinkках. 1924), что особенно подчеркивает значение предметности у бывшего адектива.

5. Описываемый способ словообразования играет особенно большую роль в обогащении синтаксиса поэтического языка. Данные словоформы находим в разных синтаксических позициях:

- подлежащего, ср.: Рыжий дернул на гармошке (А.П. Платонов. Песня. 1919-1922);
- дополнения (со значением адресата), ср.: Кому урожай? – рыжим (С.М. Третьяков. Водовоз. 1924);
- несогласованного определения, ср.: Вот республика рыжих... (Э.Г. Багрицкий. Париж заселяется вновь. 1930);
- обращения, напр.: Будешь милая моя. / Рыжая, подтягивай! (С.М. Городецкий. Частушка. 1912).

Активизируя заложенные в синтаксисе русского языка возможности, поэты используют и способность субстантива как класса имён существительных, определяться именами, в частности неличными местоимениями адективного типа (местоимениями-прилагательными: всех, этих). Ср. сочетания с препозитивным определением, служащим средством обобщения: И всех русских, черных и рыжих / Подсчитывал по бородам (Н.Н. Зарудин. Партизаны. 1923); ...нет / Всех этих злых, бесстыжих, рыжих, / Партийцев, маникюрш, газет... (В.Е. Щировский. Дуализм. 1929).

б. В структуре одного конкретного поэтического произведения используются разного рода повторы безаффиксных адективных субстантивов, а именно:

а) повтор субстантива рыжий, ср.: Конь стоял подобно грыже. / Рыжий был суров и бледен. / Мери свез в больницу рыжий... (С.И. Кирсанов. Больничное. 1925); Первый выход — Рыжий! Помогай! // Рыжий - ура! Начинается игра! / <...> / джаз-банд / Рыжий заводит — раззз (С.И. Кирсанов. Мери-наездница. 1925);

б) сквозной повтор целой строки, включающей субстантивную лексему рыжий, ср.: Кто вас обгонит: ветер, стрела? / Рыжая ржет и грызет удила / <...> / Ветер и пестрая даль им мила; / Рыжая ржет и грызет удила / <...> / Нужно, чтоб бревна пилила пила; / Рыжая ржет и грызет удила / <...> / Мальчик верхом едет в куртке зеленой / Кто вас обгонит: ветер, стрела? / Рыжая ржет и грызет удила (М.А. Кузмин. «Мальчик верхом едет в куртке зеленой...». 1908-1909);

в) повторы с чередованием омонимичных (адективной и субстантивной) форм, ср. Синий китаец на почве рыжей. / <...> / На этой стене — / «рыжих дьяволов» флаг. / <...> / Кому урожай? - рыжим. / Рыжим и уголь движем. / <...> / Рыжий! / <...> / В рыжую шею въеду колесом. / <...> / У белых мужчин — рыжи волоса. / Нету ходу от рыжей беды / <...> Рыжие дьяволы. Слушают (С.М. Третьяков. Водовоз. 1924).

Отадективные суффиксальные субстантивы, называющие предмет по характерному для него рыжему цвету, используются в поэзии 1900-1930-х годов (14 случаев). В текстах представлены имена существительные, образованные от имени прилагательного рыжий с помощью с помощью суффикса -ик (рыжик) и от имени прилагательного неполноты призна-

ка рыжеватый с помощью с помощью суффикса -ость (рыжеватость) и употребляемые со значением носителя предметного признака. Семантика такого носителя предметного признака зависит от конкретного словообразовательного форманта.

1. Субстантивы с суффиксом -ик в большинстве случаев употребляются со значением конкретных неодушевленных предметов.

Номинация натурфакта рыжик (от цвета рыжей шляпки, ср. ЛЗ по толковому словарю: 'съедобный гриб с желтовато-розовой шляпкой и загнутыми краями' [18]) употребляется в поэтических контекстах в прямом и переносном значениях, конкретизации которых помогает контекстное окружение, в частности, вводится в строки:

а) 'название живого растительного организма вместе с локативным обстоятельством, называющим место произрастания грибов (под елкой, на поляне и др.), ср.; Россыпь рыжиков дремлет под елкой (Саша Черный. Черника. 1929); На поляне, между елок, / Рыжик пыжится поднять (П.П. Потемкин. «В сентябре росой студеной...». 1911);

б) 'номинации продукта питания (еды, пищи) вместе с названием посуды (блюдо), ср.: ...рыжики на блюде (В.В. Маяковский. Гимн критику. 1915); На блюде киснет одинокий рыжик (Саша Черный. Обстановочка. 1909); или с названием специфического, присущего пище качества (сушеный), ср.: А пока на подоконнике сушеные грибы: / Белые, лисички, рыжики да грузди (И.Л. Сельвинский. Улялаевщина. 1924).

Лексема рыжики с ЛЗ 'золотые монеты' вводится для репрезентации артефакта (знаковых предметов, имеющих определенное назначение), ср. строки: Засада у Рабиновича... // Отобрали / «шведки» и «рыжики» (В.В. Маяковский. Уже! 1923).

В единичных контекстах лексема рыжик употреблена с другими значениями, определение которых несколько затруднительно:

а) вследствие характерного в заумном языке отсутствия чётких форм, возможны толкования лексемы рыжики как 'люди с рыжими волосами', 'люди в рыжих рубашках' либо 'рыжий цвет рубашки' в поэтических строках: ...идут рубашки рыжики / покрикивают улицу / веревку колокольную / ладошки синяки (Д. Хармс. Ваньки встаньки. 1926);

б) из-за отказа от формального (пунктуационного) оформления, характерного для таких строк поэта-футуриста: Ну нет не без приятности однако о Финик / Пыжик не у вас ли рыжик (А.И. Введенский. Минин и Пожарский. 1926), где прослеживается не столько выражение значения 'кто- или что-либо рыжего цвета', сколько стремление автора к созданию яркой паронимической аттракции (консонантного типа), являющейся отличительной чертой поэзии XX века (поэзии своеобразного «паронимического взрыва» [20]). При этом нагнетание в контексте слов с финалом на -ик (Финик, Пыжик, рыжик) выявляет связи с уменьшительно-ласкательным суффиксом субъективной оценки. Возможна также и связь с городской фольклорной песенкой в начале XX века «Чижик-пыжик, где ты был?» [21].

2. Из ряда суффиксальных абстрактных существительных, образующихся от адъективного цветоименования со значением рыжего цвета (рыжина, рыжесть, рыжинка), оказалось востребованным только имя существительное рыжеватость. Этот субстантив, мотивированный прилагательным неполноты цвета рыжеватый, образован с помощью с суффикса -ость по непродуктивному [13], но самому объемному по своему представительству в русском языке суффиксальному словообразовательному макротипу отвлеченности [22; с. 37]. В поэтических строках наблюдаем «сдвиги в область отвлеченного разрушают слишком грубую вещественность, эффект которой мог бы возникнуть, если бы поэт оперировал только конкретными обозначениями и характеристиками» [23; с. 10-11]: И вдруг, раскрыв оранжевые крылья, / (Напомним рыжеватость тех волос) / Она из тьмы ушедших дней вспорхнула / И в солнце унеслась через окно / В лучистый день, в лазурное сегодня (Н.Н. Берберова. «Я десять лет не открывала старой...». 1922-1953).

Глагольные лексемы рыжесть и порыжесть расширяют сферу рыжего в поэтических текстах 1900—1930-х годов (30 словоупотреблений).

1. Глагольные цветообозначения образованы от прилагательного рыжий морфемным способом: а) путем суффиксации (с суффиксом -е-), продуктивной для художественной речи [13; с. 345]: рыж(ый) → рыж + е(ть); б) путем префиксации: рыже(ть) → по- + рыже(ть), где приставка по- вносит перфективный оттенок результативности и начинательности в семантику производной глагольной основы. Деривационный потенциал суффикса -и(ть) в поэзии описываемого временного среза не используется (каузальный дериват типа: рыжить в нашей картотеке отсутствует).

2. Через глагол рыжий цвет, приобретая процессуальность, связывается с модальностью, временем и видом.

Они относятся к лексико-семантической группе «глаголов становления и выделения цветового признака», подполя «Качественное состояние», поля «Бытие, состояние, качество» [24; с. 488].

Во всех обнаруженных формах глагол несовершенного вида рыжить имеет «самое яркое актуально-длительное» значение, описывающее «процесс или состояние, длящееся в момент наблюдения» [25; с. 19-20]. В поэтическом предложении глагол употребляется только в препозиции по отношению к подлежащему. ЛЗ ‘виднеться (о чем-либо рыжем)’; ‘выделяться рыжим, красно-желтым цветом, цвета меди’ [24; с. 488] передается:

- личной формой глагола изъявительного наклонения настоящего времени 3-го лица единственного и множественного числа, напр., в составе нераспространенного предложения, напр.: Рыжеет лес (Н.Н. Зарудин. Поросенок: «Сквозь дым болот сверкнет река...». 1924), легко трансформирующегося в предложение с адъективным предикатом (→ лес рыжий). Еще примеры: Но уж рыжеет даль (Н. А. Клюев. «Сготовить деду круп, помочь развесить сети...». 1914-1916); Рыжеет бор, / Рассвет над плёсом зажег костер (Н.А. Клюев. «На сивом плёсе гагарий зык...». 1914);

- формами глагола прошедшего времени единственного и множественного числа, напр.: Где рыжели, ржавея, осенние рощи (В.М. Лебедев. Сентиментальные короли. 1929);

- формой повелительного наклонения 3-го лица единственного числа (с частицей пусть), напр.: И пусть дубов рыжеет сушь (В.И. Иванов. Горная весна. 1904);

- деепричастием несовершенного вида (на -я), совмещающим значения глагола и наречия, напр.: И, окопной ржавчиной рыжея / ты запомнил / яблоки / не зря (Н.Н. Ушаков. Яблоки. 1925).

Связь лексического значения у инхоативного глагольного цветоименования с семантикой совершенного вида позволяет творцу передать рыжий цвет в динамическом аспекте. Лексема порыжесть со значением ‘становиться рыжим, красно-желтым цветом, цвета меди’; ‘выцветшим, красновато-бурым’ [24; с. 488] представлена в поэтических строках описываемого периода формами:

- глагола изъявительного наклонения прошедшего времени единственного и множественного числа, напр.: Порыжели холмы (И.А. Бунин. «Порыжели холмы. Зноем выжжены...». 1916);

- действительным причастием прошедшего времени (с суффиксом -вш-), совмещающим значения глагола и прилагательного, что позволяет охарактеризовать цвет природных объектов и веществ, части растений: Вон порыжевшие кочки и мокрый овраг (Н.С. Гумилев. Покорность. 1910); Льдов порыжевших руда (М.П. Герасимов. На фронт труда. 1921); Оборвем порыжевшие кисти (Саша Черный. Табак. 1922).

3. Личные формы глагольного цветообозначения, занимая позицию предиката как «центрального смыслообразующего элемента» поэтического предложения [26; с. 47], становятся «средством сопряжения конкретнособытийного ряда произведения и аналитически обобщающей авторской мысли» [27; с. 9]. Это определяют оформление и передачу субъективных, пространственных и других смыслов.

Субъектная позиция носителя цветового признака заполняется:

а) (в бытийных предложениях) при глаголе-предикате рыжить именами неодушевленных предметов, номинирующих совокупности растений: бор (Н.А. Клюев), жнивье (Н.Н. Зарудин), лес (Н.Н. Зарудин), рощи (В.М. Лебедев), трава (В.Ф. Ходасевич); пространственные объекты: даль (Н.А. Клюев), озера (Н.И. Дементьев); природные вещества: навоз (Б.Л. Пастернак), (дубов) сушь (В.И. Иванов); жидкости: кровь (С.Я. Парнок), влага (П.С. Сухотин);

б) (в предложениях характеристики) при глаголе-предикате порыжить именами неодушевленных предметов (в том числе местоимениями), номинирующими (указывающими на ранее упомянутые): пространственные (земные и небесные) объекты: кочки (Н.С. Гумилев), тучи (И.Г. Эренбург), холмы (И.А. Бунин); артефакты: он (памятник — О. Т.) (Д.В. Петровский); ты (фигурка Мефистофеля на часах — О. Т.) (И.В. Юрков); бумазья (А.А. Штейнберг).

Глагольная семантика цветообозначения позволяет творцам указать важный для описываемого события локальный ориентир (в позиции обстоятельства), ср.: ...на востоке порыжели (И.Г. Эренбург); ...рыжеет на скатерти (П.С. Сухотин); Напротив у молочной, / Рыжел... (Б.Л. Пастернак); Вдоль полей и за ними — рыжеют... (Н.И. Дементьев); или (единично) придаточного предложения, ср.: Там, где просохло, рыжела... (В.Ф. Ходасевич).

Отадъективное наречие на -е представлено единичными словоупотреблениями обстоятельственно-определяющей семантики. Наречие рыже, категориальная семантика которого как вторичного реляционного признака предопределяет языковую модель (приглагольная, примыкание). Ср. обозначения непроцессуального цветового признака действия [13; с. 703] наречия в глагольных словосочетаниях:

а) контактное употребление в препозиции к глаголу-сказуемому, ср.: От времен, / когда / лавины / рыже разжижали (В.В. Маяковский. Рабочим Курска, добывшим первую руду, временный памятник работы Владимира Маяковского. 1923);

б) для придания цветовому признаку поэтической окраски может экспрессивно акцентироваться в постпозиции [28; с. 206], ср.: Вулканом мир хорохорится рыже (В.В. Маяковский. 150 000 000. 1919-1920).

Своеобразие художественных образов в этих глагольно-наречных сочетаниях состоит в том, что, с одной стороны, по своему грамматическому значению наречие (рыже), мотивированное прилагательным (рыжий), определяет (в качестве обстоятельства образа действия) действие (называемое глаголом-предикатом: разжижали, хорохорится), а, с другой стороны, по своему лексическому значению характеризует рыжий цвет субъекта, квалифицируя «того, от кого исходит действие, процессуальное состояние» (лавины, мир) [Там же; с. 41].

Экспрессия более сложного по смыслу цветового образа может усиливаться синтаксической связью глагола и наречия (с префиксом до- и суффиксом -а), обозначающих близкую цветовую гамму (краснеть, до рыжа), ср.: Сажанный мореходец / Краснеет до рыжа (М.А. Кузмин. Именины. 1922), где окказиональное наречие (как предложно-падежная форма с идиоматическим значением) до рыжа (обозначающая 'доведенность до цветового признака, названного мотивирующим прилагательным рыжий) добавляет в другое цветовое значение ('красный', репрезентированное глаголом-предикатом краснеть), значение интенсивности, степени сравнения и оценки (краснеть до рыжа = 'быть красным до степени рыжего, как рыжий').

Омоформное с наречием слово категории состояния (безлично-предикативное слово, предикативное наречия) [29], имеющее (формально) финаль -е и обобщенное значение состояния, выступает в единственно возможной для него синтаксической роли главного члена однокомпонентного безличного предложения для описания цветового (рыжего) признака художественного пространства, ср. поэтический контекст: В ресторане было от электричества рыжо. / Кресла облиты в дамскую мягкость (В.В. Маяковский. Кое-что по поводу дирижера. 1915).

Таким образом, проведенное нами исследование показало, что в поэзии Серебряного века при передаче изображаемой поэтической действительности использован комплекс раз-

личных средств, реализующих словообразовательные и семантические ресурсы русского языка. Поэты первой трети XX века разными языковыми структурами вербализуют богатый семантико-эстетическим потенциал сферы «рыжего».

Мотивированные прилагательным рыжий две группы односоставных имен существительных — безаффиксные, адъективного склонения (рыжий) и суффиксальные (рыжики, рыжеватость), — преломляясь сквозь призму поэтического видения, употребляются для акцентирования внимания читателя на конкретном цветовом признаке, а не на носителе этого признака. Определению конкретного значения таких субстантивов, включаемых в поэтические строки в качестве номинаций и одушевленных, и неодушевленных предметов, помогает контекстное окружение.

Сфера «рыжего» расширяется в поэтических текстах 1900—1930-х годов за счет глагольных лексем рыжеть и порыжеть. Посредством таких форм передача подлинной рыжей краски окружающего мира связывается с модальностью, временем и видом. Приобретенная процессуальность глагольной семантики цветообозначений предопределяют оформление и передачу в поэтических строках субъективных, пространственных и других смыслов.

Синтаксическая возможность подчинительной связи отадъективного наречия, репрезентирующего сферу «рыжего», и глагола, обозначающего близкую цветовую гамму, способствует созданию экспрессивного, более сложного по смыслу, цветового образа.

Библиографический список

1. Бахилина Н.Б. Ослепительно рыжий, безнадежно рыжий // Русская речь. 1975. № 5. С. 104-110.
2. Зубова Л.В. Этимологически родственные цветообозначения «рдяный»-«ржавый»-«румяный»-«рыжий» в поэзии М. Цветаевой (к вопросу об отражении языковых потенций в поэтическом тексте) // Семантика слова в диахронии. Калининград: Изд. Калининградского ун-та, 1987. С. 99-105.
3. Иванова Д.А., Насипова А.И. Как живет рыжим: образ и статус рыжеволосого человека в средневековье и в современности // Вестник педагогического опыта. 2022. № 52. С. 91-98.
4. Кезина С.В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2008. 304 с.
5. Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветовых концептосфер: монография. М.: МАКС Пресс, 2019. 288 с.
6. Начинова А. В. Неопределенные колоративы и символика сакральной негарантированности в русских заговорах // Linguistica Juvenis. 2022. № 24. С. 165-175.
7. Пастуро М. Символическая история европейского средневековья; пер. с фр. Е. Решетниковой. СПб.: Александрия, 2012. 448 с.
8. Сивова Т.В. Цвет хурмы в цветовой концептосфере русского языка: от оранжево-красного к вкусному цвету перезрелой хурмы // Язык. Культура. Перевод. М.: КДУ, 2023. С. 99-102.
9. Супрун В.И. Рдяный, русый и рыжий: этимологическое родство колоронимов // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. С. 133-238.
10. Цыганова Н. Д., Аникин Д. С. Литературный типаж «рыжий» в русской и зарубежной литературе // Современное педагогическое образование: теоретический и прикладной аспекты. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 117-121.
11. Твердохлеб О.Г. Функционирование одноосновных слов с корнем рыж- в поэзии первой трети XX века: 1. Имя прилагательное // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. №4. С. 107-116.

12. Национальный корпус русского языка. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (дата обращения – 07.12.2023).
13. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). В двух томах. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 789 с.
14. Мукашева Г.А. Субстантивация прилагательных и причастий как способ словообразования // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5. № 2 (15). С. 67-70.
15. Михеева С.Л. Субстантивированные прилагательные в русских пословицах // Научный диалог. 2019. № 12. С. 59-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-59-69.
16. Бережных Е.Ю. Цветообозначения и их символика в русском и испанском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. 2009. 24 с.
17. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2004. 944 с.
18. Ушаков Д.Н. Толковый словарь. 1935-1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (дата обращения – 02.02.2024).
19. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.: Русский язык, 2001. 717 с.
20. Григорьев В.П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 343 с.
21. Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. 880 с.
22. Аладьин О.А. Суффиксальные словообразовательные макротипы отвлеченности в русском языке // Rhema. Рема, 2009. № 2. С. 28-40.
23. Кожевникова Н.А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М.: Наука, 1986. 256 с.
24. Большой толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. Англ. эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с..
25. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1997. 151 с.
26. Болдырев Н.Н. Перекатегоризация глагола как способ формирования смысла высказывания // Изв. АН РФ. Сер. литературы и языка. 2001. Т. 60. № 2. С. 40-55.
27. Лелис Е.И. Эстетические функции ключевых слов (на материале рассказов А.П. Чехова): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Казань, 2000. 24 с.
28. Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). В двух томах. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980. 714 с.
29. Валешная Я.В. Наречия и безлично-предикативные слова с семантикой цвета: особенности функционирования в русском языке XXI В. (на примере лексемы фиолетово) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2015. № 9-10 (104). С. 129-134.

References

1. Bakhilina N.B. Dazzlingly red, hopelessly red // Russian speech. 1975. No. 5. pp. 104-110.
2. Zubova L.V. Etymologically related color terms “red” - “rusty” - “ruddy” - “red” in the poetry of M. Tsvetaeva (on the issue of reflecting linguistic potentials in a poetic text) // Semantics of the word in diachrony. Kaliningrad, 1987. pp. 99-105.
3. Ivanova D.A., Nasipova A.I. How to live as a redhead: the image and status of a red-haired person in the Middle Ages and in modern times // Bulletin of pedagogical experience. 2022. No. 52. pp. 91-98.
4. Kezina S.V. Semantic field of color terms in the Russian language (diachronic aspect). Penza, 2008. 304 p.

5. Kulpina V.G. Linguistic colorology: from history to modernity of color concept spheres: monograph. M.: MAKS Press, 2019. 288 p.
6. Nachinova A.V. Undefined coloratives and symbolism of sacred insecurity in Russian conspiracies // *Linguistica Juvenis*. 2022. No. 24. pp. 165–175.
7. Pastoureau M. Symbolic history of the European Middle Ages. St. Petersburg, 2012. 448 p.
8. Sivova T.V. The color of persimmon in the color concept sphere of the Russian language: from orange-red to the delicious color of overripe persimmon // *Language. Culture. Translation*. Moscow, 2023. pp. 99-102.
9. Suprun V.I. Red, blond and red: etymological relationship of coloronyms // *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology*. Ekaterinburg, 2022. pp. 133-238.
10. Tsyganova N. D., Anikin D. S. Literary type “red-haired” in Russian and foreign literature // *Modern pedagogical education: theoretical and applied aspects*. Krasnoyarsk, 2022, pp. 117–121.
11. Tverdokhlebo O.G. The functioning of monobasic words with the root ryzh- in the poetry of the first third of the twentieth century: 1. Adjective // *Current issues of modern philology and journalism*. 2024. No. 2. Pp. 107-116.
12. National Corpus of the Russian Language. URL: <http://search.ruscorpora.ru/> (access date: 07.12.2023).
13. Russian grammar / N.Yu. Shvedova (ed.). In two vol. V. 1. Moscow, 1980. 789 p.
14. Mukasheva G.A. Substantivization of adjectives and participles as a way of word formation // *Baltic Humanitarian Journal*. 2016. T. 5. No. 2 (15). pp. 67-70.
15. Mikheeva S.L. Substantivized adjectives in Russian proverbs // *Scientific dialogue*. 2019. No. 12. P. 59-69. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-12-59-69.
16. Berezhnykh E.Yu. Color designations and their symbolism in Russian and Spanish: Author's abstract. dis. ...cand. philol. sci. 2009. 24 p.
17. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2004. 944 p.
18. Ushakov D.N. Dictionary. 1935-1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov> (access date: 02.02.2024).
19. Vinogradov V.V. Russian language (grammatical teaching about words). Moscow, 2001. 717 p.
20. Grigoriev V.P. Poetics of the word. Moscow, 1979. 343 p.
21. Serov V. Encyclopedic dictionary of popular words and expressions. Moscow, 2003. 880 p.
22. Aladin O.A. Suffixal word-formation macrotypes of abstraction in the Russian language // *Rhema. Rema*, 2009. No. 2. P. 28-40.
23. Kozhevnikova N.A. Word usage in Russian poetry of the early twentieth century. Moscow, 1986. 256 p.
24. Large explanatory dictionary of Russian verbs: ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms. L.G. Babenko (ed.). Moscow, 2007. 576 p.
25. Zaliznyak A.A., Shmelev A.D. Lectures on Russian aspectology. Munich, 1997. 151 pp.
26. Boldyrev N.N. Recategorization of a verb as a way of forming the meaning of a statement // *Izv. Academy of Sciences of the Russian Federation. Ser. literature and language*. 2001. V. 60. No. 2. P. 40-55.
27. Lelis E.I. Aesthetic functions of keywords (based on the stories of A.P. Chekhov): Author's abstract. ...dis. Ph.D. philol. sci. Kazan, 2000. 24 p.
28. Russian grammar. N.Yu. Shvedova (ed.). In two volumes. V. 2. Moscow, 1980. 714 p.
29. Valeshnaya Ya.V. Adverbs and impersonal predicative words with the semantics of color: features of functioning in the Russian language of the XXI century (using the example of the lexeme violet) // *News of the Volgograd State Pedagogical University*. 2015. No. 9-10 (104). pp. 129-134.

УДК 811 ББК 81.2 Рус-5
DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.020

Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
заведующий кафедрой русского языка и литературы, д-р филол. наук, профессор
Попова Е.А.
Россия, г. Липецк, тел. +7(4742)32-84-61
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University
The department of Russian Language and Literature, head of the department, PhD, professor
Popova E.A.
Russia, Lipetsk, +7(4742)32-84-61
e-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru

Е.А. Попова

Л.Н. ТОЛСТОЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПЕРСОНОСФЕРЕ И ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

*(Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Формирование российской гражданской идентичности личности посредством отечественной персоносферы в условиях неоднородности современного медийного пространства» (соглашение № 073-03-2024-074/2 от 13.02.2024 г.))

В статье рассматривается место Л.Н. Толстого в отечественной, в том числе региональной персоносфере, связанной с Липецким краем; то, с помощью каких реакций представлен образ писателя в ассоциативно-вербальной сети современных носителей языка (многие из этих реакций объективируют мифологизированные представления о Л. Толстом в языковом сознании наших современников и образуют толстовский сверхтекст); роль Толстого в обогащении лексико-фразеологических ресурсов русского языка. Обращается внимание на традиционные российские духовно-нравственные ценности, нашедшие отражение в произведениях и фактах биографии писателя. Акцент сделан на деятельности Толстого по спасению крестьян от голода на территории современной Липецкой области в 1891–1892 годах. Выявлено снижение образа писателя в современном медийном пространстве, что проанализировано на примере литературных интернет-мемов. Автор приходит к выводу о том, что обращение к жизни, творчеству, памяти великих россиян, к числу которых относится Л.Н. Толстой, как образам национальной персоносферы, обладающим большим аксиологическим потенциалом, поможет молодым носителям русского языка в сохранении и укреплении духовной преемственности поколений, российской гражданской идентичности, в процессе собственной самоидентификации, вербализации культурной памяти, сделает великих русских художников слова и их произведения частью «своего» мира современной языковой личности.

Ключевые слова: персоносфера, русский язык, Л.Н. Толстой, традиционные российские духовно-нравственные ценности, толстовский сверхтекст, мифологемы, лексико-фразеологические ресурсы языка, прецедентные феномены, медийное пространство.

Е.А. Popova

L.N. TOLSTOY IN THE RUSSIAN PERSONOSPHERE AND THE PROBLEM OF THE FORMATION OF THE RUSSIAN LANGUAGE PERSONALITY

(The article was prepared as part of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation on the topic: "Formation of the Russian civil identity of a person through the domestic personosphere in the conditions of heterogeneity of the modern media space" (Agreement No. 073-03-2024-074/2 dated 02/13/2024))

The article examines the place of L.N. Tolstoy in the domestic, including regional, personosphere associated with the Lipetsk Region; the reactions by which the image of the writer is presented in the associative-verbal network of modern native speakers (many of these reactions objectify mythologized ideas about L. Tolstoy in the linguistic consciousness of our contemporaries and form a Tolstoyian supertext); the role of Tolstoy in enriching the lexical and phra-

seological resources of the Russian language. Attention is drawn to the traditional Russian spiritual and moral values reflected in the works and facts of the writer's biography. The emphasis is placed on Tolstoy's activities to save peasants from starvation in the territory of the modern Lipetsk region in 1891-1892. A decrease in the image of the writer in the modern media space has been revealed, which is analyzed using the example of literary Internet memes. The author concludes that the appeal to the life, creativity, and memory of great Russians, among whom L.N. Tolstoy belongs, as images of the national personosphere with great axiological potential, will help young native speakers of the Russian language in preserving and strengthening the spiritual continuity of generations, Russian civic identity, in the process of their own self-identification, verbalization cultural memory, will make the great Russian artists of the word and their works part of the "own" world of the modern linguistic personality.

Key words: personosphere, Russian language, L.N. Tolstoy, traditional Russian spiritual and moral values, Tolstoy's supertext, mythologems, lexical and phraseological resources of the language, precedent phenomena, media space.

Сознание носителей языка имеет персонифицированный характер, т.е. представлено в виде образов (персоналий), закрепляющих в сознании языковой личности «воспроизводимую систему ценностей» [1] национальной картины мира. Эти персоналии, по Г.Г. Хазагерову, который ввел в науку понятие «персоносфера», рассматривая идею персоносферы русской культуры как естественное продолжение мысли Д.С. Лихачева о концептосфере русского языка, восходят к четырем основным источникам: литературе, истории, православию, фольклору [1]. Персоносфера бывает национальной, региональной, индивидуальной, общечеловеческой. Эти разновидности могут иметь точки пересечения, так как одна и та же личность может принадлежать сразу нескольким персоносферам. Ярким примером такой «многоперсоносферной» литературной личности является Л.Н. Толстой. Для формирования российской гражданской идентичности, которой в настоящее время уделяется особое внимание, наибольший интерес представляет национальная персоносфера, так как именно она способствует осознанию связи личности со своей нацией, Отечеством, его историей, культурным пространством, первым проявлением которого является родной язык. Вынесенный в заглавие статьи термин «отечественная персоносфера» включает в себя также региональную персоносферу, поскольку объединяет понятия большой и малой родины.

Образы национальной персоносферы не просто воспроизводят, транслируют, а конкретизируют традиционные духовно-нравственные ценности, к числу которых относятся патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, гражданственность, историческая память и преемственность поколений, крепкая семья, милосердие, созидательный труд и др. (подробнее см. [2]). Особенно важна такая персонифицированная конкретизация традиционных российских ценностей для представителей молодого поколения, чье сознание, в том числе языковое, формируется под влиянием медийного пространства, испытывая воздействие ценностей массмедийной культуры, которые чаще всего не совпадают и даже противоречат традиционным ценностям, демонстрируют покушение на складывающуюся веками русскую ментальность. Поэтому усвоение представителями молодого поколения ценностей массмедийной культуры, которые по своей сути являются антиценностями, может привести к потере духовной преемственности поколений, распространению деструктивной идеологии. Противоядием этому является обращение к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, воплощенным в образах национальной персоносферы и лежащим в основе российской гражданской идентичности.

По верному утверждению Г. Хазагерова, оплотом национальной персоносферы является русская классика [1]. Одно из первых мест в корпусе отечественной персоносферы наряду с А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, Н.В. Гоголем и другими писателями-классиками занимает Л.Н. Толстой. Вокруг каждой личности писателя-классика образуется тот или иной именной свертхтекст: пушкинский, лермонтовский, гоголевский, толстовский и др. Перспективным для науки о языке и филологии в целом мы считаем изучение связи именных свертхтекстов и национальной персоносферы.

В произведениях Л. Толстого («Война и мир», «Анна Каренина», Севастопольские рассказы и др.) и фактах биографии (участие в обороне Севастополя в ходе Крымской войны,

борьба с голодом и др.) нашли отражение главные традиционные российские духовно-нравственные ценности, такие как патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, милосердие, крепкая семья, приоритет духовного над материальным.

Цель статьи – рассмотреть место Л.Н. Толстого в отечественной перонофере, в том числе региональной, связанной с Липецким краем; роль писателя в обогащении лексико-фразеологических ресурсов русского языка; основные черты образа писателя, нашедшие отражение в языковом сознании наших современников и литературных интернет-мемах. Материалом исследования стали данные лингвистических словарей русского языка («Русского ассоциативного словаря», «Психолингвистического словаря русского языка», словарей крылатых слов и выражений, толковых словарей и др.), произведения Л.Н. Толстого, воспоминания Е.И. Раевской о Толстом, литературные интернет-мемы.

Согласно данным «Психолингвистического словаря русского языка» А.В. Рудаковой, С.В. Коваленко, И.А. Стернина, созданного на основе обработки данных свободного и направленного ассоциативных экспериментов, индекс освоенности семантики антропонима *Толстой* приближается к максимальному – 0,98 [3; с. 74], этот индекс выше только у А.С. Пушкина – 1,0 (это максимальный индекс освоенности семантики имени собственного среди всех имен писателей) и С.А. Есенина – 0,99, тогда как у других известных писателей индекс освоенности меньше, чем у Толстого (ср.: М.Ю. Лермонтов – 0,97; Н.В. Гоголь – 0,91; Ф.М. Достоевский – 0,86; Н.А. Некрасов – 0,82; И.С. Тургенев – 0,82; А.П. Чехов – 0,96; А.А. Ахматова – 0,81) [3; 4]. Индекс освоенности семантики антропонима языковым сознанием носителей языка определяется «как отношение “ненулевых” ассоциатов к общему количеству опрошенных» [4; с. 13].

В языковом сознании современных носителей русского языка Толстой предстает, прежде всего, как писатель, о чем свидетельствуют, во-первых, соответствующая реакция (*писатель*), являющаяся самой частотной из всех реакций в «Русском ассоциативном словаре» [5; с. 659] и третьей по частоте в «Психолингвистическом словаре русского языка» [3; с. 73], во-вторых, реакция «*Война и мир*» (эта реакция по частоте на первом месте в «Психолингвистическом словаре русского языка» [3; с. 73] и на четвертом в «Русском ассоциативном словаре» [5; с. 659]), а также реакции *роман*, «*Детство*», *Каренина*, *книга*, *романы*, «*Декабристы*», «*Детство*, *отрочество*, *юность*» в «Психолингвистическом словаре русского языка» [3; с. 73], «*Анна Каренина*», *Ростова* в «Русском ассоциативном словаре» [5; с. 659]. Как видно из приведенных примеров, большое количество реакций актуализирует произведения, созданные Толстым и ставшие национально прецедентными текстами, и их персонажей. В «Русском ассоциативном словаре» в качестве стимула выступает название самого известного романа Толстого и одного из самых известных произведений всей русской и мировой литературы – «Война и мир». Неединичными, в том числе самыми частотными, реакциями на этот стимул стали лексемы *Толстой* 44; *роман* 10; *книга* 6; *произведение* 4; *Л. Толстой*, *Толстого* 3; *Наташа Ростова* 2 [5; с. 104]. Реакции *писатель*, *автор романа «Война и мир»* в психолингвистическом значении антропонима *Толстой* являются архисемами [3; с. 74].

Реакции, в том числе самые частотные, на вопрос **Толстой – что делает?**, которые давали респонденты, тоже представляют Толстого как писателя: *пишет* 20, *писатель* 8, *пишет книги* 7, «*Война и мир*» 5, *пишет романы* 3, «*Войну и мир*», *пишет «Войну и мир»* 2 [3; с. 74].

Реакция *Война и мир* – третья по частоте на стимул *роман* и первая среди онимов в этой словарной статье [5; с. 560].

В рассмотренных реакциях нашла отражение мифологема «Л. Толстой – великий русский писатель».

Толстой – одно из олицетворений мудрости и гениальности в русской лингвокультуре, о чем свидетельствуют реакции *мудрец*, *мудрый*, *мыслит* в «Психолингвистическом словаре русского языка» [3; с. 73-74], *гений* в «Русском ассоциативном словаре» [5; с. 659] и архисе-

ма *‘мыслитель’* в психолингвистическом значении антропонима *Толстой* [3; с. 74]. Эти ассоциации – репрезентанты мифологемы «Л. Толстой – гений».

В языковом сознании современных носителей русского языка антропоним *Толстой* вызывает ассоциации с Ясной Поляной как местом, с которым связаны рождение, жизнь и творчество писателя, которое было им очень любимо и где он похоронен. Об этом говорит ассоциация *Ясная Поляна* в двух рассматриваемых словарях [3; с. 73; 5; с. 659].

Современные носители языка обращают внимание на бороду как отличительную черту внешности Толстого, о чем говорят реакции *борода, бородатый, бородач, бородач* в двух словарях [3; с. 73; 5; с. 659], причем в «Психолингвистическом словаре русского языка» реакция *борода* является второй по частоте, уступая только реакции «*Война и мир*» [3; с. 73]. Прилагательное *бородатый* входит в состав архисемы *‘бородатый писатель’* в психолингвистическом значении рассматриваемого антропонима [3; с. 74].

Ассоциативно-вербальная сеть представителей русской лингвокультуры отражает образ жизни и деятельность Толстого в области педагогики: ассоциации *вегетарианец* [5; с. 659], *плуг, крестьянская школа, обучает детей* [3; с. 73]. В этих ассоциациях нашли отражение такие мифологемы, как «Л. Толстой – вегетарианец» и «Л. Толстой – создатель школы для крестьянских детей».

Психолингвистическое значение антропонима *Толстой* А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин сформулировали так: «Бородатый писатель, мыслитель, автор романа “Война и мир”» [3; с. 74]. В этом значении воплотились представления носителей русского языка о Толстом как о писателе-мыслителе, создавшем роман-эпопею «Война и мир», также обращается внимание на бороду как на отличительную черту внешности Толстого.

Таким образом, проанализированные выше реакции, связанные с Л. Толстым, объективируются в сознании носителей языка константные представления (мифологемы, мифологизированные представления) об этом писателе, образующие толстовский свертхтекст как разновидность именных свертхтекстов. См. определение этого именного свертхтекста: «<...> под толстовским текстом в литературе мы понимаем семантически связанную с личностью писателя систему семиотически значимых константных представлений (мифологем) о нем и его произведениях, являющихся знаковой манифестацией личности и творчества писателя и закреплённых в произведениях русской литературы» [6; с. 181-182].

Хотя Толстой в отличие от Пушкина не вызывает в сознании носителей языка ассоциации с русским языком, но, подобно ему и другим великим художникам слова, он обогатил русский язык: его синтаксический и лексико-фразеологический фонд. Так, своеобразной визитной карточкой идиостиля Толстого, его языковой личности стали сложные синтаксические конструкции. Кроме того, в дискурс русской языковой личности входит несколько десятков прецедентных феноменов, восходящих к художественным, публицистическим произведениям Толстого. Например, словарь Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной [7] фиксирует 16 таких феноменов, в основном относящихся к прецедентным высказываниям (*Дубина народной войны; Все смешалось в доме Облонских; Писали, не гуляли!; Образуется* и др.) [7]. Прецедентными высказываниями стали названия произведений Толстого: «Власть тьмы», «Не могу молчать», «Плоды просвещения», «Чем люди живы». К числу прецедентных имен принадлежит антропоним *Каратаев* («Война и мир»). Перифразой стало высказывание *великий писатель земли русской*, использованное И.С. Тургеневым в 1883 г. в письме к Л.Н. Толстому и ставшее почетным наименованием писателя [см. 7; с. 85]. В словарь С.Г. Шулежковой [8] включено 11 прецедентных феноменов, источником которых являются такие произведения Толстого, как «Анна Каренина», «Воскресение», «Живой труп», «Кавказский пленник», «Не могу молчать», «Царство Божие внутри вас», «Чем люди живы» и некоторые другие. Так, к роману «Воскресение» восходит выражение *Не виновата я!* (слова, сказанные Катюшей Масловой после оглашения несправедливого приговора суда) [см. 8; с. 443]. Носители русского языка часто используют в своей речи расширенный вариант этого выражения *Не виноватая я, он сам пришел!*, обязанный своим возникновением популярной советской ки-

нокомедии «Бриллиантовая рука» (реж. Л. Гайдай). Однако первоисточником этого выражения является роман «Воскресение».

В «Словаре крылатых слов и выражений нашего времени» Л.П. Дядечко отражены такие толстовские выражения: *война и мир*; *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*; *детство, отрочество, юность*; *Кто ел из моей миски?; после бала* [9].

«Большой универсальный словарь русского языка» под ред. В.В. Морковкина, в котором «всесторонне и беспрецедентно глубоко описываются самые важные русские слова, образующие в совокупности лексическое ядро современного русского языка» [10; с. 3], в состав словарных статей включает «крылатые слова, обязанные своим происхождением различным явлениям русской культуры, прежде всего, <...> художественной литературе» [10; с. 12]. Среди этих крылатых слов и выражений много толстовских, которые входят в ядро современного русского языка: *Все смешалось в доме Облонских* (статья «дом»); *Власть тьмы* (статья «власть»); *Живой труп* (статья «живой»); *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему* (статья «семья»).

В словаре Ю.В. Архангельской, относящемся к такому направлению авторской лексикографии, как авторская неография, кроме крылатых выражений, зафиксированных в других словарях, имеются и такие: *в искусстве всё чуть-чуть*; *первый бал Наташи Ростовской*; *совет в Филях* и др. [11].

Как было доказано Д.А. Романовым, Л.Н. Толстой использовал в своих произведениях семантические неологизмы, в которых наблюдается «смысловое расширение слова путем придания ему нового, не отмеченного у него ранее значения» [12; с. 94]: *куражный* – «зазорный, озорной, веселый» [13; с. 66]; *свиной* – «животный, низменный в крайней степени, физиологичный» [12; с. 94]; эпонимы *кунктатор* – «вдумчивый, неторопливый, медлительный человек» и *магдалина* – «(применительно к лицам обоего пола) грешник, думающий о раскаянии и надеющийся на спасение» [12; с. 93] и др.

К числу семантических неологизмов Толстого мы также относим слово *прелесть*, употребленное в романе «Анна Каренина» по отношению к детям Долли в форме множественного числа *прелести*: «Теперь она (Долли. – Е.П.) одевалась не для себя, не для своей красоты, а для того, чтоб она, как мать этих *прелестей*, не испортила общего впечатления» [14, т. 18; с. 278]. У существительного *прелесть* «Большой академический словарь русского языка» фиксирует следующие значения: «**1.** Привлекательность кого-, чего-л.; обаяние, очарование, исходящее от кого-л. **2.** *Обычно ед.* Приятная, привлекательная особенность чего-л., в чем-л. // *Мн.* Отдельные проявления, стороны чего-л., обладающего этим качеством, свойством. **3.** *Обычно ед.* В функции сказ. или приложения. Разг. О том, кто (или что) вызывает восхищение, пленяет, чарует. **4.** Разг. О чем-л. красивом, привлекательном. **5.** *Только ед.* Разг. Ласковое обращение (обычно со словом моя). **6.** *Обычно мн.* Устаревающее. Черты внешнего облика женщины как предмет восхищения, любования, чувственных стремлений. **7.** *Устар.* Обольщение, соблазн» [15; с. 646-647]. Ни одно из этих значений слова *прелесть* не соответствует тому, в каком употребил его Л. Толстой. Ближе всего к значению анализируемого слова 4-е значение, однако оно имеет отношение к неодушевленному предмету. Значение слова *прелесть*, которое употребил писатель в «Анне Карениной», можно сформулировать таким образом: «о ком-либо милом, хорошем, привлекательном, очаровательном (одобрительно)». Слову *прелесть* в указанном значении свойственна положительная оценочность.

В произведениях Толстого встречаются не только семантические неологизмы, но и окказионализмы, примером является слово *фортаплясы*, употребленное в Севастопольских рассказах: «**Фортаплясы**, -ов, мн. *Ирон.* Разг. Неологизм Толстого. Фортепяно. – А ведь странно подумать, – сказал Гальцин, взяв стакан и отходя к окну, – что мы здесь в осаж-

денном городе: *фортапьясы, чай со сливками, квартира такая, что я, право, желал бы такую иметь в Петербурге* [Сев. в мае]» [16; с. 148].

Л. Толстой – один из немногих русских писателей, от фамилии которого образовано много производных, в основном существительных: *толстовец* («последователь религиозно-этического учения Л.Н. Толстого» [17; стб. 567]), *толстовка*¹ («Женск. к толстовец» [18; с. 376]), *толстовка*² («широкая, длинная мужская блуза в складках с поясом. [По имени писателя Л.Н. Толстого, носившего такую блузу]» [18; с. 376]), *толстовский* («Прил. к толстовство, к толстовец и к Толстой (фамилия)» [19; стб. 731]), *толстовство* и *толстовщина* («религиозно-этическое учение Л.Н. Толстого, основывающееся на христианских идеях непротivления злу насилieм, на отрицательном отношении к цивилизации и на идеализации крестьянского быта и резко критикующее современный ему общественный строй» [17; стб. 568]). Наиболее раннюю фиксацию в лингвистических словарях русского языка получили слова *толстовец* и *толстовщина*. Так, слово *толстовец* еще при жизни Толстого (в 1909 г.) было включено И.А. Бодуэном де Куртенэ в редактируемое им третье издание «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля [см. 20; стб. 787]. Форма множественного числа этого слова (*толстовцы*) есть в словаре М.И. Михельсона [см. 21; с. 851]. В этом же словаре представлено слово *толстовщина* [см. 21; с. 851]. Все остальные производные от антропонима *Толстой* впервые зафиксированы в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова, в 4-м томе, вышедшем в 1940 г. [см. 19; стб. 731]. Впоследствии все указанные слова включались во все толковые словари русского языка, издававшиеся со второй половины XX в. до наших дней.

Таким образом, приведенные примеры делают очевидным не только влияние Толстого на русский язык, обогащение писателем лексико-фразеологических ресурсов русского языка, но и связь языка и персоносферы, поскольку «язык, не поддержанный персоносферой, не может быть задан как норма, как образец. Все литературные языки сформировались под влиянием практики художественной литературы» [1]. Выражения из произведений Толстого – это языковые единицы, активно функционирующие в современной русской речи, ставшие «готовыми образными средствами обозначения фактов, явлений, ситуаций действительности» [9; с. 4], превратившиеся в достояние всего народа.

Но Толстой – это образ не только национальной, но и региональной персоносферы, которую формируют региональные антропонимы. Имя Толстого есть на литературной карте многих регионов России: Москвы, Санкт-Петербурга, Тульской, Липецкой, Самарской, Тверской, Калужской, Орловской областей, Республики Татарстан, Республики Крым, Чеченской Республики, Республики Башкортостан, Ставропольского края и других субъектов Российской Федерации. Например, на территории Липецкой области Толстой в 1891–1892 гг. спасал крестьян от голода, охватившего почти половину российских губерний вследствие неурожая. Вместе со своими помощниками он поселился в центре голодающего края – селе Бегичевка Данковского уезда Рязанской губернии (ныне деревня Бегичево, входящая в состав Данковского района Липецкой области), в доме у своего знакомого Ивана Ивановича Раевского (1835–1891). Толстым было открыто 187 столовых («сиротских призрений»), в которых получало пищу 10 тысяч человек, а также несколько столовых для детей, осуществлялась раздача дров, выдача семян и картофеля для посева, покупались и раздавались лошади. В виде пожертвований, которые поступали со всех концов России и из многих стран мира, было собрано почти 150 тысяч рублей. На помощь голодающим Толстой отдавал и свои средства. Среди помощников Толстого были и члены его семьи, прежде всего жена Софья Андреевна и дети Илья, Татьяна, Мария. Эти события нашли отражение в ряде статей Толстого, написанных или начатых в Бегичевке, среди которых самые известные «О голоде» (1891) [14, т. 29; с. 86-116], «Страшный вопрос» (1891) [14, т. 29; с. 117-125], «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» (1891) [14, т. 29; с. 126-144]; статье-некрологе «Памяти И.И. Раевского» (1891) [14, т. 29; с. 260-263] (это произведение было на-

чато на следующий день после неожиданной смерти Раевского 26 ноября 1891 г.); письмах Л.Н. Толстого этого периода [14, т. 66; с. 74-305].

В этих произведениях чаще всего употребляется топоним *Бегичевка*, в том числе в сильных позициях текста (первом и последнем предложениях и др.), обозначая не только место, где написаны произведения, но и место, где страдающим от голода крестьянам помогают всем, чем только могут, люди, равнодушные к народному горю. См., например, начало статьи-некролога Толстого «Памяти И.И. Раевского»: *«Вчера, 26 ноября 1891 года, в 3 часа дня умер в своем доме, в деревне Бегичевке, Данковского уезда, Рязанской губернии, Иван Иванович Раевский»*.

Он умер на работе среди голодающих, – можно сказать, от сверхсильного труда, который он брал на себя. Он умер, отдав жизнь свою народу, который он горячо любил и которому служил всю свою жизнь» [14, т. 29; с. 260].

Свою деятельность и деятельность своих помощников Толстой рассматривал как служение народу, крестьянам, о чем, например, писал в письме к М.А. Шмидт и О.А. Баршевой (ноябрь 1891 г.): *«Получил ваши письма, дорогие друзья, здесь, т.е. в Данковском уезде Ряз[анской] губ., где мы вторую неделю живем в доме Раевского, моего хорошего знакомого, я, Маша, Таня, Вера Кузминская. Поехали мы сюда, чтобы узнать положение крестьян от голода и попытаться служить им»* [14, т. 66; с. 80].

Приезд Толстого в центр голодающего края мать И.И. Раевского – Е.И. Раевская – расценивала как подвиг. Она является автором воспоминаний, названных ею «Лев Николаевич Толстой среди голодающих» [22]. Эпиграфом к ее произведению стало латинское крылатое выражение *Esse homo*, которое в переводе означает «Се человек»; «Вот человек» (Слова Пилата о Христе, которого он после допроса и истязания вывел перед толпой народа (источник выражения – Евангелие от Иоанна: XIX, 5). «Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» (авторы А.М. Бабкин, В.В. Шендецов) приводит три значения этого выражения: «вот тот, которого ищут, обвиняют и т.п.»; «вот мучимый, страдающий», «Иск. Живописное или скульптурное изображение головы страдающего Христа в терновом венке» [23; с. 409]. На наш взгляд, ни одно из этих значений не соответствует значению, в каком употребила выражение *Esse homo* Е.И. Раевская. Значение этого выражения в ее произведении по отношению к Л.Н. Толстому можно сформулировать следующим образом: «вот тот (человек), на которого надо равняться, с которого надо брать пример». Такая высокая оценка Толстого обусловлена его поступком, который является примером служения людям, проявлением милосердия.

Именно с описания приезда Толстого и его дочерей в Бегичевку начинаются воспоминания Раевской: *«28 октября 1891 г., утром, приехал в Данковский уезд Рязанской губернии, граф Лев Николаевич Толстой. Он принял приглашение Ивана Ивановича Раевского, с которым столько лет находился в дружеских отношениях, и поселился в доме его, в сельце Бегичевке, на границе Тульской и Рязанской губернии, на правом берегу Дона. Весть о голоде, угнетавшем эти обе смежные губернии, внушила маститому нашему (курсив автора. – Е.П.) (не хочу отчуждать его от нас, русских, но следовало бы назвать его всемирным) литератору и проповеднику добра перенестись в самый центр бедствия, чтобы проверить собственными глазами, до каких размеров оно доходит и постараться по возможности пособить страждущим. Он покинул свой удобный дом в Москве, большую часть семьи, спокойную жизнь и, с двумя старшими дочерьми Татьяной и Марией приехал по ужаснейшей, мучительной дороге, в санях по бесснежной колоти и при сильном морозе: по такому пути те 40 верст, что отделяют с. Бегичевку от железнодорожной станции Клеточки, могут показаться вечностью мучения. Он приехал издали на помощь незнакомому ему краю, тогда как некоторые в нем старожилы спешили бежать от скорбного зрелища, бросили арену борьбы и переселились в города, благо имели на то достаточные средства... А тут приезжает шестидесятирехлетний старик и две молодые девушки, отказавшись от столичных*

удобств и развлечений, сопровождают отца, чтоб ходить за ним и помогать ему посещать с раннего утра до поздней ночи дымные избы голодающих и больных крестьян.

Граф Л.Н. Толстой приехал не с пустыми руками, а со средствами для устройства даровых столовых для крестьянских детей, стариков и старух, для покупки муки и проч., чтобы пополнить, где окажется нужным, незначительное продовольствие, получаемое от земства» [22; с. 373-374].

Выделенные региональные топонимы и антропонимы образуют соответственно топонимическую и персонимическую сферы Провинциального (Липецкого) текста.

В деятельности Толстого на голоде нашли воплощение такие традиционные российские духовно-нравственные ценности, как милосердие, служение народу и Отечеству, ответственность за его судьбу, созидательный труд. Слова Толстого о Раевском, о его горячей любви к народу и служении ему с полным правом могут быть отнесены и к самому писателю. Тексты, в которых говорится о деятельности Толстого по борьбе с голодом, найдут отражение в банке заданий «“Отечества достойные сыны...”», который направлен на формирование российской гражданской идентичности личности посредством отечественной персонимической сферы и подготовлен в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Формирование российской гражданской идентичности личности посредством отечественной персонимической сферы в условиях неоднородности современного медийного пространства» (соглашение № 073-03-2024-074/2 от 13.02.2024 г.).

К сожалению, дом в Бегичевке, где в течение двух с лишним лет жили Толстой и его помощники, до наших дней не сохранился: его разрушили после Октябрьской революции потомки тех крестьян, которых Толстой спасал от голода.

В ночь на 28 октября (10 ноября по новому стилю) 1910 г. Л.Н. Толстой тайно покинул Ясную Поляну. Проложив большой путь, побывав у сестры М.Н. Толстой в Шамординском монастыре, Лев Николаевич и его спутники собирались ехать дальше, хотя точной цели у путешественников не было, но по дороге Толстой, простудившись, почувствовал себя плохо, поэтому сопровождающие его лица вынуждены были в тот же день прервать поездку и вынести больного Льва Николаевича из поезда на первой большой станции рядом с населенным пунктом. Это было Астапово Рязано-Уральской железной дороги (ныне станция и поселок Лев Толстой Липецкой области). Последние 7 дней жизни великого писателя прошли на станции Астапово, в доме начальника железнодорожной станции И.И. Озолина, где Толстой 3 ноября сделал в дневнике последнюю запись и где 7 (20) ноября 1910 г. остановилось его сердце. Сейчас здесь расположен мемориально-литературный музей Л.Н. Толстого – главная часть Мемориального музея памяти Л.Н. Толстого «Астапово».

Региональные топонимы *Липецк* и *Лебедянь* упоминаются в произведениях Толстого: *Липецк* – в «Войне и мире», *Лебедянь* – в повести «Два гусара». Например, для нашего земляка Е.И. Замятина, родившегося в Лебедяни, Лебедянь – это город, о котором «писали Толстой и Тургенев» («Автобиография») [24; с. 23]. Замятин имел в виду такое событие, знаковое для Лебедяни XIX в., как Лебедянская конная ярмарка.

С Липецким краем Л.Н. Толстого связывает и дружба с М.А. Стаховичем (1820–1858) – писателем, поэтом, переводчиком, собирателем фольклора, который жил в родовом имении – селе Пальна (Пальна-Михайловка) Елецкого уезда Орловской губернии (в настоящее время это Становлянский район Липецкой области). Толстой бывал в гостях у хозяина имения.

После трагической гибели М.А. Стаховича его младший брат А.А. Стахович (1830–1913) передал Л.Н. Толстому, с которым дружил, по просьбе последнего сюжет повести «Холстомер», задуманный М.А. Стаховичем. Л.Н. Толстой в посвящении к повести «Холстомер» (1886) написал: «Посвящается памяти М.А. Стаховича. Сюжет этот был задуман М.А. Стаховичем, автором “Ночного” и “Наездники”, и передан автору А.А. Стаховичем» [14, т. 26; с. 3].

Для современной информационной эпохи характерна смена культур, т.е. переход от культуры «традиционной книжной – к медийной, экранной. Наиболее социально значимой

сферой сегодня являются массмедиа <...>» [25; с. 29]. В современном медийном пространстве, характеризующемся мозаичностью, образ Толстого, как и образ Пушкина, как образы других великих художников слова, к сожалению, деформирован, упрощен, искажен, снижен, о чем свидетельствуют, например, литературные интернет-мемы. Мы взяли для анализа два мема, в которых Толстой является главным героем. Очень часто в мемах обыгрывается какая-то одна черта творчества писателя, преобладающая в массовом сознании; этим медиобраз писателя, отраженный в меме, близок прецедентному имени, в котором на первый план тоже выдвигается определенное качество реальной или художественной личности. Г.Г. Хазагеров назвал это свойство персониферы метафоричностью [1]. Так, Лев Толстой чаще всего предстает в рамках этого интернет-жанра как создатель самого(-ых) длинного(-ых) произведения(-й) в мировой литературе, в первую очередь «Войны и мира». Например, на одном из мемов о Толстом вверху мы видим слова «Как расписывают ручку», далее изображение поделено на две части: слева помещена подпись, которую также можно принять за расписывание ручки, и слово «ты»; справа – изображение четырех томов романа-эпопеи «Война и мир» и антропоним «Толстой». Иными словами, ты расписываешь ручку обычным способом, как все люди; а Толстой, – написав «Войну и мир».

Еще на одном интернет-меме, автор которого взял за основу известный советский плакат Д. Моора, созданный в Советской России в годы Гражданской войны – 1920 г., Толстой изображен в такой же одежде и в такой же позе, что и красноармеец на плакате-первоисточнике. Писатель на фоне многочисленных томов, одетый в красную гимнастерку, направив указательный палец правой руки на зрителя, спрашивает: «Ты прочитал “Войну и мир”?»». На исходном плакате были слова «Ты записался добровольцем?».

В рассмотренных медиатекстах нашла отражение такая мифологема, как «Л. Толстой – великий русский писатель», однако средства ее выражения отличаются крайней упрощенностью.

Некоторые из литературных интернет-мемов, посвященных Толстому, включены в учебно-методическое пособие «Тренажер по формированию медийно-информационной грамотности обучающихся» [26; с. 39-40, 42], созданное преподавателями института филологии ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации по теме: «Формирование медийно-информационной грамотности обучающихся в рамках общеобразовательных программ в условиях информационного полифонизма и неоднородности современной коммуникативной среды» (соглашение № 073-03-2023-043/1 от 19.06.2023 г.). Это учебно-методическое пособие служит целям создания эффективной системы работы по формированию медийно-информационной грамотности обучающихся, т.е. развивает их способность работать с медиатекстами разных жанров, критически осмысливать их содержание в рамках диалога.

Хотелось бы, чтобы отношение современных носителей русского языка к Толстому было более серьезным, чем то, которое представлено в интернет-мемах, несмотря на то, что они тоже часть русской лингвокультуры. Пренебрежительное отношение к великому русскому писателю, оказавшему большое влияние на мировосприятие каждой русской языковой личности и нации в целом, на обогащение русского языка, представляет угрозу для национальной идентичности.

Образы отечественной персониферы создают вокруг каждого человека особое национально-культурное пространство, одновременно «единое для всего языкового коллектива и индивидуальное для любого отдельного его члена» [27; с. 5]. Обращение к биографии, творчеству, памяти великих россиян, к числу которых относится Л.Н. Толстой, как образам национальной персониферы с большим аксиологическим потенциалом, формирующим тот или иной именной свертхтекст, поможет молодым носителям русского языка в сохранении и укреплении духовной преемственности поколений, российской гражданской идентичности, в процессе собственной самоидентификации, вербализации культурной памяти, сделает вели-

ких русских художников слова и их произведения частью «своего» мира современной языковой личности.

Библиографический список

1. Хазагеров Г. Персоносфера русской культуры // Новый мир. 2002. №1. URL: <https://nm1925.ru/articles/2002/200201/personosfera-russkoj-kultury-3407/>
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=3>
3. Психолингвистический словарь русского языка: Вып. 3. Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Воронеж: Издательство ООО «РИТМ», 2018. 108 с.
4. Психолингвистический словарь русского языка: Вып. 1. Антропонимы / А.В. Рудакова, С.В. Коваленко, И.А. Стернин. Воронеж: ООО «Издательство РИТМ», 2018. 134 с.
5. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева и др. М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. 784 с.
6. Курьянова В.В. Толстовский текст и миф о Л.Н. Толстом в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова // Научный диалог. 2019. №1. С. 179-192.
7. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты. Образные выражения. М.: ГИХЛ, 1960. 752 с.
8. Шулежкова С.Г. «И жизнь, и слёзы, и любовь...» 1500 крылатых слов и выражений русского языка. Происхождение, значение, судьба. М.: Флинта: Наука, 2011. 848 с.
9. Дядечко Л.П. Словарь крылатых выражений нашего времени. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. 624 с.
10. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка / Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; Под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.
11. Архангельская Ю.В. Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика). Тула: ТППО, 2016. 325 с.
12. Романов Д.А. Языковые новации произведений Л.Н. Толстого 1870–1890-х гг. на фоне семантической и стилистической неологии его творчества // Труды Института русского языка РАН им. В.В. Виноградова. Вып. 19. «Неология как проблема лингвистической поэтики». М.: ИРЯ РАН, 2019. С. 92-98.
13. Словарь редких, забытых и непонятных слов романа Л.Н. Толстого «Война и мир». – С.В. Кряж, Д.А. Романов, Е.О. Савина, Н.М. Старцева. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2020. 140 с.
14. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. М.: ГИХЛ, 1928–1958.
15. Большой академический словарь русского языка. Гл. ред. А.С. Герд. Т. 19. М.-СПб.: Наука, 2011. 707 с.
16. Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. Комментированное издание / Научный координатор издания Д.А. Романов. Тула: Дизайн-коллегия, 2019. 164 с.
17. Словарь современного русского литературного языка. Т. 15. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 1286 стб.
18. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. Т. 4. М.: Русский язык, 1984. 794 с.
19. Толковый словарь русского языка в 4 т. Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. 752 с.
20. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Третье, исправленное и значительно дополненное издание. Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Т. 4. СПб.-М.: Изд-во Т-во М.О. Вольф, 1909. 1592 с.

21. Михельсон М.И. Толковый словарь иностранных слов, пословиц и поговорок. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Транзиткнига, 2006. 1119 с.
22. Раевская Е.И. Лев Николаевич Толстой среди голодающих // Л.Н. Толстой / Гос. лит. музей. М.: Изд-во Гос. лит. музея, 1938. [Т. I]. С. 371-437. URL: <http://feb.web.ru/feb/tolstoy/critics/lg2/lg23371-.htm>
23. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода: в 3 томах. 2-е изд., исправленное. Т. 2. СПб.: КВОТАМ, 1994. С. 408-908.
24. Замятин Е.И. Мы: Романы, повести, рассказы, сказки. М.: Современник, 1989. 560 с.
25. Клушина Н.И. Национальный стиль и медийный вариант языка // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4 (193). С. 26-31.
26. Тренажер по формированию медийно-информационной грамотности обучающихся: Учебно-методическое пособие / Т.Ю. Васильева, Е.И. Белая, Е.А. Попова [и др.]. Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. 106 с.
27. Рылов Ю.А. Имена собственные в европейских языках. Романская и русская антропонимика. Курс лекций по межкультурной коммуникации. М.: АСТ: Восток – Запад, 2006. 311 с.

References

1. Khazagerov G. Personosphere of Russian culture // Novy Mir. 2002. No. 1. URL: <https://nm1925.ru/articles/2002/200201/personosfera-russkoy-kultury-3407/>
2. Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 "On Approval of the Foundations of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral values". URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?index=3>
3. Psycholinguistic dictionary of the Russian language: Issue 3. Anthroponyms / A.V. Rudakova, S.V. Kovalenko, I.A. Sternin. Voronezh: Publishing house of LLC "RHYTHM", 2018. 108 p.
4. Psycholinguistic dictionary of the Russian language: Issue 1. Anthroponyms / A.V. Rudakova, S.V. Kovalenko, I.A. Sternin. Voronezh: LLC "RHYTHM Publishing House", 2018. 134 p.
5. Russian associative dictionary. In 2 vols. Vol. 1. From stimulus to reaction: About 7000 stimuli / Y.N. Karaulov, G.A. Cherkasova, N.V. Ufimtseva, etc. M.: LLC "Astrel Publishing House": LLC "AST Publishing House", 2002. 784 p.
6. Kuryanova V.V. Tolstoy's text and the myth of L.N. Tolstoy in the works of I. Ilf and E. Petrov // Scientific Dialogue. 2019. No. 1. Pp. 179-192.
7. Ashukin N.S., Ashukina M.G. Winged words: Literary quotations. Figurative expressions. M.: State Publishing House of Fiction, 1960. 752 p.
8. Shulezhkova S.G. "And life, and tears, and love ..." 1500 winged words and expressions of the Russian language. Origin, meaning, fate. Moscow: Flinta: Nauka, 2011. 848 p.
9. Dyadechko L.P. Dictionary of winged expressions of our time. Moscow: AST-PRESS SCHOOL, 2023. 624 p.
10. Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., Lutskaya N.M. The Great Universal Dictionary of the Russian language / A.S. Pushkin State Institute of Russian Language; edited by V.V. Morkovkin. M.: Dictionaries of the XXI century; AST-PRESS SCHOOL, 2016. 1456 p.
11. Arkhangelskaya Yu.V. Lev Tolstoy in Language and Speech: Dictionary of Innovations (vocabulary, phraseology, aphoristics). Tula: Tula Production Printing Association, 2016. 325 p.
12. Romanov D.A. Linguistic innovations of L.N. Tolstoy's works of the 1870s-1890s against the background of the semantic and stylistic neology of his work // Proceedings of the Vinogradov

Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. Issue 19. "Neology as a problem of linguistic poetics". Moscow: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences, 2019. Pp. 92-98.

13. Dictionary of rare, forgotten and incomprehensible words of L.N. Tolstoy's novel "War and Peace". – S.V. Kryazh, D.A. Romanov, E.O. Savina, N.M. Startseva. Tula: Publishing House of Tula State Pedagogical L.N. Tolstoy University, 2020. 140 p.

14. Tolstoy L.N. Complete works in 90 volumes. M.: State Publishing House of Fiction, 1928-1958.

15. A large academic dictionary of the Russian language. Editor-in-chief A.S. Gerd. Vol. 19. M.-St. Petersburg: Nauka, 2011. 707 p.

16. Tolstoy L.N. Sevastopol stories. Commented edition / Scientific coordinator of the publication D.A. Romanov. Tula: Design College, 2019. 164 p.

17. Dictionary of the modern Russian literary language. Vol. 15. M.-L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 1286 col.

18. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes / USSR Academy of Sciences, Institute of the Russian Language; Edited by A.P. Evgenieva. – 2nd ed., revised and additional. Vol. 4. M.: Russian language, 1984. 794 p.

19. Explanatory dictionary of the Russian language in 4 volumes. Edited by prof. D.N. Ushakov. Vol. 4. M.: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1940. 752 p.

20. Dahl V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. The third, revised and significantly expanded edition. Edited by I.A. Baudouin de Courtenay. Vol. 4. St. Petersburg.-M.: Publishing house of M.O. Wolf, 1909. 1592 p.

21. Mikhelson M.I. Explanatory dictionary of foreign words, proverbs and sayings. M.: AST: AST MOSCOW: Transitkniga, 2006. 1119 p.

22. Raevskaya E.I. Lev Nikolaevich Tolstoy among the hungry // L.N. Tolstoy / State Lit. museum. M.: Publishing House of the State Lit. museum, 1938. [Vol. I]. pp. 371-437. URL: <http://feb.web.ru/feb/tolstoy/critics/lg2/lg23371-.htm>

23. Babkin A.M., Shendetsov V.V. Dictionary of foreign language expressions and words used in Russian without translation: in 3 volumes. 2nd ed., revised. Vol. 2. St. Petersburg: KVOTAM, 1994. Pp. 408-908.

24. Zamyatin E.I. We: Novels, novellas, short stories, fairy tales. M.: Sovremennik, 1989. 560 p.

25. Klushina N.I. National style and media version of the language // Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University. 2018. Issue 4 (193). Pp. 26-31.

26. Simulator for the formation of media and information literacy of students: An educational and methodical manual / T.Y. Vasilyeva, E.I. Belaya, E.A. Popova [and others]. Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, 2024. 106 p.

27. Rylov Yu.A. Proper names in European languages. Roman and Russian anthroponymy. A course of lectures on intercultural communication. Moscow: ACT: East – West, 2006. 311 p.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERCULTURAL COMMUNICATION

УДК 81

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.021

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Кандидат филологических наук,

доцент кафедры

английской филологии и перевода

Филясова Ю.А.

Россия, г. Санкт-Петербург

тел. +79117913340

e-mail: phill.yield@gmail.com

*Saint-Petersburg State University
of Economics*

The chair of English philology and translation

PhD, associate professor

Filyasova Y.A.

Russia, Saint-Petersburg

tel. +79117913340

e-mail: phill.yield@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Студентка гуманитарного факультета направления «Реклама

и связи с общественностью»

Афанасьева А.М.

Россия, г. Санкт-Петербург

e-mail: nastyaafanasyeva591@gmail.com

*Saint-Petersburg State University
of Economics*

Humanitarian department

The faculty of advertising and PR

Student Afanasyeva A.M.

Russia, Saint-Petersburg

e-mail: nastyaafanasyeva591@gmail.com

Y.A. Filyasova, A.M. Afanasyeva

THE ATTRIBUTIVE CHARACTERISTICS OF AUTOMOBILE BRAND'S SEMANTIC FIELD (EVIDENCE FROM THE ENGLISH LANGUAGE)

The article considers the semantics of the adjectives performing the attributive function in the promotional discourse, which constitute the semantic field of the BMW brand. As a result of the research, three adjectival categories were identified: functional, social and image-related, – which are actively deployed in combination with other stylistic techniques (hyperbole, contrast, simile, personification, repetition, etc.). The first includes adjectives denoting technical characteristics (28%), for example, *innovative, micrometre-thin, high-gloss, extended, multifunctional, longitudinal, high-resolution, high-pressure, diamond*; the second – consumer benefits in terms of comfort (15%), for example, *pleasant, exquisite, comfortable, spacious, individual, safe, classic, luxurious*; and the third – expressive adjectives with evaluative connotations of the highest quality (57%), such as *striking, unmistakable, groundbreaking, extraordinary, superior, outstanding, fascinating, exceptional*. A number of contextual uses among the adjectives from the third category describe the automobile attributes from the anthropocentric standpoint: *relaxed, independent, courageous, unbri-dled, muscular, energetic, generous, extroverted, seductive, and passionate*. The functional trinity of the attributes indicates the strong necessity of creating a persuasive effect in the promotional discourse for the brand in the highly competitive automobile market.

Keywords: promotional discourse, branding, customer focus, anthropocentrism, expressiveness, evaluativeness, persuasion.

Ю.А. Филясова, А.М. Афанасьева

АТТРИБУТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА АВТОМОБИЛЬНОГО БРЕНДА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматривается семантика прилагательных, выполняющих атрибутивную функцию в рекламном дискурсе автомобильных брошюр и составляющих семантическое пространство бренда BMW. В результате анализа были выявлены три адъективных категории: функциональная, социальная и имиджевая, – которые активно используются в совокупности с другими стилистическими приемами (гиперболой, противопоставлением, сравнением, персонификацией, повторами и др.). Первая включает прилагательные, обозначающие технические характеристики автомобиля (28%), например, *innovative, micrometre-thin, high-gloss, extended, multifunctional, longitudinal, high-resolution, high-pressure, diamond*; вторая – преимущества пользователей с точки зрения комфорта и удобства вождения (15%), например, *pleasant, exquisite, comfortable, spacious, individual, safe, classic, luxurious*; третья – экспрессивные прилагательные с положительными оценочными коннотациями (57%), такие как *striking, unmistakable, groundbreaking, extraordinary, superior, outstanding, fascinating, exceptional*. Ряд контекстных употреблений прилагательных третьей категории определяют свойства автомобиля с антропоцентрической точки зрения: *relaxed, independent, courageous, unbridled, muscular, energetic, generous, extroverted, seductive, passionate*. Функциональное триединство атрибутивных характеристик указывает на необходимость создания персуазивного эффекта в рекламном дискурсе для бренда на высококонкурентном автомобильном рынке.

Ключевые слова: рекламный дискурс, брендинг, ориентированность на потребителя, антропоцентризм, экспрессивность, оценочность, персуазивность.

Promotional brochure devoted to an automobile brand is a document containing information about a new product in a non-personal style of presentation. According to P. Kotler's advertising principle, the higher the competition, the more persuasive the advertising message [1]. Since the automobile market is characterized by strong competition, advertising is aimed at building brand preference through persuasion and encouragement of switching to the brand. As language is among the most important instruments of advertising, studies into promotional discourse have a transdisciplinary nature [2] and are performed by means of extrapolating systemic approaches from both linguistic and advertising fields [3], for example, multiple derivation techniques [4] or increased emotional component [5]. For the promotional needs, the attributive characteristics are employed to identify the brand, differentiate it from competitors', be attractive, satisfy customer preferences and tastes, and maintain mutually beneficial relationships between the brand, manufacturer and consumers.

A wide range of linguistic tools are used to create customer engagement and understanding the product value [6; 7]. Attributes are important for creating a pragmatically intensive semantic space and feeling evocation [8]. Attributes fulfill the genre-forming, text-forming and, partly, pragmatic functions since they participate in the process of informing, encouraging the desired action, and establishing relationships of trust with customers [9]. Linguistically, adjectives are involved in the organization of compositional, semantic, intentional and communicative structure. More specifically, attributes are valuable for the argumentative, motivating and phatic types of discourse. Adjectives tend to be used in the superlative degree, have the descriptive and evaluative meaning, aimed at creating the desired image [10; 11]. Qualitative adjectives occur more frequently than relative adjectives [12]. Emotionally charged segments of speech are always marked with a certain linguistic tool, be it phonetic, grammatical, or semantic [13]. Contextually, adjectives are related cognitively, semantically, associatively, stylistically, and expressively [14], due to explicit and implicit semantic components [15]. Adjectives are able to contribute to the rhematization of speech fragments [16]. The actualization of human qualities evokes value-based relations [17]. Adjectives constitute one of the most numerous categories of meaningful words in the economic discourse, accompanied by the metaphorization process [18]. Adjectives with a broad evaluative semantics are able to manipulate customer behavior via developing positive product perceptions in their minds [19].

In this paper, the goal of the research is to analyze the attributes that constitute the semantic field of the BMW brand. The promotional brochure devoted to the model *The 8 Series Gran Coupe* served as the material for the research. The study methods included continuous sampling, semantic and functional analysis in the advertising context. The total number of contexts containing adjectives and nominals fulfilling the attributive function was 384. As a result of the analysis, it was found that the attributes could be classified into the following categories: functional (28%), social (12%) and image-related (60%).

The functional category. Such adjectives describe physical properties of the automobile interior and exterior, normally, accentuating its competitive advantages in the technological sphere, for example, high quality steel, durable materials and other parts. Other examples included the following: *industrial, large-format, radiant, diamond, rear-wheel, forefront, cylinder, metal, longitudinal, light, solar, high-pressure*, among others. Example: “*The centre console, which is wide and steeply ascending as is typical of sports cars, emphasises the longitudinal orientation of the interior and the focus on the road even in the dark thanks to precisely integrated light guides*”.

The social category. Such adjectives focus on the customer experience, meeting their expectations of comfort, high speed, and enjoyable driving aesthesia. Due to the performative meaning of such adjectives, customers understand the advantages of the automobile over other brands in relation to their own feelings and perceptions. Example: “*Every line, every surface, every detail visualises the extraordinary driving experience that begins as soon as the powerful engine starts. Depending on the selection, multifunction seats or even M Sport seats offer a comfortable seating experience for the driver and front passenger, which at the same time stand out for its superior grip and dynamic driving style*”.

The image-related category. The adjectives of this kind underline the automobile as a companion that possesses certain human features such as an individual character, though these characteristics are related more to the brand and its image rather than to the machine. Hence, the automobile is attributed a certain anthropocentric nature which encourages audiences perceive the brand as a living being (*generous, decisive, muscular, strong, sporty, passionate, courageous, bold, cheeky, and thoroughbred*). Meanwhile, the image-related category includes adjectives with a broad evaluative semantics of the superlative kind, which, in the aggregate, hyperbolize its qualities and produce a positive image of the brand (*striking, sacral-looking, the highest-quality, outstanding, fascinating, truly exceptional, and superior*). Examples are as follows: “*The M Sport packages take the already outstanding energetic character of the new BMW 8 Series Gran Coupé to a new level*”. “*The paint finish BMW Individual Tanzanite Blue metallic accentuates the extroverted sporty character of the new BMW 8 Series Gran Coupé even further*”. “*Iconic features such as the modern interpretation of the upright Hofmeister kink lend the elongated side window graphic a decisive measure of sublime presence*”.

Functionally, the automobile is described in terms of design, exterior, interior, innovation features, drive dynamics, technical characteristics, materials, and colors. Each of these functional groups includes various attributive categories.

Design: the aspects in the focus of attention are coziness and safety provided by the strong car body, comfort compared to the home atmosphere, its large size that is considered to be an advantage, especially for a family. The linguistic tools serving for the design description include simile (*cars like personal rooms on wheels*), hyperbole (*the highest possible sensuous quality; vehicles that offer very luxurious space; the vehicle body looks more powerful, refined and luscious; mobile world*), contrast (*luxury must be reflected to the outside world in a matter-of-fact way*), personification (*new appearance; a model family*).

The exterior is presented in terms of the anthropocentric approach (*A great character – sportier than ever; a strong, independent character, recognizable at first glance; appearance full of dynamism, elegance and presence; the striking double kidney; a passionate, genuine sports car feeling that unmistakably expresses the forward thrust from every perspective*) and multiple attempts to

hyperbolize (*Exciting form merges with sophisticated function to create a uniquely dynamic masterpiece*). Comparison extends to the science of biology as far as the engine is concerned: *the sporty DNA of the new BMW*. This example illustrates systemic features of the motor that ensure a powerful drive.

The interior emphasizes the driver experience such as tactile perception (*superior grip*), the advantage of automated control that simplifies the whole driving process (*the feeling of absolute freedom*). The anaphoric repetition in the following example underlines the comfortable position that the driver seat provides: *Every line, every surface, every detail visualises the extraordinary driving experience that begins as soon as the powerful engine starts*. The interior is also about a high sound quality which is expressed through the comparison with a concert hall (*symphony of the senses*).

The drive: the attributes underline the competitive advantages of the drive system focusing on the utter excellence and unmatched quality: *maximum stability; an unparalleled road holding; a unique, characteristic sonorous sound; The M Twin turbo v8 petrol engine transforms physical quantities into unbridled euphoria; you need a truly exceptional vehicle*.

Colors are named in relation to certain materials which build firm associations and conceptual links to the automobile brand: *ash black silver; ivory white; brilliant white; frozen brilliant white; frozen cashmere silver; frozen dark silver; tanzanite blue; frozen arctic grey; aventurine red; carbon black*.

The obtained results demonstrate a significant role of adjectives which constitute the attributive semantic field of the automobile brand owing to their expressive and evaluative connotations. The interaction of all stylistic techniques contributes to the brand image building. The attributes under consideration functioning as part of more complex tropes, such as hyperbole, personification, simile, contrast, construct the imagery and figurative meanings which create the intended perceptual associations in the consumer mind. The style of the automobile representation is dictated by its ergonomic design fitted to the human body. The functional, social and image-based adjectives establish associations with the brand values, its competitive advantages, and customer benefits. The attributive characteristics create a positive image of the automobile brand, intensify the pragmatic effect of luxury, comfort, and perform a persuasive function.

Библиографический список

1. Kotler P., Armstrong G. Principles of marketing. 17th ed. Pearson, 2018. 735 p.
2. Бондарчук Г.Г., Яроцкая Л.В. Лингвокогнитивные инструменты в парадигме межкультурного анализа: лингводидактический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 6(835). С. 207-215.
3. Валентинова О.И., Денисенко В.Н., Рыбаков М.А. Актуальные направления современной лингвистики с позиций системного подхода. Некоторые размышления об итогах научной стажировки в РУДН «Общая и частная методология филологической науки» 2019 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. №3. С. 918-933.
4. Литвинов А.В., Старовойтов А.С. Использование неологизмов, образованных путем словообразовательной деривации, в интернет-рекламе // Язык и текст. 2023. Т. 10. № 3. С. 5–11.
5. Величкова Л.В., Абакумова О.В. Звуковой образ телевизионной рекламы (на материале испанского и русского языков) // Мир науки, культуры, образования. 2022. Т. 97. №6. С. 558-560.
6. Filyasova Y.A. Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis // Training, Language and Culture. 2022. Vol. 6. Iss. 4. P. 50–61.

7. Filyasova Y.A. The stylistics of English headlines in promotional discourse: a multidimensional study // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Vol. 14. Iss. 3. P. 856–875.

8. Радюк А.В., Никогосян М.В. Лексико-стилистические средства выразительности в англоязычном дискурсе лайфстайл-медиа // Вопросы прикладной лингвистики. 2022. № 48. С. 96–120.

9. Костюшко Е.Т. Прагматическая значимость имени прилагательного в модульном рекламном тексте // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 3. Филология. Педагогика. Психология. 2022. Т. 12. № 2. С. 65–73.

10. Морозова Я.С., Демьянова Д.А. Сравнительные аспекты речевого воздействия в рекламном интернет-дискурсе в Европейской и Российской индустрии гостеприимства // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2019. № 2(68). С. 81–84.

11. Филясова Ю.А. Коммуникативная стратегия перфекционизма в репрезентации высоких достижений промышленных компаний // Коммуникология. 2023. Т. 11, № 1. С. 73–85.

12. Руднева М.А. Лексическая сочетаемость существительного climate с прилагательными и атрибутивными существительными в англоязычном экологическом дискурсе // Современное педагогическое образование. 2023. № 1. С. 421–426.

13. Андросова С.В., Караваева В.Г., Цзяньвэнь Ч. Длительность китайских слогов в коммерческом и социальном рекламном дискурсе // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2023. Т. 22. № 4. С. 127–139.

14. Заграевская Т.Б., Дубовский М.Д., Заграевская С.М. Валентность и сочетаемость в структуре англо- и русскоязычных многокомпонентных атрибутивных словосочетаний // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. Вып. 5. С. 1579–1584.

15. Краева И.А. Градуальность английских прилагательных: компонентный vs концептуальный анализ (на материале прилагательных, выражающих температуру) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 7(779). С. 10–17.

16. Гусева С.И., Чжан Ц. Восприятие китайской коммерческой радиорекламы: вербально-семантический фильтр // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2016. Т. 2. № 1. С. 18–32.

17. Бутакова Л.О. Слова с ценностной семантикой в языковом сознании представителей поколения Y // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. №4. С. 937–955.

18. Малюга Е. Н., Мадинян Е. И. Морфологические характеристики коллокаций в британском экономическом дискурсе: аспект комбинаторной лексикологии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 58–70.

19. Николаева А.В. «Пустые» прилагательные в англоязычных рекламных текстах // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. С. 108–112.

References

1. Kotler P., Armstrong G. Principles of marketing. 17th ed. Pearson, 2018. 735 p.

2. Bondarchuk G.G., Yarotskaya L.V. Linguocognitive instruments in the paradigm of intercultural analysis: Language pedagogy perspective // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities. 2020. Vol. 835. Iss. 6. P. 207–215.

3. Valentinova O.I., Denisenko V.N., Rybakov M.A. The latest trends in modern linguistics in terms of the systemic approach. Some considerations of scientific internship outcomes at RUDN “The general and special methodology of the philological science – 2019” // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2021. Vol. 12. Iss. 3. P. 918–933.

4. Litvinov A.V., Starovoytov A.S. Usage of Neologisms Formed by Derivation in Online Advertising // *Language and Text*. 2023. Vol. 10. Iss. 3. P. 5-11.
5. Velichkova L.V., Abakumova O.V. Sound image of TV advertising (on the material of Spanish and Russian languages // *World of Science, Culture, Education*. 2022. Vol. 97. Iss. 6. P. 558–560.
6. Filyasova Y.A. Perfection as a concept of hyperbolisation in English promotional discourse: A multi-dimensional linguistic analysis // *Training, Language and Culture*. 2022. Vol. 6. Iss. 4. P. 50–61.
7. Filyasova Y.A. The stylistics of English headlines in promotional discourse: a multidimensional study // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2023. Vol. 14. Iss 3. P. 856–875.
8. Radyuk A.V., Nikogosyan M.V. Lexical and stylistic means of expressiveness in the English-speaking discourse of lifestyle media // *Key Issues in Applied Linguistics*. 2022. Vol. 48. P. 96–120.
9. Kostyushko E.T. The pragmatic value of the adjective in modular advertising text // *The Bulletin of Grodno State University named after Yanka Kupala. Series 3. Philology. Pedagogy. Psychology*. 2022. Vol. 12. Iss. 2. P. 65–73.
10. Morozova Y.S., Demyanova D.A. Comparative characteristics of linguistic manipulation in advertising internet-discourse in European and Russian service industry // *The Bulletin of Astrakhan State Technical University*. 2019. Vol. 68. Iss. 2. P. 81-84.
11. Filyasova Y.A. Communicative Perfectionist Strategy in the Representation of Industrial Companies Performance // *Communicology*. 2023. Vol. 11. Iss. 1. P. 73-85.
12. Rudneva M.A. The lexical collocability of the noun climate with adjectives and attributive nouns in English ecological discourse // *Modern Pedagogical Education*. 2023. Vol. 1. P. 421–426.
13. Androsova S.V., Karavaeva V.G., Zhang J. Duration Patterns of Chinese Syllables in Commercial and Social Oral Advertisements // *The Bulletin of NSU. Series: History and Philology*. 2023. Vol. 22. Iss. 4. P. 127-139.
14. Zagrayevskaya T.B., Dubovsky M.D., Zagrayevskaya S.M. Valence and collocability in the structure of English-language and Russian-language multi-component attributive phrases // *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2023. Vol. 16. Iss. 5. P. 1579–1584.
15. Kraeva I.A. Graduality of English adjectives: Componential vs conceptual analysis (on adjectives expressing temperature) // *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2017. Vol. 7. P. 10–17.
16. Guseva S.I., Zhan Jianwen. The perception of Chinese commercials: verbal and semantic filter // *Theoretical and Applied Linguistics*. 2016. Vol. 2. Iss. 1. P. 18–32.
17. Butakova L.O. Words with Value Semantics in the Language Consciousness of Generation «Y» Representatives // *RUDN Journal of Language Studies. Semiotics. Semantics*. 2022. Vol. 13. Iss. 4. P. 937–955.
18. Malyuga E.N., Madinyan E.I. Morphological characteristics of collocations in the British economic discourse: Aspect of combinatorial lexicology // *The Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2021. Vol. 6. P. 58–70.
19. Nikolaeva A.V. “Empty” adjectives in English advertising texts // *The Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2008. Vol. 30. P. 108–112.

ЖУРНАЛИСТИКА В ИСТОРИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ JOURNALISM IN HISTORICAL AND THEORETICAL ASPECT

УДК 070 (069)

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.022

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

*Аспирант кафедры журналистики институ-
та общественных наук и массовых коммуни-
каций*

Ба А.

Россия, г. Белгород,

e-mail: potio739@gmail.com

+79155754220

*Belgorod State National Research Univer-
sity*

*Postgraduate student, Department of Jour-
nalism, Institute of Social Sciences and
Mass Communications*

Ba A.

Russia, Belgorod,

e-mail: potio739@gmail.com

+79155754220

А. Ба

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ МАЛИ

Средства массовой информации сегодня играют ключевую роль в жизни общества, выступая в качестве источника не только информации о происходящих событиях, но и мощного инструмента влияния на общественное мнение, формирования ценностных ориентиров и политических предпочтений. Республика Мали является одной из стран, переживающих качественные социально-политические, культурные, экономические и коммуникационно-технологические трансформации, что не может не отражаться на состоянии и перспективах развития ее медиасистемы. В условиях стремительно меняющегося медиаландшафта, активного развития цифровых технологий и изменения моделей потребления информации, особую актуальность приобретает вопрос о традиционных периодических изданиях, их роли в социальных процессах, культуре и политике. В статье проанализировано текущее состояние и перспективы развития периодических изданий в Республике Мали с учетом социально-политических, культурных, экономических и технологических факторов, влияющих на их функционирование. Рассмотрены структура и основные тенденции малийской прессы, выявлены ключевые проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются периодические издания, включая политическую нестабильность, экономические трудности, недостаток профессионализма журналистов и влияние религиозного фактора, определены перспективные направления развития периодической печати, связанные с информационно-технологическими инновациями, расширением аудитории, повышением квалификации кадров и совершенствованием нормативно-правовой базы. В статье делается вывод о том, что одной из самых серьезных проблем в секторе средств массовой информации Республики Мали остается проблема дезинформации и ложных новостей. В дальнейшем важно, чтобы Республика Мали продолжала инвестировать в медиаобразование. Для это необходимо разработать образовательные программы, включающие специальные курсы по медиаобразованию, подготовку учителей и соответствующий образовательный ресурс.

Ключевые слова: Республика Мали, информационно-технологические инновации, медиасистема, СМИ, периодическая печать, электронные медиа, медиаобразование.

А. Ба

FEATURES OF THE MEDIA SYSTEM AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PERIODICAL PUBLICATIONS IN THE REPUBLIC OF MALI

The mass media today play a key role in the life of society, acting as a source not only of information about current events, but also a powerful tool for influencing public opinion, forming value orientations and political preferences.

The Republic of Mali is one of the countries experiencing high-quality socio-political, cultural, economic and communication-technological transformations, which cannot but affect the state and prospects of development of its media system. In the context of a rapidly changing media landscape, the active development of digital technologies and changing patterns of information consumption, the issue of traditional periodicals, their role in social processes, culture and politics is of particular relevance. The article analyzes the current state and prospects for the development of periodicals in the Republic of Mali, taking into account socio-political, cultural, economic and technological factors affecting their functioning. The structure and main trends of the Malian press are considered, the key problems and challenges faced by periodicals are identified, including political instability, economic difficulties, lack of professionalism of journalists and the influence of the religious factor, promising directions for the development of periodicals related to information technology innovations, audience expansion, professional development and improvement of the regulatory framework bases. The article concludes that one of the most serious problems in the media sector of the Republic of Mali remains the problem of disinformation and false news. In the future, it is important that the Republic of Mali continues to invest in media education. To do this, it is necessary to develop educational programs that include special courses on media education, teacher training and an appropriate educational resource.

Keywords: Republic of Mali, periodical press, media system, technological innovations, media laws.

Средства массовой информации сегодня играют ключевую роль в жизни общества, выступая не только в качестве источника информирования о происходящих событиях, но и как мощный инструмент влияния на общественное мнение, формирование ценностных ориентиров и политических предпочтений. В условиях стремительно меняющегося медиаландшафта, активного развития цифровых технологий и трансформации моделей потребления информации, особую актуальность приобретает вопрос перспектив развития традиционных периодических изданий. Республика Мали является одной из стран, переживающих качественные социально-политические, культурные, экономические и коммуникационно-технологические трансформации, что не может не отражаться на состоянии и перспективах развития ее медиасистемы.

Будучи бывшей французской колонией, получившей независимость в 1960 году, Мали в постколониальный период столкнулась с рядом вызовов, связанных с необходимостью формирования национальной идентичности, преодоления этнических и религиозных противоречий, а также обеспечения демократического транзита. Средства массовой информации, в том числе периодическая печать, сыграли важную роль в этих процессах, выступая публичной площадкой для широкого общественного диалога, артикуляции общественных запросов и осуществления контроля над властью.

Цель данной статьи – проанализировать текущее состояние и перспективы развития периодических изданий в Республике Мали с учетом социально-политических, культурных, экономических и технологических факторов, влияющих на их функционирование. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) охарактеризовать современное состояние периодической печати в Республике Мали, ее структуру и основные тенденции развития;
- 2) выявить ключевые проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются периодические издания в Мали;
- 3) определить перспективные направления развития периодической печати в Республике Мали, связанные с технологическими инновациями и расширением аудитории.

Методологической основой исследования выступает теория массовой коммуникации Д. Маккуэйла, рассматривающая СМИ как важнейший социальный институт, играющий ключевую роль в жизни современного общества [1].

Теоретическую базу исследования составили научные труды как российских, так и зарубежных авторов, обращающихся к анализу особенностей функционирования СМИ в современном обществе, в контексте происходящих в разных регионах мира социально-политических, культурных и информационно-технологических процессов. Среди них – Т. Брахи́ма [2], Е.Л. Варта́нова [3-4], К. Кали [5], А.П. Короченский [6], А.В. Полонский [7-8], Е.П. Прохоров [9-10], В.И. Сапунов [11], Б. Сако [12], В.В. Хорольский [13], М.Г. Шили-

на [14], К.В. Цатыньян [15], J. Adebayo John1, O. Olusola [16] H.G. Bastiansen [17], R. Thomas [18].

Для решения поставленных задач использовались методы эмпирического наблюдения, ситуационного и теоретического анализа.

Эмпирическую базу исследования составили публикации в малийских изданиях «L'Essor», «Journaldumali.com», «Maliweb.net», «Le Républicain», «L'Indépendant», «Lesoft.com», «Studiotamani.org», «Le Figaro») и некоторые программы телеканалов «Africable» и «Cherifla TV» в период с 2012 г. по 2024 г.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью анализа перспектив развития периодической печати в Республике Мали в условиях интенсивных социально-политических, экономических и технологических изменений, происходящих как на национальном, так и на региональном уровне. Полученные результаты могут быть полезны для понимания тенденций трансформации медиасистем стран Западной Африки и для разработки эффективных стратегий поддержки традиционных СМИ в меняющихся условиях.

Обзор текущего состояния периодической печати в Республике Мали. Периодическая печать в Республике Мали представлена широким спектром изданий, представляющих многообразие политических, экономических и культурных интересов малийского общества. «Сегодня малийские СМИ отражают многоязычную и многоэтническую среду» [19, с. 136]. Несмотря на сложные социально-политические условия, в которых функционируют СМИ, малийская пресса демонстрирует устойчивую динамику развития. Согласно данным «Annuaire Media Mali» за 2019 г., подготовленным «Forum de la Presse» и «Maison de la Presse», в стране издается 227 газет, из которых 10 – ежедневных, 192 еженедельных, 13 выходят один раз в две недели, 12 портовых газет [20, с. 217]. Среди них следует выделить несколько ведущих изданий. Так, правительственная ежедневная газета «L'Essor» является одним из наиболее влиятельных и авторитетных печатных СМИ Мали. Ее тираж составляет 35–40 тыс. экземпляров, что делает ее одной из самых популярных газет в стране. Другое влиятельное издание – еженедельник «Le Républicain», у которого тираж достигает около 20 тыс. экземпляров, специализируется на освещении вопросов культуры и общественно-политической жизни. Кроме этих общественно-политических изданий, в Мали выходят развлекательные издания, такие, например, как «Kabako» и «Info-Matin», и спортивные газеты, среди них – «Match» и «Sport Info») [21]. В стране также выходят сатирические издания, как, например, «Le Canard déchainé», которые привлекают читателей, ценящих сатиру и свободу прессы.

Следует отметить, что большинство газет в Мали являются негосударственными. Это отражает процессы либерализации медиарынка, начавшиеся в 1990-е годы. Вместе с тем некоторые издания по-прежнему находятся в сфере влияния политических партий или религиозных организаций, что не может не сказываться на их редакционной политике, а также на характере публикуемых материалов.

Важную роль в информационном пространстве Мали играют региональные и местные газеты, которые выходят на французском языке, а также на местных языках *бамбара*, *фулани* и *сонинке*. Эти издания освещают проблемы конкретных территорий и сообществ. По причине кризиса безопасности, который переживает страна и неграмотности в малых городах, распространение этих газет, однако, ограничено сегодня столицей Бамако и крупными городами.

Помимо печатных периодических изданий, в Мали активно развиваются и электронные медиа. Одним из наиболее влиятельных и доступных источников информации для населения, особенно в сельской местности, остается по-прежнему радио. Так, по данным ЮНЕСКО, до начала вооруженного конфликта в 2012 году радио охватывало около 90% жителей страны [22, с.15]. Сегодня в Мали функционирует разветвленная система радиовещания, включающая частные коммерческие, общественные и общинные радиостанции.

Мы живем в эпоху стремительной смены технологий и конвергенции [23; 24]. Сегодня телезритель может сам выбирать, что и когда смотреть, общаться в режиме реального времени с другими зрителями по всему миру. Телевидение также играет важную роль в медиасистеме Республики Мали. Государственная телерадиокомпания ORTM («Office de Radiodiffusion-Télévision du Mali») является ведущим телевизионным вещателем в стране. Около 80% ее программ выходят на французском языке, остальные 20% посвящены региональной, сельскохозяйственной и медицинской тематике [22, с. 30]. Кроме того, в Мали функционируют частные телеканалы, такие, например, как «Renouveau TV», «Joliba TV», «Sunna TV», «Cherifla TV» и другие. Можно сказать, что «Sunna TV», «Cherifla TV» ориентируются на мусульманскую аудиторию.

Развитие интернет-технологий оказывает качественное влияние на медиаландшафт Мали. Технологический прогресс в корне изменил подход не только к распространению информационного контента, но и к его потреблению аудиторией [25]. Согласно данным Международного союза электросвязи, в 2020 году интернетом пользовались 35% населения страны [26]. Многие традиционные СМИ имеют свои онлайн-версии, а также представлены в социальных сетях. Кроме того, в Мали функционируют и самостоятельные интернет-издания, такие, как новостной портал «Maliweb.net» [<https://www.maliweb.net/>].

Проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются периодические издания в Республике Мали. Несмотря на определенные успехи в развитии медиасферы, малийские СМИ сталкиваются с рядом серьезных проблем и вызовов. Одним из ключевых факторов, влияющих на функционирование периодической печати, является нестабильная политическая ситуация в стране. Однако парадокс заключается в том, что в развитии СМИ Мали, после восстаний и переворотов, быстро происходит восстановление свободы слова и плюрализма мнений [27, с. 169].

Кроме того, малийские СМИ страдают от недостатка финансовых ресурсов. Многие издания находятся в тяжелом экономическом положении, что сказывается на качестве контента и технической оснащенности. Заметим также, что зарплата журналиста в Мали невысокая, в среднем она составляет около 80 000 франков КФА (или 135 долларов) в месяц. Это заставляет журналиста искать возможности дополнительного заработка.

Важной проблемой, с которой также сталкиваются СМИ Мали, является недостаточный уровень профессионализма журналистских кадров. Лишь небольшая часть работающих в СМИ имеет профильное образование, что приводит к снижению качества информации и распространению недостоверных сведений.

Кроме того, малийские СМИ сталкиваются с проблемами, связанными с доступом к информации. По социально-политическим причинам самоцензура занимает важное место в малийской прессе. Журналистам не разрешается распространять всю информацию, которая может дестабилизировать страну, хотя, безусловно, существуют законы, гарантирующие свободу выражения мнений. Это существенно затрудняет работу СМИ и снижает качество предоставляемой ими информации.

Одним из важнейших вызовов для страны является низкий уровень медиаграмотности населения, большая часть которого получает информацию по радиоканалам, особенно в сельских районах, из-за неграмотности (сегодня процент неграмотного населения остается чрезвычайно высоким: по данным 2023 года, только 37,2% населения грамотны [28]) и недостатка денежных средств на оплату газет. Это создает серьезные барьеры для развития периодической печати.

Таким образом, малийские СМИ сталкиваются с целым комплексом проблем, связанных с политической нестабильностью, экономическими трудностями, недостатком профессиональных кадров, религиозным влиянием и низким уровнем медиаграмотности населения. Преодоление этих вызовов является условием для дальнейшего укрепления роли прессы в малийском обществе.

Перспективы развития периодической печати в Республике Мали. Несмотря на серьезные вызовы, с которыми сталкиваются малийские СМИ, перспективы для развития периодической печати в стране, безусловно, существуют.

1. Технологические инновации

Одним из ключевых направлений развития периодической печати в Мали является внедрение технологических инноваций. В условиях стремительного распространения цифровых и сетевых технологий роста интернет-аудитории все большее значение приобретают прежде всего онлайн-версии традиционных печатных изданий.

Многие ведущие газеты Мали, такие, как «L'Essor», «Le Républicain», «Info-Matin» и «LE SOFT», уже имеют свои интернет-порталы, где публикуют новостной контент в режиме реального времени. Это позволяет им оперативно реагировать на актуальные события и расширять аудиторию за счет читателей, предпочитающих получать информацию онлайн-формате.

Кроме того, некоторые издания экспериментируют с мобильными приложениями, предоставляя пользователям дополнительные возможности для взаимодействия с контентом. Такие приложения позволяют читателям не только просматривать статьи, но и комментировать их, а также делиться ими в социальных сетях.

Перспективным направлением является развитие интерактивных форматов, таких, как онлайн-трансляции, видеоинтервью и инфографика. Они не только делают контент более наглядным и привлекательным для аудитории, но и способствуют вовлечению читателей в обсуждение актуальных тем.

2. Расширение аудитории

Другим важным направлением развития периодической печати в Мали является расширение аудитории, в том числе за счет привлечения молодых читателей и развития региональных изданий.

Согласно данным исследования, проведенного Институтом Гэллага [29], наибольшую активность в потреблении новостного контента в Мали проявляют представители молодого поколения в возрасте от 15 до 34 лет, которые предпочитают получать информацию через социальные сети и мессенджеры, а также с помощью мобильных устройств. Для того, чтобы заинтересовать эту аудиторию, малийским изданиям необходимо адаптировать свой контент и формат подачи материалов. Это может включать в себя создание специализированных молодежных рубрик, использование более динамичной и интерактивной подачи информации, а также активное присутствие в социальных сетях.

3. Развитие региональных и местных газет

Важным является также развитие региональных и местных газет, которые могут более эффективно освещать проблемы конкретных территорий и сообществ. Несмотря на то, что на сегодняшний день большинство региональных изданий распространяется преимущественно в крупных городах, существует значительный потенциал для расширения их охвата и увеличения аудитории в сельских районах [30].

Одним из способов достижения этой цели может стать использование новых технологий распространения контента, таких, как мобильные приложения и социальные сети. Это позволит региональным СМИ преодолеть существующие инфраструктурные ограничения и донести информацию до более широкой аудитории. Кроме того, важную роль в развитии региональной прессы должна сыграть государственная поддержка.

4. Повышение профессионализма журналистских кадров

Одним из них направлений, связанных с обеспечением эффективного функционирования прессы, является повышение профессионализма журналистских кадров. Как уже отмечалось, значительная часть работающих в малийских СМИ не имеет профильного образования, что сдерживает в целом развитие отрасли. Чтобы решить данную проблему, необходимо

обеспечить получение профессионального журналистского образования и расширять в стране возможности сферы медиаобразования.

Совершенствование нормативно-правовой базы

Кроме того, важную роль может сыграть совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность СМИ. В Конституции Республики Мали [31] свобода выражения мнений гарантируется первым разделом и охватывает права и обязанности человека, а также принят ряд законов, направленных на поддержку медиаиндустрии. На сегодняшний день, однако, ощущается необходимость в дальнейшей адаптации законодательства к реалиям цифровой эпохи и в том, чтобы их применение на практике было эффективным.

Поиск устойчивых бизнес-моделей для периодических изданий

Важным направлением является поиск устойчивых бизнес-моделей для периодических изданий. Как было отмечено, многие малийские СМИ сталкиваются с серьезными финансовыми трудностями, что ставит под угрозу не только качество предоставляемого ими контента, но и их мировоззренческая независимость.

Таким образом, несмотря на существующие вызовы, периодическая печать Республики Мали имеет определенные перспективы для развития. Ключевыми направлениями в этом процессе могут стать внедрение технологических инноваций, расширение аудитории, повышение профессионализма журналистских кадров, совершенствование нормативно-правовой базы и поиск устойчивых бизнес-моделей. Реализация этих направлений позволит малийским СМИ укрепить свои позиции и эффективнее выполнять свои функции как субъекта социального и политического процесса в демократическом обществе.

Как видим, периодическая печать Республики Мали представлена широким спектром изданий, отражающих многообразие политических, экономических и культурных запросов современного общества. Малийские СМИ сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с политической нестабильностью, экономическими трудностями, недостатком профессионализма журналистских кадров, влиянием религиозного фактора и низким уровнем медиаграмотности населения. Перспективными направлениями развития периодической печати в Мали являются технологические инновации, расширение аудитории, повышение профессионализма журналистов, совершенствование нормативно-правовой базы и поиск устойчивых бизнес-моделей.

Библиографический список

1. McQuail D. Mass communication theory: 6th ed. Los Angeles: Sage Publication, 2020. 566 p.
2. Брахи́ма Т. Становление и развитие онлайн-прессы Мали // Электронные средства массовой информации: вчера, сегодня, завтра: материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 07 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2023. С. 57–59.
3. Вартанова Е.Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы // Меди@льманах. 2022. № 1. С. 8–13.
4. Вартанова Е.Л. Медиасистема в контексте общественных процессов: переосмысление теоретической конструкции // Меди@льманах. – 2023. – № 2(115). С. 8–19.
5. Кали К. Влияние ислама на политику и СМИ в Республике Мали // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. № 4. С. 103–106.
6. Короченский А.П. «Пятая власть»? Медиакритика в теории и практике журналистики. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2003. 283 с.
7. Полонский А.В. К вопросу о массмедийности и ее параметрах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 171–182.
8. Полонский А.В. Массмедийность как качество текста современных массмедиа // Медиалингвистика. 2015. № 2(8). С. 7–16.

9. Прохоров, Е. П. Журналистика и демократия. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Аспект Пресс, 2004.

10. Прохоров Е.П. Государственные СМИ как главный инструмент обеспечения информационной демократии // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2011. № 1. С. 11–20.

11. Хорольский В.В., Сапунов В. И. Запад и не-Запад. Поворотные пункты в истории мировой журналистики нашего времени // Журналистика развивающихся стран: переходный этап эволюции: сборник статей аспирантов факультета журналистики ВГУ. Воронеж, 2019. С. 5–8.

12. Сако Б. Влияние ислама на развитие СМИ Республики Мали в 2013-2021 гг. Сборник трудов III международной научно-практической конференции. Белгород, 2021. С. 166–171.

13. Хорольский В.В., Сапунов В. И. Запад и не-Запад. Поворотные пункты в истории мировой журналистики нашего времени // Журналистика развивающихся стран: переходный этап эволюции: сборник статей аспирантов факультета журналистики ВГУ. Воронеж, 2019. С. 5–8.

14. Шилина М.Г. Тенденции развития современных медиасистем и актуальные концепции теории СМИ // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2010. № 1. С. 6–22.

15. Цатыньян, К. В. Медиасистема как признак государственности / К. В. Цатыньян // Научный аспект. 2024. Т. 25, № 2. С. 3179–3188.

16. James Adebayo John¹ and Olasupo Olusola Mass Media and the Politics of Underdevelopment in Africa: Nigeria in Perspective // Peak Journal of Social Sciences and Humanities Vol. 3(5), pp. 64-69, September 2015 <https://www.peakjournals.org/sub-journals-PJSSH.htm>

17. Bastiansen H.G. Media History and the Study of Media Systems / H.G. Bastiansen // Media History. 2008. Vol. 14, iss. 1. P. 95-112.

18. Thomas, Racheal. (2024). Africa through the lens of western media: A call for genuine representation by African media https://www.researchgate.net/publication/381280672_Africa_through_the_lens_of_western_media_A_call_for_genuine_representation

19. Полонский, А. В., Ба А. Республика Мали: СМИ в контексте современного общества / А. В. Полонский, А. Ба // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43, №2. С. 133–144.

20. Ба Амаду. Особенности функционирования СМИ в Республике Мали // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9. № 1. С. 213–221.

21. Сако Б., Малаховский А.К. СМИ Мали: новые тенденции второго десятилетия XXI века // Мировая журналистика: единство многообразия. Сборник научных статей: в 2 т. Т. II / Под ред. Ел. В. Мартыненко. М.: Российский университет дружбы народов, 2018. С. 253–258.

22. Global offline population steadily declines to 2.6 billion people in 2023. URL: <https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2013/02/media-in-mali-divided-by-conflict-2013-FR-ims.pdf> (дата обращения: 12.08.2024). P.6-36.

23. Онуприенко К.А. Трансформация традиционных телевизионных жанров на новых технологических платформах // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 3(42). С. 99–108.

24. Полонский А.В., Глушкова В.Г. Современные СМИ и проблема интолерантности // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 1(36). С. 171–181.

25. Трубицина Н.А., Р. С. Вернигора. Поликодовость, креолизация, жанровая диффузия: о природе современного журналистского текста // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2(49). С. 90–94

26. Global offline population steadily declines to 2.6 billion people in 2023. URL: <https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2013/02/media-in-mali-divided-by-conflict-2013-FR-ims.pdf> (дата обращения: 12.08.2024). P.6-36

27. Сако Б. Влияние ислама на развитие СМИ Республики Мали в 2013-2021 гг. Сборник трудов III международной научно-практической конференции. Белгород, 2021. С. 166–171.

28. https://instat-mali.org/laravel-filemanager/files/shares/eq/rana23pas1_eq.pdf, P.24

29. <https://www.unicef.org/eca/ru/Пресс-релизы/юнисеф-и-институт-гэллага-только-половина-молодых-людей-может-дать-правильное>

30. Сако Б. Гражданское общество и его влияние на СМИ Мали и Гвинеи (Конакри) в 2010–2021 годы // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 416–419.

31. Конституция Республики Мали // Конституции государств Африки и Океании / А. С. Автономов, А. М. Белялова, Н. М. Касаткина и др. Т. 4. М.: Изд. дом «Юриспруденция», 2021. С. 615–640.

References

1. McQuail D. Mass communication theory: 6th ed. Los Angeles: Sage Publication, 2020. 566 p.
2. Brahima, T. Formation and development of the online press of Mali / T. Brahima // Electronic media: yesterday, today, tomorrow: materials of the XVII All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, April 07, 2023. St. Petersburg: St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, 2023. P. 57-59.
3. Vartanova E.L. Changing media architecture and digital platforms // Medi@lmanakh. 2022. No. 1. Pp. 8-13.
4. Vartanova, E. L. Media system in the context of social processes: rethinking the theoretical construct / E. L. Vartanova // Medi@lmanakh. - 2023. - No. 2 (115). Pp. 8-19.
5. Kali K. The influence of Islam on politics and media in the Republic of Mali // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2016. No. 4. Pp. 103-106.
6. Korochensky A.P. «Fifth Estate»? Media criticism in the theory and practice of journalism. Rostov-on-Don: Rostov University Publishing House, 2003. 283 p.
7. Polonsky A.V. On the issue of mass media and its parameters // Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2014. No. 1. P. 171-182.
8. Polonsky A.V. Mass media quality as the quality of the text of modern mass media // Medialinguistics. 2015. No. 2(8). pp. 7-16.
9. Prokhorov, E. P. Journalism and democracy. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Aspect Press, 2004.
10. Prokhorov E.P. State media as the main instrument for ensuring information democracy // Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2011. No. 1. P. 11-20.
11. Khorolsky V.V., Sapunov V.I. West and non-West. Turning points in the history of world journalism of our time // Journalism of developing countries: transitional stage of evolution: collection of articles by postgraduate students of the journalism faculty of Voronezh State University. Voronezh, 2019. Pp. 5-8.
12. Sako B. The Influence of Islam on the Development of the Media of the Republic of Mali in 2013-2021. Collection of works of the III international scientific and practical conference. Belgorod, 2021. Pp. 166-171.
13. Khorolsky V.V., Sapunov V.I. West and non-West. Turning points in the history of world journalism of our time // Journalism of developing countries: transitional stage of evolution: collection of articles by postgraduate students of the journalism faculty of Voronezh State University. Voronezh, 2019. Pp. 5-8.
14. Shilina M.G. Trends in the development of modern media systems and current concepts of the theory of mass media / M.G. Shilina // Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism. 2010. No. 1. Pp. 6-22.

15. Tsatynjan, K. V. Media system as a sign of statehood / K. V. Tsatynjan // Scientific aspect. - 2024. Vol. 25, No. 2. P. 3179-3188.
16. James Adebayo John1 and Olasupo Olusola Mass Media and the Politics of Underdevelopment in Africa: Nigeria in Perspective // Peak Journal of Social Sciences and Humanities Vol. 3(5), pp. 64-69, September 2015 <https://www.peakjournals.org/sub-journals-PJSSH.htm>
17. Bastiansen H.G. Media History and the Study of Media Systems / H.G. Bastiansen // Media History. 2008. - Vol. 14, iss. 1. P. 95-112.
18. Thomas, Racheal. (2024). Africa through the lens of western media: A call for genuine representation by African media https://www.researchgate.net/publication/381280672_Africa_through_the_lens_of_western_media_A_call_for_genuine_representation
19. Polonsky, A. V., Ba A. République du Mali : les médias dans le contexte de la société moderne / A. V. Polonsky, A. Ba // Enjeux du journalisme, pédagogie, linguistique. 2024. T. 43, n° 2. P. 133-144.
20. Ba Amadou. Features of the Functioning of the Media in the Republic of Mali // Scientific Result. Social and Humanitarian Research. 2023. Vol. 9. No. 1. P. 213-221.
21. Sako B., Malakhovsky A.K. Media of Mali: New Trends of the Second Decade of the 21st Century // World Journalism: Unity of Diversity. Collection of Scientific Articles: in 2 volumes. Vol. II / Ed. by El.V. Martynenko. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia, 2018. Pp. 253-258.
22. Global offline population steadily declines to 2.6 billion people in 2023. URL: <https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2013/02/media-in-mali-divided-by-conflict-2013-FR-ims.pdf> (accessed: 12.08.2024). P.6-36.
23. Onuprienko K.A. Transformation of Traditional Television Genres on New Technological Platforms//Topical Issues of Modern Philology and Journalism. 2021. No. 3(42). P. 99-108.
24. Polonsky, A.V., Glushkova V.G. Modern media and the problem of intolerance / A.V. Polonsky, V. G. Glushkova // Topical issues of modern philology and journalism. 2020. № 1(36). Pp. 171-181.
25. Trubitsina N.A., R.S. Vernigora. Polycode, Cronalization, Genre Diffusion: On the Nature of Modern Journalistic Text//Topical Issues of Modern Philology and Journalism. 2023. No. 2(49). P. 90-94
26. Global offline population steadily declines to 2.6 billion people in 2023. URL: <https://www.mediasupport.org/wp-content/uploads/2013/02/media-in-mali-divided-by-conflict-2013-FR-ims.pdf> (дата обращения: 12.08.2024). P. 6-36.
27. Sako B. The Influence of Islam on the Development of the Media of the Republic of Mali in 2013-2021. Collection of works of the III international scientific and practical conference. Belgorod, 2021. Pp. 166-171.
28. https://instat-mali.org/laravel-filemanager/files/shares/eq/rana23pas1_eq.pdf, P.24
29. <https://www.unicef.org/eca/ru/Пресс-релизы/юнисеф-и-институт-гэллага-только-половина-молодых-людей-может-дать-правильное>
30. Sako B. Civil society and its influence on the media of Mali and Guinea (Conakry) in 2010-2021 // World of science, culture, education. 2022. No. 2 (93). Pp. 416-419.
31. Constitution of the Republic of Mali // Constitutions of the States of Africa and Oceania / A.S. Avtonomov, A.M. Belyalova, N.M. Kasatkina, et al. Vol. 4. Moscow: Publishing house «Jurisprudence», 2021. Pp. 615-640.

УДК: 070.11

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.023

*Дальневосточный федеральный университет
Канд. филос. наук, доцент
департамента психологии и образования
Эльдарион А.А.
Россия, г. Владивосток, +79084608834
e-mail: eldarion.aa@dvfu.ru*

*Far Eastern Federal University
Department of Psychology and Education,
PhD in Philosophy, associate professor
Eldarion A.A.
Russia, Vladivostok, +79084608834
e-mail: eldarion.aa@dvfu.ru*

*Дальневосточный федеральный университет
Студентка 4 курса по направлению подготов-
ки 42.03.02 «Журналистика»
Нюхова А.Ю.
Россия, г. Владивосток, +79024844515
e-mail: nyukhova.ay@dvfu.ru*

*Far Eastern Federal University
4th year student of the direction
42.03.02 "Journalism"
Nyukhova A.Y.
Russia, Vladivostok, +79084608834
e-mail: nyukhova.ay@dvfu.ru*

А.А. Эльдарион, А.Ю. Нюхова

СПЕЦИФИКА ВИЗУАЛЬНОГО НАРРАТИВА И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАБОТЫ ФОТОЖУРНАЛИСТА В КРИЗИСНЫХ СИТУАЦИЯХ

Целью данной статьи является попытка философского осмысления роли «визуального» в работе фотожурналиста. В статье рассматриваются этические аспекты работы фотожурналиста, затрагиваются проблемные вопросы использования фотографии, в частности, в рамках освещения стихийных бедствий. Задачей является прояснение коммуникативной эффективности и границ использования практик визуального повествования в рамках работы фотожурналиста сегодня. В современном мире наблюдается повышенное увеличение потока информации. Такое состояние приводит к изменениям специфики потребления и производства контента. Визуальная составляющая становится фундаментом для любой публикации, будь то традиционные СМИ или новые медиа. Аудитория читает материалы СМИ «бегущей строкой», именно поэтому для удержания внимания редакции добавляют визуальные элементы, которые освещают событие невербальным способом. В рамках нашей статьи мы рассматриваем феномен визуального нарратива в практике работы фотожурналиста, а именно фоторепортаж из зоны стихийных бедствий. В новостных материалах, затрагивающих природные катастрофы, зачастую используют для освещения события серию снимков из эпицентра чрезвычайной ситуации, выстраивая своего рода визуальный рассказ, делая зрителя очевидцем события. Развитие технологий, в том числе фототехники, мобильные телефоны очевидцев, опытные фоторепортеры помогают получить достоверные кадры стихийного бедствия. В данный момент для фотожурналиста важно развивать навыки, которые помогут «рассказать» аудитории о подобных событиях. Фоторепортаж в новостном материале оказывает большее воздействие на общественное сознание и позволяет более качественно и глубоко передать суть происходящего, чем новостной материал без фотографий с места событий, а также такой материал позволяет привлечь больше внимания к стихийному бедствию, так как аудитория способна увидеть событие «своими глазами». Однако специфика применения фоторепортажа в зоне стихийных бедствий актуализирует определенные этические аспекты, с которыми должен соотноситься фотожурналист, работающий подобных условиях.

Ключевые слова: визуальный нарратив, фотография, фоторепортаж, стихийные бедствия, этика журналиста.

А.А. Eldarion, A.Y. Nyukhova

SPECIFICITY OF VISUAL NARRATIVE AND ETHICAL ASPECTS OF THE WORK OF A PHOTOJOURNALIST IN CRISIS SITUATIONS

The purpose of this article is an attempt of philosophical understanding of the role of the "visual" component in

the work of a photojournalist. The article examines the ethical aspects of the work of a photojournalist, touches upon the issue of the legality of using photography in the framework of coverage of natural disasters. The task is to clarify the communicative effectiveness and boundaries of the use of visual storytelling practices in the work of a photojournalist today. In the modern world, there is an increased increase in the flow of information. This condition leads to changes in the specifics of content consumption and production. The visual component becomes the foundation for any publication, whether it is traditional media or new media. The audience reads media materials in a "running line", which is why visual elements are added to keep the editorial staff's attention, which illuminate the event in a non-verbal way. As part of our article, we consider the phenomenon of visual narrative in the practice of photojournalism, namely a photo report from a disaster zone. In news materials concerning natural disasters, a series of images from the epicenter of an emergency situation is often used to cover the event, building a kind of visual narrative, making the viewer an eyewitness to the event. The development of technologies, including photographic equipment, mobile phones of eyewitnesses, experienced photographers help to get reliable footage of a natural disaster. Now, it is important for a photojournalist to develop skills that will help "tell" the audience about such events. Photo reportage in news material has a greater impact on public consciousness and allows you to convey the essence of what is happening more qualitatively and deeply than news material without photos from the scene. In addition, such material allows you to draw more attention to a natural disaster, since the audience is able to see the event "with their own eyes". However, the specifics of using photojournalism in a disaster area actualizes certain ethical aspects that a photojournalist working in such conditions should relate to.

Keywords: visual narrative, photography, photo reportage, natural disasters, ethics of a journalist.

Осмысление предлагаемой проблемы продиктовано духом времени, визуальная информация на сегодняшний день является неотъемлемой частью современного общества. Визуальная культура представляет собой формат проявления современного общества. Активно развивающиеся цифровые технологии определили популяризацию изобретенного еще в XIX веке нового способа фиксации события: фотографию. Посредством возможностей не только фотографии, но и всевозможных экранных технологий современное общество трансформировалось из «тех, кто читает» в «тех, кто смотрит».

Теоретическую базу исследования в рамках проработки вопроса визуализации информационного контента составили работы Р. Барта [1], Е.В. Петровской [2], [3], Л.И. Кирсановой [4], исследователей, которые осмысливают проблематику визуального в философском плане, а также работы Г. Чапника [5], С. Сонтаг [6], затрагивающие этические проблемы использования фотографии при освещении кризисных событий, и работы отечественных авторов Н.И. Ворона [7] и О.А. Бакулина [8], которые прорабатывают вопросы визуализации контента непосредственно в фотожурналистике.

Несмотря на определенное количество исследований, посвященных вопросу специфики формирования и использования визуального в работе фотожурналиста, тема не является достаточно разработанной. Недостаточно раскрывается этическая составляющая в работе с визуальным контентом, а также влияние визуальной информации на общественное и индивидуальное сознание в условиях визуальной культуры. Попытки осмыслить визуальную культуру все еще остаются фрагментарными, распределенными между различными научными дискурсами: антропологией, психологией или философией. Авторами отмечается необходимость философской рефлексии поднимаемого вопроса, необходимо по-новому взглянуть на проблемы интерпретации и коммуникации, в частности, в рамках деятельности новых медиа. Это связано с тем, что трансформация, которую претерпевает современное культурное пространство, так или иначе влияет на способы работы с визуальной информацией в современной журналистике.

Философские основания вопроса использования визуального нарратива в работе фотожурналиста лежат в области так называемого визуального поворота. Визуальный поворот в современной культуре трактуют как переход с языка символического на язык воображаемого. Меняются стратегии самоидентификации: сегодня в большей степени сознание взаимодействует с визуальным фоном, все то, что формируется стратегией наблюдения, приходит на смену артикулированной речи. В философском дискурсе данная тенденция мыслится как поворот «от книги к экрану» [9, с. 101], в результате которого «глаз вытеснил речь и письменные слова» [4, с. 1075].

Согласно Г.Л. Тульчинскому, сегодня создается возможность для «документального мифотворчества», так как «современные технологии фиксации и трансляции визуальной информации создали качественно иную ситуацию: запечатленная реальность множится, вытесняя впечатления от непосредственной реальности, вытесняя саму эту реальность» [10, с. 32]. Создаются условия, когда технологическая составляющая современной культуры устойчиво указывает на необходимость репрезентации самого себя исключительно через экранную форму, через цифровые технологии создания визуального образа, в результате которых само «сущее сливается с потоком электронных образов» [11, с. 99]. По словам Л.И. Кирсановой и О.А. Коротинной, визуальный поворот по праву называют возвращением к практикам тотемизма, фетишизма, анимизма, то есть реактивацией мифологических слоев сознания [4]. В данном контексте визуальный поворот мыслится в качестве возвращения к основаниям. Технические возможности современности и массовая доступность этих возможностей позволили прорваться сообщениям вне кода, вне мысли, которые не готовы быть мыслью, но хотят быть реализованы. До XX века у таких сообщений была единственная возможность обойти все «человеческие» надстройки и показаться – сон. Но сон оставался сновидцем и был лишь его личной историей. Сегодня же сон вырвался наружу и реализуется в современных визуальных способах смотрения. Визуальное – это инстанция сна, это его юрисдикция, однако сегодня сон получил возможность выйти наружу, выйти в intersubъективное пространство непосредственно, без интерпретационной обработки, без посредников в виде мышления и речи. Визуальное сегодня минует все указанные антропологические инстанции, идущие после взгляда, и желает выразиться вне связи с ними.

Однако, уменьшив негативную риторику в отношении визуального, необходимо отметить, что «визуальный текст» – это все же «текст»; так или иначе, он является тем, благодаря чему функционирует современная медиакommunikация. Дискуссионным остается вопрос о том, можно ли говорить, что «визуальный поворот» является составной частью лингвистического поворота, или его следует рассматривать как самостоятельное явление. При этом неоспоримым фактом является то, что обозначенные изменения коснулись как способов визуального повествования, так и этической составляющей работы фотожурналиста. Особенно остро этический вопрос встает при необходимости освещения чрезвычайной ситуации. Фотожурналист несет ответственность за публикуемые материалы из зоны стихийного бедствия, поскольку СМИ ставят перед собой задачу информировать людей о событиях. При этом необходимо учитывать, что фотографии или видеоматериалы с места события могут вызвать у людей приступ паники или шок от происходящего.

Чтобы перейти к принципам журналистской деятельности, вначале следует разобраться, какую профессиональную этику должны соблюдать фотожурналисты. На сегодняшний день множество исследователей рассматривают этические аспекты фотожурналистики в своих исследованиях. Один из них – Г. Чапник, который в своей работе «Правда не нуждается в союзниках. Фотожурналистка изнутри» [5] уделяет особое место профессиональной этике и сопутствующим проблемам фотожурналистики.

По его словам, объективность – важная составляющая журналистики и, естественно, фоторепортаж не становится исключением. Освещая любую ситуацию или конкретную личность, фотожурналист не должен руководствоваться собственными эмоциями и субъективным отношением не только при создании снимков, но и при отборе их, для дальнейшей отправки в редакцию. Именно здесь и встает вопрос этики, вопрос о том, как профессиональный фотожурналист будет оценивать и освещать событие. Если рассматривать фоторепортажи различных СМИ, в том числе и информационных агентств, можно отметить, что редакции при публикации фотографий придерживаются полной объективности, даже если это является государственным заказом.

Однако, если углубиться в суть вопроса, становится понятно, что очевидная объективность фоторепортажа может вызывать определенные сомнения. Технические возможности, а также их простота и доступность сделали невозможным проверку на достоверность той или

иной информации рядовому обывателю. В современных реалиях возникла тенденция активного использования фотошопа и других технологических решений. Иногда фотографы прибегают к коррекции изображения для выравнивания композиции, а иногда же полностью меняют ход события из-за удаления предметов, «сглаживания» картинки, цветокоррекции и прочее. Профессиональный фотожурналист должен понимать, что в первую очередь его задача – достоверно проинформировать общество, а не представить ситуацию в том виде, который не совпадает с действительностью. «В центре дискуссий о цифровой манипуляции с фотографиями неоднократно оказывались известные своими высокими стандартами качества средства массовой информации и признанные в профессиональной среде фотожурналисты» [12, с. 57].

Одной из частых проблем сотрудников СМИ является умышленная модификация изображения с целью скрыть или «сглажено» показать правду. Именно поэтому в 2020 году с наступлением Covid-19 Совет Федерации устанавливал административную ответственность за распространение «фейков» о чрезвычайных ситуациях, эпидемиях и стихийных бедствиях [13], так как быстро распространялись не только фейковые новости, но и фейковые фотографии с использованием сторонних технологических инструментов. Также стоит обратить внимание, что, согласно пункту 6 часть 1 статья 49 Федерального закона «О СМИ», при получении информации журналист обязан взять согласие на аудио, видео и фотосъемку, поэтому любой фотожурналист при попытке собрать информацию и подкрепить ее снимком, согласно этическому кодексу, обязан уведомить об этом оппонента [14].

Проблема возможности редактирования фотографии является камнем преткновения и вызывает споры в профессиональных сообществах. Огромное количество всевозможных программ для редактирования фотографий нивелирует попытку представить фотографию как отражение объективной реальности, по сути превращая реальность в «симулякр». Многие профессиональные фотографы, затрагивая вопросы этики в фотожурналистике, считают, что редактирование фото недопустимо [15]. Такие рассуждения в профессиональной среде приводят нас к мысли о том, что желание отредактировать снимок должно входить в противоречие с нравственными принципами фотографа, выступая своего рода кантовским категорическим императивом в профессиональной деятельности фотожурналиста.

Г. Чапник отдельно выделяет кадрирование, которое может быть допустимо, так как не представляет событие в искаженном виде, но все же может исключить важные детали, сосредоточившись лишь на самом «ярком». Например, редактор сделает кадрирование и оставит только утонувший дом после тайфуна, но на исходном снимке стояла еще плачущая женщина, которая потеряла свое имущество. Получается, что упущена очень важная и эмоциональная деталь происшествия. Также автор считает, что составление коллажей и ретушь неприемлемы для создания репортажных снимков [5, с. 359-360].

Г. Чапник затрагивает еще один важный этический аспект, который в рамках нашей темы имеет важное значение, а именно «этика и скорбь». Действительно ли фотожурналист может снимать родителей, у которых под завалами от землетрясения погиб сын? Автор призывает к пониманию, для чего фотожурналист делает данный снимок, и в какой ситуации. Если это изображение поможет отобразить действительность, показать реалии стихийного бедствия, привлечь к этому больше внимания и помощи, то, конечно, снимать этот момент нужно. Если же этот снимок сделан лишь для «кликабельности» и «шокирования» аудитории, то, разумеется, делать такой кадр категорически запрещено. «Молчаливое соглашение между журналистом и читателем состоит в том, что слова и изображения отражают реальность. Любые попытки нарушения этого договора подрывают уважение читателя к журналисту, а это в свою очередь подрывает авторитет журналистики вообще и фотожурналистики в частности» [5, с. 357].

Еще один немаловажный вопрос, который поднимает автор, – это вопрос ответственности непосредственно перед героями репортажа: защитить людей от угрозы или снимать про-

исходящее? Как и все этические дилеммы, подобная дилемма не имеет простого и однозначного решения. Можно лишь говорить о возможных вариантах исхода события, но так или иначе основополагающим остается изначальное наличие свободного выбора, и внутренняя нравственная готовность нести ответственность за этот выбор. Г. Чапник отвечает на этот вопрос по-своему, он отстаивает принцип гуманизма как фундаментальный принцип деятельности фотожурналиста, говоря о том, что профессиональный фотожурналист обязан помочь людям или же вызвать соответствующие службы для их спасения. Однако, если ситуация вышла из-под контроля и фотожурналист объективно не может справиться с ситуацией, либо сделал все, что в его силах, тогда остается только одно: «выполняйте ваш профессиональный долг – приступайте к съемке» [5, с. 343].

При возвращении к вопросу о «фейках» и специфике визуального нарратива встает значимый этический вопрос в работе фотожурналиста, связанный с проблемой манипуляции общественным и индивидуальным сознанием. Г.В. Лазутина обращает внимание на то, что в работе фотожурналиста прослеживаются две тенденции, которые порождают противоречия: во-первых, сопряженность с властью, во-вторых, независимость от нее [16]. Если мы говорим о фотоманипуляциях, то, несмотря на цели (благие или не благие), если изображаемое далеко от правды, намеренные изменения считаются неприемлемыми. С точки зрения Кодекса профессиональной этики журналиста Союза журналистов России [17], основополагающими принципами журналистской профессии являются непредвзятость и достоверное сообщение информации, безопасность в отношении фигурирующих лиц, а также автономность от власти и других управляющих органов. Манипуляции с помощью фотографии морально допустимы в тех случаях, когда не нарушают принципов журналистского кодекса – то есть используются для освещения фактов, правдивость которых достоверно известна, а не в целях манипуляции общественным сознанием в пользу вышестоящих структур или личных интересах.

Этические проблемы в работе фотожурналиста возникают в связи с тем, что неоднозначны онтологические и эпистемологические основания природы самой фотографии. Американский критик С. Сонтаг эссе «О фотографии» отмечает, что насильственна сама природа фотографии. Вследствие того, что фотография является статичной картинкой, она навязывает зрителю свой взгляд. Зрителю помимо его воли представляют определенную вырезку, статичную во времени. «Фотоаппарат обладает свойством поймать так называемых нормальных людей в тот миг, когда они выглядят ненормальными» [6, с. 51].

Актуальный этический момент, поднимаемый автором, связан с привыканием к насилию. Психологически сознание личности воспринимает что-то необычное ярче и острее, чем привычное, а для среднестатистической психологически здоровой личности насилие является чем-то необычным. Но ко всему необычному, даже к насилию, можно привыкнуть. «К сожалению, порог все повышается – отчасти из-за того, что умножаются картины ужасов» [6, с. 33]. Ежедневно можно видеть множество фоторепортажей и материалов на тему аварий и чрезвычайных ситуаций, которые со временем зрителем воспринимается как данность и обыденность. «Огромный фотографический каталог несчастий и несправедливостей в мире сделал зрелище жестокостей отчасти привычным, и ужасное стало казаться более обыкновенным, знакомым...» [6, с. 35].

С. Сонтаг утверждает, что у современной городской публики популярно искусство как своего рода «добровольное испытание на твердость». Это утверждение актуально и на данный момент. В конечном счете, это ослабляет способность человека реагировать и в реальности. Повсеместное распространение фотографий привело к потребительскому отношению к жизни. «Вездесущность фотографий оказывает непредсказуемое влияние на наше этическое чувство. Дублируя наш и без того загроможденный мир его изображениями, фотография позволяет нам поверить, что мир более доступен, чем на самом деле. Желание подтвердить реальность и расширить опыт с помощью фотографии – это эстетическое потребление, которым сегодня заражены все» [6, с. 39].

Осмысливая этот феномен, автор указывает не столько на необходимость «экологии реальных вещей», сколько на необходимость «экологии изображений». Фотограф посредством фотоаппарата минимизирует опыт, превращая историю в зрелище, а мир «в универсальный магазин или музей без стен, где каждый сюжет низводится до предмета потребления и перемещается в область эстетического» [6, с. 147-148]. Другой момент исходит из следующего утверждения С. Сонтаг: «Фальшивая картина (то есть ложно атрибутированная) фальсифицирует историю искусства. Фальшивая фотография (ретушированная, или подвергнутая иным манипуляциям, или снабженная ложной подписью) фальсифицирует реальность» [6, с. 116]. В фотографии, даже документальной, невозможна полная объективность. Фотограф всегда находится между художественностью и правдой. Даже на этапе отбора, предпочитая один дубль другому, фотограф навязывает свои представления как объекту, так и зрителю, которого вынуждают «вычитывать в фотографии мифы фотографа и солидаризироваться с ним, на самом деле в них не веря» [1, с. 41].

Также, несмотря на то, что камера мыслится как посредник в передаче достоверной информации, С. Сонтаг считает, что камера все же больше «закрывает», нежели «открывает». Фотографию можно считать достоверным источником, но которой отражает не просто прошлое, а превращает его в объект внимания, который лишен жестких моральных оценок и точных исторических сведений. Фотография в большей степени не воспроизводит действительность, а перерабатывает ее. Становясь фотографией, событие обнаруживает новые смыслы. Фотография больше заботится о том, чтобы сделать вещи и события интересными, популярными, массовыми и в потоке постоянно сменяющихся образов нам некогда остановиться и задуматься. Подобные опасения в начале XX века высказывает В. Беньямин, который пишет о фотографии как о технически новом способе фиксации события, который позволяет «оригиналу сделать движение навстречу публике» [18, с. 72]. Однако этот опосредованный техникой новый способ репродукции не позволяет сделать движение навстречу подлинности. Считая, что подлинность не поддается репродукции, В. Беньямин говорит о том, что фотография открывает лишь возможности для различия видов и градаций подлинности.

Подводя итог всему вышесказанному, становится понятно, что важные этические аспекты работы фотожурналиста при освещении стихийных бедствий должны включать в себя:

- объективность и достоверность;
- ответственность и честность;
- отсутствие искусственных модификаций фотографии;
- критическую оценку событий;
- осуществление фоторепортажа посредством выбора ситуации, не переходя личных границ жертв события.

Многие исследователи рассматривают журналистские принципы работы в зонах чрезвычайных ситуаций, но в основном это военные конфликты и терроризм. Существует множество пособий о снаряжении, правилах коммуникации, действий журналистов в таких ситуациях. О стихийных же бедствиях информации в разы меньше, ведь никто не может предположить, как будет действовать природа. Если человечество ознакомлено с психологией, поведением, повадками самих себя и на основании этого можно предположить развитие ситуации, то с природными катаклизмами весьма сложно прогнозировать возможные варианты развития событий. В такой ситуации акцент на моральной и нормативно-правовой подготовке профессионала к работе в подобных условиях видится весьма актуальным.

В первую очередь работа фотожурналиста регулируется законодательством. Исследователи обращают внимание на соответствующие документы, которые призваны регулировать работу фотожурналиста в зоне чрезвычайной ситуации, учитывая ее специфику. «В России основными правовыми актами, которые координируют деятельность журналиста в опасных местах, являются Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской

Федерации и закон «О средствах массовой информации». Закон «О средствах массовой информации» разрешает журналистам посещать специально охраняемые места для того, чтобы оперативно и достоверно информировать власть, общество о состоянии возникших проблем и способах защиты населения» [19, с. 212].

Если говорить о подготовке журналиста к стихийному бедствию, то в момент события подготовиться не представляется возможным. Если же журналист отправляется на освещение уже произошедшего события, то следует изучить географию местности, оценить риски, собрать актуальную информацию на данный момент, планировать маршруты, подготовить контактную информацию (номера служб спасения), собрать медицинский набор, подготовить удобную одежду в соответствии с бедствием. В остальном работа фотожурналиста ничем не отличается – ему нужно собрать информацию, сделать кадры и отправить редактору. Стоит отметить, что в зоны природных катаклизмов нужно отправлять опытных фотожурналистов, которые здраво оценивают свои силы, навыки, физическое и эмоциональное состояние. Однако не стоит забывать, что обстановка в таких условиях все же может изменить обычную специфику работы даже опытного профессионала.

В итоге мы можем выделить несколько специфических моментов в работе фотожурналиста в зоне стихийных бедствий.

Во-первых, несмотря на то, что закон предполагает работу фотожурналиста на запретной территории, все равно некоторые власти в попытках скрыть действительность могут попытаться запретить фотосъемку. Также пострадавшие могут агрессивно реагировать на фотокамеру. В таких случаях грамотный фотожурналист обязан действовать аккуратно и четко.

Во-вторых, власть может пытаться воспользоваться фотожурналистом в собственных целях, например, чтобы скрыть нанесенный ущерб или количество пострадавших, поэтому журналист обязан проверять информацию по нескольким источникам.

В-третьих, фотожурналист должен контролировать свои эмоции. Иногда фотожурналист хочет как можно скорее донести до аудитории реальные события, но здесь нужна осторожность. Может случиться так, что полученная информация, подкреплённая снимками, вызовет панику в обществе.

В-четвертых, фотожурналисту нужно оперативно искать, обрабатывать и сообщать объективную информацию. В этом могут помочь пресс-центры, власти и очевидцы. Также стоит не только фотографировать, но и пользоваться навыками жанров «интервью» и «репортаж», таким образом узнав больше информации.

В-пятых, нельзя забывать о последствиях стихийных бедствий, даже когда кажется, что зритель утратил интерес к теме.

В любом случае фотожурналисту следует с помощью визуального языка до полного разрешения проблемы информировать аудиторию, не прибегая к эффекту «шокирования».

Подводя итог, можно сказать, что проработка вопроса специфики визуального нарратива в современном культурном пространстве позволила выявить особенности работы фотожурналиста в зоне стихийных бедствий и осмыслить некоторые этические аспекты его работы в кризисных ситуациях. Мы пришли к выводу, что фотожурналист должен достоверно информировать зрителей, не используя сильную модификацию посредством технологических возможностей; быть эмоционально устойчивым; следовать этическому кодексу журналиста; осуществлять фоторепортаж посредством выбора ситуации, не переходя личных границ жертв события; не быть травмирующим источником, а показывать мужество жертв и очевидцев ситуации, чтобы сохранять эмоциональную стабильность смотрящего. Таким образом, работа фотожурналиста в зоне стихийных бедствий имеет определенную специфику. Фотожурналист должен быть готов к экстремальной обстановке, непредвиденным проблемам, возникающим при создании снимков и их распространении, обладать определенными знаниями и навыками, чтобы объективно и достоверно информировать аудиторию, не забывая об этических аспектах.

Библиографический список

1. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 192 с.
2. Петровская Е.В. Непроявленное: очерки по философии фотографии. М.: Ad Marginem, 2002. 208 с.
3. Петровская Е.В. Антифотография. М.: Три квадрата, 2003. 112 с.
4. Kirsanova L.I., Korotina O.A. Formative function of the mirror stage: Visual images in their history // *Gênero & Direito*. 2020. Vol. 04. № 9. P. 1072-1091.
5. Сонтаг С. О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 272 с.
6. Чапник Г. Правда не нуждается в союзниках. Санкт-Петербург: Клаудберри, 2016. 456 с.
7. Ворон Н.И. Фоторепортаж в современной прессе // *Меди@льманах*. 2020. № 6(101). С. 44–48.
8. Бакулин О.А. Фотожурналистика и дизайн СМИ: от аналоговых к цифровым технологиям // *Меди@льманах*. 2023. № 1(114). С. 18–26.
9. Агамбен Дж. Костер и рассказ. М.: ООО «Издательство Грюндриссе, 2015. 198 с.
10. Тульчинский Г.Л. Экран и фактор скорости: от нарративов к перформативам // *Наука телевидения*. 2019. Т. 15.2. С. 29–40.
11. Очеретяный К.А., Савчук В.В. Визуально-экологический поворот в оценке технической среды // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 482. С. 98–103.
12. Бакулин О.А. Проблема цифровой манипуляции в фотожурналистике: специфика источниковой базы // *Меди@льманах*. 2019. № 6(95). С. 57–65.
13. Устанавливается административная ответственность за распространение «фейков» о чрезвычайных ситуациях, эпидемиях, стихийных бедствиях [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. 2020. URL: <http://council.gov.ru/events/news/115384/> (дата обращения: 06.07.2024).
14. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 11.03.2024) «О средствах массовой информации». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=467729> (дата обращения: 06.07.2024).
15. Этика фото в СМИ и Интернете: мнения экспертов [Электронный ресурс] // *Сделано.медиа*: [сайт]. 2017. URL: <https://sdelano.media/ethicsphotos/> (дата обращения: 06.07.2024).
16. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект-Пресс, 2000. 257 с.
17. Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России [Текст]: [принят Конгрессом журналистов России 23 июня 1994 г.]: офиц. текст : по состоянию на 27 нояб. 2018 г. / Союз журналистов России. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (дата обращения: 06.07.2024).
18. Беньямин В. Краткая история фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2021. 128 с.
19. Бычкова А.В., Павенков О.В. Специфика работы журналиста в чрезвычайных ситуациях // *Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС*. 2023. Т. 14. № 4(61). С. 212–216.

References

1. Barthes R. Camera lucida. Reflections on photography. Moscow, 2021. 192 p.
2. Petrovskaya E.V. The unmanifest: Essays on the philosophy of photography. Moscow, 2002. 208 p.
3. Petrovskaya E.V. Antiphotography. Moscow, 2003. 112 p.

4. Kirsanova L.I., Korotina O.A. Formative function of the mirror stage: Visual images in their history // *Gênero & Direito*. 2020. Vol. 04. Iss. 9. P. 1072-1091.
5. Sontag S. *On Photography*. Moscow, 2015. 272 p.
6. Chapnick H. *Truth needs no ally*. St.-Petersburg, 2016. 456 p.
7. Voron N.I. Photoreportage in the modern press // *Medi@Imanac*. 2020. Vol. 6(101). P. 44–48.
8. Bakulin O.A. Photojournalism and media design: from analog to digital technologies // *Medi@Imanac*. 2023. Vol. 1(114). P. 18–26.
9. Agamben G. *The fire and the tale*. Moscow, 2015. 198 p.
10. Tulchinsky G.L. Screen and factor of speed: From narratives to performatives // *Science of television*. 2019. Vol. 15.2. P. 29–40.
11. Ocheretyany K.A., Savchuk V.V. An imago-ecological turn in the assessment of a technical reality // *Bulletin of Tomsk State University*. 2022. Vol. 482. P. 98–103.
12. Bakulin O.A. The problem of digital manipulation in photojournalism: the specifics of the source base // *Medi@Imanac*. 2019. Vol. 6(95). P. 57–65.
13. Administrative responsibility is established for the dissemination of "fakes" about emergencies, epidemics, natural disasters [Electronic resource] // Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. 2020. URL: <http://council.gov.ru/events/news/115384/> (date of application: 06.07.2024).
14. The Law of the Russian Federation dated 27.12.1991 No. 2124-1 (as amended on 11.03.2024) «On Mass Media». URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=467729> (date of application: 06.07.2024).
15. Ethics of photography in the media and the Internet: expert opinions [Electronic resource] // *Done.media*: [website]. 2017. URL: <https://sdelano.media/ethicsphotos/> (date of application: 06.07.2024).
16. Lazutina G. V. *Professional ethics of a journalist*. Moscow, 2000. 257 p.
17. The Code of Professional Ethics of a Russian journalist of the Union of Journalists of Russia [Text]: [adopted by the Congress of Journalists of Russia on June 23, 1994]: ofic. text: November 27, 2018 / Union of Journalists of Russia. URL: <https://presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (date of application: 06.07.2024).
18. Benjamin W. *A brief history of photography*. Moscow, 2021. 128 p.
19. Bychkova A.V., Pavenkov O.V. The specifics of a journalist's work in emergency situations // *Scientific papers of the Northwestern Institute of Management RANEPa*. 2023. Vol. 14. Iss. 4(61). P. 212–216.

УДК 070.15

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.024

*Белгородский государственный националь-
ный исследовательский университет
аспирант кафедры журналистики
Боева Я.К
Россия, г. Белгород, тел. +79043344547
E-mail: boevayanka@gmail.com*

*Belgorod National Research University, gradu-
ate student of the Department of Journalism
Boeva Ya. K
Russia, Belgorod,
tel. +79043344547
E-mail: boevayanka@gmail.com*

Я. К. Боева

XXXII ЛЕТНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ НА СТРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ И БОЛГАРСКОЙ ПРЕССЫ: ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Активное участие средств массовой информации во всех сферах общественной жизни превращает их в важнейший социальный институт. Среди основных функций СМИ, кроме информирования больших неоднородных аудиторий о событиях текущей жизни, выделяется функция формирования социальной реальности, осуществляемая посредством транслирования выверенных в мировоззренческом отношении знаний и ценностных образов, которые оказывают воздействие на целевые аудитории и их оценку действительности, на формирование их системы ценностей и картины мира. Предметную область исследования составляют аксиологические особенности репрезентации в болгарских и российских современных общественно-политических и спортивных изданиях XXXII летних Олимпийских игр в Токио-2020. Методологическая база исследования включает описательный метод, который предоставил возможность собрать необходимую информацию и систематизировать ее, а также логико-содержательный и аксиологический анализ, позволяющий выявить содержащиеся в публикациях ценностные смыслы и политико-идеологические установки. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что в процессе репрезентации спортивных олимпийских событий СМИ активно транслируют политико-идеологические смыслы и политически ангажированные знания. Сосредотачивая свое внимание на какой-либо информации, болгарские и российские СМИ осуществляют ее отбор и сопровождают оценочными суждениями, что создает у целевых аудиторий картину мира, в которой отражается определенная совокупность идеологически выверенных оценок. Научный интерес к репрезентации Олимпийских игр в СМИ связан прежде всего с происходящими в мире процессами, которые оказывают влияние на переустройство политической и культурно-идеологической жизни общества и в которых СМИ принадлежит одна из ключевых ролей. Традиция продвижения ценностно-идеологических идей в ходе медийной репрезентации спортивных событий, в том числе в формате Олимпиады, сегодня все теснее переплетается с идеологией и политикой, с выстраиванием оценочного восприятия текущей действительности в контексте концептуальной оппозиции «свой – чужой».

Ключевые слова: российские и болгарские СМИ, Олимпийские игры, ценности, спорт, Олимпийские игры, социальное конструирование, оппозиция "свой - чужой".

Ya. K. Boeva

XXXII SUMMER OLYMPIC GAMES ON THE PAGES OF THE RUSSIAN AND BULGARIAN PRESS: FEATURES OF REPRESENTATION (AXIOLOGICAL ASPECT)

The active participation of the media in all areas of public life turns them into an important social institution. Among the main functions of the media, in addition to informing large heterogeneous audiences about the events of current life, the function of forming social reality is highlighted, carried out by broadcasting worldview-verified knowledge and value images that affect target audiences and their assessment of reality, the formation of their value system and worldview. The subject area of the study is the axiological features of representation in Bulgarian and Russian modern socio-political and sports publications of the XXXII Summer Olympic Games in Tokyo 2020. The meth-

odological basis of the research includes a descriptive method, which provided an opportunity to collect the necessary information and systematize it, as well as a logical, substantive and axiological analysis, which allows to identify the value meanings and political and ideological attitudes contained in publications. The analysis made it possible to conclude that in the process of representing Olympic sports events, the media actively broadcast political and ideological meanings and politically biased knowledge. By focusing their attention on any information, the Bulgarian and Russian media select it and accompany it with value judgments, which creates a picture of the world for target audiences, which reflects a certain set of ideologically verified assessments. Scientific interest in the representation of the Olympic Games in the media is primarily related to the processes taking place in the world that influence the restructuring of the political, cultural and ideological life of society and in which the media plays a key role. The tradition of promoting value-ideological ideas in the course of media representation of sporting events, including in the format of the Olympics, is now increasingly intertwined with ideology and politics, with the formation of an evaluative perception of current reality in the context of the conceptual opposition of "friend and foe".

Keywords: Russian and Bulgarian media, Olympic Games, values, sports, Olympic Games, social construction, opposition "friend – foe"

СМИ активно вовлечены сегодня во все сферы общественной жизни, что превращает их в важнейший социальный институт. Среди основных функций СМИ, кроме информирования больших неоднородных аудиторий о событиях текущей жизни, выделяется функция формирования социальной реальности, осуществляемая посредством транслирования выверенных в мировоззренческом отношении знаний, ценностных образов и идеологем, которые оказывают воздействие на целевые аудитории и их оценку действительности, на формирование их системы ценностей и картины мира.

Исследователи всегда обращали внимание на роль СМИ в жизни и деятельности общества, среди них: И. Знеполски [1], Я.Н. Засурский [2], А.В. Полонский [3], Е.Л. Варганова [4], А.П. Короченский [5], А.Г. Пастухов 2023 [6], С.А. Скуридина, А.О. Беспалова [7] и др. Место спортивной проблематики в СМИ как неотъемлемой части их информационного пространства отражены, в частности, в работах П. Воронкова [8], Е.А. Войтик [9], А.В. Шутов [10], К.А. Алексеев, С.Н. Ильченко [11], Е.И. Василенко [12]. Исследования в области общественной мысли и аксиологизации общественного сознания проводили А.Е. Левченко [13], В.П. Большаков [14], В.И. Карасик [15], Л. Точев [16].

Актуальность исследования связана с использованием СМИ как в формировании у целевых аудиторий определенной картины мира, так и в развертывании глобальных мировых процессов, которые кардинально меняют статус спорта на международной арене, делая его частью международного идеологического противостояния. Объект исследования – роль СМИ в конструировании социальной реальности, в создании ценностной картины мира общества. Предметную область исследования составляют аксиологические особенности репрезентации в болгарских и российских современных общественно-политических и спортивных изданиях XXXII летних Олимпийских игр в Токио-2020. Методологическая база исследования включает описательный метод, который предоставил возможность собрать необходимую информацию и систематизировать ее. Кроме того, в работе использовался логико-содержательный и аксиологический анализ, позволивший выявить содержащиеся в публикациях ценностные смыслы, политико-идеологические установки и идеологемы.

На сегодняшний день среди функций СМИ доминирует функция создания реальности, реализующаяся на основе транслирования выверенных идей, образов и идеологем, которые в своей совокупности предопределяют, каким образом целевыми аудиториями будут восприниматься репрезентируемые факты. Фокусируя внимание аудитории на целенаправленно отобранной информации, на том или ином фактологическом материале, СМИ формируют ценностную картину мира, которая оказывает влияние на когнитивный опыт общества и его аксиологические установки. В. А. Сидоров отмечает, что СМИ управляют своей аудиторией посредством распределения актуальных тем и расстановке акцентов таким образом, что одни факты приобретают значимость, а другие маргинализируются, отходят на второй план [17, с. 61]. В болгарских изданиях в репрезентации событий Олимпийских игр, например, мы наблюдаем тенденцию, когда СМИ уделяют гораздо больше внимания проигрышу российской

сборной по художественной гимнастике, чем своей победе над ними. Среди самых провокационных заголовков, используемых в интернет-СМИ, становятся такие, как: «*Русия, мълчливо гледай тази снимка*» (рус. Россия, смотри на эту фотографию молча) [18, URL]. В самой же публикации журналист иронично соотносит Россию с «*кривой ракетой*», против которой объединился весь космос. Россию при этом упрекают в неспортивном поведении, поскольку российская сторона не просто не поздравила своих конкуренток, которые победили благодаря «...огромному многолетнему труду, усилиям и потрясающему выступлению в финале...», а предъявила «*жалкие обвинения*». Независимо от того, что создавшийся конфликт был полностью межличностным, болгарские СМИ активно привлекли и политическую составляющую, которая прошла основной идеей через весь текст публикации: «*Даже и смешният плач на руснаците не засенчи българския триумф в Токио!*» (рус. Смешной плач россиян не затмил болгарский триумф в Токио!) [19, URL]. Материал производит впечатление конспирологического раскрытия секретов (даже употреблено слово «кухня») российской федерации по художественной гимнастике.

Посредством плотного и непрерывного потока подготовленной в соответствии с «политическим заказом» информации общество непрерывно подвергается психологическим атакам со стороны СМИ. Такой «техно психологический штурм» применяется как для достижения «утилитарно-прикладных целей, так и для долговременного запланированного влияния на массовое сознание, для преобразования мышления и культивирования ценностей» [20, с. 141]. СМИ управляют, как замечает А. Моль, «культурными циклами общества», выделяют нужные элементы из общей структуры культурных событий, фильтруют их в соответствии со своим пониманием, целями и задачами и в конечном счете вносят в них особую значимость, повышая ценность тех или иных идей и мнений [21, с. 143]. Как пишет А.В. Полонский, сегодня СМИ уже «не просто присутствуют в жизни человека, предлагая ему свои информационно-посреднические услуги, а являются тем концептуальным предложением, на которое ориентированы практически все его духовные запросы, сконцентрировано все его внимание, все его силы, весь его интеллектуальный и эмоциональный потенциал» [22, с. 206].

В качестве примера следует рассмотреть публикацию на интернет-портале болгарского национального радио (БНР), в которой легенда болгарской художественной гимнастики Нешка Робев, поддержала Дину Аверину после ее финала на Олимпийских играх: «*На данният момент олимпийската гимнастическа арена — это самая безобразная сторона нашего прекрасного спорта... Я вместе с коллегами рассмотрела создавшуюся ситуацию, и мы пришли к выводу, что олимпийского титула достойна Аверина, а не Ашрам. Жалко и обидно, что сложилось иначе*» [23, URL]. В этот же день БНР размещает еще одну публикацию [24, URL], в которой целый абзац был посвящен «признанию» Дины Авериной о ее желании «сдвинуть» золотую медалистку Ашрам с ее места во время церемонии награждения. Мы видим, как одно и тоже издание создаёт т.н. когнитивный диссонанс – с одной стороны, признавая Дину достойной «*золотого отличия*» в качестве гимнастки, а с другой – недостойным в нравственном отношении человеком.

Информация в СМИ, как мы видим, не возникает «естественно», а «делается» конкретным автором, с определенными целями и задачами. Информация превращается в послание, предназначенное для аудитории только после того, как пройдет через мировоззренческие и прагматические «фильтры» журналиста, связанного определенными обязательствами с редакцией СМИ. Личные переживания автора в контексте происходящих событий, «пропуск информационного повода сквозь систему личных ценностей в процессе информационного отбора, отражаются в каждом тексте» [25, с. 41-54].

При репрезентации любых спортивных событий журналист сегодня стремится не только написать текст увлекательно, но и одновременно не внушать читателям свою точку зрения слишком прямо. Стимулировать читателей присоединиться к единомышленникам автор мо-

жет посредством разных техник, используя выразительные ресурсы языка, прибегая к специальным оборотам речи, обращаясь к языковой игре, а также «разбрасывая по тексту “пасхалки”, которые взбудоражат аудиторию на подсознательном уровне» [26, с. 52].

Показательным примером такого «деликатного» внедрения определенной точки зрения является интервью Карена Хачанова для «Российской газеты» [27, [URL](#)]. Автор выбрал для заголовка цитату теннисиста: *«Олимпиада – это некий символ патриотизма»*, таким образом не только обратив внимание читателей на свой текст, но и выстроив фрейм, который реализуется во всем интервью. Не случайно цитата *«Олимпиада для нас – некий символ патриотизма, борьбы. Мы не сможем нести флаг на церемонии, но будем биться за свою страну»* выделена в публикации крупным шрифтом. Как будто «сдержанное» представление, однако в тоже время автор в нем выделил главную аксиологическую мысль и с большой долей вероятности вписал ее в подсознание целевой аудитории, создав при этом необходимый ассоциативный ряд – *«Олимпиада – символ – “биться за свою страну” – патриотизм»*.

В болгарской прессе подобный прием мы видим при обсуждении победы болгарских представительниц художественной гимнастики, которые долгие годы соперничали с российскими спортсменками и в итоге обогнали их. Олимпийский вице-чемпион Атланты-1996 Вяра Ваташкова, которая последние четыре года являлась тренером болгарской сборной, прокомментировала победу своих подопечных на страницах газеты «Дума»: *«Мы очень горды, счастливы и удовлетворены тем, что у Болгарии наконец-то появилась Олимпийская награда – самое высокое спортивное достижение и самое желанное для любой команды. Правда в том, что девочки, очень много работали, очень сильно хотели – это отлично... и вполне заслуженно они стали олимпийскими чемпионами!»* [28, [URL](#)].

3. Райков отмечает, что СМИ в аспекте репрезентации спортивных событий объединяют «блок идей, установок, характеристик, отношений – бессознательных и сознательных, невидимых и видимых, которые СМИ и ее аудитория вырабатывают в процессе создания контента, целенаправленного или спонтанного, друг для друга либо друг с другом» [29, с. 101-102]. Реакция же на сообщение связана с ситуацией, установками самого человека и – не на последнем месте – с притягательностью сообщения. Если смысл сообщения не совпадает с ценностными установками аудитории, она интуитивно пытается удалить его из своего сознания. В случае необходимости корректировки таких ситуаций СМИ используют ресурс «экспертов», которые способствуют успешному проектированию определенного мышления, направляют интерпретацию ситуации в необходимое русло [30, р. 201-211]. Роль экспертов могут сыграть, как и профессионалы в конкретной области, так и медийные личности либо политики. Так, во время Олимпиады в Токио «Российская газета» не редко обращалась к такого рода ресурсу воздействия. В частности, выступление российских олимпийцев в Токио прокомментировал министр иностранных дел Сергей Лавров: *«...Олимпийцы отстаивали честь своей страны в составе дружной команды Олимпийского комитета России. В истории олимпийского движения хэштег #wewillROСyou останется символом вашего желания пожелать...»* [31, [URL](#)]. Министр отметил, что в течение всей Олимпиады предпринимались попытки *«надломить волю российских спортсменов»*, однако олимпийцы продемонстрировали мужество, профессионализм, целеустремленность и сосредоточенность на цели. Болгарские СМИ также широко использовали комментарии лидеров мнений или представителей политических элит для трансляции своих смыслов. Газета «Труд», например, распространила поздравительное сообщение от министра спорта и молодежи Андрея Кузманова: *«...Этот огромный успех порадовал всех болгар и доказал, что упорный труд и талант вознаграждаются... Ваши бесспорные качества заслуженно определили Вам место на высшей ступеньке лестницы почета и впишут Ваше имя в историю болгарского спорта.»* [32, [URL](#)].

При сравнении основных ценностно-смысловых направлений в репрезентации XXXII Летних олимпийских игры в Токио болгарскими и российскими средствами массовой информации мы пришли к выводу, что в публикациях болгарской прессы аксиологический фокус направлен прежде всего на подчеркивание национального, в то время как российские

СМИ делают акцент на командном единстве, что является следствием культурных реалий и сегодняшней практики каждого народа. В российских публикациях мы зафиксировали частотное использование идеологемы «команда», которая связана с идейными смыслами сплоченности, общими целями, общей ответственностью за результат, а также с культурными традициями страны, что и стремятся донести до своих аудиторий журналисты. Обратим внимание, например, на то, как победа российских спортсменов представлена в «Российской газете»: «*Гимнаст Нагорный: Мы – команда победителей*» [33, [URL](#)]. Выражение «*Мы – команда!*» подчеркивает эмоциональное присоединение читателей к победам спортсменов, и эти победы имеют символическую значимость для всей страны. В болгарских же СМИ аксиологическая нагрузка ложится на высказывания лидеров мнений, в то время как повествование остается фактологическим. В то же время во многих публикациях встречаются фразы с сильной эмоциональной нагрузкой и идеологической коннотацией. Например, во время интервью для БНТ, которое было напечатано в издании «24 часа», тренер Олимпийского чемпиона по боксу непрерывно подчеркивал национальный аспект: «*Стойка – исключительный человек. Она настоящая болгарка и пример для всех болгарских спортсменов, с ее неукротимым болгарским духом...*» [34, [URL](#)]. Сама Стойка прокомментировала свой успех в издании «*Sportal.bg*» следующим образом: «*...Я болгарка с большой буквой... Я горжусь тем, что ... весь мир услышал болгарский гимн и понял, какая Болгария... Каждый из нас должен ценить Болгарию и ставить ее превыше всего...*» [35, [URL](#)].

Каждое СМИ создает из таких новостных «фрагментов» свой информационный продукт, который представляет социальную реальность в соответствии с определенными принципами, и предлагает его своей аудитории как уникальную медийную картину мира [36, [URL](#)]. Социолог Г. Шиллер определял влияние СМИ на общественное мнение как абсолютно беспрепятственное при том, что они не всегда прямолинейно оценивают те или иные события или факты. Как правило, адресат самостоятельно обдумывает поступившую информацию и делает выводы, которые были сформулированы автором изначально, в результате правильно расставленных акцентов [37, с. 3]. Подобного рода манипуляцию общественным мнением встречаем в болгарском издании «Посоки» в статье «*Шефката на руската художествена гимнастика: Българките бяха “грозни”, а съчетанията им “мръсни”*» (русс. Глава российской художественной гимнастики: болгарки были «некрасивыми», а их сочетания «грязными») [38, [URL](#)]. Цитата выступает в качестве заголовка для усиления эффекта, с нее начинается материал, который не могут проигнорировать даже те болгарские читатели, которые не следили за инцидентом. Издание приписывает Ирине Винер-Усмановой высказывание, в котором она якобы «*...определила болгарок как “грязных” ... и “некрасивых” на фоне россиянок*». Более детально и без излишнего драматизма рассматривает ситуацию российский спортивный интернет-портал «Чемпионат». Из публикации становится ясно, что Винер-Усманова высказала свое замечание исключительно в отношении технической стороны композиции: «*Упражнения у сборной Болгарии были грязными, с мелкими ошибками... не такие сложные, как у нас, и не тот был темп...*» [39, [URL](#)].

Интерпретацию в издании «Посоки» можно расценивать как намеренную провокацию, помимо прочего предпринятую для поднятия своего рейтинга в поисковой строке, поскольку известно, что за «выяснением отношений» двух стран следили даже те, кто далек от спорта.

Проанализированный материал репрезентации XXXII Летних олимпийских игры в Токио на страницах российской и болгарской прессы показывает, что средства массовой информации представляют реальность под определенным углом зрения, который определяется культурными традициями и мировоззренческими установками редакций. Как заметил П. Бурдые, СМИ «не отображают реальность, а формируют ее, творят притягательную картину мира, в поддержку тех или иных идей, людей или событий» [40, с. 32]. Т. Г. Добросклонская также подчеркивает, что интерпретации в СМИ являются сегодня следствием определенной идеологии, которая заложена в систему культурных ценностей и политики в определенном

обществе [41, с. 20]. У разных обществ в разные эпохи складываются свои ценностные координаты, которые характеризуются «аксиологической динамикой» [44, с. 77-87] и которая сильнее всего выражается в семантическом противопоставлении предметных областей «свое – чужое» [45, с. 482].

В процессе репрезентации событий XXXII Летних олимпийских игры в Токио российские и болгарские СМИ активно транслируют политико-идеологические смыслы и политически ангажированные знания. Сосредотачивая свое внимание на каких-либо фактах, СМИ сопровождают их оценочными суждениями, что создает у целевых аудиторий картину мира, в которой отражается определенная совокупность идеологически выверенных оценок. Процесс медийной репрезентации XXXII Летних олимпийских игры в Токио тесно переплетается с идеологией и политикой, что отражает актуальный для сегодняшнего мира и формулируемый многими исследователями тезис – спорт становится неотъемлемой частью политики.

Библиографический список

1. Знеполски И. Новата преса и преходът. София, 1997. 192 с.
2. Засурский Я. Н. Информационное общество и средства массовой информации // Информационное общество, 1999. № 1. С. 36-40.
3. Полонский А. В. К вопросу о массмедийности и ее параметрах // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология, 2014. № 1. С. 171-182.
4. Варганова Е. Л. О современных медиа и журналистике: Заметки исследователя // Москва: Медиамир, 2015. 136 с.
5. Короченский А. П. Постжурналистика как рыночный эрзац журналистики // Век информации, 2019. Т. 7. № 2. С. 18-26.
6. Пастухов А. Г. Прототипизация жанра сквозь призму динамических свойств медиатекста // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 3(50), 2023. С. 109-115.
7. Скуридина С. А., Беспалова А. О. Журналистика данных: аспекты изучения // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики № 2(53), 2024. С. 106-110.
8. Воронков П. Спортивная пресса как тип // Самиздат, 2006. URL: http://samlib.ru/w/woronkow_p/sport_press.shtml. (дата обращения 2.09.23)
9. Войтик Е. А. Спортивная информация как понятие и ее роль в масс-медиа // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. № 20. С. 59–62.
10. Шутов А. В. Спорт как канал агрессии в современном мире // Национальная безопасность / Nota Bene, 2011. № 5 (16). С. 181-187.
11. Алексеев К. А., Ильченко С. Н. Спортивная журналистика // М.: Юрайт, 2013. 427 с.
12. Василенко Е. И. Специфика развития Белгородской спортивной журналистики // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: Сборник трудов III международной научно-практической конференции, Белгород, 07–08 октября 2021 года. Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Издательско-полиграфический центр «Политера», 2021. С. 108-112.
13. Левченко А. Е. Формы и методы воздействия СМИ на общественное сознание. М.: ИНФАРМ, 2000. 26 с.
14. Большаков В. П. Ценности культуры и время (некоторые проблемы современной теории культуры). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2002. 112 с.
15. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс // 2-е изд. Волгоград: Перемена, 2004. 477 с.
16. Точев Л. Интерпретация на социални факти чрез радио-жанровете на информация. Автореферат, 2013. 48 с.
17. Сидоров В. А., Ильченко С. С., Нигматуллина К. Р. Аксиология журналистики: Опыт становления новой дисциплины // под ред. В. А. Сидорова. СПб., 2009. 174 с.

18. Факти. Русия, мълчаливо гледай тази снимка, 2021 г. URL: <https://fakti.bg/mnenia/603103-rusia-malchalivo-gledai-tazi-snimka> (дата обращения 14.04.2024)
19. Блиц спорт. Даже и смешният плач на руснаците не засенчи българския триумф в Токио!, 2021 г. URL: https://blitz.bg/sport/komentar/dazhe-i-smeshniyat-plach-na-rusnatsite-ne-zasenchi-blgarskiya-triumf-v-tokio_480445.html (дата обращения 14.04.2024)
20. Нехаева Н. А. Способы разрушения сознания человека в дискурсе «четвертой власти» и формирование «человека одного измерения» // Известия Томского политехнического университета, 2008. № 6. С. 141-144.
21. Моль А. Социодинамика культуры // М.: Прогресс, 1973. 143 с.
22. Полонский А. В. Лингвистика медиа: современная парадигма научного знания (Рецензия на словарь-справочник: Медиалингвистика в терминах и понятиях / под ред. Л. Р. Дускаевой. М.: Флинта: Наука, 2018) // Меди@льманах, 2019. № 1(90). С. 206-211.
23. БНР. Нешка Робева: Дина Аверина заслужаваше олимпийската титла, 2021 г. URL: <https://bntnews.bg/news/neshka-robeva-dina-averina-zasluzhavashe-olimpiyskata-titla-1165225news.html> (дата обращения 19.02.24)
24. БНР. Грациите на България и Израел победиха руските и заради останалите, 2021 г. URL: <https://bnr.bg/tokyo2020/post/101510350/graciite-na-balgaria-i-izrael-pobediha-ruskinite-i-zaradi-ostanalite> (дата обращения 15.04.24)
25. Лозанов Г. Медии, власт и чувства. В кн.: Българско медиазнание. Брой. 1. Ред. Р. Милева, София, Балканмедиа, 1996. С. 41–54.
26. Диманте И. В. Инструментарий профессионального коммуникатора (приемы речевого воздействия) // Коммуникативные исследования, 2015. №4 (6). С. 52-64.
27. RG. Карен Хачанов: Олимпиада — это некий символ патриотизма, 2021 г. URL: <https://rg.ru/2021/07/22/karen-hachanov-olimpiada-eto-nekiy-simvol-patriotizma.html> (дата обращения 15.02.24)
28. Дума. Вицешампионката от Атланта 1996 Вяра Ваташка: Грациите ни са заслужени шампионки, 2021 г. URL: <https://duma.bg/vitseshampionkata-ot-atlanta-1996-vyara-vatashka-gratsiite-ni-sa-zasluzheni-shampionki-n242615> (дата обращения: 27.02.2024)
29. Райков З. Публична комуникация. София. Изд. Дармон, 1999. 223 с.
30. Frank Jerome D. Melville Andrei Y. The image of the enemy and the process of change // Breakthrough: Emerging new thinking / Ed. by A. A. Gromyko and Martin E. Hellman. Palo Alto, California: Beyond War Foundation, 1988. P. 201-211.
31. RG. Наши олимпийци вернулись домой и были тронуты сердечной встречей, 2021 г. URL: <https://sportrg.ru/2021/08/10/reg-cfo/nashi-olimpijcy-vernulis-domoj-i-byli-tronuty-serdechnoj-vstrechej.html> (дата обращения 18.02.24)
32. Труд. Министърът на спорта с поздравителни адреси към Ивет Горанова и Евелина Николова, 2021 г. URL: <https://trud.bg/ministarat-na-sporta-s-pozdravitelni-adresi-kam-ivet-goranova-i-evelina-nikolova/> (дата обращения: 29.02.2024)
33. RG. Гимнаст Нагорный: Мы - команда победителей, 2021 г. URL: <https://rg.ru/2021/07/26/gimnast-nagornyj-my-komanda-pobeditelej.html> (дата обращения 15.02.24)
34. 24 часа. Треньорът на златната Стойка: Сега е моментът да се откаже и да остане най-великата, 2021 г. URL: <https://www.24chasa.bg/sport/article/10062655> (дата обращения: 28.02.2024)
35. sportal.bg. Стойка Кръстева в България: Горда съм, че цял свят слуша българския химн заради мен, 2021 г. URL: <https://sportal.bg/news-2021080821215818892> (дата обращения: 28.02.2024)
36. Гарбузник А. Ю. [Электронный ресурс] // Повестка дня СМИ как технология интерпретации // Relga. Электронный научный журнал «Медиаскоп» (Шеф-редактор Аникина М. Е). №1, 2015г. URL: <http://www.mediascope.ru/1684> (дата обращения: 28.02.2024)

37. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием // Пер. с англ., предисл. Я. Засурского. Москва: Мысль, 1980. 326 с.
38. Посоки. Шефката на руската художествена гимнастика: Българките бяха "грозни", а съчетанията им "мръсни", 2021 г. URL: <https://www.posoki.com/shefkata-na-ruskata-khudozhestvena-gimnastika-blgarkite-byakha-grozni-a-schetaniyata-im-mrsni> (дата обращения 14.04.2024)
39. Чемпионат. Ирина Винер-Усманова: упражнения у сборной Болгарии были грязными, 2021 г. URL: <https://www.championat.com/olympic/news-4424899-irina-viner-usmanova-uprazhneniya-u-sbornoj-bolgarii-byli-gryaznymi.html> (дата обращения 14.04.2024)
40. Бурдые П. Телевидение и журналистика // Пер. с фр. Т. В. Анисимовой и Ю. В. Марковой. М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Институт экспериментальной социологии, 2002. 159 с.
41. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) // М.: Едиториал УРСС, 2005. 288 с.
42. Фотев Г. Сфери на ценности. Изд. Нов Български Университет, 2012. 328 с.
43. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики // М.: МГОУ, 2003. 140 с.
44. Коростова С. В. Эмотикон языковой личности в текстах современных масс-медиа // Известия Южного федерального университета. Филологические науки, 2015. №1. С. 77-87.
45. Клушина Н. И. Особенности публицистического стиля // Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академический Проект, 2008. С. 482.

References

1. Znepolski I. The New Press and the Transition. Sofia, 1997. 192 p.
2. Zasursky Ya. N. Information society and mass media // Information society, 1999. No. 1. P. 36-40.
3. Polonsky A. V. On the issue of mass media and its parameters // Bulletin of Tver State University. Series: Philology, 2014. No. 1. P. 171-182.
4. Vartanova E. L. On modern media and journalism: Notes of a researcher // Moscow: Mediamir, 2015. 136 p.
5. Korochensky A. P. Post-journalism as a market ersatz of journalism // Age of Information, 2019. Vol. 7. No. 2. P. 18-26.
6. Pastukhov A. G. Prototyping of a genre through the prism of the dynamic properties of a media text // Actual issues of modern philology and journalism No. 3 (50), 2023. P. 109-115.
7. Skuridina S. A., Bespalova A. O. Data journalism: aspects of study // Actual issues of modern philology and journalism No. 2 (53), 2024. P. 106-110.
8. Voronkov P. Sports press as a type // Samizdat, 2006. URL: http://samlib.ru/w/woronkow_p/sport_press.shtml. (date of access 09/02/23)
9. Voytik E. A. Sports information as a concept and its role in the mass media // Bulletin of the Chelyabinsk State University, 2011. No. 20. P. 59-62.
10. Shutov A. V. Sport as a channel of aggression in the modern world // National Security / Nota Bene, 2011. No. 5 (16). P. 181-187.
11. Alekseev K. A., Ilchenko S. N. Sports journalism // М.: Yurayt, 2013. 427 p.
12. Vasilenko E. I. Specifics of the development of Belgorod sports journalism // Discourseology and media criticism of the mass media: Collection of works of the III international scientific and practical conference, Belgorod, October 7-8, 2021. Belgorod: Limited Liability Company Publishing and Printing Center "Politerra", 2021. P. 108-112.
13. Levchenko A. E. Forms and methods of media influence on public consciousness // М.: INFAM, 2000. 26 p.

14. Bolshakov V. P. Values of Culture and Time (Some Problems of Modern Theory of Culture). Veliky Novgorod: Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, 2002. 112 p.
15. Karasik V. I. Language circle: personality, concepts, discourse // 2nd ed. Volgograd: Peremena, 2004. 477 p.
16. Tochev L. Interpretation of social facts through radio genres of information. Abstract, 2013. 48 p.
17. Sidorov V. A., Ilchenko S. S., Nigmatullina K. R. Axiology of Journalism: Experience of Formation of a New Discipline // edited by V. A. Sidorov. St. Petersburg, 2009. 174 p.
18. Facts. Russia, silently look at this picture, 2021. URL: <https://fakti.bg/mnenia/603103-rusia-malchalivo-gledai-tazi-snimka> (date of access: 14.04.2024)
19. Blitz Sport. Even the funny cry of the Russians did not overshadow the Bulgarian triumph in Tokyo!, 2021. URL: https://blitz.bg/sport/komentar/dazhe-i-smeshniyat-plach-na-rusnatsite-nezasenchi-blgarskiya-triumf-v-tokio_480445.html (date of access: 14.04.2024)
20. Nekhaeva N. A. Methods of destruction of human consciousness in the discourse of the “fourth estate” and the formation of a “man of one dimension” // Bulletin of Tomsk Polytechnic University, 2008. No. 6. P. 141-144.
21. Mol A. Sociodynamics of Culture. M.: Progress, 1973. 143 p.
22. Polonsky A. V. Media linguistics: a modern paradigm of scientific knowledge (Review of the dictionary-reference book: Media linguistics in terms and concepts // edited by L. R. Duskaeva. Moscow: Flinta: Nauka, 2018) // Medi@lmanakh, 2019. No. 1 (90). P. 206-211.
23. BNR. Neshka Robeva: Dina Averina deserved the Olympic title, 2021. URL: <https://bntnews.bg/news/neshka-robeva-dina-averina-zasluzhavashe-olimpiyskata-titla-1165225news.html> (date of access: 19.02.24)
24. BNR. The graces of Bulgaria and Israel defeated the Russian ones and for the sake of the rest, 2021. URL: <https://bnr.bg/tokyo2020/post/101510350/graciite-na-balgaria-i-izrael-pobediha-ruskinite-i-zaradi-ostanalite> (date of access: 15.04.24)
25. Lozanov G. Media, power and feelings. In: Bulgarian media studies. Issue. 1. Edited by R. Mileva, Sofia, Balkanmedia, 1996. P. 41–54.
26. Dimante I. V. Tools of a professional communicator (techniques of speech influence) // Communicative research, 2015. No. 4 (6). P. 52-64.
27. RG. Karen Khachanov: The Olympics are a kind of symbol of patriotism, 2021. URL: <https://rg.ru/2021/07/22/karen-hachanov-olimpiada-eto-nekijsimvol-patriotizma.html> (date of access 15.02.24)
28. Duma. Atlanta 1996 runner-up Vyara Vatahka: Our Graces are deserved champions, 2021 URL: <https://duma.bg/vitseshampionkata-ot-atlanta-1996-vyara-vatahka-gratsiite-ni-sa-zasluzhenishampionki-n242615> (date of access: 27.02.2024)
29. Raykov Z. Public Communicator. Sofia. Darmon Publishing House, 1999. 223 p.
30. Frank Jerome D. Melville Andrei Y. The image of the enemy and the process of change // Breakthrough: Emerging new thinking / Ed. by A. A. Gromyko and Martin E. Hellman. Palo Alto, California: Beyond War Foundation, 1988. P. 201-211.
31. RG. Our Olympians returned home and were touched by a warm welcome, 2021. URL: <https://sportrg.ru/2021/08/10/reg-cfo/nashi-olimpijcy-vernulis-domoj-i-byli-tronuty-serdechnoj-vstrechej.html> (date of access 18.02.24)
32. Trud. The Minister of Sports with congratulatory addresses to Ivet Goranova and Evelina Nikolova, 2021. URL: <https://trud.bg/ministar-at-na-sporta-s-pozdravitelnii-adresi-kam-ivet-goranova-i-evelina-nikolova/> (date of access: 29.02.2024)
33. RG. Gymnast Nagorny: We are the winning team, 2021 URL: <https://rg.ru/2021/07/26/gimnast-nagornyj-my-komanda-pobeditelej.html> (date of access 02/15/24)
34. 24 hours. The coach of the golden Stoika: Now is the time to give up and remain the greatest, 2021. URL: <https://www.24chasa.bg/sport/article/10062655> (date of access: 28.02.2024)

35.sportal.bg. Stoyka Krasteva in Bulgaria: I am proud that the whole world listens to the Bulgarian anthem because of me, 2021. URL: <https://sportal.bg/news-2021080821215818892> (date of access: 28.02.2024)

36.Garbuznyak A. Yu. [Electronic resource] / Media agenda as a technology of interpretation // Relga. Electronic scientific journal "Mediascope" (Editor-in-Chief M. E. Anikin). No. 1, 2015. URL: <http://www.mediascope.ru/1684> (date of access: 28.02.2024)

37.Schiller G. Manipulators of Consciousness // Trans. from English, foreword by Ya. Zasursky. Moscow: Mysl, 1980. 326 p.

38.Posoki. The head of Russian rhythmic gymnastics: The Bulgarians were "ugly", and their routines "dirty", 2021. URL: <https://www.posoki.com/shefkata-na-ruskata-khudozhestvenagimnastika-blgarkite-byakha-grozni-a-schetaniyata-im-mrsni> (date of access:14.04.2024)

39.Championship. Irina Viner-Uzmanova: the Bulgarian team's exercises were dirty, 2021. URL: <https://www.championat.com/olympic/news-4424899-irina-viner-usmanova-uprazhneniya-usbornoj-bolgarii-byli-gryaznymi.html> (date of access 14.04.2024)

40.Bourdieu P. Television and Journalism // Trans. from French by T. V. Anisimova and Yu. V. Markova. M.: Scientific Research Foundation "Pragmatics of Culture": Institute of Experimental Sociology, 2002. 159 p.

41.Dobrosklonskaya T. G. Issues of studying media texts (experience of studying modern English media speech) // M.: Editorial URSS, 2005. 288 p.

42.Fotev G. Spheres of Values. New Bulgarian University Publishing House, 2012. 328 p.

43.Sergeeva L. A. Problems of evaluative semantics // M.: MGOU, 2003. 140 p.

44.Korostova S. V. Emoticon of linguistic personality in texts of modern mass media // Bulletin of the Southern Federal University. Philological sciences, 2015. No. 1. P. 77-87

45.Klushina N. I. Features of journalistic style // Language of mass media: a teaching aid for universities / edited by M. N. Volodina. M.: Academic Project, 2008. P. 482.

ЯЗЫК СМИ
LANGUAGE OF MASS MEDIA

УДК 81'42 + 811.133.1

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.025

Кемеровский государственный университет
кандидат филологических наук
старший преподаватель
Вдовиченко Е.А.

Россия, г. Кемерово

тел.8-903-048-2755

e-mail: Elizaveta90@mail.ru

Kemerovo State University
Cand. Sci. in Philology

Senior Lecturer

Vdovichenko E.A.

Russia, Kemerovo

tel.8-903-048-2755

e-mail: Elizaveta90@mail.ru

Кемеровский государственный университет
доктор филологических наук
профессор
Каменева В.А.

Россия, г. Кемерово

тел.8-951-220-1480

e-mail: russia_science@mail.ru

Kemerovo State University
Dr. Sci. in Philology

Professor

Kameneva V.A.

Russia, Kemerovo

tel.8-951-220-1480

e-mail: russia_science@mail.ru

Е.А. Вдовиченко, В.А. Каменева

**НОВОСТНОЙ ФРАНКОЯЗЫЧНЫЙ ТЕКСТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
СО СТРУКТУРОЙ “MARTINI GLASS” (БОКАЛ МАРТИНИ)
ДЛЯ ДЕТЕЙ И ДЕТЕЙ-ПОДРОСТКОВ**

Настоящая статья посвящена идентификации и сопоставлению структурных компонентов новостных текстов политической тематики со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини), ориентированных на детей в возрасте от 8 до 12 лет и от 10 до 15 лет. Материалом данного исследования послужили новостные тексты политической тематики, отобранные приемом направленной выборки из франкоязычных журналов “l'jourlactu” и “GEO”. Согласно результатам, в новостных текстах со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) присутствуют как общие, так и отличающиеся структурные компоненты, нацеленные на удержание внимания молодых читателей и воздействие на них. Общие структурные элементы: “Title” (Заголовок), который своей формой призывает читателей ознакомиться с новостным текстом; “Subtitles” (Подзаголовки), разделяющие текст на части и тем самым облегчающие восприятие изложенной информации для читателей; “Lead” (Вводка) – единственный элемент, где сообщается о новостном событии; “Background” (Фон) посвящен общеизвестным фактам, связанным с новостным событием; “Storytelling” (Повествование), благодаря которому выстраивается причинно-следственная связь и обогащаются знания молодых читателей об истории страны; “Kicker” (Кикер), информация которого заставляет задуматься над происходящими событиями. Только в новостных текстах политической тематики для детей (8-12 лет) отмечается присутствие “Nut graf” (Ключевого абзаца), в котором еще раз упоминается новостное событие и подчеркивается важность представленной информации в новостном тексте. Способ подачи новостной информации по структуре “Martini Glass” (Бокал мартини), где читатель знакомится с большим количеством дополнительных фактов: общеизвестными, прошедшими, – позволяет ему «погрузиться с головой» в заявленную в “Title” (Заголовке) тему и расширить свои знания в политической области.

Ключевые слова: новостной текст, структура “Martini Glass” (Бокал мартини), дети, дети-подростки.

E.A. Vdovichenko, V.A. Kameneva

FRENCH-LANGUAGE POLITICAL NEWS TEXT WITH STRUCTURE "MARTINI GLASS" FOR CHILDREN AND ADOLESCENT CHILDREN

The present article is devoted to the identification and comparison of the structural components of political news texts with the structure of "Martini Glass", aimed at target groups of two magazines: aged 8 to 12 years old and aged 10 to 15 years old. The data of this study were political news texts selected by directional sampling from the French-language magazines "l'jourlactu" and "GEO". According to the results, news texts with the Martini Glass structure have both common and different structural components aimed at holding the attention of young readers and influencing them. Common structural elements include: "Title", which in its form encourages readers to read the news text; "Subtitles", which divide the text into parts and thus make it easier for readers to comprehend the information presented; "Lead", the only element where the news event is mentioned; "Background", which focuses on common facts related to the news event; "Storytelling", which builds a cause-and-effect relationship and enriches young readers' knowledge of the country's history; and "Kicker", the information of which makes them think about the events taking place. Only in political news texts for children there is a "Nut graf" (Key paragraph), which once again mentions the news event and emphasizes the importance of owning the presented information in the news text. This way of presenting news information according to the "Martini Glass" structure, where the reader is introduced to a large number of additional facts: well-known, past facts, allows the reader to "dive headfirst" into the stated topic in the "Title" and expand his knowledge in the political field.

Keywords: news text, "Martini Glass" structure, children, teenage children.

В настоящее время зарубежные журналисты пытаются найти способы привлечения и удержания внимания молодых читателей, которые проявляют интерес к текстам разной тематики и ценят быстрые, актуальные новости [1]. Одним из основных способов удержания внимания является структура подачи информации. Существуют следующие новостные структуры, названные по визуальному сходству с предметами материального мира: "Inverted pyramid" (Перевернутая пирамида), "Pyramid" (Пирамида), "Hourglass Style" (Песочные часы), "Diamond" (Бриллиант), "Martini Glass" (Бокал мартини), "Kebab" (Кебаб) [2] и "Cake" (Торт) [3]. Ученые активно исследовали структуру "Inverted pyramid" (Перевернутая пирамида), которая, по их мнению, является самой оптимальной для сообщения новостей [4; 5; 6]. Также без внимания не остались такие структуры, как "Pyramid" (Пирамида), "Kebab" (Кебаб), "Hourglass Style" (Песочные часы) [2; 7; 8; 9; 10]. Но следует отметить, что данные структуры исследовались на основе новостных текстов, ориентированных на массовую аудиторию.

Совсем недавно появились журналы для детей в возрасте от 8 до 12 лет и детей-подростков от 10 до 15 лет – "l'jourlactu" и "GEO" соответственно, новостные тексты которых стали материалом настоящего исследования. Методом сплошной выборки за период 2012-2023 гг. были отобраны 50 статей политической тематики из детского журнала "l'jourlactu" и 50 статей из детско-подросткового журнала "GEO", среди которых были выявлены новостные тексты со структурой "Martini Glass" (Бокал мартини).

Цель нашей работы – изучить и сопоставить структурные элементы новостных текстов политической тематики со структурой "Martini Glass" (Бокал мартини) из франкоязычных журналов, ориентированных на детей и детей-подростков.

Структура новостного текста "Martini Glass" (Бокал мартини) начинается подобно структуре "Inverted pyramid" (Перевернутая пирамида), где информация излагается от более важной до менее значимой. Затем следует хронологическое изложение истории, что соответствует структуре "Pyramid" (Пирамида), которая заканчивается "Kicker" (Кикером) – неожиданным поворотом или сильной заключительной цитатой [2]. Следовательно, предполагается, что новостной текст со структурой "Martini Glass" (Бокал мартини) состоит из таких элементов, как "Title" (Заголовок); "Lead" (Вводка); "Body" (Тело); "Background" (Фон) и "Beginning" (Начало); "Middle" (Середина), в конце которых идет "Kicker" (Кикер). Также следует не забывать о присутствии "Subtitles" (Подзаголовков) и "Nut graf" (Ключевого абза-

ца). Рассмотрим ниже, какими именно элементами обладают новостные тексты со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини), ориентированные на детей и детей-подростков.

“Title” (Заголовок)

В первую очередь при выборе новостного текста читатель знакомится с “Title” (Заголовком), в котором обозначена тема статьи. В детском журнале “1jour1actu” новостные тексты со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) в основном имеют “Title” (Заголовок) в вопросительной форме и тем самым предлагают молодым читателям узнать на них ответ, ознакомившись с содержанием. Например: *C’est quoi, le Front national? / Что такое Национальный фронт?* [11]; *Qui est Theresa May, la Première ministre qui a signé le Brexit? / Кто такая Тереза Мэй, премьер-министр, который подписал Брексит?* [12]. В детско-подростковом журнале “GEO” новостные тексты со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) имеют “Titles” (Заголовки) в повествовательной форме (приемлемой и для взрослой аудитории), так как в подростковом возрасте стремительно развивается склонность подражать взрослым: *Il y a 70 ans, les Françaises enfin autorisées à voter / 70 лет назад французенкам, наконец, разрешили голосовать* [13]; *Des gilets jaunes aux lycéens: la colère monte / От желтых жилетов до старшеклассников: гнев растет* [14].

“Lead” (Вводка)

Следующим структурным элементом является “Lead” (Вводка), где кратко сообщается о главной новости, которой посвящен весь новостной текст. “Lead” (Вводка) присутствует в новостных текстах как для детей, так и для детей-подростков. Например, в статье *Donald Trump restera-t-il président? / Останется ли Дональд Трамп президентом?* из журнала “1jour1actu” в “Lead” (Вводке) сообщается, что Дональд Трамп не справляется со своими обязанностями и его хотят отстранить от занимаемой должности, что ранее в истории США такое уже происходило, и президента лишали должности раньше, чем закончится его срок: *C’est la quatrième fois dans l’histoire des États-Unis que cela se produit: une procédure de destitution est lancée contre le président. Les membres de la Chambre des représentants, l’équivalent de notre Assemblée nationale, accusent Donald Trump de ne pas être à la hauteur de sa mission. Ils demandent son départ / В четвертый раз это происходит в истории Соединенных Штатов: против президента начинается процедура импичмента. Представители членов палаты, равнозначной нашему Национальному собранию, обвиняют Дональда Трампа в том, что он не выполнил свою миссию. Они требуют его ухода* [15].

Следует отметить, что “Lead” (Вводка) является не просто структурным элементом, в котором читатель узнает о новостной информации, но и в то же время основанием структуры “Inverted pyramid” (Перевернутая пирамида), то есть “Body” (Телом), где рассказывается о главном событии с небольшими деталями, так как далее идет информация об общеизвестных фактах или прошлых событиях, связанных с новостным, – “Background” (Фон).

“Nut graf” (Ключевой абзац)

Перед “Background” (Фоном) только в новостных текстах, ориентированных на детей, присутствует “Nut graf” (Ключевой абзац) – ввод в тему, объясняющий, почему она важна и читателю следует об этом прочитать [16]. Данный компонент реализуется при помощи вопроса *Pourquoi en parle-t-on? / Почему мы об этом говорим?* и ответа на него, в котором представлена переформулированная информация из “Lead” (Вводки).

Например, в статье *Pourquoi ce qui se passe en Ukraine est grave? / Почему то, что происходит на Украине, является серьезным?* в “Lead” (Вводке) сообщается, что юго-восточная часть Украины хочет стать российской, на фоне чего идут вооруженные столкновения, которые могут перерасти в международный конфликт: *Depuis 4 mois, des rebelles armés défient l’armée ukrainienne: ils veulent que le Sud-Est de l’Ukraine devienne une province russe. Ce conflit a déjà fait 2 600 morts et des milliers de blessés. Il prend un nouveau tournant avec la preuve de plus en plus évidente... La crise devient internationale / Вот уже 4 месяца вооруженные повстанцы бросают вызов украинской армии: они хотят, чтобы юго-восток Украины*

стал российской провинцией. В результате этого конфликта уже погибло 2600 человек и тысячи получили ранения. Он принимает новый оборот с все более очевидными доказательствами... Кризис становится международным [17]. Затем идет вопрос *Pourquoi en parle-t-on?* и ответ, из которого читателю становится ясно, что страны мира обеспокоены происходящими событиями на Восточной Украине: *Parce que les preuves de l'invasion de l'Est de l'Ukraine par la Russie se multiplient. Les pays du monde se demandent quelle attitude adopter: laisser faire ou sanctionner la Russie? / Потому что доказательств вторжения России в Восточную Украину становится все больше. Страны мира задаются вопросом, что им делать: позволить России сделать это или наказать ее?* [17].

Информация, изложенная в “Nut graf” (Ключевом абзаце), подчеркивает важность озвучивания с содержанием новостного текста и тем самым подталкивает к этому читателя.

“Subtitles” (Подзаголовки)

После “Lead” (Вводки) новостные тексты со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) в детском журнале “l'jourlactu” и детско-подростковом журнале “GEO” разделяются “Subtitles” (Подзаголовками) на небольшие части, что облегчает чтение и восприятие новостной информации данными возрастными группами. “Subtitles” (Подзаголовки) могут иметь разные формы: вопросительные, повествовательные, в виде словосочетаний.

Например, в статье *États-Unis: la police coupable de racisme / США: полиция виновна в расизме* [18] присутствуют следующие “Subtitles” (Подзаголовки): *Le racisme au quotidien / Расизм в повседневной жизни; Une question de confiance / Вопрос доверия; En France aussi / Во Франции тоже*, согласно которым можно предположить, что в новостном тексте пойдет речь о расизме, который проявляется и в США, и во Франции.

В целом по названию “Subtitles” (Подзаголовков) в новостных текстах со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) нельзя раскрыть содержание статьи, тем самым сохраняется интрига, что побуждает молодых читателей ознакомиться с текстом полностью, а не только с информацией из “Title” (Заголовка), “Subtitles” (Подзаголовков), “Lead” (Вводки) и, если имеется, “Nut graf” (Ключевого абзаца).

“Background” (Фон)

Основная часть новостного текста начинается с общеизвестной и / или дополнительной информации – “Background” (Фона), где излагаются прошедшие события, связанные с новостным.

В статье *Présidentielle: Hollande renonce, Valls se présente / Президент: Олланд сдается, Вальс баллотируется* в “Lead” (Вводке) обозначено, что Франсуа Олланд отказался баллотироваться на пост президента, а его премьер-министр Мануэль Вальс, наоборот, выдвинул свою кандидатуру. В “Background” (Фоне) читатель узнает, что президент Республики может переизбираться один раз, но нынешний президент, Франсуа Олланд, не захотел воспользоваться этим правом, так как он знает, что плохо руководил страной: *En France, le président de la République a le droit de se faire réélire une fois. Quand François Hollande a été élu, en 2012, c'était la première fois qu'il devenait président: il avait donc le droit de se présenter une nouvelle fois à ce poste... Pourtant, François Hollande a annoncé, la semaine dernière, qu'il ne se présenterait pas à l'élection présidentielle de 2017. Parce qu'il est très impopulaire! Tous les sondages montrent qu'une majorité de Français sont déçus de la façon dont il a dirigé la France... / Во Франции президент Республики имеет право быть переизбранным один раз. Франсуа Олланд был избран в 2012 году – это был первый раз, когда он стал президентом, поэтому у него было право еще раз баллотироваться на эту должность... Тем не менее на прошлой неделе Франсуа Олланд объявил, что не будет баллотироваться на президентских выборах 2017 года. Потому что он очень непопулярен! Все соцопросы показывают, что большинство французов разочарованы тем, как он руководил Францией...* [19]. В данной части новостного текста представлена общеизвестная информация о возможности переизбрания президента и факты о том, когда Франсуа Олланд стал впервые президентом, и о его решении не баллотироваться повторно. Для передачи общеизвестных фактов журналист использует

форму настоящего времени *Le present: a*; для перехода на прошедшие события – *Le Passé Composé: a été élu, a annoncé, a dirigé*; *L'imparfait: était, devenait, avait*, а также лексические единицы с семой времени и даты: *la semaine dernière, en 2012*.

В статье *Il y a 70 ans, les Françaises enfin autorisées à voter / 70 лет назад французенкам, наконец, разрешили голосовать* из детско-подросткового журнала “GEO” в “Lead” (Вводке) сообщается, что 70 лет назад, после Второй мировой войны, французенки получили право голоса, но им все равно было нужно время, чтобы найти свое место в мужском обществе. В “Background” (Фоне) описано, когда женщины начали получать право голоса и как к ним раньше относились мужчины: *Ce n'est qu'à la fin du 19e siècle que les femmes ont commencé à obtenir le droit de vote... En France, il faut attendre le 21 avril 1944 pour que ce droit soit accordé aux femmes. Mais dans la France de l'époque, beaucoup de femmes sont plutôt résignées. Pour elles, il y a plus urgent car la guerre n'est pas encore terminée. Certaines estiment que la politique est l'affaire des hommes et que leur place est à la maison, à s'occuper du ménage et des enfants. Cette croyance est bien entendu encouragée par les hommes qui considèrent les femmes comme des citoyennes de seconde classe... / Только в конце 19 века женщины начали получать право голоса... Во Франции это право должны были предоставить женщинам 21 апреля 1944 года... Но во Франции того времени многие женщины были довольно покорными. Для них это было более актуально, потому что война еще не закончилась. Некоторые считают, что политика – это дело мужчин, и их место – дома, в заботе о домашнем хозяйстве и детях. Это убеждение, конечно, поощряется мужчинами, которые считают женщин гражданами второго сорта... [13]. Журналист использует конкретные даты: *19e siècle, le 21 avril 1944*; временную форму глагола *Le Passé Composé: ont commencé*, чтобы подчеркнуть, что речь идет о прошлом.*

Информация об общеизвестных фактах расширяет кругозор молодых читателей и погружает их в тему, заявленную в “Title” (Заголовке) статьи.

“Storytelling” (Повествование)

После “Background” (Фона) читателю предоставляется хронология событий с самого начала и до новостного: это могут быть общеизвестные факты, которые излагаются в “Beginning” (Начале), и / или недавние события, про которые рассказывается в “Middle” (Середине) по структуре новостного текста “Pyramid” (Пирамида) [20]. Также встретились новостные тексты, в которых после “Background” (Фона) говорится о недавних событиях с последующими последствиями. В связи с тем, что данное хронологическое повествование присутствует в новостных текстах со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) как для детей от 8 до 12 лет, так и для детей-подростков от 10 до 15 лет, и оно может быть представлено несколькими способами, данному структурному элементу следует дать название “Storytelling” (Повествование).

Например, в статье *États-Unis / Cuba: le temps de la réconciliation / Соединенные Штаты / Куба: время примирения* в “Storytelling” (Повествование) приводятся недавние события, которые предшествовали новостному: *Dés la fin 2014, Barack Obama déclare qu'il reprend ses relations diplomatiques avec le gouvernement de Cuba. Début 2015 c'est une petite partie de l'embargo qui est levé. Du 21 au 23 mars 2016, le président américain se rend pendant 3 jours à Cuba afin de rencontrer Raul Castro le dirigeant cubain. Plusieurs entrevues sont programmées afin de parler notamment des Droits de l'Homme: en effet, Cuba étant une dictature, tous les opposants au pouvoir sont en prison, ou surveillés par l'État. Mais Raul Castro, le chef d'État cubain, a répondu aux journalistes se défendant de toute maltraitance envers ses prisonniers et refusant même de reconnaître leur existence. Il a alors lancé une petite pique à son homologue en rappelant les violences policières commises aux États-Unis / В конце 2014 года Барак Обама заявил, что возобновляет дипломатические отношения с правительством Кубы. В начале 2015 года была снята небольшая часть эмбарго. С 21 по 23 марта 2016 года президент США посетил Кубу на 3 дня, чтобы встретиться с кубинским лидером Раулем Кастро. Бы-*

ло запланировано несколько интервью, в которых обсуждались, в частности, права человека: ведь на Кубе царит диктатура, и все противники власти находятся в тюрьмах или под наблюдением государства. Но Рауль Кастро, глава кубинского государства, **отвечал** журналистам, защищая себя от любого жестокого обращения со своими заключенными и даже отказываясь признать их существование. Затем он **сделал** небольшой укол своему коллеге, напомнив о насилии со стороны полиции, совершенном в Соединенных Штатах [21]. Журналист выстраивает хронологию недавних событий при помощи дат: *Dés la fin 2014, Début 2015, Du 21 au 23 mars 2016*, а также применяет форму прошедшего времени *Le Passé Composé: sont programmées, a répondu*.

В статье *C'est quoi, le Front national? / Что такое Национальный фронт?* из детского журнала "1jour1actu" "Storytelling" (Повествование) начинается с хронологических событий, где подчеркивается постепенное продвижение партии «Национальный фронт»: **Au début, presque personne ne votait pour le Front national. Depuis, il n'a pas cessé de progresser. En mars dernier, 12 maires FN ont été élus lors des élections municipales. Et, dimanche, c'est le parti politique français qui a recueilli le plus de voix aux élections européennes! / Поначалу почти никто не голосовал за Национальный фронт. С тех пор он неуклонно продвигался вперед. В марте прошлого года на муниципальных выборах были избраны 12 мэров НФ. И в воскресенье именно французская политическая партия набрала наибольшее количество голосов на европейских выборах!** [11]. Это достигается при помощи лексических единиц: слов-связок и слов, содержащих сему времени: *Au début, Depuis, En mars dernier, Et, dimanche*; глагольных форм в прошедшем времени: *Le Passé Composé: a cessé, ont été élus, a recueilli*; *L'imparfait: votait*. Далее идет информация, отсылающая к будущему: *De nombreux Français constatent que les grands partis politiques français ne parviennent pas à faire baisser le chômage ou à réduire le sentiment d'insécurité. Ils espèrent que le Front national pourra y arriver / Многие французы считают, что крупные французские политические партии не могут снизить уровень безработицы или уменьшить чувство незащищенности. Они надеются, что Национальный фронт сможет это сделать...* [11], которое передается при помощи лексической единицы *espèrent*, выражающей надежду, и формы будущего времени *Le Future Simple: pourra*.

Благодаря информации, представленной в хронологическом порядке в "Storytelling" (Повествовании), у молодых читателей складывается понимание происходящих событий, выстраивается причинно-следственная связь, что является немаловажным для детей-подростков 10-15 лет, пополняются знания об истории страны.

"Kicker" (Кикер)

Заключительным элементом новостного текста политической тематики со структурой "Martini Glass" (Бокал мартини) является "Kicker" (Кикер) – неожиданный поворот, который реализуется в нескольких предложениях или небольшом абзаце в конце новостного текста.

Например, в статье *Qui est Theresa May, la Première ministre qui a signé le Brexit? / Кто такая Тереза Мэй, премьер-министр, который подписал Брексит?* читатель узнает, кем являлась Тереза Мэй до того, как стала премьер-министром, который запустил процедуру выхода Великобритании из Европейского союза. Сообщается, что жители страны поддержали данную идею. Согласно "Kicker" (Кикеру), оказывается, что выход Великобритании из ЕС не так прост и быстр, несмотря на то что жители страны согласны на это: *Le Royaume-Uni doit maintenant négocier pour sortir de l'UE et signer de nouveaux accords avec les autres pays européens. À l'heure actuelle, le Royaume-Uni fait donc toujours partie de l'Union européenne, pour encore deux ans au minimum. On ne sait donc pas quand le Royaume-Uni sortira vraiment de l'UE / Теперь Соединенному Королевству необходимо договориться о выходе из ЕС и подписать новые соглашения с другими европейскими странами. Таким образом, в настоящее время Соединенное Королевство по-прежнему является частью Европейского союза, по крайней мере еще на два года. Поэтому неясно, когда Великобритания действительно выйдет из ЕС* [12].

В статье *Espagne: la fuite du roi / Испания: бегство короля* рассказывается о том, что Хуан Карлос, бывший король Испании, сбежал из страны, чтобы спрятаться от правосудия. Его обвиняют в присвоении большой суммы денег. В “Kicker” (Кикере) сообщается, что жители страны не видят смысла в королевской власти и желают, чтобы их страна стала республикой: *Certains Espagnols estiment que la famille royale est inutile, dépassée et coûteuse. Et que la royauté doit être remplacée par une république, comme en France / Некоторые испанцы считают королевскую семью бесполезной, устаревшей и дорогой. И что королевская власть должна быть заменена республикой, как во Франции* [22].

Из примеров видно, что в “Kicker” (Кикере) предоставлена дополнительная информация, которая позволяет читателю задуматься над темой всего новостного текста. Например, в статье *Espagne: la fuite du roi*, посвященной заслугам и недостаткам бывшего короля, журналист при помощи “Kicker” (Кикера), сообщая о недовольстве граждан страны, подталкивает молодых читателей принять позицию против монархии в стране. В статье *Qui est Theresa May, la Première ministre qui a signé le Brexit?* только в “Kicker” (Кикере) оказывается, что Великобритания еще не скоро выйдет из ЕС, хотя статья посвящена заслугам Тэрэзы Мэй, в частности подписанию документа о выходе из ЕС.

Теперь представим в виде таблицы обобщение компонентов новостного текста политической тематики со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) для детской и детско-подростковой аудиторий.

Компоненты новостного текста политической тематики со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) для детской и детско-подростковой аудиторий

Детская аудитория (8-12 лет)	Детско-подростковая аудитория (10-15 лет)
“Title” (Заголовок)	
“Lead” (Вводка)	
“Nut graf” (Ключевой абзац) – цель прочтения	Отсутствие “Nut graf” (Ключевого абзаца)
“Subtitle” (Подзаголовок)	
“Background” (Фон) – общеизвестные факты или прошлые события, связанные с новостным событием	
“Subtitle” (Подзаголовок)	
“Storytelling” (Повествование) – хронологическое повествование предшествующих событий	
“Subtitle” (Подзаголовок)	
“Kicker” (Кикер) – неожиданный поворот	

Исследование показало, что в новостных текстах политической тематики, ориентированных на детей 8-12 лет и детей-подростков 10-15 лет, информация может быть изложена по структуре “Martini Glass” (Бокал мартини).

В проанализированных новостных текстах со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) для детской и детско-подростковой аудиторий было отмечено, что в основном они имеют схожие структурные компоненты. К ним относятся: “Title” (Заголовок), “Lead” (Вводка), “Subtitles” (Подзаголовки), “Background” (Фон), “Storytelling” (Повествование), “Kicker” (Кикер). Имеется только одно отличие: в новостных текстах для детей присутствует такой компонент, как “Nut graf” (Ключевой абзац), при помощи которого журналист подталкивает молодого читателя ознакомиться полностью с содержанием статьи.

Новостной текст политической тематики со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) начинается с “Title” (Заголовка). Для детской аудитории “Title” (Заголовок) чаще всего имеет

вопросительную форму. Таким образом журналист приглашает молодого читателя найти ответ на поставленный вопрос. Для детско-подростковой аудитории чаще применяется повествовательная форма, так как данная группа, согласно психологии развития, старается подражать взрослым, походить на них, следовательно, и журналист должен к ним относиться как к взрослым людям.

“Subtitles” (Подзаголовки) разделяют новостной текст на части. Визуально они облегчают прочтение статьи, но в то же время не являются информативными, не раскрывают ее содержание.

После “Title” (Заголовок) читатель знакомится с “Lead” (Вводкой), где сообщается непосредственно о новостном событии. Данный структурный элемент является основным в новостном тексте со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини), так как только в нем сообщается новость, если не учитывать “Nut graf” (Ключевой абзац) в новостных текстах для детей, в котором повторяется информация из “Lead” (Вводки).

Далее следует “Background” (Фон), в котором читатель знакомится с общеизвестными фактами или прошедшими событиями, связанными с новостным. После этого журналист плавно переходит на хронологическое повествование – “Storytelling” (Повествование), в котором использует даты, лексические единицы с собой времени, чтобы показать последовательность событий, которые предшествовали новостному. Но при этом новостное событие не упоминается. Так расширяется кругозор молодых читателей, они больше узнают об истории страны и лучше осознают причинно-следственную связь происходящих событий.

Последней частью новостного текста со структурой “Martini Glass” (Бокал мартини) является “Kicker” (Кикер). Он может быть представлен небольшим абзацем или несколькими предложениями. В нем журналист сообщает детали, которые позволяют читателю посмотреть на всю изложенную информацию с другой стороны.

Данный способ подачи новостной информации, где читатель знакомится с большим количеством дополнительных фактов: общеизвестными, прошедшими, – позволяет ему «погрузиться с головой» в заявленную в “Title” (Заголовке) тему, задуматься над новостным событием и расширить свои знания в политической области.

Библиографический список

1. Crispin S. Attracting young readers – tactics for engagement: A report for the Robert Bell Travelling Scholarship. Christchurch: University of Canterbury, 2011. 25 p.
2. Dai Z., Taneja H., Huang R. Fine-grained structure-based news genre categorization // Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News. 2018. P. 61-67.
3. Вдовиченко Е.А., Каменева В.А. Новостные тексты политической тематики со структурой “Cake” («Торт») в детском франкоязычном журнале “1jour1actu” // Политическая лингвистика. 2022. № 6 (96). С. 31-37. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_03
4. Arfiyanti R., Syihabuddin M., Damaianti V.S., Anshori D. Construction of the language and the structure of news text in blog // International Conference on Language Phenomena in Multimodal Communication (KLUA 2018). 2018. Vol. 228. P. 166-173. DOI: [10.2991/klua-18.2018.25](https://doi.org/10.2991/klua-18.2018.25)
5. Pottker H. News and its communicative quality: The inverted pyramid – When and why did it appear? // Journalism Studies. 2003. Vol. 4. № 4. P. 501-511. DOI: [10.1080/1461670032000136596](https://doi.org/10.1080/1461670032000136596)
6. Shishkova D.D. Lexical and syntactic peculiarities of an English newspaper article // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 3 (3). P. 37-39. DOI: 10.18454/RULB.3.02
7. Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста. М.: Аспект Пресс, 2013. 399 с.
8. Mohapatra J.P. Bachelor of arts (honors) in journalism & mass communication (BJMC). Sambalpur: OSOU, 2019. 34 p.

9. Segel E., Heer J. Narrative visualization: telling stories with data // IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. 2010. Vol. 16. № 6. P. 1139-1148. DOI: 10.1109/TVCG.2010.179
10. Вдовиченко Е.А., Каменева В.А. Новостной текст политической тематики со структурой “Kebab” (Кебаб) для моно- и двойного адресатов // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2023. № 2. С. 63-77. DOI: 10.51955/2312-1327_2023_2_63
11. C'est quoi, le Front national? // 1jour1actu. 27.05.2014. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/front-national-69412>
12. Qui est Theresa May, la Première ministre qui a signé le Brexit? // 1jour1actu. 06.04.2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/qui-est-theresa-may-la-premiere-ministre-en-charge-du-brexit-13879>
13. Il y a 70 ans, les Françaises enfin autorisées à voter // GEO. 21.04.2014. URL: <https://www.geoado.com/actus/il-y-a-70-ans-les-francaises-enfin-autorisees-a-voter-78626/>
14. Des gilets jaunes aux lycéens: la colère monte // GEO. 04.12.2018. URL: <https://www.geoado.com/actus/des-gilets-jaunes-aux-lyceens-la-colere-monte/>
15. Donald Trump restera-t-il président? // 1jour1actu. 14.10.2019. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/donald-trump-destitution>
16. Колесниченко А. В. Практическая журналистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 177 с.
17. Pourquoi ce qui se passe en Ukraine est grave? // 1jour1actu. 03.19.2014. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/ukraine-41163>
18. États-Unis: la police coupable de racisme // GEO. 06.03.2015. URL: <https://www.geoado.com/actus/etats-unis-la-police-coupable-de-racisme-15453/>
19. Présidentielle: Hollande renonce, Valls se présente // 1jour1actu. 06.12.2016. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/presidentielle-hollande-renonce-valls-se-presente-77859>
20. Вдовиченко Е.А., Каменева В.А. Новостной франкоязычный текст политической тематики со структурой «Пирамида» для моно- и двойного адресатов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 101-111. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-101-111
21. États-Unis / Cuba: le temps de la réconciliation // GEO. 24.03.2016. URL: <https://www.geoado.com/actus/etats-uniscuba-le-temps-de-la-reconciliation-29838/>
22. Espagne: la fuite du roi // GEO. 04.08.2020. URL: <https://www.geoado.com/actus/espagne-la-fuite-du-roi/>

References

1. Crispin S. Attracting young readers – tactics for engagement: A report for the Robert Bell Travelling Scholarship. Christchurch: University of Canterbury, 2011. 25 p.
2. Dai Z., Taneja H., Huang R. Fine-grained structure-based news genre categorization // Proceedings of the Workshop Events and Stories in the News. 2018. Pp. 61-67.
3. Vdovichenko E.A., Kameneva V.A. Political news texts with the “Layered Cake” structure in the French-language children's magazine “1jour1actu” // Political Linguistics. 2022. № 6 (96). Pp. 31-37. DOI: 10.26170/1999-2629_2022_06_03
4. Arfiyanti R., Syihabuddin M., Damaiani V.S., Anshori D. Construction of the language and the structure of news text in blog // International Conference on Language Phenomena in Multimodal Communication (KLUA 2018). 2018. Vol. 228. Pp. 166-173. DOI: [10.2991/klua-18.2018.25](https://doi.org/10.2991/klua-18.2018.25)
5. Pottker H. News and its communicative quality: The inverted pyramid – When and why did it appear? // Journalism Studies. 2003. Vol. 4. № 4. Pp. 501-511. DOI: [10.1080/1461670032000136596](https://doi.org/10.1080/1461670032000136596)

6. Shishkova D.D. Lexical and syntactic peculiarities of an English newspaper article // Russian Linguistic Bulletin. 2015. № 3 (3). Pp. 37-39. DOI: 10.18454/RULB.3.02
7. Kolesnichenko A.V. The Journalist's Handbook. Moscow: Aspect Press, 2013. 399 p.
8. Mohapatra J.P. Bachelor of arts (honors) in journalism & mass communication (BJMC). Sambalpur: OSOU, 2019. 34 p.
9. Segel E., Heer J. Narrative visualization: telling stories with data // IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. 2010. Vol. 16. № 6. Pp. 1139-1148. DOI: 10.1109/TVCG.2010.179
10. Vdovichenko E.A., Kameneva V.A. Political news text with the structure “Kebab” aimed at mono and double addresses // Crede Experto: transport, society, education, language. 2023. № 2. Pp. 63-77. DOI: 10.51955/2312-1327_2023_2_63
11. C'est quoi, le Front national? // 1jour1actu. 27.05.2014. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/front-national-69412>
12. Qui est Theresa May, la Première ministre qui a signé le Brexit? // 1jour1actu. 06.04.2017. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/qui-est-theresa-may-la-premiere-ministre-en-charge-du-brexit-13879>
13. Il y a 70 ans, les Françaises enfin autorisées à voter // GEO. 21.04.2014. URL: <https://www.geoado.com/actus/il-y-a-70-ans-les-francaises-enfin-autorisees-a-voter-78626/>
14. Des gilets jaunes aux lycéens: la colère monte // GEO. 04.12.2018. URL: <https://www.geoado.com/actus/des-gilets-jaunes-aux-lyceens-la-colere-monte/>
15. Donald Trump restera-t-il président? // 1jour1actu. 14.10.2019. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/donald-trump-destitution>
16. Kolesnichenko A.V. Practical journalism. Moscow: Moscow University Publ., 2008. 177 p.
17. Pourquoi ce qui se passe en Ukraine est grave? // 1jour1actu. 03.19.2014. URL: <https://www.1jour1actu.com/monde/ukraine-41163>
18. États-Unis: la police coupable de racisme // GEO. 06.03.2015. URL: <https://www.geoado.com/actus/etats-unis-la-police-coupable-de-racisme-15453/>
19. Présidentielle: Hollande renonce, Valls se présente // 1jour1actu. 06.12.2016. URL: <https://www.1jour1actu.com/france/presidentielle-hollande-renonce-valls-se-presente-77859>
20. Vdovichenko E.A., Kameneva V.A. French-language political news text with a Pyramid structure for mono- and dual-addressees // Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics. 2023. № 2. Pp. 101-111. DOI: 10.29025/2079-6021-2023-2-101-111
21. États-Unis / Cuba: le temps de la réconciliation // GEO. 24.03.2016. URL: <https://www.geoado.com/actus/etats-uniscuba-le-temps-de-la-reconciliation-29838/>
22. Espagne: la fuite du roi // GEO. 04.08.2020. URL: <https://www.geoado.com/actus/espagne-la-fuite-du-roi/>

СОБЫТИЯ, ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ **EVENTS AND REVIEWS**

УДК 81.373.2

DOI 10.36622/2587-9510.2024.55.4.026

Воронежский государственный университет

канд. филол. наук, доц. кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

Попов С.А.

Россия, г. Воронеж,

e-mail: spo@bk.ru

Voronezh State University

PhD, docent of the Department of public relations, advertising and design

Popov S.A.

Russia, Voronezh,

e-mail: spo@bk.ru

С.А. Попов

ОБЗОР ОСЕННИХ НАУЧНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ВСТРЕЧ

S.A. Popov

REVIEW OF THE AUTUMN SCIENTIFIC LINGUISTIC MEETINGS

Осень 2024 года оказалась богатой на международные научные конференции по лингвистике. В рамках работы по проекту «Топонимический мартиролог Российской Федерации на современном этапе: социолингвистический аспект», поддержанному грантом Российского научного фонда, мы приняли участие в работе VIII Конгресса РОПРЯЛ (г. Красноярск, СФУ), XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» (г. Саратов, СГМУ им. В. И. Разумовского), X Международной научной конференции «Русский язык: система и функционирование» (Республика Беларусь, г. Минск, БГУ) и предлагаем читателям журнала обзор основной проблематики указанных конференций.

* * *

VIII Конгресс РОПРЯЛ

11-13 сентября 2024 года в Красноярске на базе Сибирского федерального университета проходили мероприятия VIII Конгресса РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России». В работе Конгресса приняли участие более 200 делегатов из 34 регионов России. Поддержку проекту оказало Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, партнерами проекта вместе с СФУ и РОПРЯЛ выступили портал Грамота.ру и Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы.

С приветственным словом к участникам и гостям конгресса обратились президент МАПРЯЛ, президент РОПРЯЛ, генеральный директор Государственного музея Л.Н. Толстого **В.И. Толстой**, ректор Сибирского федерального университета **М.В. Румянцев**. Письменные приветствия направили руководитель Россотрудничества **Е.А. Примаков**, заместитель министра иностранных дел **А.А. Панкин**. Видеообращения

подготовили заместитель министра науки и высшего образования **К.И. Могилевский** и генеральный директор издательства «Просвещение» **Н.В. Третьяк**.

На пленарном заседании и.о. ректора Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина **Н. В. Гусев** рассказал о роли научно-педагогической школы академика В.Г. Костомарова в развитии и продвижении русского языка за рубежом и обозначил основные вехи развития Института Пушкина, приоритетные направления научно-исследовательской деятельности, подчеркнув важность комплексного исследования учебников и учебных пособий по русскому языку и развития учебной лексикографии.

Профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации Сибирского федерального университета **О.В. Фельде** выделила ценностные доминанты старожилов Енисейской Сибири, которые удалось обнаружить в результате исследований. Это ориентация на духовность, неприятие вестернизации, семья и установка на сбережение государства.

Выступление вице-президента РОПРЯЛ, директора Центра коммуникативных компетенций Санкт-Петербургского государственного университета **С.А. Кузнецова** было посвящено коммуникативно-риторическому анализу текста.

Заведующий кафедрой русской литературы и методики ее преподавания Казанского федерального университета **А.С. Афанасьев** представил разработанную коллективом кафедры программу изучения современной русской литературы в вузах и предложил подход к классификации и периодизации наиболее ярких произведений прозы, поэзии, драматургии, литературной критики последних тридцати лет.

Первый заместитель директора Института русского языка Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы **С.И. Ельникова** выступила с докладом, посвященным проблемам изучения русского языка в Африке.

После пленарного заседания состоялась презентация «Современный цифровой портал “Грамота.ру” и развитие языковой культуры нации», которую провел руководитель портала, заместитель председателя Совета при Президенте РФ по поддержке русского языка и языков народов РФ, председатель Научно-образовательного союза «Родное слово» **К.С. Деревянко**.

Научную повестку первого дня продолжила «Лаборатория новых практик в обучении РКИ». Параллельно с заседанием лаборатории на конгрессе в смешанном формате проходила форсайт-сессия «Русский язык и культура в эпоху российско-китайского стратегического сотрудничества», приуроченная к 225-летию Александра Сергеевича Пушкина. Учёные России и Китая обменялись мнениями об особенностях рецепции творчества великого русского поэта в китайской культуре.

Завершил работу первого дня «круглый стол» под названием «Русская литература вне столиц. Современные проблемы регионалистики в зеркале писательских биографий и профессиональных репутаций (К 100-летию В.П. Астафьева)», модераторами которого выступили вице-президент РОПРЯЛ, ректор Литературного института им. А.М. Горького **А.Н. Варламов** и заведующий кафедрой мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина **А.В. Пашков**. В ходе этого мероприятия также состоялся телемост с Испанией, где в Гранадском университете в это время проходил международный форум «Перевод и культурный трансфер: русская литература в зеркале перевода».

Во второй день конгресса проходили заседания по 6 научным направлениям, среди которых: актуальные исследования русского языка, роль русского языка в формировании единого социокультурного пространства России, русский язык и культура, русская литература в современном мире, русский язык в образовательном пространстве России, преподавание русского языка и литературы иностранным учащимся. На конгрессе прозвучало около 150 научных докладов, которые будут включены в общедоступный научный сборник конгресса.

В завершающий день конгресса состоялись заседания трёх дискуссионных площадок, также вызвавшие живой интерес участников мероприятия: «Деструктивные триггерные высказывания в современной коммуникации: правовой и лингвистический инструментарий противодействия», «Применение искусственного интеллекта в преподавании русского языка

как иностранного», «Учебно-методическое обеспечение программ подготовительных факультетов».

На церемонии закрытия конгресса выступил старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, учёный секретарь Пушкинской комиссии РАН **А.Ю. Балакин**, который в докладе «Пути и тропы современного пушкиноведения» рассказал о результатах и достижениях пушкиноведения, о наиболее заметных исследованиях последних лет, а также о проекте «Пушкин цифровой» – цифровом академическом издании пушкинских сочинений, полная версия которого увидит свет в этом году.

С заключительной речью к участникам конгресса обратился **В.И. Толстой** и вручил профессору Института филологии и языковой коммуникации СФУ Т.М. Григорьевой медаль А.С. Пушкина «За большие заслуги в распространении русского языка в мире».

В последний день работы конгресса также состоялось Общее собрание РОПРЯЛ, проводимое один раз в пять лет. На собрании были подведены итоги работы ассоциации в 2019–2023 годах, состоялись выборы президента, членов правления и ревизионной комиссии. Президентом РОПРЯЛ на очередной срок был выбран В.И. Толстой.

На конгрессе были выдвинуты предложения о создании новых научных и образовательных проектов. В частности, СФУ выступил с предложением о создании силами федеральных университетов при поддержке и участии РОПРЯЛ учебно-методического комплекса по дисциплине «Деловая коммуникация на русском языке», формирующей универсальную компетенцию у студентов, не являющихся филологами. Этот вопрос будет прорабатываться на мероприятиях РОПРЯЛ в будущем.

* * *

XXII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья»

С 26 по 29 сентября 2024 года на базе кафедры русского и латинского языков Саратовского государственного медицинского университета имени В.И. Разумовского состоялась XXII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья».

На пленарных и секционных заседаниях конференции прозвучало более ста докладов исследователей имен собственных из 34 городов России и 4 городов ближнего зарубежья: Арзамаса, Астрахани, Великого Новгорода, Волгограда, Вологды, Воронежа, Горловки, Донецка, Елабуги, Казани, Калининграда, Костромы, Липецка, Нальчика, Новосибирска, Москвы, Оренбурга, Пензы, Рязани, Самары, Санкт-Петербурга, Саратова, Смоленска, Тамбова, Твери, Торжка, Тулы, Тюмени, Улан-Удэ, Ульяновска, Элисты, Якутска, Ялты, Ярославля, Петропавловска (Казахстан), Тирасполя (Приднестровье), Витебска и Минска (Белоруссия).

На заключительном пленарном заседании участники конференции отметили высокий уровень её организации, качество представленных докладов, приняли резолюцию и решили провести следующую «Ономастику Поволжья» осенью 2025 года в Астрахани на базе государственного университета имени В.Н. Татищева.

В этом году исполняется 120 лет со дня рождения основателя конференции – выдающегося русского ономатолога и организатора науки В.А. Никонова (1904–1988), который в 1967 году провёл на своей родине в Ульяновске первую конференцию «Ономастика Поволжья». При жизни учёного прошли ещё 4 конференции: в Горьком, Уфе, Пензе и Саранске. В силу различных обстоятельств «Ономастика Поволжья» четырежды проводилась в Волгограде, а затем вернулась к задуманному В.А. Никоновым формату, перемещаясь из одного поволжского города в другой: Уфа, Йошкар-Ола, Казань, Ярославль, Тверь, Арзамас, Ульяновск, Великий Новгород, Кострома, Оренбург, Элиста, Рязань.

РЕЗОЛЮЦИЯ **Международной научной конференции «Ономастика Поволжья»**

26-29 сентября 2024 года на базе СГМУ имени В.И. Разумовского состоялась XXII Международная научная конференция «Ономастика Поволжья». Организаторами конференции при поддержке РОПРЯЛ выступили Саратовский государственный медицинский университет имени В.И. Разумовского и Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

Конференция «Ономастика Поволжья» в Саратове продолжила традиции проходивших с 1967 года в разных городах России конференций поволжских ономатологов, инициатором проведения которых был крупный советский учёный Владимир Андреевич Никонов. На конференции состоялись два пленарных заседания, работали 7 секций. На торжественном открытии с приветственным словом выступили: начальник научного отдела СГМУ Антон Александрович Дубгорин, председатель постоянно действующего оргкомитета конференций «Ономастика Поволжья» Василий Иванович Супрун, директор Института русского языка и литературы Северо-Казахстанского университета им. М.Козыбаева, к.ф.н. Елена Викторовна Сабиева, заведующий кафедрой русского и латинского языков СГМУ, д.ф.н. Лариса Петровна Прокофьева.

В различных формах работы в конференции приняли участие 111 исследователей, представляющих:

1) 8 институтов РАН: Институт лингвистических исследований РАН, ГИРЯ им. Пушкина, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, Институт географии РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Институт языкознания РАН, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН.

2) 35 городов России: Арзамас, Астрахань, В. Новгород, Волгоград, Вологда, Воронеж, Горловка, Донецк, Елабуга, Казань, Калининград, Кострома, Липецк, Москва, Нальчик, Новосибирск, Оренбург, Пенза, Петрозаводск, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Саратов, Смоленск, Тамбов, Тверь, Торжок, Тула, Тюмень, Улан-Удэ, Ульяновск, Элиста, Якутск, Ялта, Ярославль.

3) 3 зарубежных страны (4 города): Республика Беларусь (Минск, Витебск), Республика Казахстан (Петропавловск), Приднестровская Молдавская республика (Тирасполь).

К началу конференции опубликован сборник материалов конференции общим объёмом 24,5 п. л. (410 с.). В соответствии с тематикой докладов было выделено 7 тематических блоков: 1) «Общие вопросы ономастики», 2) «Антропонимика», 3) «Топонимика», 4) «Онимическое пространство города и региона», 5) «Литературная ономастика», 6) «Онимы в разных видах искусства и в СМИ», 7) «Методические аспекты ономастики».

На закрытии конференции подведены итоги работы. Выступили руководители секций, члены оргкомитета и участники конференции. Принята резолюция XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья». Состоялась презентация XXIII Международной конференции «Ономастика Поволжья».

Конференция решила:

1. Отметить высокий научно-теоретический и методико-практический уровень докладов и сообщений всех участников конференции и изданных материалов.

2. Выразить благодарность ректору СГМУ имени В.И. Разумовского А.В. Еремину и начальнику научного отдела СГМУ А.А. Дубгорину за предоставленную возможность организации и проведения форума российских и зарубежных ономатологов и создание благоприятных условий для работы конференции.

3. Выразить благодарность ректорам высших учебных заведений, руководителям исследовательских институтов и других учебных и научных организаций, направивших учёных для участия в конференции.

4. Выразить благодарность постоянно действующему комитету научной конференции «Ономастика Поволжья» (проф. В.И. Супрун) и саратовскому программному и организационному комитетам (проф. Н.И. Данилина, доц. М.И. Носачева, преп. Е.В. Веденева, преп. Г.А. Цаплина) за организационную и методическую помощь при проведении конференции.

5. Рекомендовать всем участникам XXII Международной научной конференции «Ономастика Поволжья» своей научно-исследовательской деятельностью способствовать распространению ономастических знаний: публиковать научные и научно-популярные статьи, книги, сборники, словари; проводить в вузах курсы по выбору по проблемам ономастики; вести в школах, гимназиях и лицеях элективные курсы и курсы по выбору для учащихся 9 –11 классов; выступать по радио, телевидению, в Интернете с пропагандой достижений современной ономастики.

6. Просить участников конференции подготовить информацию о заседаниях и прочитанных на них докладах для российских и зарубежных журналов.

7. Оргкомитету конференции «Ономастика Поволжья» рассмотреть вопрос о включении сборника материалов конференции в список ВАК.

8. Провести XXIII Международную научную конференцию «Ономастика Поволжья» в 2025 году на базе Астраханского государственного университета им. В.И. Татищева (председатель оргкомитета проф. М.Л. Лаптева).

* * *

X Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование»

22–23 октября 2024 г. в г. Минске состоялась **X Международная научная конференция «Русский язык: система и функционирование»**, посвященная 85-летию филологического факультета Белорусского государственного университета. Конференция была организована кафедрой русского языка филологического факультета БГУ при поддержке Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь и Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

В конференции приняли участие более 60 ученых из Беларуси, России, Вьетнама, Китая. Участники конференции представляли следующие университеты и научно-исследовательские организации: Воронежский государственный университет; Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина; Казанский (Приволжский) федеральный университет; Московский педагогический государственный университет; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Петрозаводский государственный университет; Российский государственный гуманитарный университет; Санкт-Петербургский государственный университет; Томский государственный университет; Удмуртский государственный университет; Белорусский государственный медицинский университет; Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; Белорусский государственный университет; Витебский государственный университет имени П. М. Машерова; Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины; Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; Международный университет «МИТСО»; Минский государственный лингвистический университет; Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова.

На открытии конференции выступили с приветственным словом проректор БГУ по научной работе Андрей Блохин, заместитель руководителя Представительства Россотрудничества в Республике Беларусь Александр Ленин, декан филологического факультета БГУ Сер-

гей Важник, вице-президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы Сергей Кузнецов.

На пленарном заседании доклады представили известные белорусские и российские ученые – доктора филологических наук: Сергей Кузнецов (СПбГУ), доклад «От функционально-коммуникативного анализа к коммуникативно-риторическому синтезу текста»; Нина Мечковская (БГУ), доклад «Зачем детям с родным русским языком понадобились окказиональные существительные и глаголы?»; Василий Стариченок (БГПУ им. М. Танка), доклад «Прямые и обратимые семантические модели в деструктивном континууме русского и белорусского языков»; Геннадий Ковалев (Воронежский гос. ун-т), доклад «Анекдот... после классики»; Екатерина Рахилина (НИУ ВШЭ), доклад «Микродиахронические исследования русского языка: новые задачи, новые инструменты, новые результаты»; Тамара Трофимович (БГПУ им. М. Танка), доклад «Белорусская пушкиниана: некоторые итоги существования и возможные перспективы развития»; Иван Ровдо (БГУ), доклад «Межъязыковое поле соответствий как объект сопоставительных и контрастивных исследований».

Г.Ф. Ковалев рассказал об особенностях употребления собственных имен в анекдотах, связанных с классиками русской литературы и их произведениями. Большая часть доклада была посвящена Александру Сергеевичу Пушкину, чей 225-летний юбилей широко отмечался в этом году во всем мире. Выступление профессора Ковалева было наполнено глубоким научным содержанием и тонким юмором, что вызвало неподдельный интерес участников конференции.

Работа секций проходила по следующим научным и научно-методическим направлениям:

1. Русский язык в диахроническом аспекте;
2. Традиционные и новые подходы в лексикологии, фразеологии, ономастике.
3. Грамматические категории современного русского языка (функциональный и прагматический аспекты).
4. Филологический анализ текста.
5. Русский язык в сопоставлении с другими языками, проблемы перевода.
6. Новые технологии в преподавании русского языка.

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики ВГУ Сергей Попов на секции «Традиционные и новые подходы в лексикологии, фразеологии, ономастике» выступил с докладом «Топонимический мартиролог как новый подход в ономастической лексикографии». На основе описания проблемы исчезнувших географических названий (топонимов) докладчик рассмотрел новый подход к ономастической лексикографии – топонимический мартиролог, который представляет собой перечень ойконимов, ушедших из официального употребления по причине переименования, слияния, присоединения, выделения или разделения населённых пунктов, а также ликвидации населённых пунктов. Сергей Попов выявило, что за последние десятилетия в Российской Федерации исчезло более сорока пяти тысяч наименований населённых пунктов: городов, посёлков городского типа, посёлков, рабочих, курортных и дачных посёлков, хуторов, деревень, сёл, пристанционных посёлков, выселков, улусов, слобод, железнодорожных станций, участков, кордонов и др. и доказал, что в настоящее время возникла острая необходимость зафиксировать и исследовать ушедшие географические названия, чтобы передать потомкам культурно-историческую информацию о России и её регионах, отразившуюся в топонимах, поскольку за каждым исчезнувшим ойконимом – своя история, человеческие судьбы. Докладчик также обосновал необходимость подготовки и издания большим тиражом регионального топонимического мартиролога в каждом субъекте Российской Федерации, который станет полноценным ономастическим словарём и позволит по-новому взглянуть на лексикографическое описание исчезнувших имён собственных.

Юбилейная конференция прошла на высоком научном уровне. Принято решение продолжить проведение подобных международных форумов, так как они укрепляют связи меж-

ду БГУ и белорусскими и зарубежными вузами, способствуют поддержанию профессиональных коммуникаций, обмену опытом и идеями, дают возможность продемонстрировать достижения отечественной филологической науки, в частности научных школ БГУ, а также позволяют молодым ученым развивать научно-исследовательские компетенции.

По результатам конференции планируется издание сборника материалов.

Правила оформления статей

Объем статей должен составлять не менее 4 и не более 10 страниц формата А4.

Статья должна включать:

- 1) УДК;
- 2) сведения об авторах на русском и английском языках (оформляются в виде таблицы без видимых границ, шрифт TimesNewRoman высотой 12, курсив): место работы, должность, ученая степень (если есть), фамилия и инициалы, страна, город, телефон;
- 3) инициалы и фамилии авторов (шрифт TimesNewRoman высотой 12, обычный, выравнивание по центру);
- 4) название статьи на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12, жирный, прописные буквы, выравнивание по центру, переносы не допускаются);
- 5) аннотацию (200–250 слов) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 6) ключевые слова (5–10 слов и словосочетаний) на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 10, выравнивание по ширине);
- 7) основной текст (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов с одинарным интервалом);
- 8) библиографический список на русском и английском языках (шрифт TimesNewRoman высотой 12 пунктов).

Поля слева и справа – по 2 см, снизу и сверху – по 2 см.

Выравнивание текста – по ширине.

Отступ первой строки абзаца – 1 см. Пожалуйста, не используйте клавишу «Пробел» для создания абзацных отступов (используйте меню «Абзац» на панели инструментов), а также для выравнивания текста (для этого используйте функцию «Выровнять по ширине» на панели инструментов).

Иллюстрации выполняются в векторном формате в графическом редакторе CorelDraw либо в любом из графических приложений MSOffice. Графики, рисунки и фотографии монтируются в тексте после первого упоминания о них в удобном для автора виде. Название иллюстраций (10 пт., обычный) дается под ними по центру после слова **Рис.** с порядковым номером (10 пт., обычный). Если рисунок в тексте один, номер не ставится. Точка после подписи не ставится. Между подписью к рисунку и текстом – 1 интервал. Все рисунки и фотографии должны иметь хороший контраст и разрешение не менее 300 dpi. Избегайте тонких линий в графиках (толщина линий должна быть не менее 0,2 мм). Рисунки в виде ксерокопий из книг и журналов, а также плохо отсканированные не принимаются.

Слово **Таблица** с порядковым номером размещается по правому краю. На следующей строке приводится название таблицы (выравнивание по центру без отступа) без точки в конце. После таблицы – пробел в 1 интервал. Единственная в статье таблица не нумеруется.

Ссылки на литературные источники в тексте заключаются в **квадратные скобки [1; с. 54–67], [2; т. 3, с. 4–6]** с указанием страниц.

Библиографический список приводится после текста статьи на русском и английском языках в соответствии с требованиями ГОСТ. Шрифт 12 пт., обычный, выравнивание по ширине страницы, абзац – 1 см. **Оформлять библиографический список необходимо в порядке упоминания работ в тексте статьи по ГОСТ Р 7.05-2008.**

Рекомендации по написанию аннотации и выбору ключевых слов

Аннотация (на русском и английском языках) обязательна. Объем аннотации – 200–250 слов. Задача автора – в 4–6 предложениях выразить суть исследуемой проблемы, ее актуальность и методы решения. Аннотация – это краткое содержание статьи. Структурно аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, тему, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы.

В тексте аннотации на английском языке следует применять терминологию, характерную для иностранных специальных текстов, а также следует применять значимые слова из текста статьи.

Ключевые слова (на русском и английском языках) – обязательны и должны содержать 5–10 слов и словосочетаний. Ключевые слова и словосочетания отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова, составляющие семантическое ядро статьи, являются перечнем основных понятий и категорий, служащих для описания исследуемой проблемы.

Пример оформления статьи

УДК 811.161.1

*Гуманитарный институт филиала
Северного (Арктического) федерального
университета имени М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры
языкознания
Морозова Н.С.
Россия, г. Северодвинск,
тел. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

*Institute of Humanities of Northern
(Arctic) Federal University named after
M.V. Lomonosov
The department of linguistics
PhD, senior lecturer

Morozova N.S.
Russia, Severodvinsk,
tel. +7(88182)53-84-00
e-mail: morozovanadegda@mail.ru*

Н.С. Морозова

ОБРАЗ ПЕРВОГО СНЕГА В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ МИРА

В статье рассматривается один из значимых фрагментов русской художественной картины мира – первый снег... (200-250 слов).

Ключевые слова: художественная модель мира, художественный образ, признаки образа, ...

N.S. Morozova

IMAGE OF THE FIRST SNOW IN RUSSIAN POETIC MODEL OF THE WORLD

The article deals with one of the important fragment of Russian aesthetic picture of the world – the first snow.

Key words: aesthetic picture of the world, fiction image, fiction conceptualization, image features, ...

Первый снег – одно из таинств природы, красота которого волновала поэтов еще в XIX в.: его воспевали П.А. Вяземский, А.М. Жемчужников, А.П. Бунина и др. Несомненно, певцом первого снега в русской поэзии по праву считается П.А. Вяземский, сумевший воссоздать прелесть *нежного баловня полуденной природы, сына пасмурных небесполуденной страны* [1]. Поэт не только передал красоту этого явления природы, но и смог средствами поэтического языка изобразить русскую зиму, создав классический шедевр, на что обращали внимания его современники и исследователи творчества, в т. ч. Л.Я. Гинзбург [2].

Текст, текст, текст.....

Библиографический список

1. Сорокина К.И. Элегия П.А. Вяземского «Первый снег» в творчестве А.С. Пушкина. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (дата обращения – 15.05.2019).
2. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.: Интрада, 1997. 415 с.

References

1. Sorokina K.I. The elegy «The First Snow» by P.A. Vyazemsky in Pushkin's works. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/> (accessed – 15.05.2019).
2. Ginzburg L.Y. About lyrics. M., 1997. 415 p.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

№ 4(55) 2024

Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Дата выхода в свет: 25.12.2024. Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 25,4. Усл. печ. л. 26,2. Тираж 26 экз. Заказ № 295
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84